ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Виниченко Юлия Вараздатовна

ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор
Асланян Наталья Павловна

Иркутск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ... 3

ГЛАВА 1. НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ... 35

§ 1. Гносеологические предпосылки формирования цивилистического понятийного аппрата макроюридического уровня и место в них категории «гражданский оборот» ... 35

§ 2. Онтологические предпосылки цивилистического познания гражданского оборота: дискурсивный анализ доктринальных представлений ... 65

§ 3. Методологические предпосылки цивилистического познания гражданского оборота ... 93

§ 4. Теоретические предпосылки построения цивилистической теории гражданского оборота ... 119

ГЛАВА 2. ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТОНИКА СОСТАВА И СТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ... 137

§ 1. Субъекты как элемент состава системы гражданского оборота ... 137

§ 2. Объекты как элемент состава системы гражданского оборота ... 159

§ 3. Структура (виды отношений) системы гражданского оборота ... 184

ГЛАВА 3. ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ... 208

§ 1. Общие положения о функционировании системы гражданского оборота ... 208

§ 2. Механизм функционирования системы гражданского оборота ... 228

§ 3. Начала функционирования системы гражданского оборота и место в их числе норм позитивного права ... 245

ГЛАВА 4. ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ ФОРМАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ... 266

§ 1. Политико-правовые начала регулирования гражданского оборота ... 266

§ 2. Общая характеристика средств и тип правового регулирования гражданского оборота ... 292

§ 3. Виды гражданско-правового регулирования гражданского оборота ... 323

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 357

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ... 362

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования находит выражение через следующие аспекты.

Социально-экономический аспект. Современная социальная метасистема, представленная обществом, немыслима без сбалансированного обмена благами, удовлетворяющими потребности членов общества. Эффективность такого обмена, получившего устойчивое терминологическое обозначение «гражданский оборот», во многом зависит от качества его нормирования, потенциально ожидаемого в развитом правопорядке от законодателя. В этом смысле гармонично функционирующий экономический оборот является атрибутивно-конституирующим признаком гражданского общества, что детерминирует интерес государства к обеспечению справедливости и устойчивости такого обмена как ключевого направления его деятельности.

Усложнение социально-экономических отношений, происходящее под воздействием научно-технического прогресса, повлекшего возникновение качественно новых явлений, предопределяет необходимость решения новых научных задач, сопряженных с цифровизацией гражданского оборота. Появление фактических отношений, объектом которых выступают неизвестные до этого действующему правопорядку цифровые и виртуальные блага, свидетельствует о новых тенденциях экономического развития, нуждающихся в соответствующей нормативной платформе. Цифровая трансформация, провозглашенная указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[1] в качестве одной из пяти национальных целей Российской Федерации, актуализирует объективную потребность в построении цивилистической теории гражданского оборота, учитывающей обозначенные тренды.

Идея необходимости обеспечения стабильности (устойчивости) гражданского оборота была провозглашена в числе основных в ходе реформирования рос-

[1] Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

сийского гражданского законодательства[2], что поставило перед правоведами задачу выработки правового механизма ее реализации. Юридическим сообществом и отечественным законодателем проделана значительная работа в данном направлении, между тем констатировать сформированность стабильного гражданского оборота пока преждевременно: несмотря на соответствующие изменения и дополнения отдельных нормативных установлений, формирование и воплощение на практике релевантных правовых позиций высших судебных инстанций, в сфере оборота имущественных благ по-прежнему, как показывает эмпирический опыт, широко распространены деструктивные явления и процессы в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения участниками оборота принятых на себя обязательств, оспаривания сделок и зарегистрированных прав на недвижимость, обхода закона и иных злоупоребительных действий субъектов, бесхозяйности вещей и др. Все это сохраняет актуальность дальнейших усилий по выработке механизма, определению эффективных средств правового регулирования гражданского оборота и, главное, – необходимость построения такой правовой модели его регулирования, которая, соответствуя вызовам времени и отвечая запросам участников рынка, будет тем не менее основана на социально значимом балансе частных и публичных интересов. Решение этих задач невозможно без познания сущности и понимания организации гражданского оборота как юридически значимого феномена, выявления факторов, обусловливающих его функционирование, раскрыть которые в свою очередь позволит разработка цивилистической теории гражданского оборота, базирующейся на восприятии последнего как системы общественных отношений, выступающей предметом гражданско-правового регулирования.

Правотворческий аспект. Отечественная система права в силу принятого деления на отрасли под влиянием социально-экономических и иных преобразований тяготеет к дифференциации, проявляющейся в периодическом обосновании отраслевой самостоятельности определенных групп правовых норм, регулирующих те или иные «специфические» общественные отношения. Особенность граждан-

[2] См.: положения п. 9 разд. I, п. 5.2.1. разд. II, п. 2.4.1 подр. 2.4 разд. VI Концепции развития гражданского законодательства РФ (одобр. Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11).

ского оборота в данной связи уже даже в первом приближении, безотносительно к тем или иным доктринальным подходам к его пониманию, заключается в том, что как феномен, несмотря на свое обозначение («гражданский»), он вряд ли может быть четко и однозначно соотнесен с какой-то одной определенной отраслью права, а именно с правом гражданским и, более того, со сферой правового регулирования (частной или публичной). В пользу этого свидетельствует как отмеченная общая социальная значимость сферы гражданского оборота, так и наличие в ней объектов, правила оборота которых и правовые последствия их нарушения устанавливаются с привлечением термина «гражданский оборот» в том числе публично-правовыми нормами, при том, однако, что в целом по своей природе (исходя, прежде всего, из отсутствия власти-подчинения между субъектами) отношения гражданского оборота являются частноправовыми. Данное обстоятельство обусловливает необходимость выявления взаимосвязи и «синхронизацию» норм отдельных отраслей права в регулировании отношений гражданского оборота (включая унификацию используемого понятийно-терминологического аппарата), выбора на этапе принятия тех норм и определения с целью законодательного изменения тех правовых институтов, которые способны оказать на гражданский оборот действенное и оптимальное влияние, что также актуализирует разработку цивилистической теории гражданского оборота.

При этом, исходя из стратегической важности гражданского оборота как сферы перераспределения имущественных благ, необходимой и значимой для жизнеобеспечения не только отдельных частных лиц, но и общества и государства в целом, вопросы его правового регулирования не являются «чисто юридическими». Нормативно-правовое воздействие на гражданский оборот немыслимо вне контекста общей политики государства, что трансформирует правотворческий аспект актуальности теории гражданского оборота в аспект *политико-правовой*.

Отражая социально-экономические, политические и иные изменения в обществе, система позитивного права объективно нуждается в изменениях и систематически подвергается им. Однако оправданность и необходимость принятия тех или иных принципиально новых или корректировка имеющихся законодательных

положений подлежит предварительному научному анализу. В частности, анализ гражданского оборота, функционирующего в цифровой среде или с использованием цифровых технологий, охватывая в числе прочих решение вопроса о мере специфичности таких отношений с позиций нормативной регламентации, как следствие, позволит определить допустимость применения к ним имеющихся правовых средств, исключив в таком случае острую необходимость корректировки существующего законодательного регулирования идентичных «традиционных» (не «цифровых») отношений.

Правоприменительный аспект. Общему колоссальному объему отношений, образующих в своем единстве систему гражданского оборота, прямо пропорционально количество охранительных (конфликтных) отношений в данной сфере. При этом практика российских судов дает множество примеров, когда, решая вопрос о предоставлении правовой защиты отдельным частным лицам либо об отказе в удовлетворении заявленных требований, правоприменители прямо указывают на потребности или нужды самого гражданского оборота, апеллируют к ним как к критерию такой защиты. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне профессиональной компетенции судей, разрешающих экономические споры, не снимая в то же время имеющиеся сложности с интерпретацией и применением норм об условиях гражданского оборота (какие условия оборота следует считать «обычными»), о введении объектов в гражданский оборот (в части определения момента такого введения), об оборотоспособности и правовом режиме отдельных видов объектов и квалификации ситуаций, связанных с их оборотом (в частности, недвижимости, информации, цифрового и виртуального имущества), о сфере применения отдельных презумптивных положений (в частности, о распространении презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений на отношения виндикации), о компетенции региональных и местных органов власти по принятию правовых актов в сфере гражданского оборота (при установлении норм позитивного права, подлежащих применению для квалификации и определения юридических последствий действий участников оборота) и др. Способствовать практическому решению обозначенных и иных вопросов призвана их теоре-

тическая разработка в рамках предлагаемой в настоящей работе частной цивилистической теории гражданского оборота.

Доктринальный аспект. Легальное определение гражданского оборота и производных от него выражений отсутствует. Законодатель, в задачи которого и не входит обязательное определение используемых правовых понятий, равно как и правоприменители оправданно полагаются в решении вопроса их содержательного наполнения на доктрину, ожидая приемлемых дефиниций от ученых. Между тем единообразное и непротиворечивое понимание, общепризнанное определение гражданского оборота в гражданско-правовой науке на настоящий момент также не выработано (а исходя из отмеченной частноправовой природы отношений гражданского оборота, именно цивилистика, несмотря на обозначенное межотраслевое значение категории «гражданский оборот», должна взять на себя бремя ее теоретической разработки, предложив модель ее восприятия всему остальному юридическому сообществу в качестве стереотипного шаблона).

В то же время в отечественной цивилистике все же устоялась некоторая традиция в трактовке гражданского оборота, а именно понимание его как правовой формы экономического оборота (предлагаем называть этот подход формальным). Однако сложившееся и укоренившееся в российском гражданском правоведении восприятие гражданского оборота исключительно в таком качестве нуждается в переосмыслении. Так, в рамках формального подхода к пониманию гражданского оборота такие в том числе законодательно используемые термины и понятия, как «участники гражданского оборота», «объекты гражданского оборота», «введение (объектов) в гражданский оборот», «потребности гражданского оборота» являются абсурдными, поскольку очевидно, что ни участников, ни объектов, ни потребностей у правовой формы быть не может. Отмеченное формальное понимание гражданского оборота не отражает и не позволяет объяснить и все современные явления, сопряженные с оборотом имущественных благ, в частности, широко распространенный ныне оборот объектов в цифровой среде или с использованием цифровых технологий, поскольку ввиду неурегулированности позитивным правом часть подобных отношений, не имея правовой формы, включению в граждан-

ский оборот с позиций формального подхода к пониманию последнего не подлежит. Наконец, понимание гражданского оборота как правовой формы исключает и теоретическую разработку вопросов его гражданско-правового регулирования, так как предметом правового регулирования выступают, как известно, отношения субъектов, но никак не правовые формы. Вследствие этого не исследованными вовсе в цивилистической доктрине остаются значимые с позиций гражданско-правового регулирования возможные и фактически существующие формы, механизм и начала функционирования гражданского оборота, впрочем, как и собственно тип, принципы, виды и отдельные средства правового регулирования гражданского оборота.

На настоящий момент изучение сущности гражданского оборота, формирование адекватного системного представления о нем, необходимое для эффективного правового регулирования данной сферы общественных отношений, подменяется изолированным рассмотрением отдельных аспектов гражданского оборота – его субъектов, объектов, фактов, отношений и др. В итоге, чтобы сформировать более или менее полное представление о гражданском обороте, следует провести ревизию множества разрозненных взглядов и теорий, в которых используется соответствующий термин.

Кроме этого, в отечественном гражданском правоведении имеется ряд иных вопросов дискуссионного характера, сопряженных с пониманием гражданского оборота, а именно: о понятии оборотоспособности и градации объектов гражданских прав по данному критерию; о допустимости включения в гражданский оборот фактических (не связанных с переходом прав), безвозмездных, односторонних и неправомерных действий; о «динамическом» характере гражданского оборота.

Все перечисленное отчетливо указывает на наличие в отечественной цивилистической доктрине проблемы понимания гражданского оборота, состоящей в отсутствии единообразного, адекватного, целостного и полного представления о феномене, обозначаемом термином «гражданский оборот», которая негативно проявляется в неоднозначности и противоречивости законодательных установлений, касающихся правового регулирования данной сферы общества, как след-

ствие, порождая сложности и лишая единообразия применение этих установлений на практике.

Решение данной проблемы посредством разработки цивилистической теории, которая основана на методологических постулатах, позволяющих устранить указанные пробелы и противоречия в системе знаний о гражданском обороте, включает в свое содержание закономерно взаимосвязанные понятийные ряды, обозначающие в категориальном аппарате цивилистической доктрины отношения самого гражданского оборота как юридически значимой системы социальных связей и правовое регулирование этих отношений, и формирует тем самым адекватное, целостное и полное представление о гражданском обороте как предмете гражданско-правового регулирования, представляется теоретически и практически значимым, а потому безусловно актуальным.

Степень разработанности научной проблемы. В отечественной юриспруденции основы теоретической разработки гражданского оборота заложили дореволюционные правоведы (Ю.С. Гамбаров, С.А. Муромцев, В.И. Синайский, Е.Н. Трубецкой, Г.Ф. Шершеневич и др.), которые специальных работ его рассмотрению не посвящали, но уделяли ему внимание в курсах по гражданскому и торговому праву, освещая те или иные его аспекты в контексте вопросов о делении вещей на «оборотные» и «внеоборотные», о понятии гражданского правоотношения, об истории права собственности, об отграничении гражданского оборота от торгового оборота и т. д.

Развитие учения о гражданском обороте было начато в советский период в работах С.Н. Братуся, А.В. Дозорцева, О.А. Красавчикова и др. Именно тогда была написана первая работа, посвященная гражданскому обороту (Красавчиков О.А. «Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья)». М., 1957 г.), и сформировался преобладающий ныне взгляд на него как на правовую надстройку к экономическому базису, правовую форму экономического оборота.

На современном этапе развития цивилистической доктрины имеется значительное количество научных работ, связанных с изучением гражданского оборота, однако почти все они основаны на формальном подходе к его пониманию и по-

священы теоретической разработке отдельных его аспектов, преимущественно – вопроса об объектах гражданского оборота. Исследованию определенных видов объектов гражданского оборота, в том числе их оборотоспособности, посвящены диссертации М.А. Астаховой, Е.В. Агапеевой, В.В. Байбака, В.М. Баранова, Е.А. Барановой, Т.В. Беловой, Т.А. Бикетовой, С.Н. Бритвина, О.Г. Васнева, Р.Ф. Галеевой, А.В. Головизнина, Г.Э. Добрякова, С.Е. Долгаева, Е.В. Ельниковой, Д.В. Жернакова, Д.А. Матвеева, Н.С. Михайловой, А.А. Морозова, Д.С. Некрестьянова, Р.М. Олимовой, Т.А. Пасиковой, И.А. Полуяхтова, Р.А. Ражкова, О.А. Рутковской, Н.С. Филимонова, Н.В. Цуглаевой, Е.В. Шаповаловой и др. Особенности участия в гражданском обороте отдельных категорий субъектов рассмотрены в диссертациях Б.Б. Инжиевой, К.С. Мамажанова, Б.Б. Эбзеева и др. Характеристика отдельных видов юридических фактов «в гражданском обороте» дана в диссертациях Н.С. Апаликова, И.Л. Грековой, Т.А. Еремкиной, М.Р. Каримова, О.Ю. Савельевой и др. В современных условиях в центре внимания ученых оказались вопросы цифрового гражданского оборота, отдельные аспекты которого получили теоретическую разработку в работах Л.Ю. Василевской, В.А. Вайнапа, А.А. Карцхии, Е.Е. Кирсановой, Е.Б. Подузовой, М.А. Рожковой и др.

Значимой с позиций научного познания гражданского оборота в данной связи является докторская диссертация В.А. Петрушкина «Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики» (М., 2014 г.). Несмотря на то, что в этой работе анализируется только оборот недвижимости, ее автор обозначил проблему отсутствия в отечественной науке теории гражданского оборота, а сам гражданский оборот исследовал не как правовую форму экономического оборота, а как сферу общественных отношений.

Отдельные аспекты гражданского оборота разрабатывают также представители иных отраслей правоведения: земельного, природоресурсного, экологического и аграрного права (В.В. Романова), уголовного права и криминологии (А.В. Дранников, М.С. Ласточкина, А.В. Пантюхин и др.), административного права (П.В. Алексий, В.Н. Васин и др.).

Рассмотрению собственно гражданского оборота в современной литературе посвящен только ряд научных статей (например, М.А. Астаховой, А.В. Захаркиной, Б.Б. Инжиевой, А.В. Руденко, С.Б. Цветкова, К.В. Храмцова, Б.Б. Эбзеева), в числе которых следует выделить статью Б.Б. Эбзеева «Гражданский оборот: понятие и юридическая природа», отличающуюся высоким теоретическим уровнем и по существу являющуюся первой в современной отечественной цивилистике работой, посвященной проблеме общего понимания гражданского оборота. Единственным на настоящий момент российским учебным изданием, в котором понятию гражданского оборота посвящен отдельный раздел, является учебник по гражданскому праву В.А. Белова (Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты. М., 2011).

Вместе с тем на монографическом уровне гражданский оборот самостоятельным предметом анализа в науке гражданского права не становился. Такое исследование впервые предпринято в настоящей диссертации.

Цель и задачи исследования.

Целью диссертационного исследования является построение цивилистической теории гражданского оборота, включающей в свое содержание положения, принципы и понятийно-категориальный аппарат, отображающие закономерности развития гражданского оборота как объекта цивилистического познания и дающие целостное, полное, адекватное и непротиворечивое представление о данном феномене, способное составить научно обоснованную теоретическую основу его эффективного и оптимального гражданско-правового регулирования.

Достижение данной цели обусловило постановку и решение **трех блоков исследовательских задач**: определения теоретико-методологических основ исследования гражданского оборота; формирования адекватного научного представления о феномене гражданского оборота как предмете гражданско-правового регулирования посредством системного описания последнего как социального феномена; представления общей характеристики ключевых аспектов гражданско-правового регулирования гражданского оборота. Таким образом, были сформулированы следующие **основные задачи исследования**:

1) проанализировать актуальную познавательную ситуацию в области исследования гражданского оборота;

2) дать оценку сложившемуся в отечественной цивилистической доктрине пониманию гражданского оборота как правовой формы экономического оборота;

3) выявить используемые и эффективные средства цивилистического исследования гражданского оборота;

4) определить предметную область, концептуальные основы, принципы, категории и закономерности (понятийные ряды) формируемой научной теории гражданского оборота; сформулировать дефиницию гражданского оборота;

5) выявить виды и свойства субъектов гражданского оборота как элемента системы гражданского оборота;

6) выявить виды и свойства объектов гражданского оборота как элемента системы гражданского оборота;

7) определить виды общественных отношений, образующих структуру системы гражданского оборота;

8) сформировать общее представление о функционировании гражданского оборота;

9) выявить и охарактеризовать элементы механизма функционирования гражданского оборота;

10) выявить факторы, обусловливающие функционирование гражданского оборота, и определить место в их числе политико-правовых начал и норм позитивного гражданского права;

11) определить средства и тип правового регулирования гражданского оборота;

12) установить соотношение гражданского оборота и предмета отрасли гражданского права;

13) выявить виды гражданско-правового регулирования гражданского оборота и определить источники его нормативного правового регулирования, в том числе с позиций взаимосвязи отдельных отраслей российского права; установить и дать общую характеристику возможных нормативных оснований, видов и правовых средств индивидуального правового регулирования гражданского оборота.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в связи с оборотом имущественных благ и его гражданско-правовым регулированием. **Предмет исследования** составили отраженные в доктринальных источниках, нормах отечественного, зарубежного и международного частного права, правоприменительной практике научные представления и нормативные положения о гражданском обороте.

Теоретическая основа исследования. Комплексная разработка темы обусловила обращение к трудам представителей различных областей знаний – теории и истории права, цивилистики, компаративистики, философии, истории, социологии, психологии, экономики, языкознания, методологии, системологии и др.

Теоретический фундамент исследования составили:

– труды дореволюционных правоведов Е.В. Васьковского, М.Ф. Владимирского-Буданова, Ю.С. Гамбарова, Д.Д. Гримма, Н.Л. Дювернуа, Д.И. Мейера, С.А. Муромцева, С.В. Пахмана, И.А. Покровского, В.И. Синайского, Е.Н. Трубецкого, В.М. Хвостова, Г.Ф. Шершеневича и др., работы советских и современных ученых по теории и методологии права – С.С. Алексеева, А.М. Васильева, Т.В. Кашаниной, Д.А. Керимова, В.П. Малахова, Г.В. Мальцева, М.Н. Марченко, И.А. Минникеса, В.Д. Перевалова, В.Н. Протасова, Н.А. Пьянова, В.М. Сырых, Н.Н. Тарасова, А.Ф. Черданцева и др., цивилистике – Н.П. Асланян, Н.А. Баринова, В.А. Белова, В.С. Белых, В.В. Богдан, С.Н. Братуся, Л.Ю. Василевской, В.В. Витрянского, В.А. Габова, В.Г. Голубцова, Б.М. Гонгало, А.В. Дозорцева, Н.Д. Егорова, В.В. Зайцева, О.С. Иоффе, А.Г. Карапетова, Е.Г. Комиссаровой, О.А. Красавчикова, Е.А. Крашенинникова, О.А. Кузнецовой, В.А. Лапача, Ю.Г. Лесковой, А.Л. Маковского, С.Ю. Морозова, Е.Я. Мотовиловкера, И.Б. Новицкого, В.А. Петрушкина, Е.Б. Подузовой, И.А. Полуяхтова, Б.И. Пугинского, В.А. Рахмиловича, В.В. Ровного, М.А. Рожковой, М.Н. Семякина, О.А. Серовой, Е.А. Суханова, М.Ю. Челышева, Б.Б. Черепахина, Б.Б. Эбзеева, В.Ф. Яковлева и др.

– работы специалистов в области методологии науки И.В. Блауберга, М.С. Кагана, А.А. Малиновского, И.В. Прангишвили, Ю.М. Резника, Г.И. Рузавина, В.Н. Сагатовского, В.Н. Садовского, А.И. Уемова, Э.Г. Юдина и др.

В диссертации применялись также работы российских и зарубежных социологов и психологов: А.Г. Здравомыслова, А.Х. Маслоу, Т. Парсонса; историков и философов: В.П. Алексеева, И.Д. Беляева, Т. Куна, А.С. Майданова, А.В. Панина, А.И. Першица, Г. Райла, В.С. Степина, А.П. Шептулина; экономистов: А.И. Каценелинбойгена, К. Менгера и др.

Для обоснования отдельных теоретических выводов в работе использованы нормативные источники и памятники русского права.

Методологическую основу исследования составила система детерминированных особенностями объекта и предмета исследования взаимосвязанных общенаучных и частнонаучных способов познания, применение которых обеспечило решение поставленных задач и достижение цели диссертационной работы, достоверность отдельных суждений и выводов. В исследовании использованы следующие основные методы познания.

Диалектический метод использовался при анализе многообразия научных представлений и нормативных положений о гражданском обороте и его гражданско-правовом регулировании в их развитии, единстве и взаимосвязи, что позволило выявить сущность гражданского оборота (§ 2 гл. 1), установить закономерности и тенденции его функционирования (§ 1 гл. 3) и определить обусловленные этим действенные правовые нормы и институты, необходимые и оптимальные направления и принципы, а также возможные уровни его государственно-правового регулирования (§ 3 гл. 2, § 1 гл. 4, § 3 гл. 4).

Исторический метод использовался при рассмотрении генезиса теоретических взглядов на гражданский оборот (§§ 1–3 гл. 1), ретроспективном освещении регламентирующих его правовых норм и содержащих соответствующие положения нормативно-правовых актов (§ 3 гл. 4); но главным образом его применение было необходимо для выявления начал (факторов) функционирования гражданского оборота, позволив обосновать онтологический (а не производно-юридический) характер феномена гражданского оборота (§ 3 гл. 3, § 1 гл. 4).

Системный подход использовался при формировании всестороннего, целостного и непротиворечивого представления о гражданском обороте как предмете

гражданско-правового регулирования. Применение этого подхода позволило выявить природу (§ 2 гл. 1) и внутреннюю организацию гражданского оборота как предмета гражданско-правового регулирования (гл. 2) и на этой основе обосновать, какие нормы позитивного права оказывают на функционирование оборота наиболее действенное влияние, а также предложить решение ряда дискуссионных в отечественном правоведении вопросов, связанных с пониманием гражданского оборота – о градации объектов гражданских прав по критерию оборотоспособности, о допустимости включения в гражданский оборот фактических (не связанных с переходом прав), безвозмездных, односторонних и неправомерных действий, о «динамическом» характере гражданского оборота. Системный подход использовался при выявлении закономерностей (построении понятийных рядов) формируемой цивилистической теории гражданского оборота (§ 4 гл. 1) и при определении принципов правового регулирования гражданского оборота (§ 1 гл. 4).

Формально-юридический (догматический) метод использовался на протяжении всей работы для сущностной и понятийной интерпретации отдельных доктринальных позиций, положений действующего законодательства, правоприменительной практики о гражданском обороте с точки зрения имеющихся цивилистических конструкций, теорий и концепций, предопределив концептуальную основу и категориальный аппарат предлагаемой частной научной теории гражданского оборота (§ 4 гл. 1).

Герменевтический метод использовался при интерпретации текста конкретных норм российского законодательства, касающихся правовой регламентации гражданского оборота. Их логическое, функциональное, лингвистическое, доктринальное и системное толкование позволило раскрыть содержание законодательно используемых понятий «введение объектов в гражданский оборот» (§ 2 гл. 2), «обычные условия гражданского оборота» (§ 1 гл. 4), а также установить взаимодействие норм отдельных отраслей права в регулировании гражданского оборота (§ 2 гл. 4), источники нормативного правового регулирования гражданского оборота и соответствующую компетенцию органов государственной власти и местного самоуправления (§ 3 гл. 4).

Сравнительно-правовой метод использовался при анализе законодательной фиксации и доктринальной трактовки понятия (гражданского) оборота и связанных с этим положений в различных государствах – с целью выявления имеющихся сходств и различий, потенциально способствующих или препятствующих развитию гражданского оборота, (в цивилистической терминологии) «обремененного иностранным элементом», а также с целью возможной рецепции наиболее удачных юридико-технических либо доктринальных решений. Однако применение этого метода, в частности, сравнение положений об оборотоспособности объектов гражданских прав и вещах, изъятых из (гражданского) оборота (§ 3 гл. 1), позволило констатировать наднациональный характер проблемы понимания гражданского оборота, а именно в равной мере свойственную праву различных государств терминологическую и категориальную противоречивость характеристики последнего, усугубляемую неоднозначностью внутринациональных подходов к трактовке отдельных правовых терминов, связанных с пониманием гражданского оборота.

Статистический метод использовался при исследовании вопроса о видах отношений системы гражданского оборота. Данный метод позволил привести дополнительные аргументы в пользу необходимости включения в систему связей, образующих структуру гражданского оборота, в том числе безвозмездных отношений (§ 3 гл. 2).

Логический метод использовался на протяжении всего исследования, позволяя делать умозаключения, формулировать определения и обосновывать их. В частности, формально-логический анализ доктринальных взглядов на гражданский оборот позволил выявить имеющиеся противоречия, недостатки актуальной познавательной ситуации в сфере его изучения и обосновать свое видение решения проблемы (гл. 1). Данный метод использовался при выявлении соотношения гражданского оборота с иными явлениями – с экономическим оборотом (§ 2 гл. 1), с предметом гражданского права (§ 2 гл. 4), а также при систематике и классификации отдельных теоретических положений – о свойствах субъектов и объектов гражданского оборота (§§ 1, 2 гл. 2), о видах объектов гражданских прав (§ 2 гл. 2), о формах, элементах механизма и началах функционирования граждан-

ского оборота (гл. 3). Использование этого метода необходимо сопровождало анализ содержания и источников норм, связанных с правовым регулированием гражданского оборота (§ 3 гл. 1, § 3 гл. 4). С помощью формальной логики были обоснованы иные значимые тезисы – о предметной области и концептуальной основе частной научной теории гражданского оборота (§ 4 гл. 1), о типе правового регулирования гражданского оборота (§ 2 гл. 4), о правовом характере индивидуального регулирования гражданского оборота (§ 3 гл. 4).

В процессе исследования использовались и иные методы научного познания.

При построении цивилистической теории гражданского оборота, в качестве ее концептуальной (методологической) основы, автор опирался на общую по отношению к ней теорию гражданско-правового регулирования.

Информационная база исследования. Нормативную основу исследования составили положения Конституции РФ, российского гражданского и иного отраслевого законодательства и подзаконных нормативных правовых актов, а также гражданско-правовые акты ряда зарубежных государств, содержащие нормы, связанные с оборотом имущественных благ.

Диссертационное исследование носит теоретический характер. Вместе с тем в ходе исследования в качестве эмпирической базы была проанализирована практика высших судебных инстанций РФ, решения отечественных арбитражных судов и судов общей юрисдикции по делам либо связанным с применением норм, содержащих термин «оборот» и его производных, либо значимых с позиций защиты как прав и интересов участников гражданского оборота, так и потребностей и стабильности самого гражданского оборота как системы.

Обоснованность и достоверность результатов исследования. Достоверность выводов и положений диссертационного исследования подтверждается его теоретической, методологической, нормативной и эмпирической основой – анализом российского и зарубежного законодательства, правоприменительной практики, изучением и критическим осмыслением трудов российских и зарубежных ученых в различных областях знания (права, философии, экономики, системологии и др.).

Научная новизна исследования заключается в том, что в гражданско-правовой науке впервые разработана концептуально организованная система научных представлений – частная цивилистическая теория гражданского оборота, предметную область которой образуют организация и закономерности функционирования гражданского оборота как системы общественных отношений, удовлетворяющей социальную потребность в обмене имущественными благами и опосредующей удовлетворение индивидуальных потребностей частных субъектов за счет «чужих» объектов, а также обусловленные этими закономерностями направления и особенности гражданско-правового регулирования данной сферы.

Концептуальную основу частной цивилистической теории гражданского оборота составили теория гражданско-правового регулирования и положения общей теории систем. Благодаря избранной методологии в диссертации дана системная характеристика гражданского оборота как предмета гражданско-правового регулирования, а именно: выявлены значимые с позиций гражданско-правового регулирования свойства субъектов и объектов как элементов системы гражданского оборота, виды образующих структуру гражданского оборота отношений, а также формы и механизм функционирования гражданского оборота; выявлены и систематизированы факторы, обусловливающие функционирование гражданского оборота, и определено место в их числе политико-правовых начал и норм позитивного гражданского права; определены правовые средства, при помощи которых осуществляется упорядочение составляющих гражданский оборот отношений, и тип правового регулирования гражданского оборота; установлено соотношение гражданского оборота с предметом отрасли гражданского права; определены источники нормативного правового регулирования гражданского оборота и соответствующая компетенция органов государственной власти и местного самоуправления; установлена и дана общая характеристика возможных нормативных оснований, видов и правовых средств индивидуального правового регулирования гражданского оборота.

Обоснована закономерная взаимосвязь всех отмеченных элементов предлагаемой теории.

На защиту выносятся следующие положения, отражающие научную новизну проведенного исследования:

1. Под гражданским оборотом предложено понимать объективно существующую самоорганизующуюся систему общественных отношений, опосредующую удовлетворение индивидуальных потребностей частных субъектов за счет «чужих» благ путем фактической и/или юридической смены обладателей материальных (в т.ч. цифровых и виртуальных) объектов и субъективных гражданских прав и обязанностей, и выступающую в силу своей социальной значимости предметом правового, в том числе гражданско-правового регулирования.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 1, 2, 5 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

2. Установлены *гносеологические предпосылки* формирования цивилистической теории гражданского оборота: (1) парадигмальный статус системы знаний о гражданском обороте, занимающем самостоятельное место в цивилистическом категориальном аппарате макроюридического уровня, детерминирует ее нормирующий исследовательский потенциал; (2) вариативность доктринальных представлений о гражданском обороте находит воплощение в таких концептуальных дихотомиях, как понимание последнего в качестве совокупности чего-либо/процессе перехода чего-либо; совокупности юридических фактов/совокупности гражданско-правовых отношений; узкого (только относительных отношений)/широкого (относительных и абсолютных отношений) подходов.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 1 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

3. Обоснованы *онтологические предпосылки* цивилистического познания гражданского оборота: (1) теория правовой формы, являющаяся основой традиционного формального концепта, при котором гражданский оборот трактуется в качестве правовой формы экономического оборота, неоправданно сужает этот феномен до его исключительно гносеологического содержания, что должно быть квалифицировано в качестве категориальной ошибки; (2) онтологический статус гражданского оборота предполагает восприятие последнего в качестве системы

экономических отношений, являющихся неотъемлемым элементом социальной метасистемы (общества); (3) феноменологическое тождество экономического и гражданского оборота в совокупности с их однопорядковым онтологическим статусом предопределяют некорректность дефинирования гражданского оборота как правовой формы экономического оборота.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 1 и 5 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

4. Определены *методологические предпосылки* исследования гражданского оборота: (1) диалектическое мировоззрение в совокупности с общенаучными и частнонаучными методами познания позволяют выяснить актуальную познавательную ситуацию при формировании теории гражданского оборота; (2) теоретико-познавательные возможности исторического (в том числе в части ретроспективного установления условий отдельных законодательных решений), формально-логического (в том числе в части уточнения смысловых оттенков, придаваемых законодателем понятию «оборот») и сравнительно-правового (в том числе в части выявления иностранного аналога, семантически точно передающего смысл русскоязычного термина «оборотоспособность») методов познания гражданского оборота имеют инструментальные границы, за пределами которых они элиминируются; (3) эффективность системного подхода к исследованию гражданского оборота детерминирована его эвристическим потенциалом в части познания сущности гражданского оборота, признания последнего предметом правового регулирования, а также футуристического прогнозирования с целью принятия оптимальных законотворческих решений.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 1 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

5. Уточнены *теоретические предпосылки* построения цивилистической теории гражданского оборота: (1) высокая социальная значимость общественных отношений обмена (оборот) имущественными благами обусловливает потребность в построении цивилистической теории гражданского оборота с целью повышения эффективности частноправового регулирования соответствующих отношений;

(2) при решении на основе методологических регулятивов этой науковедческой задачи следует учитывать ее научный статус (частная цивилистическая теория), концептуальную основу (теорию гражданско-правового регулирования и общенаучную теорию систем), а также фундаментальный характер (способна охватить все сферы гражданского права); (3) системный подход к восприятию и построению теории гражданского оборота, системообразующим признаком которой признана цель гражданского оборота (опосредовать удовлетворение потребностей субъектов за счет «чужих» благ), предопределяет возможность построения такой теории через призму трех подсистем: цивилистической архитектоники системы гражданского оборота (включающей ее субъектов, объекты и структуру), цивилистической модели функционирования гражданского оборота (включающей формы, механизм и начала его функционирования), а также цивилистической формализации гражданского оборота (включающей принципы, тип, средства и виды правового регулирования гражданского оборота).

Выносимое на защиту положение соответствует п. 1 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

6. Аргументировано, что субъекты гражданского оборота, представленные физическими лицами, юридическими лицами и публично-правовыми образованиями, отличаются специфическими свойствами, характеризующими их как участников состава гражданского оборота, – наличием потребностей и индивидуализирующих признаков. При этом свойства физических лиц предложено дифференцировать на *антропологические* (наличие потребностей; разумность, выражающую способность волеформирования и волевого действования) и *социальные* (социальное сознание, обладающее аксиологическим значением, и индивидуализирующие признаки) с признанием возможности правового воздействия только на вторые. Свойства индивидуальных предпринимателей, юридических лиц и публично-правовых образований, являющихся искусственно созданными субъектами, предложено усматривать в легитимированности, под которой предложено понимать являющееся следствием легитимации социально-юридическое свойство искусственно созданного субъекта, подтверждающее его существование (наличие) в качестве самостоятельного субъ-

екта гражданского оборота, вследствие чего признающее за ним возможность волеформирования и волеизъявления в сфере оборота имущественных благ, а также определяющее его правосубъектность в этой сфере. Дополнительно доказано, что разнонаправленность потребностей субъектов гражданского оборота гармонизируется за счет их соподчинения потребностям гражданского оборота.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 5 и 6 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

7. Установлены субстанциональные, нормативные и аксиологические предпосылки квалификации в качестве объектов гражданского оборота как субъективных прав и юридических обязанностей, так и имущественных благ, обладающих необходимыми для участия в гражданском обороте свойствами. При этом под *субстанциональной* предпосылкой имеется в виду как способность объекта к сенсорному восприятию (материальный, виртуальный или цифровой объект), так и ее отсутствие (субъективные права и юридические обязанности); под *нормативной* предпосылкой – как правомерный, так и условно правомерный характер включения объекта в гражданский оборот, а под *аксиологическими* предпосылками – наличие у объекта потребительской стоимости и его оборотоспособность.

Уточнено юридическое значение дифференциации объектов гражданских прав по критерию оборотоспособности (оборотоспособные и необоротоспособные), усматриваемое в виде правоотношений, которые могут складываться по поводу тех или иных объектов, а также идентификации их правового режима.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 5 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

8. Доказано, что в структуру системы гражданского оборота следует включать все виды отношений, связанных с опосредованным удовлетворением частными субъектами их потребностей: 1) с позиций динамики/статики – как отношения по переходу объектов, так и отношения по их принадлежности; 2) с позиций характера связи между субъектами – как возмездные, так и безвозмездные отношения, а также отношения из односторонних действий; 3) с позиций правовой опосредованности – как отношения, опосредованные правом (юридические), так и отношения,

правом не опосредованные (фактические), в том числе и не основанные на праве собственности; 4) с позиций правомерности – как отношения, соответствующие нормам права (регулятивные отношения), так и отношения, нормам права не соответствующие (охранительные отношения).

Аргументировано, что сообразно составу и структуре гражданского оборота как системы, к нормам позитивного права, влияющим на функционирование оборота, помимо положений обязательственного права следует относить также нормы вещного права и правила, определяющие правовой статус субъектов и устанавливающие правовой режим объектов.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 5 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

9. Выделены две основные формы функционирования гражданского оборота, детерминированные формами существования объектов гражданского оборота, – фактическая и юридическая, с последующим обособлением в рамках фактической формы функционирования оборота овеществленной и цифровой форм. Гражданский оборот, функционирующий в фактической форме, характеризуется тем, что и введение объектов в оборот, и действия субъектов по смене обладателей объектов являются фактическими, а сам оборот может иметь место и в отсутствие юридического опосредования либо даже вопреки тем или иным правовым нормам; гражданский оборот, функционирующий в юридической форме, имеет в качестве объектов субъективные права и обязанности, которые вне юридического опосредования существовать не могут, соответственно чему действия субъектов, направленные на смену их обладателей, могут быть только юридическими, однако введение таких объектов в оборот может являться и следствием фактических действий.

Формой функционирования гражданского оборота определяется возможный порядок защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов его участников, а также необходимые (востребованные) направления нормативно-правового воздействия на гражданский оборот.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 5 и 10 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

10. Доказано, что механизм функционирования гражданского оборота – система средств, за счет которых происходит смена обладателей объектов оборота – в любой из выделенных форм в целом является идентичным. Основными средствами механизма функционирования гражданского оборота являются: 1) введение в оборот определенного объекта (суть, установление персонально конкретизированной связи-принадлежности «объект–субъект»); 2) действия субъектов по смене обладателей объектов (направленные на получение «чужих» благ). Если участником оборота является искусственный субъект (индивидуальный предприниматель, юридическое лицо, публично-правовое образование), то в механизм функционирования гражданского оборота дополнительно включается 3) легитимация – создание таких искусственных субъектов (путем их регистрации), влекущее приобретение ими качества самостоятельных участников оборота, в том числе определенную правосубъектность в этой сфере. Если функционирование гражданского оборота осуществляется с применением информационных технологий, то необходимо еще одно средство – 4) первичная идентификация – регистрация конкретного субъекта в определенной информационной системе.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 5 и 7 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

11. Аргументировано, что функционирование гражданского оборота осуществляется под воздействием различных начал (факторов), которые следует разграничивать: 1) по субстанциональному признаку на а) онтологические (бытийственные) – фактические обстоятельств жизни общества, обусловившие появление гражданского оборота и объективно определяющие его существование и развитие, и б) гносеологические (мировоззренческие) – основополагающие идеи (принципы, взгляды, представления), субъективно влияющие на функционирование (действие) гражданского оборота; 2) по характеру происхождения и воздействия на систему оборота на а) эндогенные, т. е. формирующиеся внутри данной системы и определяющие ее внутреннее естественное (эволюционное, закономерное) развитие, и б) экзогенные, т. е. формирующиеся вне системы гражданского оборота и осуществляющие внешнее воздействие на нее. Целесообразность ис-

пользования обеих предлагаемых классификаций обусловлена их взаимодополняющим характером: онтологические начала функционирования гражданского оборота являются эндогенными; гносеологические начала функционирования гражданского оборота могут быть как эндогенными, так и экзогенными. Оптимальным (лучшим при существующих условиях) является правовое регулирование гражданского оборота, основанное на эндогенных факторах.

Позитивное гражданское право относится к гносеологическим началам функционирования гражданского оборота. Качество эндогенного фактора оно может иметь в случае восприятия законодателем социально-полезных правил и конструкций, естественным образом складывающихся в фактически существующем гражданском обороте, в противном случае его воздействие на гражданский оборот будет иметь экзогенный характер.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 3 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

12. Обосновано, что принципы правового регулирования гражданского оборота не сводимы к принципам гражданского права и к ним следует относить также принцип системности и принцип самоорганизации.

Принцип системности связан с нормативным правовым регулированием гражданского оборота и означает, что такое воздействие права на гражданский оборот должно являться концептуальным (т. е. не отрывочной корректировкой отдельных нормативных положений, а «сквозным»), должно осуществляться с позиций системы права в целом (а не отдельных его отраслей) и должно являться социо-телеологическим, т. е. предприниматься с позиций интересов и потребностей системы общества.

Принцип самоорганизации связан с индивидуальным правовым регулированием гражданского оборота и означает санкционированную государством выработку правил организации и функционирования отношений системы гражданского оборота самой этой системой, ее участниками.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 3 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

13. Обосновано отсутствие тождества между гражданским оборотом и предметом отрасли гражданского права в силу несовпадения: 1) характера их формирования и существования – гражданский оборот является естественной самоорганизующейся социальной системой, появившейся и существующей объективно, в то время как предмет гражданского права как отрасли права представляет собой результат мыслительной деятельности людей – набор общественных отношений, выделенный учеными; 2) круга общественных отношений, образующих сравниваемые феномены: а) предмет гражданского права включает отношения по принадлежности необоротоспособных по своей природе объектов (в частности, личных неимущественных интеллектуальных прав, нематериальных благ), в то время как объектами оборота могут быть только оборотоспособные объекты; б) в структуру гражданского оборота, наряду с отношениями, регулируемыми исключительно нормами гражданского права, входят отношения, одновременно регулируемые нормами различных отраслей права.

В контексте межотраслевого взаимодействия аргументировано, что правовое регулирование гражданского оборота осуществляется не посредством сочетания двух типов правового регулирования (публично-правового и частноправового), а по одному – общедозволительному типу.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 2 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

14. К источникам нормативного правового регулирования гражданского оборота следует относить: 1) источники гражданско-правовых норм, причем регулирующие оборот нормы гражданского права, несмотря на положения ст. 71 Конституции РФ и ст. 3 ГК РФ (относящие к исключительному ведению Российской Федерации именно гражданское законодательство, но не принятие гражданско-правовых норм), могут приниматься также субъектами РФ и муниципальными образованиями; 2) источники норм иных отраслей права, детализирующие правовой режим, правила оборота отдельных видов объектов и меры ответственности за их нарушение.

Нормативное правовое регулирование гражданского оборота может осуществляться на образующих иерархию международном, федеральном, региональ-

ном и местном уровнях. Установление видов субъектов и видов объектов гражданского оборота допустимо только на федеральном уровне; на региональном и местном уровнях лишь детализируются ограничения либо процедура гражданского оборота отдельных видов объектов.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 4 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

15. Основными видами индивидуального правового регулирования гражданского оборота предложено признать самоорганизацию (понимая ее как упорядочение отношений субъектов самими участниками оборота, а не как комплексный правовой институт, связанный с деятельностью саморегулируемых организаций) и правоприменение (т. е. деятельность компетентных органов власти по принятию регламентирующих поведение субъектов оборота индивидуальных правовых актов регулятивного либо охранительного характера).

Подвидами самоорганизации, отличающимися способом взаимосвязи между субъектами, в свою очередь следует признать автономное и координационное индивидуальное правовое регулирование; правоприменение по указанному критерию носит субординационный характер.

Предпринята систематика возможных нормативных оснований (суть, средств санкционирования государством) индивидуального правового регулирования гражданского оборота, в числе которых выделены: относительно определенные нормы права, предусматривающие конкретизацию установленных в них правил; диспозитивные нормы права, допускающие иное, отличающееся от нормативно установленного регулирование отношений самими субъектами оборота; императивные нормы права, прямо предписывающие или обусловливающие возникновение у субъектов гражданского оборота определенных юридически значимых возможностей принятием индивидуального правового акта; пробелы в позитивном праве, предполагающие «восполнительное» судебное правотворчество.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 4, 15 и 17 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость результатов проведенного исследования заключается в построении частной научной теории, которая предлагает новую парадигму гражданского оборота, влекущую переход от исключительно формального его восприятия к феноменологическому, и тем самым обеспечивающую «“знаниевое” приближение к реальности» (выражение Н.Н. Тарасова[3]). Теория автора расширяет систему знаний о гражданском обороте и, задавая новый вектор его научного исследования, может составить основу дальнейшей разработки вопросов правового регулирования последнего, в том числе с межотраслевых позиций. В частности, тезисы и постулаты предлагаемой теории могут быть детализированы и использованы в качестве исходных положений при научном исследовании: типов и видов связей, образующих систему гражданского оборота и подлежащих гражданско-правовому регулированию; возможных гражданско-правовых форм гражданского оборота, в том числе применительно к взаимодействию субъектов в цифровой среде; гражданско-правовых средств самоорганизации и саморегуляции гражданского оборота.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования сделанных выводов в правореализационной, в том числе правоприменительной деятельности, в частности: при определении норм позитивного права, устанавливающих права, обязанности и ответственность участников гражданского оборота, и подлежащих применению для квалификации действий субъектов конкретного правоотношения; при интерпретации норм позитивного права, содержащих понятие гражданского оборота и иные смежные с ним выражения, – такие как «обычные условия гражданского оборота», «ведение объекта в (гражданский) оборот» и др.; при применении в рамках разрешения споров отдельных правовых принципов (принципа добросовестности) и презумпций (презумпции добросовестности, презумпции согласия).

Предложенная теория разрешает как ряд дискуссионных, так и ранее не исследовавшихся в цивилистической доктрине вопросов, авторское видение кото-

---

[3] *Тарасов Н.Н.* Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 1 (234). С. 32.

рых может быть использовано в правотворческой деятельности. В частности, положения предложенной теории о составе и структуре (видах отношений) гражданского оборота значимы для определения правовых норм и институтов, принятие либо корректировка которых с позиций государственно-правовой регламентации гражданского оборота является наиболее эффективной. Выводы об экзогенном характере политико-правовых начал как критерии (условии) оптимального правового регулирования гражданского оборота, а также тезисы о системности и самоорганизации как необходимых принципах такого регулирования могут быть положены в основу стратегических политико-правовых решений, направленных на выработку действенного механизма правового регулирования гражданского оборота и обеспечение его стабильности.

Сформулированные в работе выводы могут быть использованы также при реализации и освоении дисциплин цивилистического цикла в учебной и преподавательской деятельности.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», где проведено ее рецензирование и обсуждение. Результаты научных исследований были апробированы автором посредством участия в научных, научно-практических конференциях различного уровня, что подтверждают опубликованные по их итогам тезисы выступлений соискателя. В частности, теоретические выводы и научно-практические предложения диссертанта были предметом обсуждения в рамках: VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся на тему «Юридическая ответственность: современные вызовы и решения» (Москва, 23 октября 2013 г.), международной научно-практической конференции «Добросовестность в гражданском праве» (Алматы, Казахстан, 22–23 мая 2014 г.), международной научно-практической конференции «Юридическая наука и образование в XXI веке (к 210-летию Казанского университета)» (Казань, 25–26 сентября 2014 г.), Пермского конгресса ученых-юристов (Пермь, 2013–2022 гг.), международной научно-практической конференции «Развитие российско-китайских отношений: новая международная реальность» (Иркутск, 21–22

сентября 2015 г.), XVI международной научно-практической конференции «Стратегия национального развития и задачи российской юридической науки» и IX международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» (Москва, 24 ноября – 3 декабря 2015 г.), ежегодной международной научно-практической конференции «Защита частных прав: проблемы теории и практики» (Иркутск, 2013–2024 гг.), ежегодной международной научно-практической конференции «Проблемы современного российского законодательства» (Иркутск, 2012–2022 гг.), Байкальского юридического форума (Иркутск, 21–22 сентября 2017 г., 23–25 сентября 2021 г., 4–6 октября 2023 г.), научно-практической конференции «Проблемы государственной регистрации недвижимости» (Иркутск, 8 декабря 2017 г.), всероссийской научно-практической конференции «Гражданский кодекс Российской Федерации: 25 лет действия» (Екатеринбург, 4–5 июня 2019 г.), международной научно-практической конференции «Межотраслевые связи в частном и публичном праве» (Казань, 19–20 ноября 2021 г.), Казанского международного юридического форума (Казань, 29 сентября – 1 октября 2022 г., 28–29 сентября 2023 г.), VII Тихоокеанского юридического форума (Владивосток, 13–15 октября 2023 г.), всероссийской научно-практической конференции «I Венедиктовские чтения» (Уфа, 1 декабря 2023 г.), всероссийского круглого стола «Пермские чтения по методологическим проблемам цивилистических исследований» (Пермь, 25–26 мая 2018 г., 28–29 мая 2021 г., 27–28 мая 2022 г., 26–27 мая 2023 г., 17–18 мая 2024 г.) и др.

Результаты научных исследований использовались автором в преподавательской деятельности при проведении семинарских занятий и занятий лекционного типа по учебным дисциплинам «Гражданское право (Общая часть)», «Актуальные проблемы цивилистики», «История и методология юридической науки», «Научно-исследовательский семинар» со студентами Байкальского государственного университета, а также при подготовке экспертных заключений в качестве члена Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Восточно-Сибирского округа. Апробация результатов исследования проходила также в процессе чтения

лекций в рамках системы дополнительного профессионального образования на курсах повышения квалификации федеральных государственных служащих.

Перечень публикаций автора. Основные выводы диссертации опубликованы в монографиях и научных статьях автора. Общий список опубликованных работ по теме диссертации составляет 86 источников, включая 3 статьи в журналах, индексируемых международными базами данных научного цитирования «Scopus», «Web of Science», 27 статей в изданиях, включенных в Перечень изданий, рекомендованных ВАК России для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени доктора наук, 3 монографии.

Статьи в изданиях, индексируемых международными базами данных:

1. Виниченко Ю.В. Бесхозяйность вещей: de jure vs. de facto / Ю.В. Виниченко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – Вып. 40. – С. 225–239.

2. Виниченко Ю.В. Категория «гражданский оборот» в частном праве России и иных постсоветских государств / Ю.В. Виниченко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – Вып. 4 (30). – С. 34–46.

3. Виниченко Ю.В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – Вып. 3 (25). – С. 98–115.

Статьи в изданиях, включенных в Перечень изданий, рекомендованных ВАК России для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата (доктора) наук:

4. Виниченко Ю.В. Легитимированность как свойство искусственно созданных субъектов гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 313–316.

5. Виниченко Ю.В. Механизм функционирования гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Юридический мир. – 2024. – № 8. – С. 16–19.

6. Виниченко Ю.В. О формах функционирования гражданского оборота в контексте проблем его понимания и нормативно-правового регулирования / Ю.В. Виниченко // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 3(68). – С. 211–216.

7. Виниченко Ю.В. Цифровая форма функционирования гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 6 (193). – С. 191–193.

8. Виниченко Ю.В. О материальных и нематериальных объектах гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Академический юридический журнал. – 2023. – Т. 24. № 3 (93). – С. 337–342.

9. Виниченко Ю.В. Виды правового регулирования гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Академический юридический журнал. – 2023. – Т. 24, № 1. – С. 56–70.

10. Виниченко Ю.В. Об индивидуальном правовом регулировании гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Гражданское право. – 2023. – № 1. – С. 2–8.

11. Виниченко Ю.В. Метод правового регулирования и принципы регулирования гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Современное право. – 2022. – № 9. – С. 5–14.

12. Виниченко Ю.В. О нормативном правовом регулировании системы гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Гражданское право. – 2021. – № 5. – С. 10–13.

13. Виниченко Ю.В. О механизме правового регулирования гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 4. – С. 24–34.

14. Виниченко Ю.В. Онтологические начала функционирования гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 2 (85). – С. 39–49.

15. Виниченко Ю.В. О категориальной ошибке в сложившемся понимании гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Гражданское право. – 2019. – № 6. – С. 12–16.

16. Виниченко Ю.В. О презумпции добросовестности в российском праве / Ю.В. Виниченко // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 160, № 2. – С. 285–301.

17. Виниченко Ю.В. Состав и структура гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Baikal Research Journal. – 2017. – Т. 8, № 2. – Режим доступа: http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=21459.

18. Виниченко Ю.В. «Гражданский оборот»: подходы к пониманию и их трактовка в российской цивилистике / Ю.В. Виниченко // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2016. – № 1 (34). – С. 195–201.

19. Виниченко Ю.В. О соотношении гражданского и экономического оборота / Ю.В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. – Т. 25, № 5. – С. 879–887.

20. Виниченко Ю.В. Гражданский оборот как система / Ю.В. Виниченко // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 4. – С. 47–53.

21. Виниченко Ю.В. Категория правовой формы как методологическое основание концепции гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Вопросы правоведения. – 2015. – № 1 (29). – С. 178–212.

22. Виниченко Ю.В. Исторический метод как возможный способ познания категории «гражданский оборот» / Ю.В. Виниченко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – Т. 1. – № 2 (103). – С. 154–159.

23. Виниченко Ю.В. Сложности перевода как показатель проблемы определения содержания юридических понятий (на примере понятий «оборот», «гражданский оборот», «оборотоспособность») / Ю.В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – № 6 (98). – С. 123–131.

24. Виниченко Ю.В. К вопросу о классификации объектов гражданских прав по критерию оборотоспособности / Ю.В. Виниченко // Вопросы правоведения. – 2014. – № 2 (24). – С. 93–111.

25. Виниченко Ю.В. Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий / Ю.В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 6 (92). – С. 116–120.

26. Виниченко Ю.В. Понятие «гражданский оборот» в нормах российского и французского частного права / Ю.В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет

экономики и права) – электронный научный журнал. – 2014. – № 5. – Режим доступа: http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19435.

27. Виниченко Ю.В. Проблема понимания категории «право участия» в современной отечественной цивилистике / Ю.В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 4 (90). – С. 88–92.

28. Виниченко Ю.В. Понятие «оборот» в частном праве России и Украины / Ю.В. Виниченко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2013. – Т. 26 (65), № 2-2. – С. 90–97.

29. Виниченко Ю.В. О понятии «гражданский оборот» (постановка проблемы) / Ю.В. Виниченко // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 3. – С. 29–35.

30. Виниченко Ю.В. Отдельные аспекты проблемы разумности в гражданском обороте / Ю.В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2006. – № 6. – С. 58–62.

Результаты научного исследования, опубликованные в личных и коллективных монографиях:

31. Виниченко Ю.В. Гражданский оборот: опыт системного исследования / Ю.В. Виниченко. – Иркутск: Изд-во БГУ. 2019. – 374 с.

32. Виниченко Ю.В. О взаимосвязи гражданского и иных отраслей права в регулировании гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Межотраслевые связи в частном и публичном праве / отв. ред.: Д.Х. Валеев, А.В. Михайлов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2022. – С. 74–79.

33. Виниченко Ю.В. Гражданский оборот: методологические основания цивилистического исследования / Ю.В. Виниченко. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – 166 с.

Структура диссертации обусловлена предметом, целью и задачами исследования и отражает его логику. Диссертация состоит из введения, четырех глав, объединяющих тринадцать параграфов, заключения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1. НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

§ 1. Гносеологические предпосылки формирования цивилистического понятийного аппрата макроюридического уровня и место в них категории «гражданский оборот»

Любая современная научная теория (концепция, идея), сколь бы новой она ни была, всегда имеет свое основание, т. е. «некое базисное знание о соответствующих объектах, выступающее как начало научной системы, как отправной пункт в их дальнейшем исследовании»[4]. Данное базисное знание является неотъемлемой характеристикой познавательной ситуации[5] в исследуемой сфере, определяемой такими параметрами, как, в частности, объем и качество наличных знаний[6].

Приведенные замечания в полной мере касаются и познания гражданского оборота, освещение вопроса о состоянии науки в части изучения которого начнем с указания на выявленные ключевые моменты, описывающие актуальную систему знаний о гражданском обороте в отечественном правоведении.

На настоящий момент познавательную ситуацию в области его исследования отличает следующее.

1. *Фрагментарный характер суждений о гражданском обороте*, обусловленный тем, что гражданский оборот получает теоретическую разработку не как таковой, а преимущественно в контексте изучения узкоспециальных вопросов. Об этом очевидно свидетельствует анализ научных работ, в которых выражение «гражданский оборот» («гражданско-правовой оборот» либо термин «оборот», допускающий трактовку его и как гражданского оборота) вынесено в заглавие.

Обзор подобной юридической литературы показывает, что на диссертационном уровне гражданский оборот самостоятельным предметом исследования в

---

[4] *Керимов Д.А.* Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М.: Изд-во СГУ, 2009. С. 96.

[5] Под познавательной ситуацией методологи науки понимают состояние науки в тот или иной момент времени, включающее в себя всю совокупность релевантных данному моменту знаний, а также наличный арсенал познавательных средств и условий познавательной деятельности (см.: *Майданов А.С.* Интеллект решает неординарные проблемы. М.: ИФРАН, 1998. С. 160).

[6] *Асланян Н.П.* Познавательная ситуация в науке международного частного права: критическое осмысление // Пролог: журнал о праве. 2021. № 3. С. 40.

российской науке гражданского права до сих пор не являлся. Имеющиеся же цивилистические диссертации[7], касающиеся изучения гражданского оборота, в зависимости от предмета исследования можно разделить на следующие группы:

1) работы, посвященные изучению гражданско-правовой модели оборота либо гражданско-правового регулирования оборота тех или иных видов объектов гражданских прав[8], в том числе их оборотоспособности[9], а также исследования,

---

[7] Преимущественно кандидатские. На уровне докторских диссертаций мы обнаружили лишь уже отмеченную диссертацию В.А. Петрушкина (*Петрушкин В.А.* Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014), а также три работы, в заглавии которых использованы хотя и смежные с термином «гражданский оборот», но отличные от него выражения – «коммерческий оборот», «торговый оборот», «хозяйственный оборот». См.: *Беликова К.М.* Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2012; *Ершова И.В.* Правовой режим государственного имущества в хозяйственном обороте: Теоретические основы и пути совершенствования: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2001; *Илюшина М.Н.* Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2012.

[8] *Агапеева Е.В.* Ценные бумаги как объекты гражданского оборота по законодательству России и США (сравнительно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Астахова М.А.* Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2007; *Байбак В.В.* Обязательственное требование как объект гражданского оборота: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2004; *Баранов В.М.* Гражданско-правовое регулирование оборота природных ресурсов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Баранова Е.А.* Оборот недвижимости в российском и германском праве: сравнительное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; *Белова Т.В.* Правовое регулирование защиты информации и прав на нее в гражданском обороте: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Бикетова Т.А.* Патентные права как объект гражданских прав и монополия в гражданском обороте РФ: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005; *Бритвин С.Н.* Арендные права и их гражданский оборот: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2006; *Васнев О.Г.* Правовое регулирование оборота культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006; *Галеева Р.Ф.* Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011; *Головизнин А.В.* Гражданско-правовое регулирование оборота культурных ценностей: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006; *Добряков Г.Э.* Оборот исключительного права в Интернет-среде: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; *Долгаев С.Е.* Правовое регулирование оборота ценных бумаг: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2002; *Ельникова Е.В.* Гражданско-правовой оборот земельных участков под строениями в России: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2006; *Жернаков Д.В.* Правовой режим земельных участков как объектов гражданского оборота: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005; *Жуков А.С.* Правовое регулирование оборота эмиссионных бездокументарных именных ценных бумаг в законодательстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2005; *Койчуев А.А.* Гражданско-правовые средства регулирования оборота ценных бумаг: дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005; *Маленко В.С.* Гражданско-правовое регулирование земельного оборота с иностранным элементом: дис. … канд. юрид. наук. М, 2007; *Матвеев Д.А.* Гражданско-правовое регулирование оборота складских свидетельств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; *Некрестьянов Д.С.* Гражданско-правовое регулирование оборота объектов незавершенного строительства: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2005; *Олимова Р.М.* Гражданско-правовое регулирование оборота драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2005; *Пасикова Т.А.* Особенности гражданского оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2008; *Петрушкин В.А.* Указ. соч.; *Полуяхтов И.А.* Гражданский оборот имущественных прав: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002; *Ражков Р.А.* Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2007; *Рутковская О.А.* Драгоценные металлы и драгоценные камни как объекты гражданского оборота на внутреннем и международном рынках: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; *Степанченко А.В.* Правовое регулирование гражданского оборота иностранной валюты в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018; *Филимонов Н.С.* Правовое регулирование гражданского оборота лесных участков (на примере аренды и сервитута): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; *Харатян А.Ж.* Регулирование оборота валютных ценностей: дис. … канд. юрид. наук. М., 2000; *Цуглаева Н.В.* Гражданско-правовой оборот музейных предметов и коллекций: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2013; *Шаповалова Е.В.* Гражданско-правовые формы оборота информации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

[9] В зависимости от которой объекты гражданских прав традиционно делят на свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота. См.: *Михайлова Н.С.* Оборотоспособность вещей в гражданском праве и роль актов органов внутренних дел Российской Федерации в ее реализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2007; *Морозов А.А.* Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010.

посвященные юридическим фактам, касающимся определенных видов объектов гражданских прав[10];

2) работы, связанные с исследованием особенностей участия в гражданском обороте отдельных категорий субъектов[11];

3) работы, посвященные общей характеристике отдельных видов юридических фактов «в гражданском обороте»[12];

4) работы, направленные на изучение отдельных видов правоотношений в сфере (гражданского) оборота[13].

Представленная градация при всей условности наглядно демонстрирует направленность диссертационных исследований на разработку лишь отдельных аспектов проблемы гражданского оборота. Кроме этого, она дает основания для весьма значимого вывода: в настоящее время *совокупность знаний о гражданском обороте оказывается лишь частью иных цивилистических учений, преимущественно теории объектов права*.

В силу «привязки» темы исследования к (1) определенной группе (2) одного из правовых явлений (объектов или субъектов права, правоотношений) ученые, как представляется, изначально не могут претендовать на выводы общего характера. И даже если, например, определенные виды объектов исследуются именно как объекты гражданского оборота (диссертации Е.М. Агапеевой, В.В. Байбака, Д.В. Жернакова, О.А. Рутковской и др.), на первое место в любом случае выдвигается сам объект, обоснованность включения которого в гражданский оборот, а

---

[10] *Петров Е.Ю.* Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним в гражданском обороте недвижимости: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001; *Салимзянов Б.И.* Обеспечительная функция предварительного договора в сфере оборота недвижимости: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2013; *Швабауэр А.В.* Государственная регистрация прав, обременений прав и сделок в гражданском обороте недвижимого имущества: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2011.

[11] *Инжиева Б.Б.* Участие государства в современном гражданском обороте: дис. … канд. юрид. наук. Элиста, 2013; *Мамажанов К.С.* Участие в гражданском обороте лиц, осужденных к лишению свободы в Кыргызской Республике: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011; *Эбзеев Б.Б.* Участие акционерных обществ в гражданском обороте: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

[12] *Апаликов Н.С.* Форвардный договор в гражданском обороте и практике правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; *Грекова И.Л.* Формуляр в международном гражданском и торговом обороте: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007; *Еремкина Т.А.* Договор аренды и его роль в гражданском обороте: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; *Каримов М.Р.* Роль предварительного договора в формировании договорных условий участников гражданского оборота: дис. … канд. юрид. наук. М., 2002; *Савельева О.Ю.* Недействительность сделок в гражданском обороте: теория и практика: дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2003.

[13] *Зинковский М.А.* Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере оборота драгоценных металлов в обезличенной форме: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2010; *Токарев Е.А.* Вексельные обязательства и их действие в гражданском обороте Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2001.

также особенности гражданского оборота которого и пытается обосновать диссертант; иным же необходимым элементам гражданского оборота, если они и рассматриваются, придается второстепенное значение. Таким образом, несмотря на научную ценность выводов, содержащихся в проанализированных диссертациях, последние объективно имеют частный характер и целостного представления о гражданском обороте сформировать не позволяют.

Отдельным аспектам гражданского оборота посвящены и имеющиеся монографические работы. При этом часть из них по времени публикации и по названию практически совпадает с диссертационными исследованиями авторов[14], а поэтому укладывается в рамки сложившихся в доктрине направлений использования понятия «гражданский оборот». Аналогичным образом следует оценить и «новые» в этом отношении монографии[15], с точки зрения словоупотребления и методологии познания гражданского оборота являющиеся традиционными.

Узкоспециальный характер исследований в целом наблюдается и на уровне научных статей (включая тезисы докладов), в которых гражданский оборот рассматривается также в свете вопросов:

– либо об объектах гражданских прав[16],

---

[14] См.: *Байбак В.В.* Обязательственное требование как объект гражданского оборота. М.: Статут, 2005; *Бритвин С.Н., Садков А.Н., Чаркин С.А.* Арендные права в гражданском обороте: проблемы теории и практики: монография / под общ. ред., с предисл.: А.Я. Рыженков. Волгоград: Альянс, 2006; *Вятчин В.А., Еремкина Т.А.* Роль и значение аренды в гражданском обороте: монография. М.: Спутник+, 2010; *Петрушкин В.А.* Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости: монография. М.: Статут, 2014; *Ражков Р.А., Чорновол Е.П.* Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2007; *Степанченко А.В.* Правовое регулирование гражданского оборота иностранной валюты в Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2019.

[15] То есть не дублирующие диссертацию того же автора. См.: *Вятчин В.А.* Значение неустойки в современном гражданском обороте: монография. М.: Юрлитинформ, 2012 (диссертационная работа данного ученого была написана почти десятилетием ранее и касалась несколько иного аспекта. См.: *Вятчин В.А.* Роль неустойки в условиях свободы договора: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1999); *Гончарова А.В.* Недвижимость в гражданском обороте: монография. Волгоград: Изд-во Волгогр. ин-та экон., социол. и права, 2011; *Лобанов С.А.* Публичная собственность в гражданском обороте: проблемы правового регулирования. М.: Ин-т бизнеса и политики, 2008.

[16] *Аполлонов А., Страунинг Э.* Водные объекты в гражданском обороте // Закон. 2001. № 5. С. 45–47; *Белов В.А.* Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 6–77; *Бедняков А.А.* Организационно-правовые формы вовлечения государственного имущества в гражданский оборот // Цивилист. Научно-практический журнал. 2009. № 1. С. 27–29; *Беляева О.А.* Чеки в современном гражданском обороте // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 137–142*; Борзых Д.Д.* Акции как объект экономического и гражданского оборота // Юридический аналитический журнал. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2003. № 4. С. 52–57; *Лалетина А.С.* Гражданский оборот газопроводов. Можно ли избежать оформления земельных участков под газопроводами? // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. М., 2009. № 1. С. 137–140; *Матиящук С.В.* Электрическая энергия и мощность как особые объекты гражданского оборота: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 94–99; *Перехожих И.В.* Табачная и никотиносодержащая продукция как объекты гражданского оборота // Цивилист. 2024. № 6. С. 58–64; *Ротко С.В.* Правовая при-

– либо о субъектах – участниках гражданского оборота[17],

– либо об определенных отношениях[18],

– либо о юридических фактах[19].

Впрочем, именно на данном уровне имеются работы общего характера, посвященные анализу собственно гражданского оборота. В их числе, наряду со статьями М.А. Астаховой[20], А.В. Захаркиной[21], Б.Б. Инжиевой[22], А.В. Руденко[23], К.В. Храмцова[24], С.Б. Цветкова[25], следует еще раз обратить внимание на статью

рода векселя и его значение в гражданском обороте // Ученые записки ДЮИ. Ростов н/Д. 2002. Т. 19. С. 275–289; *Рыбалов А.О.* Экономические блага и гражданский оборот // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 78–94; *Суханов Е.А.* Государство и гражданский оборот // эж-ЮРИСТ. 2004. № 22 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант»; *Туктаров Ю.Е.* Имущественные права как объекты гражданско-правового оборота // Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. Вып. 6 / под ред. О.Ю. Шилохвоста. М.: Норма, 2003. С. 101–136; *Тумаков А.В.* Цифровые финансовые активы как объект цифрового гражданского оборота // Гражданское право. 2024. № 6. С. 9–12; *Уруков В.* Дефектный вексель в гражданском обороте // Право и экономика. 2003. № 2. С. 36–42.

[17] *Ахмедова З.А.* Участие некоммерческих организаций в гражданском обороте // Северо-Кавказский юридический вестник. 2003. № 3. С. 82–89; *Богданов Е.А.* Участие образовательных учреждений в гражданском обороте // Законодательство. 2004. № 9. С. 69–75; *Головизнин А.* Некоторые вопросы участия в гражданском обороте органов государственной власти (местного самоуправления) // Хозяйство и право. 1999. № 6. С. 59–66*; Горелик А.П.* Некоторые аспекты участия органов внутренних дел в гражданском обороте // Закон и право. 2002. № 7. С. 43–44; *Демидов И.А.* Правовое регулирование участия государства в международном гражданском обороте в свете вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 4 (62). С. 35–38; *Ивлиев М.Ф., Шерстобитов А.Е.* Об участии государственных и муниципальных учреждений в гражданском обороте // Законодательство. 2006. № 12. С. 19–22; *Комягин Д.Л.* Вопросы участия государственной казны в гражданском обороте // Право и экономика. 1999. № 3. С. 29–32; *Криволапова Л.В.* Субъекты гражданского оборота // Право и государство: теория и практика. 2007. № 8(32). С. 46–51; *Лескова Ю.Г.* Некоторые проблемы участия учреждений в гражданском обороте // Юрист. 2003. № 2. С. 27–30; *Малинина Л.Ю.* О некоторых особенностях участия унитарного предприятия в гражданском обороте // Актуальные вопросы частного права: межвуз. сб. науч. тр. Самара: Самарский университет, 2004. С. 92–98; *Солнцев А.В.* Участие органов местного самоуправления в гражданском обороте // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета. 2005. Вып. 11. С. 226–228; *Сорокина С.Я.* Участие учреждений в гражданском обороте // Государство и право на рубеже веков: материалы всерос. конф. Гражданское право. Гражданский процесс. М.: Изд-во ИГиП РАН, 2001. С. 57–64.

[18] *Долинская В.В.* Информационные отношения в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

[19] *Кияшко В.* Реальные (консенсуальные) договоры в гражданском обороте // Право и экономика. 2004. № 5. С. 37–40; *Ломакин Д.В.* Крупные сделки в гражданском обороте // Законодательство. 2001. № 3. С. 18–25; *Москаленко И.В.* Сделки в гражданском обороте // Нотариус. 2002. № 2. С. 23–30; *Недоспасова В.В.* Электронная цифровая подпись в гражданском обороте: проблемы применения // Право: материалы науч. сессии (Волгоград, 19–25 апр. 2004 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. Вып. 3. С. 95–97.

[20] *Астахова М.А.* Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 4; *Ее же.* К вопросу о понятии гражданского оборота // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 5.

[21] *Захаркина А.В.* Гражданский оборот» как фундаментальная цивилистическая категория // Вестник Пермского университета. 2017. Вып. 3 (37).

[22] *Инжиева Б.Б.* О методе правового регулирования гражданского оборота // Современное право. 2022. № 4.

[23] *Руденко А.В.* О понятии «гражданский оборот» // Актуальные проблемы правоведения. 2003. № 3 (6).

[24] *Храмцов К.В.* Категория справедливости как нравственная основа гражданского оборота // Вестник Омского университета. Сер. Право. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. № 3/4 (8/9); *Его же.* Категория добросовестности и развитие гражданского оборота // Право и политика: история и современность: материалы междунар. науч. конф. (сент. 2005 г.). Омск: Изд-во Ом. акад. МВД России, 2006.

[25] *Цветков С.Б.* О сущности и понятии гражданского оборота // Свобода. Право. Рынок: материалы всерос. науч. конф. «40 лет Волгоградской цивилистике», 21–22 мая 2007 г. Вып. 5. Волгоград: ВА МВД России, 2007.

Б.Б. Эбзеева «Гражданский оборот: понятие и юридическая природа»[26], в которой впервые в современной отечественной цивилистической доктрине предпринят анализ общего понимания категории «гражданский оборот».

Что касается учебной цивилистической литературы (прежде всего, академических университетских учебников по гражданскому праву России), то вопрос о понятии гражданского оборота в ней, как правило[27], самостоятельного и четкого освещения не получает либо его вовсе обходят молчанием, что позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, о том, что в классической учебной литературе (призванной заложить основы правопонимания, юридического мировоззрения и мышления будущих правоведов) понятие гражданского оборота также связывают лишь с отдельными вопросами – о предмете отрасли гражданского права, об оборотоспособности объектов гражданских прав и об обязательственных («динамических») правоотношениях[28]. Во-вторых, что одной из основных (важных, значимых) цивилистических категорий гражданский оборот, по-видимому, не признается – именно по этой причине самостоятельному рассмотрению данное понятие не подвергается и в сопровождающих нередко такие издания алфавитно-предметных указателях отсутствует[29], несмотря на то, что соответствующий термин в тексте работ используется достаточно широко. Таким образом, уже со студенческой скамьи у будущих специалистов в области права формируется отрывочное и ин-

---

[26] *Эбзеев Б.Б.* Гражданский оборот: понятие и юридическая природа // Государство и право. 1999. № 2.

[27] Исключение составляет отмеченный учебник В.А. Белова, в котором понятию гражданского оборота, повторим, посвящен отдельный раздел *(Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты: учебник. М.: Юрайт, 2011. § 6 гл. 13, п. 405. С. 278–284).

[28] См.: Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2016. С. 64–68, § 1, 2 гл. 7; Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. II: Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2015. § 1 гл. 29. Заметим, что в прежних редакциях данного учебника непосредственно давалось определение гражданского оборота (см.: Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: БЕК, 1998. С. 48; Гражданское право: учебник. Т. 1 / под ред. Е.А. Суханова. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 67), однако в последующих изданиях оно отсутствует, хотя его и можно вывести на основании материала, изложенного в указанных выше разделах данной работы (о предмете гражданского права и понятии обязательства). Дефиниция понятия «гражданский оборот» отсутствует и в другом классическом учебнике (санкт-петербургской юридической школы). В то же время в нем дается определение «отношений экономического оборота» (см.: Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2013. § 1 гл. 24), что, забегая вперед, отметим, значимо с позиций традиционного в отечественной доктрине понимания гражданского оборота как правовой формы экономического оборота. Не удалось обнаружить определение гражданского оборота и в новейшем учебнике уральской цивилистической школы (см.: Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. М.: Статут, 2018; Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. М.: Статут, 2018).

[29] Гражданское право: учебник в 3 т. Т. 1 / под ред. Ю.К. Толстого; Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. С.А. Степанова. М.: Проспект, Екатеринбург: Ин-т частного права, 2010; Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I, Т. II / отв. ред. Е.А. Суханов.

туитивное, низведенное до уровня обиходного[30] представление о гражданском обороте, которое в лучшем случае связывается ими с гражданским правом воспроизведением шаблонных выражений «участники гражданского оборота» (используемого законодателем в п. 1 ст. 2, абз. 3 п. 2 ст. 51, п. 1 ст. 1192 Гражданского кодекса РФ[31] (далее – ГК РФ)), «оборотоспособность объектов гражданских прав» (в понимании которой традиционно исходят из норм ст. 129 ГК РФ) либо в связи с определением юридических лицах как организаций, «выступающих в гражданском обороте от своего имени».

Полагаем, что такое положение дел является индикатором более общей проблемы – недостаточной разработанности понятийно-категориального аппарата цивилистической науки в целом[32]. Ученые единодушно подчеркивают значимость понятийно-категориального аппарата, но также нередко отмечают низкий науковедческий уровень темы научных гражданско-правовых понятий[33] и констатируют кризис научного знания в указанной области[34]. Как ни парадоксально, но именно термины и понятия подобного – макроюридического – уровня оказываются в настоящий момент в правоведении наименее разработанными. Раскрытие сущности базовых цивилистических категорий подменяется указанием на отдельные случаи их использования при регламентации тех или иных общественных отношений,

---

[30] То, что выражение «гражданский оборот» «весьма прочно вошло в лексикон не только сугубо ученый, но и научно-практический, причем на уровне обиходного, если не сказать общеизвестного понятия», отмечается и в юридической литературе (см.: *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 281).

[31] Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: ФЗ РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2: ФЗ РФ от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

[32] В этой связи поддержки и одобрения заслуживают работы представителей саратовской цивилистической школы, в частности, Г.В. Колодуба, направленные на исследование проблемы категориальной системы гражданского права. См.: *Колодуб Г.В.* Система категорий гражданского права: общие положения о признаках и функциях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1 (108). С. 100–104; *Его же*. Теоретико-правовые причины системности категориального аппарата гражданского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1 (114). С. 144–147; *Его же*. Изучение системы категорий гражданского права через призму функций общей теории государства и права: к постановке вопроса // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. ст. Ежегодник / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 377–386; *Его же*. Теоретико-правовые причины самостоятельного статуса системы категорий гражданского права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 2 (33). С. 135–139; *Его же*. Развитие категориального аппарата гражданского права России в эпоху внедрения цифровой экономики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5 (124). С. 125–128.

[33] *Комиссарова Е.Г.* Методологические аспекты научно-понятийного аппарата в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 201.

[34] *Асланян Н.П.* Об отношении к категориям в цивилистической литературе и роли категорий в научном познании // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 6-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф., сост. в рамках Байк. юрид. форума (Иркутск, 21–22 сент. 2017 г.) / под ред. Ю.В. Виниченко, А.П. Ушаковой. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 7–8.

причем не всегда частноправовых. Достаточно показательным в этом отношении является словарь-справочник терминов и определений понятий модельного законодательства государств – участников СНГ, выпущенный под эгидой Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Как отмечается в названном издании, «сформировавшийся на сегодня понятийный аппарат модельного законодательства – это еще один шаг к созданию эталонных понятий единого информационного пространства стран СНГ»[35]. С сожалением приходится констатировать, что в ряду таких «эталонных понятий», общим количеством свыше трех тысяч лексических единиц, категории «гражданский оборот» нашлось место лишь в строке алфавитной таблицы (в виде которой оформлен словарь) «оборот наркотических средств и психотропных веществ, гражданский», который в свою очередь определен как «совокупность сделок и иных действий, предметом которых являются наркотические средства и психотропные вещества, не изъятые из законного оборота»[36]. При таких обстоятельствах не только размываются границы отдельных понятий; это колеблет общую систему цивилистических категорий.

Тот факт, что понятие «гражданский оборот» выделяется из общего ряда правовых понятий и является именно категорией, т. е. понятием предельной степени общности, как представляется, сомнений не вызывает. Недаром с привлечением этого понятия отечественные правоведы анализируют и правовое положение определенных категорий субъектов, и правовой режим отдельных видов объектов, дают характеристику тем или иным видам юридических фактов, правоотношений и т. д., освещают вопрос о предмете отрасли гражданского права. Более того, в гражданском законодательстве отдельных государств через призму данного понятия формулируются цели и задачи гражданско-правового регулирования: в частности, в Гражданских кодексах Азербайджанской Республики[37] и Грузии[38] закреплены нормы, согласно которым «обеспечение свободы гражданского оборо-

---

[35] Словарь-справочник терминов и определений понятий модельного законодательства государств – участников СНГ / под ред. М.А. Вуса и В.В. Бондуровского. СПб.: Юридический Центр-Пресс, 2012. С. 3.

[36] Там же. С. 148, п. О35.

[37] Гражданский кодекс Азербайджанской Республики: утв. Законом Азербайджанской Республики от 28.12.1999 г. № 779-IQ [Электронный ресурс]. Доступ из информ. системы «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420111.

[38] Гражданский кодекс Грузии: по сост. на 1 марта 2010 г.: текст переведен, отредактирован отделом переводов Парламента Грузии. Тбилиси: Раиз.

та» является целью Гражданского кодекса (ст. 1 ГК Азербайджанской Республики) и гражданских законов (ст. 9 ГК Грузии).

Категориальный уровень понятия «гражданский оборот» признается и в юридической литературе. Так, В.А. Белов, отмечая, что данное понятие относится к разряду макроюридических, ставит его на один уровень с понятиями о праве в объективном смысле, о субъектах и объектах права, о правопорядке, правосознании[39]. Близкой представляется позиция Е.А. Беляневич, указывающей на необходимость разработки юридической наукой межотраслевой теории обеспечения гражданского оборота[40]. Обоснованию тезиса, что гражданский оборот является фундаментальной цивилистической категорией, посвящена работа А.В. Захаркиной[41]. Именуют категорией гражданский оборот и другие ученые[42].

Отмеченный категориальный уровень определяет особую методологическую роль понятия «гражданский оборот» в научном познании, а именно присущее ему как категории (в отличие от «просто» понятий, т. е. понятий, категориального статуса не имеющих) свойство выступать средством организации познания[43]. Как заключает Н.П. Асланян, «именно категории выступают в качестве исходного материала, на основе которого выстраивается структура научных исследований, рождаются научные гипотезы и формируются частные научные теории. Всякое научное познание осуществляется в рамках определенной “сетки” (“матрицы”) категорий – философских, общенаучных и частнонаучных, в совокупности формирующих гносеологическую картину исследуемого объекта»[44]. Иными словами, являясь категорией, понятие гражданского оборота включается в «дисциплинарную матрицу»[45] юридической картины мира и, следовательно, *должно представать в*

---

[39] *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 282.

[40] *Беляневич Е.А.* Стабильность гражданского оборота: вопросы теории // Гражданское право. Алматы: Раритет, 2014. С. 109 [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.zakon.kz/4658720-stabilnost-grazhdanskogo-oborota.html.

[41] *Захаркина А.В.* Указ. соч. С. 323–333.

[42] Например, В.А. Петрушкин рассматривает гражданский оборот как экономико-правовую категорию (*Петрушкин В.А.* Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости... С. 9, 23 и др.).

[43] См.: *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. С. 126.

[44] *Асланян Н.П.* Об отношении к категориям в цивилистической литературе и роли категорий в научном познании. С. 13.

[45] Термин, в 1969 г. введенный в научный оборот Т. Куном. Предлагая его, ученый писал: «Выделяя особое сообщество специалистов … было бы полезно спросить: что объединяет его членов? (Тем самым мы выясним относительную полноту их профессиональной коммуникации и относительное единодушие их профессиональных суждений.) <…> Я предлагаю термин “дисциплинарная матрица”: “дисциплинарная” потому, что она учитывает обыч-

качестве основания исследования тех или иных вещей, свойств и отношений (по терминологии А.И. Уемова[46]) «в гражданском обороте» (а не наоборот, как это происходит сейчас, – повторим, чтобы сформировать более или менее полное представление о гражданском обороте, следует изучить множество разрозненных взглядов и теорий, в которых используется соответствующий термин).

Близким по значению дисциплинарной матрице является термин «парадигма», используемый в том числе в цивилистике и интерпретируемый, в частности, как «совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемых и разделяемых научным сообществом и объединяющих большинство его членов»[47]. Как отмечает О.А. Кузнецова, парадигма «обеспечивает преемственность развития науки и научного творчества»[48]; в качестве исследовательской традиции, которая обладает «известной протяженностью во времени и пространстве» и которую не выбирают, а «воспринимают и осваивают уже в процессе получения профессионального образования», рассматривают парадигму и представители других отраслей научного знания[49].

Учитывая, что и право, и правоведение складываются из терминов, понятий, категорий, конструкций, дисциплинарную юридическую матрицу можно соотнести с опорными понятийными рядами правовых категорий, составляющими основу «понятийной сетки» права, «скелет» ее логической структуры[50]. Полагаем, что *система знаний о гражданском обороте, фиксируемая в содержании соответ-*

ную принадлежность ученых-исследователей к дисциплине; “матрица” – потому, что она составлена из упорядоченных элементов различного рода, причем каждый из них требует дальнейшей спецификации» (*Кун Т.* Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М.: Прогресс, 1977. С. 237–238). Сам Т. Кун выделял такие виды компонентов дисциплинарной матрицы (отмечая, что существуют и другие виды), как: «символические обобщения» – те выражения, которые используются членами научной группы без сомнений и разногласий; «метафизические парадигмы» – общепризнанные предписания; ценности; парадигму как общепризнанный образец (Там же. С. 238–244).

[46] *Уемов А.И.* Вещи, свойства и отношения. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

[47] *Кузнецова О.А.* Гражданско-правовая ответственность: необходимость смены методологической парадигмы // Проблемы взыскания убытков в российском правопорядке: сб. ст. VI ежегодн. междунар. науч.-практ. конф. «Коршуновские чтения» / отв. ред. Ю.С. Харитонова. М., 2016. С. 10–11.

[48] Там же. С. 11.

[49] *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию: Социальная системология. М.: Наука, 2003. С. 25.

[50] Как указывал А.М. Васильев, в этой понятийной сетке «имеются “узлы” переходов, совпадений, различий, характеризующие основное, наиболее существенное в праве на разных уровнях. Такая понятийная сеть юридических категорий выступает перед нами как теоретический образ общей картины, выражающей сущность и структуру, основные черты, закономерности развития и функционирования правовой формы общественной жизни» (*Васильев А.М.* Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 132–133).

ствующей категории, в силу отмеченной выше значимости последней, *является одним из ключевых опорных компонентов понятийной сетки права* (причем не только гражданского) и *претендует на парадигмальный статус*, т. е. на то, чтобы служить теорией, нормирующей «ход научного анализа бытия человека в правовой действительности» (выражение М.А. Беляева[51]), исходной концептуальной моделью, принятой в качестве образца для решения исследовательских задач в области гражданского права[52], и от восприятия которой зависит содержание идей и концепций, сущностно базирующихся на данной категории. Однако предпринятый обзор современной отечественной юридической литературы обнаружил обратное: в российской науке на настоящий момент научная теория (т. е. концептуально организованная система научных представлений[53]) гражданского оборота отсутствует[54], а сам гражданский оборот получает свою отрывочную доктринальную разработку и освещение лишь в контексте отдельных вопросов (главным образом, в рамках учения об объектах гражданских прав). Как следствие, имеющиеся работы, так или иначе касающиеся проблемы понимания гражданского оборота, целостного представления о последнем сформировать не позволяют.

2. *Вариативность имеющихся определений гражданского оборота*. В цивилистической доктрине выделяются два основных подхода к пониманию гражданского оборота: согласно первому, он представляет собой совокупность юридических фактов, согласно второму – совокупность (гражданско-правовых) отношений[55]. Подобные определения, действительно, составляют большинство имеющихся дефиниций гражданского оборота.

Так, С.А. Муромцев писал, что «гражданский оборот есть совокупность всех актов распоряжения», совершаемых субъектами «в данном гражданском обществе

---

[51] *Беляев М.А.* Современные парадигмы теории права // Вопросы экономики и права. 2009. № 9. С. 29.
[52] Из понимания парадигмы как образца исходил, в частности, Т. Кун (*Кун Т.* Указ. соч. С. 243–244).
[53] *Ушаков Е.В.* Введение в философию и методологию науки: учебник. М.: Экзамен, 2005. С. 225.
[54] На это справедливо указывает, в частности, В.А. Петрушкин, который пишет, что «в настоящее время в отечественной правовой науке не сложилось целостного, унифицированного представления о сущности гражданского оборота, то есть отсутствует соответствующая правовая теория» (*Петрушкин В.А.* Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости… С. 52).
[55] *Красавчиков О.А.* Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Ученые записки СЮИ. Т. V. Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. С. 5; *Полуяхтов И.А*. Указ. соч. С. 13; *Руденко А.В.* Указ. соч. С. 108; *Михайлова Н.С.* Указ. соч. С. 10–11; *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 281; *Галеева Р.Ф.* Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 22.

и в пределах гражданско-правового порядка»[56]. Как «совокупность всех вообще юридических сделок, совершаемых членами данного гражданского общества», трактовал гражданский оборот Г.Ф. Шершеневич[57]. С.Н. Братусь определял гражданский оборот как «совокупность сделок, административных актов и иных юридических фактов, в силу которых возникают гражданско-правовые имущественные отношения»[58]. По мнению Ю.Е. Туктарова, оборот в правоведении следует понимать как «совокупность актов передачи прав»[59]. А.В. Руденко относит к гражданскому обороту «активные, правомерные, волевые действия, которые обеспечивают переход права собственности», допуская включение в его содержание также тех действий, «которые сами по себе не переносят право собственности, но обеспечивают это, т. е. выполняют вспомогательные функции (например, договоры комиссии, поручения и пр.)»[60]. Р.М. Олимова определяет гражданский оборот драгоценных металлов и драгоценных камней как «совокупность гражданско-правовых сделок, оформляющих переход права собственности на драгоценные металлы и драгоценные камни»[61]. А.А. Морозов полагает, что гражданский оборот есть «совокупность правомерных действий субъектов, осуществляемых в границах закрепленной за ними правосубъектности, направленных на перемещение в пространстве материальных и нематериальных благ, удовлетворяющих различные потребности участников правоотношений»[62]. В.И. Синайский полагал, что гражданский оборот составляет «совокупность жизненных отношений (потребностей, интересов) как юридических отношений частноправового порядка»[63]. А.В. Дозорцев определял гражданский оборот как «совокупность отношений в сфере производства и обмена, регулируемых гражданским правом»[64]. По мнению О.А. Красавчикова, гражданский оборот представляет собой «совокупность граж-

---

[56] *Муромцев С.А.* Гражданское право Древнего Рима. М.: Статут, 2003. С. 67.
[57] *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Т. 1: Введение. Торговые деятели. М.: Статут, 2003. С. 36.
[58] *Братусь С.Н.* О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве (доклад на заседании Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук) // Советское государство и право. 1949. № 11. С. 71.
[59] *Туктаров Ю.Е.* Указ. соч. С. 113–114.
[60] *Руденко А.В.* Указ. соч. С. 109.
[61] *Олимова Р.М.* Указ. соч. С. 9.
[62] *Морозов А.А.* Указ. соч. С. 34.
[63] *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 54–55.
[64] *Дозорцев А.В.* Объекты права государственной социалистической собственности и их классификация // Советское государство и право. 1949. № 1. С. 57; Обзор заседаний Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук // Советское государство и право. 1949. № 11. С. 72.

данско-правовых имущественных обязательств, возникающих из правомерных действий, направленных на передачу имущества, выполнение работ и оказание услуг»[65]. Б.Б. Эбзеев считает гражданский оборот совокупностью «гражданско-правовых отношений имущественного характера, существующих на определенной территории и возникающих на основании различного рода юридических фактов»[66]. А.В. Головизнин определяет гражданский оборот как «совокупность социальных связей в сфере экономической жизнедеятельности общества, возникающих в результате приобретения, пользования и передачи благ, которые, будучи урегулированными нормами гражданского права, обладают гражданско-правовыми формами»[67]. В трактовке С.Б. Цветкова гражданский оборот – это «урегулированная нормами гражданского права совокупность общественных отношений, возникающих на основе заключаемых их участниками сделок или иных юридических фактов (юридических составов) в определенных сферах экономической деятельности… в целях удовлетворения материально-правовых интересов участников, содержанием которых являются их индивидуальные потребности»[68]. По мнению Р.А. Ражкова гражданский оборот есть «совокупность гражданско-правовых обязательственных отношений, возникающих из правомерных действий, в рамках которых осуществляются приобретение и передача благ»[69]. Е.А. Шаповалова понимает под гражданским оборотом «совокупность относительных отношений, возникающих из различных юридических фактов и опосредующих движение объектов гражданских прав от одного лица к другому»[70].

В то же время в цивилистике существуют и иные трактовки гражданского оборота. Так, Ю.С. Гамбаров включал в его содержание «все учреждения и нормы, при посредстве которых совершается и обеспечивается удовлетворение разнообразных потребностей человека, требующих для этого, при разделении труда и ограниченности индивидуальных средств, содействия других людей»[71]. С точки зрения Е.А. Суханова, гражданский оборот – это «совокупность сделок всех его

---

[65] *Красавчиков О.А.* Указ. соч. С. 20.
[66] *Эбзеев Б.Б.* Гражданский оборот: понятие и юридическая природа. С. 35.
[67] *Головизнин А.В.* Указ. соч. С. 88.
[68] *Цветков С.Б.* Указ. соч. С. 154.
[69] *Ражков Р.А.* Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. С. 8.
[70] *Шаповалова Е.В.* Указ. соч. С. 96.
[71] *Гамбаров Ю.С.* Курс гражданского права: Часть общая. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. С. 581.

(гражданского оборота – *Ю.В.*) участников и возникающих на этой основе обязательственных отношений, юридически оформляющих экономические отношения товарообмена»[72]. И.А. Полуяхтов определяет гражданский оборот как юридическую форму экономического оборота, отражающую «процесс перехода субъективных имущественных прав участников гражданских правоотношений, основанный на совершении причинно-обусловленных распорядительных юридических поступков, а применительно к вещным договорам – распорядительных односторонних сделок»[73]. Л.А. Чеговадзе понимает под гражданским оборотом «движение вещей и требований, но наряду с ними и движение прав»[74]. Д.В. Жернаков считает, что гражданский оборот земельных участков представляет собой «совокупность фактов изменения состояния принадлежности участка, находящегося на государственном кадастровом учете, субъектам как абсолютно (например, при купле-продаже), так и относительно (например, в случае аренды) в результате совершения сделок, а также в случае совершения иных юридических действий, предусмотренных гражданским законодательством и влекущих изменение правового режима земельного участка (фиксируемое в Едином государственном реестре прав)»[75]. М.А. Астахова рассматривает гражданский оборот как «урегулированный нормами права процесс перехода различных благ»[76]; эту точку зрения разделяет И.В. Евстафьева, заключающая, что гражданский оборот суть «реализуемый в рамках оснований и способов, прямо предусмотренных гражданским законодательством или не запрещенных им, процесс перехода объекта гражданских прав, вследствие которого происходит постоянная или временная смена правообладателей»[77]. В.М. Баранов предлагает определение понятия «гражданско-правовой оборот природных ресурсов» в качестве «возможности распоряжения данными объ-

---

[72] Гражданское право: учебник. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1998. С. 48.
[73] *Полуяхтов И.А.* Указ. соч. С. 7.
[74] *Чеговадзе Л.А.* Структура и состояние гражданского правоотношения. М.: Статут, 2004. С. 40.
[75] *Жернаков Д.В.* Указ. соч. С. 8.
[76] *Астахова М.А.* Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. С. 50–51. В более ранних работах гражданский оборот был определен автором несколько иначе – как «реализуемый в рамках оснований и способов, прямо предусмотренных законом либо не противоречащих ему, процесс перехода объектов гражданских прав» (см.: *Астахова М.А.* Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности. С. 6; *Ее же*. К вопросу о понятии гражданского оборота. С. 44).
[77] *Евстафьева И.В.* Правовое регулирование международного оборота имущественных авторских прав: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 34.

ектами путем их передачи другим субъектам с учетом пределов и ограничений их оборотоспособности, установленных отраслевым законодательством»[78]. С.Н. Бритвин понимает под гражданским оборотом, в частности, арендных прав «совокупность сделок и других юридических фактов, влекущих переход этих прав к другому лицу, либо обременение арендных прав (залог), а также совокупность возникающих на основе таких юридических фактов правоотношений»[79]. Е.В. Ельникова полагает, что гражданско-правовой оборот застроенных земельных участков включает в себя «переход или изменение в установленном законом порядке прав на расположенные под строениями земельные участки в результате совершения гражданско-правовых сделок или иными гражданско-правовыми способами»[80]. Под гражданским оборотом земельных участков сельскохозяйственного назначения Т.А. Пасикова понимает «основанный на законе переход имущественных прав на земельные участки сельскохозяйственного назначения от одного субъекта к другому в результате сделок, в порядке универсального правопреемства, а также посредством властно-распорядительных функций государственных органов и органов местного самоуправления»[81]. По мнению В.А. Белова, гражданский оборот – это «совокупность случаев смены носителей субъективных гражданских прав»[82]. Н.С. Михайлова полагает, что гражданский оборот образуют «частные случаи правопреемства, рассмотренные в своей совокупности»[83].

Изложенное позволяет заключить, что, во-первых, даже в рамках двух упомянутых подходов (гражданский оборот как совокупность юридических фактов и гражданский оборот как совокупность отношений) существуют различные интерпретации понятия гражданского оборота, и, во-вторых, взгляды на исследуемый феномен не исчерпываются двумя указанными подходами. В связи с этим не вызывает сомнений, что картина представлений о гражданском обороте нуждается в корректировке. Отметим, что В.А. Белов к числу воззрений на гражданский обо-

---

[78] *Баранов В.М.* Указ. соч. С. 8.
[79] *Бритвин С.Н.* Указ. соч. С. 8, 98.
[80] *Ельникова Е.В.* Указ. соч. С. 12, 25.
[81] *Пасикова Т.А.* Указ. соч. С. 8.
[82] *Белов В.А.* Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота … С. 76.
[83] *Михайлова Н.С.* Указ. соч. С. 14.

рот относит и такую (третью) точку зрения, согласно которой гражданский оборот есть совокупность фактических общественных отношений, а также «синтетическую теорию» – точку зрения, которая объединяет в одно понятие гражданского оборота и сделки, и юридические, и фактические отношения[84].

Полагаем, что на основании предлагаемых в литературе определений все взгляды на гражданский оборот можно разделить на две группы, первую из которых составляют представления о рассматриваемом явлении как о некой совокупности, вторую – как о процессе перехода (движении).

Взгляды сторонников трактовки понятия гражданского оборота с привлечением понятия «совокупность» при этом распадаются на следующие подгруппы, в свою очередь, также подлежащие дальнейшей градации:

1. Гражданский оборот как совокупность юридических фактов: 1) сделок (Г.Ф. Шершеневич, А.В. Руденко, Р.М. Олимова, А.А. Морозов); 2) актов распоряжения (С.А. Муромцев, Ю.Е. Туктаров); 3) всех юридических фактов (С.Н. Братусь).

2. Гражданский оборот как совокупность отношений: 1) общественных (фактических) отношений (В.И. Синайский, А.В. Дозорцев, А.В. Головизнин, С.Б. Цветков); 2) гражданских правоотношений: а) только обязательственных (О.А. Красавчиков, Р.А. Ражков; Е.В. Шаповалова); б) всех имущественных (Б.Б. Эбзеев).

3. Гражданский оборот как совокупность и юридических фактов, и отношений (Е.А. Суханов, С.Н. Бритвин).

4. Гражданский оборот как совокупность норм и учреждений (Ю.С. Гамбаров).

5. Гражданский оборот как совокупность случаев смены правообладателя (В.А. Белов, Д.В. Жернаков).

Взгляды сторонников трактовки понятия гражданского оборота через призму понятия «переход» (процесс, движение) включают в себя три следующих вида (подгруппы):

1. Гражданский оборот как переход субъективных прав (и обязанностей) (И.А. Полуяхтов, Е.В. Ельникова, Т.А. Пасикова).

---

[84] *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 281–282.

2. Гражданский оборот как переход объектов гражданских прав (М.А. Астахова, И.В. Евстафьева).

3. Гражданский оборот как переход и объектов гражданских прав, и субъективных прав на них (Л.А. Чеговадзе).

В целях удобства восприятия предложенную градацию взглядов ученых на гражданский оборот можно представить в виде таблицы:

<table>
<tr><td rowspan="8">гражданский оборот как совокупность</td><td rowspan="3">юридических фактов</td><td colspan="2">сделок</td></tr>
<tr><td colspan="2">актов распоряжения</td></tr>
<tr><td colspan="2">всех юридических фактов</td></tr>
<tr><td rowspan="3">отношений</td><td colspan="2">общественных (фактических, жизненных) отношений</td></tr>
<tr><td rowspan="2">гражданских правоотношений</td><td>только обязательственных</td></tr>
<tr><td>всех имущественных</td></tr>
<tr><td colspan="3">юридических фактов и отношений</td></tr>
<tr><td colspan="3">норм и учреждений</td></tr>
<tr><td colspan="3">случаев смены правообладателя</td></tr>
<tr><td rowspan="3">гражданский оборот как переход (процесс, движение)</td><td colspan="3">субъективных прав и обязанностей</td></tr>
<tr><td colspan="3">объектов гражданских прав (самих благ)</td></tr>
<tr><td colspan="3">и объектов гражданских прав, и прав на них</td></tr>
</table>

Следует обратить внимание на то, что отдельные из приведенных определений гражданского оборота сформулированы относительно конкретных видов объектов гражданских прав[85] либо, если и в общем виде, то на основании анализа лишь какого-либо одного из видов объектов[86], в силу чего универсальность этих дефиниций вызывает сомнения.

Признаем также небесспорность причисления тех или иных авторов к сторонникам определенного подхода, что во многом обусловлено противоречивостью их собственных суждений[87]. Кроме прочего, это свидетельствует о том, что

[85] В частности, определения С.Н. Бритвина, Е.В. Ельниковой, Д.В. Жернакова, Р.М. Олимовой, Т.А. Пасиковой.
[86] *Михайлова Н.С.* Указ. соч.
[87] Так, Н.С. Михайлова отмечает, что гражданских оборот образуют частные случаи правопреемства, рассмотренные в своей совокупности (*Михайлова Н.С.* Указ. соч. С. 14). Использование термина «совокупность» дает основание для отнесения точки зрения данного автора к одному из выделенных видов первой группы взглядов – а именно к тому, в рамках которого гражданский оборот трактуется как совокупность случаев смены правообладателя. В то же время апелляция к категории правопреемства в ее традиционном понимании как перехода прав и обязанностей

противопоставление тех или иных подходов является крайне условным и, несмотря на видимые различия всех предлагаемых в доктрине определений гражданского оборота, они имеют ряд общих моментов – именно для наглядности данного положения мы позволили себе столь обширное и полное цитирование отдельных авторских позиций.

Один из таких общих моментов касается признаков, включаемых в дефиниции понятия «гражданский оборот». Представляется, что по своей сути эти признаки являются тождественными[88], ученые лишь по-разному расставляют акценты. Так, сторонники точки зрения, согласно которой гражданский оборот образует совокупность юридических фактов, нередко указывают, что вследствие них возникают гражданские правоотношения. Равно как, напротив, определяя гражданский оборот как совокупность правоотношений, ученые отмечают, что такие правоотношения возникают на основе тех или иных юридических фактов. Аналогичным образом, считая, что гражданский оборот является неким процессом, правоведы подчеркивают, что основанием этого процесса являются сделки или иные юридические факты, а рассматривая гражданский оборот как совокупность юридических фактов, признают, что он есть, прежде всего, юридическая форма, опосредующая переход имущества. Так или иначе, можно утверждать, что в отечественной цивилистике единое и общепризнанное определение гражданского оборота отсутствует[89]. В таких условиях выявление истинного содержания категории «гражданский оборот», т. е. адекватного фиксируемому в ней феномену, является проблематичным, поскольку по сути сводится к субъективному выбору одного из имеющихся определений.

(а в самой работе проводится параллель именно с определением Б.Б. Черепахина), в равной мере допускает причисление Н.С. Михайловой к сторонникам иного подхода (гражданский оборот как переход субъективных прав и обязанностей). Опять же в итоговых выводах она определяет гражданский оборот как юридическую форму экономического оборота, включающую в себя правомерные, активные, волевые действия, обеспечивающие переход субъективных имущественных прав, а в случаях и в порядке, установленных законом, и иных прав (см.: Там же. С. 5, 13–14) исходя из чего ее можно считать представителем подхода к пониманию гражданского оборота как совокупности сделок. Другие примеры см.: *Виниченко Ю.В.* Гражданский оборот: опыт системного исследования: монография. Иркутск: Изд-во БГУ, 2019. С. 35–36.

[88] В данной связи не согласимся с М.А. Астаховой, которая отмечает принципиальные различия «в понимании как содержания гражданского оборота в целом, так и составляющих его элементов» (*Астахова М.А*. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. С. 50).

[89] Этот тезис, отнюдь, не нов и обычно не подытоживает, а, напротив, предваряет обзор имеющихся взглядов на гражданский оборот (см., например: *Астахова М.А.* Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. С. 48; *Головизнин А.В.* Указ. соч. С. 60; *Шаповалова Е.В*. Указ. соч. С. 92).

3. *Неоднозначность трактовки самих подходов к пониманию гражданского оборота*. Наиболее иллюстративным примером в данной связи является признанная в доктрине точка зрения о возможности понимания гражданского оборота в «узком» и «широком» смыслах.

Обратившись в свое время к анализу гражданского оборота в связи с исследованием проблемы разумности в гражданском праве, мы указали на необходимость введения таких понятий, как «гражданский оборот в узком смысле» (включающий только относительные, в частности, обязательственные правоотношения) и «гражданский оборот в широком смысле» (включающий наряду с относительными также абсолютные правоотношения)[90]. Несколько позднее суждения о широком и узком понимании гражданского оборота мы нашли в юридической литературе. Так, С.Н. Бритвин отметил отсутствие в научной литературе существенных причин для «узкого» понимания гражданского оборота, а именно ограничения последнего лишь сделками по передаче права собственности. Считая сужение понятия «гражданский оборот» необоснованным, ученый признал справедливой позицию Б.Б. Эбзеева, по мнению которого в гражданский оборот включается любая гражданско-правовая сделка, которая влечет обременение имущества новыми правами либо связана с переходом прав на имущество, либо с переходом самого имущества от одного лица к другому[91]. В.А. Белов также пришел к выводу, что «термин “гражданский оборот” может употребляться в двух несколько отличающихся смыслах – узком и широком». Однако ученый иначе определил содержание названных смысловых компонентов термина. По его мнению, «гражданский оборот в узком (собственном) смысле слова – это *совокупность случаев смены носителей субъективных гражданских прав*; прибавив к этой совокупности еще и подсистему, состоящую из случаев *частных ограничений и обременений субъективных гражданских прав*, мы получим понятие гражданского оборота в

[90] *Виниченко Ю.В.* Отдельные аспекты проблемы разумности в гражданском обороте // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2006. № 6. С. 60.
[91] *Бритвин С.Н.* Указ. соч. С. 97. Заметим, что сам Б.Б. Эбзеев в данной связи апеллирует к позиции Д.М. Генкина, полагавшего, что в понятие оборота входят не только сделки по переходу права собственности, но и другие гражданско-правовые сделки (*Эбзеев Б.Б.* Гражданский оборот: понятие и юридическая природа. С. 33).

широком смысле слова»[92]. То, что содержание понятия «гражданский оборот» рассматривается в литературе в широком и узком значениях, отметил С.Б. Цветков. К сторонникам узкого понимания гражданского оборота он отнес А.В. Руденко, цитируя вывод последнего о том, что «гражданский оборот по смыслу ГК РФ заключается в некоторых действиях по передаче объектов гражданских прав одним субъектом другому, что влечет за собой (по общему правилу) переход права собственности на этот объект»[93]; к представителям широкого понимания – Д.В. Добрачева, Е.В. Ельникову, А.С. Трифонова, Э.Б. Эбзеева. Сам же С.Б. Цветков полагает, что гражданский оборот следует рассматривать в широком смысле «с включением в его содержание обязательств, как связанных, так и не связанных с передачей права собственности»[94].

«Вполне традиционными» для правовой науки направлениями сочла «узкое» и «широкое» понимание гражданского оборота Е.В. Шаповалова, предложив вместе с тем свою интерпретацию данного вопроса. В частности, сторонники «узкого» направления, по ее мнению, считают, что под гражданским оборотом следует понимать «только совокупность возникающих из правомерных действий гражданско-правовых отношений», в то время как представители «широкого» направления рассматривают его «как совокупность гражданско-правовых отношений, порождаемых любыми юридическими фактами, в соответствии с которыми осуществляется переход благ от одного лица к другому»[95]. Можно заключить, что различие этих направлений Е.В. Шаповалова видит в допустимости включения в гражданский оборот неправомерных действий, а не в том, объединяет ли гражданский оборот только отношения «динамики» либо в него следует включать и отношения «статики». Подтверждает это и итоговый вывод автора: «Принципиальное отличие подходов к определению понятия “гражданский оборот” заключается в возможности отнесения событий и неправомерных действий к основаниям

---

[92] *Белов В.А.* Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота … С. 76.
[93] *Цветков С.Б.* Указ. соч. С. 152; *Руденко А.В.* Указ. соч. С. 107.
[94] *Цветков С.Б.* Указ. соч. С. 152–153.
[95] *Шаповалова Е.В*. Указ. соч. С. 92.

перехода объектов гражданских прав от одного лица к другому»[96]. В данной связи следует заметить, что вопрос о допустимости включения в гражданский оборот неправомерных действий в цивилистике, действительно, является дискуссионным[97], однако разграничение всех имеющихся подходов к определению гражданского оборота только на данном основании представляется ошибочным, что, полагаем, достаточно ярко иллюстрирует приведенная выше таблица.

Свое видение вопроса о «широком» и «узком» понимании гражданского оборота излагает также Р.Ф. Галеева, разделяя одновременно подход к восприятию последнего как совокупности правоотношений[98]. Отталкиваясь в суждениях от нормы п. 1 ст. 129 ГК РФ «Оборотоспособность объектов гражданских прав», она приходит к выводу, что гражданский оборот в «узком» смысле означает «непосредственный переход блага – его отчуждение от одного лица к другому (с прекращением полного абсолютного права у одного субъекта и возникновением аналогичного права у другого субъекта)», а в «широком» – «непосредственный оборот благ (отчуждение от одного лица к другому), в том числе в порядке универсального правопреемства, а также случаи сингулярного и конститутивного правопреемства»[99]. Близкой является позиция И.В. Евстафьевой, которая, демонстрируя общий нормативистский характер исследований гражданского оборота, отмечает, что возможность понимания последнего в узком смысле – как «непосредственно переход объектов гражданских прав от одного лица к другому по основаниям, предусмотренным законом» – следует из толкования правил ст. 129 ГК РФ, а в широком смысле – как «совокупность гражданских правоотношений» – из толкования положений ст. 2 ГК РФ[100].

---

[96] *Шаповалова Е.В*. Указ. соч. С. 95.

[97] Превалируют взгляды, согласно которым гражданский оборот включает только правомерные действия (см., например: *Руденко А.В.* Указ. соч. С. 109; *Морозов А.А.* Указ. соч. С. 34; *Михайлова Н.С.* Указ. соч. С. 5, 13–14) либо, при ином подходе, только гражданские правоотношения, порождаемые правомерными действиями (см., например: *Красавчиков О.А.* Указ. соч. С. 20; *Ражков Р.А.* Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 8). Иную позицию, согласно которой гражданский оборот образуют определенные группы гражданско-правовых отношений, возникающих из различных (любых) юридических фактов, т. е. в том числе из правонарушений, занимает сама Е.В. Шаповалова (*Шаповалова Е.В.* Указ. соч. С. 97, 98–99) и ряд других ученых (см., например: *Эбзеев Б.Б.* Гражданский оборот: понятие и юридическая природа. С. 35, 33–34).

[98] *Галеева Р.Ф.* Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 22.

[99] Там же. С. 23.

[100] *Евстафьева И.В.* Указ. соч. С. 33.

Обобщая приведенные суждения об «узком» и «широком» понимании гражданского оборота, следует признать, что их сходство заключается лишь в тождестве используемой терминологии; содержательно же трактовки данного вопроса отдельными представителями современной цивилистической доктрины, как можно увидеть, значительно разнятся.

4. В то же время *имеется достаточно устоявшееся понимание гражданского оборота*. В частности, постулатом, прочно укоренившимся в отечественной гражданско-правовой науке, начиная с советского периода, наряду с выводом, что гражданский оборот образуют только отношения «динамики», является тезис, согласно которому гражданский оборот представляет собой правовую форму, юридическое отражение экономического оборота[101]. Этот постулат сопровождается положением о том, что гражданский оборот – это переход прав, в то время как переход самих благ – это оборот экономический[102]. Ввиду того, что подобный подход является широко распространенным и превалирует в современной цивилистике, его исследование заслуживает отдельного, более пристального внимания и будет предпринято в следующем параграфе диссертации.

5. *Общий нормативистский характер исследований гражданского оборота*. Обосновывая необходимость исследования гражданского оборота, ученые нередко указывают на сложность и новизну «многих “практических” институтов гражданского права, вновь созданных или усовершенствованных Гражданским Кодексом РФ», апеллируют к «современному законодательному материалу»[103] и ратуют за необходимость законодательного определения понятия «гражданский оборот», считая отсутствие нормативного определения гражданского оборота в ГК РФ «очередным упущением законодателя»[104]. При этом в большинстве случа-

---

[101] *Братусь С.Н.* Указ. соч. С. 71; *Его же.* Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. С. 68–69; *Красавчиков О.А.* Указ. соч. С. 10; *Полуяхтов И.А.* Указ. соч. С. 11; *Астахова М.А.* Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности. С. 5; *Михайлова Н.С.* Указ. соч. С. 3, 5 и др.; *Цветков С.Б.* Указ. соч. С. 154; *Степанченко А.В.* Правовое регулирование гражданского оборота иностранной валюты в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. С. 21–22; и др.

[102] *Красавчиков О.А.* Указ. соч. С. 26; *Туктаров Ю.Е.* Указ. соч. С. 114; *Белов В.А.* Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота … С. 76; *Рыбалов А.О.* Указ. соч. С. 90–92; и др.

[103] См., например: *Полуяхтов И.А.* Указ. соч. С. 4, 28.

[104] В качестве примера приведем мнение В.С. Белых. «Как можно построить модели тех или иных гражданско-правовых норм, – пишет ученый, – если используемый при этом термин не раскрывается. Что значит “объекты,

ев в поисках определения понятия гражданского оборота правоведы традиционно отталкиваются от легальных установлений, как правило, ст. 129 ГК РФ «Оборотоспособность объектов гражданских прав»[105]. В итоге складывается ситуация, напоминающая движение по замкнутому кругу: законодатель, формулируя те или иные положения с привлечением понятия «гражданский оборот» и не давая его легальной дефиниции, возлагает задачу более или менее универсального и, главное, практически «жизнеспособного» содержательного наполнения используемых правовых понятий на представителей науки, в то время как последние не могут (либо не желают) оторваться в своих суждениях от «буквы закона». О приросте научного знания в такой ситуации, очевидно, говорить не приходится.

6. *Терминологическая непоследовательность*. Либо вследствие популярности и «привычности» термина «гражданский оборот», либо по иным причинам сегодня в доктрине этот термин необоснованно низведен до уровня обиходного словосочетания, в силу чего используется весьма произвольно, наряду с иными привычными выражениями, такими, например, как «имущественный оборот», «коммерческий оборот», «предпринимательский оборот», «торговый оборот» либо просто «оборот». При этом исследователи не проводят четкого разграничения используемых понятий, не дают их дефиниций, а нередко данный вопрос вовсе обходят молчанием. Так, в одном из современных отечественных учебников по гражданскому праву указывается, что гражданское право «охватывает важнейшую (основополагающую) область жизни современного общества, которую нередко именуют экономическим базисом», но тут же говорится, что гражданское право регулирует, в том числе «отношения гражданского оборота»[106]. Используются в этом издании и такие понятия, как: «экономический оборот», оператив-

---

изъятые из оборота” или “объекты, ограниченно оборотоспособные”? Конечно, здесь можно прибегнуть к толкованию, в том числе судебному. Но лучше, на наш взгляд, сформулировать легальное определение понятия “гражданский оборот”, исключив ненужные споры» (*Белых В.С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М.: Проспект, 2009. § 5 гл. 6 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»). См. также: *Михайлова Н.С.* Указ. соч. С. 5, 16; *Руденко А.В.* Указ. соч. С. 109; *Цветков С.Б.* Указ. соч. С. 154.

[105] См., например: *Галеева Р.Ф.* Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 22–23; *Евстафьева И.В.* Указ. соч. С. 31; *Ельникова Е.В.* Указ. соч. С. 21; *Романова В.В.* Правовое регулирование оборота земельных участков: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 51; *Шаповалова Е.В.* Указ. соч. С. 91–92. То, что в своих суждениях ученые «отправляются по существу от одного и того же положения, а именно – от оборотоспособности вещей, от участия тех или иных объектов в обороте», отмечал еще О.А. Красавчиков (см.: *Красавчиков О.А.* Указ. соч. С. 5).

[106] Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. С.А. Степанова. С. 20.

ность которого обеспечивает возможность совершать устные сделки[107]; «динамика оборота», которую, по мнению авторов, опосредуют обязательственные отношения[108]. Дефиниций приведенных понятий в данном учебнике нам обнаружить не удалось. В другом учебном издании по гражданскому праву при освещении вопроса о формах участия государства в гражданском обороте наряду с выражением «гражданский оборот» в качестве тождественного используется термин «оборот», притом, однако, что в другой части этой работы достаточно подробно рассматриваются отношения экономического оборота[109]. В одном из учебников по предпринимательскому праву отмечается, что «в юридической науке различают: экономический оборот, коммерческий оборот, гражданский оборот», однако в другой части данной работы содержится выражение «нормальные условия деятельности участников экономических отношений (гражданского оборота)»[110], не позволяющее однозначно определить, разграничивают или отождествляют авторы понятия экономического и гражданского оборота.

Множество примеров отмеченной терминологической непоследовательности дает анализ научной литературы. Так, М.А. Зинковский делает вывод о необходимости признания монет, выполненных из драгоценных металлов, «не вышедших из оборота как законное платежное средство, в качестве денег», отмечая далее, что безналичные драгоценные металлы «в гражданском обороте» не являются вещами[111]. Как соотносит автор понятия «оборот» и «гражданский оборот» и что он вкладывает в содержание каждого из них – остается неясным. Открытым оставляет данный вопрос и Н.С. Филимонов. Обозначив один из разделов своей работы «Общее понятие гражданского оборота лесных участков и ограничения оборота лесных участков», автор указывает, что под оборотом лесных участков и лесных насаждений «понимаются установленные законодательством правила перехода прав на них от одного лица к другому»[112], но заявленного общего опреде-

---

[107] Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. С.А. Степанова. С. 223.
[108] Там же. С. 486.
[109] Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. Ю.К. Толстого. С. 223–246, 568–569.
[110] Предпринимательское право России: учебник / отв. ред. В.С. Белых. М.: Проспект, 2009. С. 630, 617–618.
[111] *Зинковский М.А.* Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере оборота драгоценных металлов в обезличенной форме: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 7, 10.
[112] *Филимонов Н.С.* Указ. соч. С. 41.

ления гражданского оборота лесных участков так и не дает. И.В. Евстафьева, обращаясь к понятию гражданского оборота, отмечает, что дать определение такой характеристике объекта гражданских прав, как «оборотоспособность» можно через понятие «оборот», указывает, что «прямого определения понятия “гражданский оборот” ГК РФ не содержит»[113], и на основании семантического анализа термина «оборот» заключает, что ближе всего к сути гражданского оборота подошли ученые, придерживающиеся взгляда на данное явление как на «совокупность отношений в рамках гражданского права»[114]. Однако далее она делает вывод, что гражданский оборот представляет собой процесс перехода объекта гражданских прав[115]. Таким образом, логика суждений автора ставит под сомнение четкое разграничение ею понятий «оборот» и «гражданский оборот».

Если сопоставительный анализ смежных с гражданским оборотом понятий и предпринимается, то он не всегда корректен. Как пример приведем соотношение понятий «гражданский оборот» и «оборот ценных бумаг»[116]. Порочность их сопоставления усматривается в том, что понятие «гражданский оборот» указывает на признак отражаемого в данном понятии явления (какой оборот), в то время как в основании понятия «оборот ценных бумаг» лежит предметный критерий (оборот чего). Исходя из этого, подобные понятия являются несоотносимыми. Таким образом, можно заключить, что «порядок в терминологическом хозяйстве» (выражение Б.М. Гонгало[117]) относительно рассматриваемой категории отсутствует.

7. *Несогласованность интерпретации термина «гражданский оборот» и производных от него выражений в различных отраслях научного знания*. Данный аспект проблемы понимания гражданского оборота, свидетельствующий о межотраслевой значимости последнего, обусловлен использованием термина «гражданский оборот» и смежных с ним выражений не только цивилистами, но и представителями иных отраслей правоведения, в частности, земельного, природоре-

---

[113] *Евстафьева И.В.* Указ. соч. С. 31.
[114] Там же. С. 32.
[115] Там же. С. 34
[116] *Татаринцева К.Н.* Ограничения прав участников рынка ценных бумаг при обороте акций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 14.
[117] *Гонгало Б.М.* Метод О.А. Красавчикова // Российский юридический журнал. 2006. № 1. С. 31.

сурсного, экологического и аграрного права[118], административного права[119], уголовного права и криминологии[120]. Однако употребляя при разработке отдельных аспектов незаконного гражданского оборота определенных видов объектов (оружия, наркотических средств, алкогольной продукции и др.) выражения «предметы, ограниченные в гражданском обороте», «товары, не ограниченные в гражданском обороте», последние вкладывают в них смысл, отличный от того, который существует в цивилистической доктрине. Так, А.В. Дранников определяет предметы, ограниченные в гражданском обороте, как «предметы материального мира, гражданско-правовые сделки с которыми, в том числе экспортно-импортные перемещения, полностью или частично запрещены законодательством Российской Федерации в целях обеспечения обороноспособности государства, общественной безопасности, здоровья населения, культурного достояния Российской Федерации и других зарубежных государств»[121], что не в полной мере согласуется с гражданско-правовым пониманием объектов, ограниченных в гражданском обороте, как объектов, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо совершение сделок с которыми допускается по специальному разрешению, т. е. оборот которых, хотя и с определенными ограничениями, в целом допустим, а не запрещен. Между тем не вызывает сомнений, что в рамках единой системы права интерпретация идентичных выражений, используемых в различных отраслях права и сферах юридической науки, должна быть единообразной и не должна предприниматься вне контекста «проблематики взаимосвязей … и взаимозависимостей различных частей системы права»[122]. В этих условиях возрастает значение выверенности цивилистического понятийно-категориального аппарата, и для того, чтобы представители других юридических наук не толковали произвольно

---

[118] *Романова В.В.* Указ. соч.

[119] *Алексий П.В., Васин В.Н.* Администрирование гражданского оборота // Вестник Московского университета МВД России. М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2008. № 6. С. 88–90.

[120] *Дранников А.В.* Уголовная ответственность за контрабанду предметов, ограниченных в гражданском обороте: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2000; *Ласточкина М.С.* Уголовно-правовая защита средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010; *Пантюхин А.В.* Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с контрабандой товаров, не ограниченных в гражданском обороте: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005.

[121] *Дранников А.В.* Указ. соч. С. 8.

[122] *Челышев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: Цивилистическое исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2009. С. 3.

определенный гражданско-правовой термин, в частности, «гражданский оборот», не придумывали[123] и не додумывали его содержание, не искажали его, используя в том числе в угоду своим конъюнктурным интересам (например, налоговой политики государства), сами цивилисты должны прийти к его единообразному пониманию, предложив его всему остальному юридическому сообществу в качестве стереотипного шаблона.

8. *Познавательная инертность восприятия и исследования гражданского оборота*, проявляющаяся в том, что абсолютное большинство всех «вновь» предлагаемых определений гражданского оборота по существу является модификацией суждений и подходов, сложившихся в доктрине ранее, прежде всего, в советский период, когда в отечественной науке сформировался и начал укореняться преобладающий ныне формальный подход к пониманию гражданского оборота – взгляд на него как на правовую форму, правовую надстройку к экономическому базису, представляющую собой «динамику» субъективных прав.

Не отрицая значимости работ ученых советского периода, в частности, О.А. Красавчикова, с именем которого связана теория правовых форм, лежащая в основании сформулированного правоведом определения понятия гражданского оборота[124], и не подвергая сомнению важность и необходимость преемственности научных взглядов, тем не менее, полагаем, что на современном этапе, когда уже накоплен значительный массив знаний о гражданском обороте, следует проявить научную смелость и предпринять более решительные шаги в направлении его познания. Представляется, что претендуя на объективность и актуальность результатов осуществляемого научного поиска, следует иметь в виду общую тенденцию постоянного развития научного знания и наряду с «классическими» постулатами

---

[123] Как небезосновательно отмечает Н.П. Асланян, цитируя слова Г.Д. Левина о том, что в настоящее время открыть новую философскую категорию так же невозможно, как и новый материк, «цивилисты повергают подобные воззрения без оглядки на содержание собственной науки и едва ли не ежемесячно "открывают новые материки"» (*Асланян Н.П.* Об отношении к категориям в цивилистической литературе и роли категорий в научном познании. С. 14).

[124] *Красавчиков О.А.* Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005. С. 7–25; *Его же.* Гражданская правосубъектность как правовая форма // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005. С. 26–50; *Его же.* Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья). С. 3–28.

учитывать вновь появляющиеся концепции, касающиеся гражданского оборота, равно как и сам стремительно изменяющийся социальный контекст.

Так, исследуя гражданский оборот и исходя при этом из понимания его как правовой формы экономического оборота, на наш взгляд, нельзя обойти вниманием концепцию гражданско-правовых форм В.А. Белова, согласно которой необходимо выделять более десятка таких форм: гражданское правоотношение; гражданскую правосубъектность; секундарные права; публичные ограничения и частные обременения гражданских прав; кредиторские обязанности; гражданско-правовой режим; гражданско-правовое значение; охраняемые законом интересы; взаимосвязи правовых явлений; отрицательные правовые формы (состояния отсутствия); коллективные правовые формы; гражданско-правовые связи с участием третьих лиц[125]. При этом, напомним, В.А. Белов считает, что гражданский оборот выступает правовой формой экономического оборота[126]. В этой связи уже в первом приближении возникает целый ряд вопросов, а именно: в какой собственно правовой форме, из числа указанных, отражается экономический оборот; или гражданский оборот – их совокупность? Является ли гражданский оборот самостоятельной правовой формой? Не ясно и то, выступает ли гражданский оборот единственно возможной формой экономического оборота. Учитывая традиционность восприятия гражданского оборота как некой «динамики», оправдан и вопрос о том, отражается ли экономический оборот в категориях юридической науки только в форме обязательств[127] или, как отмечается в литературе, в вещно-правовых формах тоже[128]? Как может одно из двух явлений, отражаемых в соответствующих видовых понятиях («гражданский оборот» и «экономический оборот»), выступать формой другого? Наконец, имея в виду оборот объектов в циф-

---

[125] См.: *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право: учебник. М.: Юрайт, 2011. С. 320–321.

[126] См.: *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 283.

[127] Как совокупность гражданско-правовых обязательственных форм определяет гражданский оборот такого объекта, как валютные ценности Р.А. Ражков (*Ражков Р.А.* Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 8). Вместе с тем В.А. Белов наряду с формой обязательственных правоотношений выделяет также относительные правовые формы, не являющиеся обязательствами, а именно: охранительные гражданские правоотношения, права ожидания удовлетворения, относительные секундарные права и права участия (корпоративные права) (см.: *Белов В.А.* Гражданское право. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник. М.: Юрайт, 2013).

[128] Вещно-правовые формы гражданского оборота, в частности, культурных ценностей выделяет, например, А.В. Головизнин (*Головизнин А.В*. Указ. соч. С. 114–157).

ровой среде и недостаточную на настоящий момент правовую регламентацию этих отношений, возможно ли функционирование экономического оборота вне правовой формы? Представляется бесспорным, что ответы на приведенные вопросы требуют глубокого осмысления и серьезного научного анализа и в любом случае диктуют необходимость корректировки сложившегося восприятия гражданского оборота как правовой формы.

Такова общая познавательная ситуация в области научного осмысления гражданского оборота. Она свидетельствует о трудностях развития познания и должна быть охарактеризована как *проблемная,* причем проблемный ее характер детерминирован порочностью самих рамок наличного научного знания в данной области, а также неэффективностью используемого методологического инструментария. Давая такую оценку актуальной познавательной ситуации в системе знаний о гражданском обороте, мы исходим из необходимости отграничения собственно научной проблемы от научной задачи, разделяя в данном вопросе позицию Н.Н. Тарасова, указывающего, что «различение научной задачи и научной проблемы целесообразно осуществить, прежде всего, в плане средств познавательной деятельности. В этих рамках исследовательская ситуация должна расцениваться как задачная, если для достижения поставленных исследовательских целей наличные компоненты метода юридической науки являются адекватными и достаточными. Если же исследовательская ситуация характеризуется недостаточностью наличных методологических средств правоведения, требует иной парадигмы, привлечения дополнительных инструментов научного исследования, в том числе и из иных наук, то ее можно характеризовать как проблемную»[129]. Логическим развитием вывода о проблемном характере познавательной ситуации в области исследования гражданского оборота, таким образом, должен стать тезис о *необходимости смены парадигмы* последнего.

---

[129] *Тарасов Н.Н.* Указ. соч. С. 38–39. См. также: *Рузавин Г.И.* Методология научного исследования: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. С. 40–46. По мнению О.А. Кузнецовой, которая исходит из понимания научной проблемы как обнаруженной неспособности объяснить новые факты посредством существующего научного знания, в цивилистике научную проблему можно констатировать, «когда частноправовая ситуация не может быть разрешена даже при помощи принципов гражданского права» (*Кузнецова О.А*. Научная проблема и названия цивилистических исследований // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4 (22). С. 316, 317).

В завершение настоящего параграфа изложим основные выводы, полученные в процессе исследования.

Понятие «гражданский оборот» является одной из базовых цивилистических категорий, через призму которой формируются исходные представления об участниках и объектах гражданско-правовых отношений, о предмете и даже целях и задачах гражданско-правового регулирования. Исходя из этого, следует признать, что категория «гражданский оборот» относится к дисциплинарной матрице цивилистики, а система знаний о гражданском обороте, фиксируемая в содержании соответствующей категории, является одним из ключевых опорных компонентов понятийной сетки права (причем не только гражданского), выступая теорией, исходной концептуальной моделью, от восприятия которой зависит содержание идей и концепций, сущностно базирующихся на данной категории.

Между тем отрывочный, фрагментарный характер суждений о гражданском обороте, вариативность имеющихся определений последнего, равно как и трактовки самих подходов к его пониманию, терминологическая непоследовательность свидетельствуют об отсутствии в отечественной юриспруденции научной теории гражданского оборота и дают основания для вывода о признания актуальной познавательной ситуации в системе знаний о гражданском обороте проблемной. При этом в современной цивилистике продолжает сохраняться сложившееся и укоренившееся в советский период восприятие гражданского оборота как правовой формы экономического оборота, которое, однако, на фоне познавательной инертности и общего нормативистского характера исследований гражданского оборота не только не обеспечивает необходимый прирост знаний о нем как явлении реальной действительности, но и детерминирует порочный вывод о непризнании гражданского оборота предметом правового регулирования, исключающий регулирующее воздействие на него гражданского права.

Исправить сложившуюся познавательную ситуацию возможно только посредством изменения общего ракурса видения, смены парадигмы гражданского оборота – перехода к такому его восприятию, которое позволит сформировать целостное, полное, непротиворечивое и адекватное представление о феномене,

отображаемом в одной из базовых цивилистических категорий, к которым относится понятие «гражданский оборот».

§ 2. Онтологические предпосылки цивилистического познания гражданского оборота: дискурсивный анализ доктринальных представлений

Как было отмечено, превалирующим в отечественной цивилистике является формальный подход к пониманию гражданского оборота, т. е. его восприятие как правового отражения, правовой формы экономического оборота. Исходя из этого, одной из ключевых категорий, лежащих в основании современных представлений о гражданском обороте, выступает категория правовой формы, от содержательного наполнения которой зависит и понимание гражданского оборота, в связи с чем мы сочли необходимым отдельно остановиться на ее рассмотрении.

В отечественной юриспруденции понятие «правовая форма» является широко используемым: так, по соответствующему поисковому запросу в электронном каталоге юридической научной библиотеки «Спарк» было обнаружено 2537 релевантных работ. При этом, как показал анализ этих работ, крайне обширной является не только предметная сфера употребления (отраслевая принадлежность) данного понятия, но и его контекстный диапазон.

В частности, к понятию правовой формы отечественные правоведы прибегают в рамках исследований по общей теории и истории права[130], по конституционному праву[131], по административному и финансовому праву[132], по природоресурс-

---

[130] *Батурина Ю.Б.* Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; *Калентьева Т.А.* Правовые формы реализации экономической функции Российского государства в условиях перехода к рыночным отношениям: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000; *Рябко А.И.* Социальный контроль и его правовые формы: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

[131] *Королева И.Н.* Парламентский регламент как правовая форма регулирования порядка деятельности представительного органа государственной власти: российская и зарубежные модели: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; *Гулордава Д.* Современная конституционная монархия как демократическая и правовая форма правления // Право и жизнь. 2002. № 48. С. 338–344; *Мирская О.А.* Правовые формы и условия изменения конституционно-правового статуса и наименования субъекта Российской Федерации // Закон и право. 2013. № 3. С. 35–36.

[132] *Матвеев С.П.* Административные регламенты как правовая форма обеспечения социальной защиты государственных служащих // Административное право и процесс. 2011. № 12. С. 9–12; *Артеменко Н.В.* Правовые формы государственного регулирования предпринимательской деятельности // Финансовые и правовые проблемы РФ и пути их решения: теория и практика. Ч. 5. Иркутск, 2009. С. 33–35; *Грачева Е.Ю.* Правовая форма финансового контроля // Финансовое право. 2003. № 3. С. 3–6; *Маркелов В.В.* Правовая форма бюджетной деятельности субъектов Российской Федерации // Финансовое право. 2004. № 4. С. 38–41; *Фролова Е.Е.* Правовые формы и содержание

ному праву[133], по гражданскому, предпринимательскому и жилищному праву[134], по международному частному и международному публичному праву[135], по уголовному, уголовно-исполнительному праву и криминологии[136], криминалистике[137]. Сообразно этому, в соответствующих отраслевых исследованиях российские ученые употребляют такие словосочетания, как «конституционно-правовая форма»[138], «международно-правовая форма»[139], «гражданско-правовая форма»[140], «ад-

---

государственного финансового контроля в сфере наличного денежного обращения // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2010. № 5. С. 160–164.

[133] *Налетов К.И.* Лицензирование и договорно-правовые формы пользования недрами в РФ и за рубежом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

[134] *Асосков А.В.* Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М.: Статут, 2003; *Натарова О.А.* Гражданско-правовой договор как правовая форма оказания платных образовательных услуг // Закон и право. 2009. № 12. С. 71–74; *Попондопуло В.Ф.* Правовые формы реализации инвестиционных соглашений с участием публично-правового образования // Правоведение. 2013. № 2. С. 79–92; *Томилова Л.Н.* Правовые формы и способы участия муниципального образования в предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003; *Чаркин С.А.* Крестьянское (фермерское) хозяйство как правовая форма осуществления субъективных прав граждан на предпринимательскую деятельность // Ученые записки: сб. ст. Волгоград: Изд-во ВИЭСП, 2010. № 10. С. 380–386; *Суслова С.И.* Жилищные отношения и их правовые формы. М.: Юрлитинформ, 2013.

[135] *Дроздов-Тихомиров А.А.* Соглашение о применимом праве и источники неформального регулирования международных коммерческих договоров, выраженные в форме правовых принципов // Закон. 2009. № 8. С. 192–203; *Кудашкин В.В.* Оговорка о публичном порядке в международном частном праве как правовая форма, опосредующая содержание публичного порядка // Законодательство и экономика. 2004. № 3. С. 64–77; *Седова Ж.И.* Унифицированная правовая форма международного юридического лица. Тенденции развития международных экономических отношений. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003; *Секинаева З.А.* Международные соглашения как правовая форма регулирования гражданско-процессуальных отношений с участием иностранных лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 3 (18). С. 149–156; *Соколов В.А.* Мирный договор – основная правовая форма восстановления послевоенных отношений между государствами. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1965.

[136] *Пленкин Ю.В.* Изоляция осужденных к лишению свободы – признак наказания и правовая форма государственного принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005.

[137] *Докучаев О.О.* Следственно-оперативная группа как правовая форма взаимодействия следствия и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 3 (27). С. 109–113; *Его же*. Контроль и запись переговоров как правовая форма взаимодействия следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 4 (28). С. 48–51.

[138] *Гударенко Р.Ф.* Государственные целевые программы как конституционно-правовая форма осуществления деятельности по социальной защите инвалидов // Права и возможности детей-инвалидов на получение образования, социальную реабилитацию и интеграцию в общество: ст. науч.-практ. конф. Ставрополь: Мир данных, 2010. С. 163–170; *Назарова И.С.* Избирательные системы как конституционно-правовая форма (механизм) констатуирования института народного представительства // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 116–119.

[139] *Альтшулер А.Б.* Новая международно-правовая форма экономического сотрудничества // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 54–65; *Самакэ Исса*. Международный договор как основная международно-правовая форма экономического сотрудничества стран Африки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1971; *Стоякин С.Г.* Правовая природа основных международно-правовых форм интеграции государств-участников Союза Независимых Государств // Аспирант и соискатель. 2005. № 2. С. 83–93.

[140] *Буланов Р.Ю.* Гражданско-правовая форма экономических свойств денег // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. 2009. № 2. С. 60–66; *Волынкина М.В.* Гражданско-правовая форма инновационной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007; *Ершов О.Г.* Внедоговорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011; *Его же.* Договорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012; *Кузнецова А.С.* Гражданско-правовая форма распоряжения результатами научно-исследовательской деятельности образовательных учреждений системы МВД России // Вопросы права и проблемы становления гражданского общества в России. Хабаровск: Изд-во Дальневост. юрид. ин-та МВД России, 2009. С. 40–42; *Попов В.К.* Гражданско-правовые формы реализации материальных интересов в агропромышленном комплексе СССР: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1983; *Ушницкий Р.Р.* Гражданско-правовая форма корпоративного отношения: дис. ... канд. юрид. наук. Якутск, 2013.

министративно-правовая форма»[141], «уголовно-правовая форма»[142]. Наряду с указанными, в отечественной юридической литературе широко используется термин «организационно-правовая форма», не имеющий, как можно увидеть, строгой отраслевой «привязки»[143]. Отдельные авторы оперируют и такими выражениями, как «социально-правовая форма»[144], «экономико-правовая форма»[145], «нормативно-правовая форма»[146], «государственно-правовая форма»[147], «негаторно-правовая форма»[148], «социалистические правовые формы»[149]. Изложенное наглядно и отчет-

---

[141] *Василевская Д.В.* Административные регламенты оказания государственных услуг и исполнения государственных функций в сфере недропользования как административно-правовая форма регулирования правоотношений// Бизнес в законе. 2009. № 2. С. 205–208; *Зеленцов А.Б.* Обращения граждан как административно-правовая форма // Вестник Российского университета дружбы народов. Юридические науки. 2003. № 1. С. 5–15.

[142] *Бязров В.Г., Козаев Н.Ш.* Институт добровольного отказа как уголовно-правовая форма предупреждения захвата заложника и некоторые вопросы его совершенствования // Конституция и проблемы укрепления законности: материалы VI Северо-Кавказской регион. науч.-практ. конф. Владикавказ: Изд-во Владикавказ. ин-та управления, 2011. С. 164–176.

[143] *Алексеев Д.Б.* Финансовый контроль как самостоятельная организационно-правовая форма государственной контрольной деятельности // Бизнес в законе. 2013. № 6. С. 182–187; *Аристаков Ю.М.* Социалистические концерны – новая организационно-правовая форма развития самостоятельности предприятия // Экономико-правовые проблемы перестройки хозяйственного механизма. М: Изд-во ИГиП АН СССР., 1989. С. 63–66; *Белокрылова О.* Филиал как организационно-правовая форма объективизации внутрихозяйственного распределения фонда накопления // Хозяйство и право. 1994. № 1. С. 54–59; *Винницкий А.В.* Организационно-правовая форма государственных компаний: недостатки регулирования и перспективы реформирования // Современное право. 2010. № 11. С. 70–75; *Ермошин Г.Л.* Статус судьи как организационно-правовая форма обеспечения его независимости // Российский судья. 2012. № 6. С. 10–16; *Калинова К.В.* Концессия – организационно-правовая форма хозяйствования: особенности и определяющие их факторы. Статья 1. Концессия как инвестиционная база // История государства и права. 2014. № 14. С. 34–37; *Клеандров М.И.* Государственная корпорация: новая организационно-правовая форма – новые проблемы // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. СПб.: Универ. издат. консорц. «Юридическая книга», 2009. № 2. С. 303–313; *Курбатов А.* Государственная корпорация как организационно-правовая форма юридического лица // Хозяйство и право. 2008. № 4. С. 105–124; *Смольянинов Е.С.* Уголовно-правовые средства борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием организационно-правовых форм юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000; *Эстулин И.В.* О понятии организационно-правовой формы юридического лица // Армия и общество. 2014. № 3 (40). С. 14–19.

[144] *Кудряшова О.А.* Социально-правовая форма в системе элементов обстановки совершения преступления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. № 6 (223), вып. 25. С. 54–57; *Токарева Е.В.* Товарищество собственников жилья как социально-правовая форма объединения граждан по месту жительства: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012.

[145] *Грищенко Е.А., Марченко О.С.* Аренда как экономико-правовая форма реализации собственности // Актуальные проблемы формирования правового государства: краткие тез. докл. и науч. сообщ. республ. науч. конф., 24–26 окт. 1990 г. Харьков: Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1990. С. 142–143; *Лебединец О.Н.* Государственно-частное партнерство как экономико-правовая форма взаимодействия публичного и частного // Актуальные проблемы частного и публичного права: сб. ст. по материалам межрегион. науч.-практ. конф. (Волгоград, 12 окт. 2012 г.). Волгоград: ВА МВД России, 2013. № 5. С. 68–74.

[146] *Махина С.Н.* Нормативно-правовая форма децентрализации публичного администрирования: Правотворчество и правоприменение: Взаимосвязь и проблемы повышения юридического качества // Правовая наука и реформа юридического образования: Правотворчество и правоприменение: Взаимосвязь и проблемы повышения юридического качества: сб. науч. тр. Вып. 19. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2006. С. 98–116.

[147] *Левин И.Д.* Советская федерация – государственно-правовая форма разрешения национального вопроса в СССР // Вопросы советского государства и права, 1917–1957. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 213–268; *Муртаза-Оглы Ф.А.* Советская автономия как государственно-правовая форма разрешения национального вопроса // Вопросы теории права и государственного строительства. Вып. 3. Томск, 1979. С. 69–75.

[148] *Борякова С.А.* Негаторно-правовая форма защиты права собственности // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 15 дек. 2009 г.). М.: Изд-во СГУ, 2010. С. 81–85.

ливо свидетельствует о том, что в области юридических наук категория «правовая форма» применяется к явлениям, составляющим предмет различных отраслей правоведения, что придает ей межотраслевой статус.

Обширным является не только область употребления рассматриваемого понятия, но и спектр иных юридически значимых понятий и категорий, анализируемых через его призму (иными словами, того, *что* выступает в качестве правовой формы). Как правовую форму отечественные правоведы рассматривают следующие явления: гражданскую правосубъектность[150]; гражданское правоотношение[151]; секундарные права, публичные ограничения и частные обременения гражданских прав, кредиторские обязанности, гражданско-правовой режим, гражданско-правовое значение, охраняемые законом интересы, взаимосвязи правовых явлений, состояния отсутствия, гражданско-правовые связи с участием так называемых третьих лиц[152]; договоры[153] а также понуждение к заключению договора[154]; банковскую гарантию, доверительное управление и казенное предприятие[155]; (государ-

---

[149] *Шварц Х.Д.* Перевод хозяйственных единиц из социалистических правовых форм в формы обществ частного права // Основы немецкого торгового и хозяйственного права. Германский Фонд международного правового сотрудничества. М.: БЕК, 1995. С. 102–112.

[150] *Красавчиков О.А.* Гражданская правосубъектность как правовая форма. С. 26–50; *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. I. С. 320.

[151] *Красавчиков О.А.* Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения. С. 7–25; *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. I. С. 320.

[152] *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. I. С. 320–321.

[153] *Братусь С.Н.* Хозяйственный договор как гражданско-правовая форма распределения продукции между государственными предприятиями // Советское государство и право. 1953. № 2–3. С. 74–88; *Быковский В.К.* Договор аренды лесного участка как правовая форма осуществления предпринимательской деятельности по использованию лесов // Предпринимательское право. 2008. № 2. С. 36–38; *Галлов В.В., Зинченко С.А., Ломидзе О.Г.* Концессионное соглашение – правовая форма взаимодействия бизнеса и государства // Закон. 2007. № 2. С. 65–72; *Горбунов М. П.* Договор как правовая форма хозяйственной инициативы // Правоведение. 1979. № 2. С. 76–81; *Колокольцев А.Н.* Административный договор как правовая форма управления // Право и политика. 2007. № 9. С. 14–19; *Машанский С.Е.* Договор поставки как правовая форма планирования качества продукции // Всесоюзная научно-практическая конференция по правовым проблемам стандартизации качества продукции и метрологии: тез. докл. М.: Изд-во стандартов, 1975. С. 133–135; *Монкявичюс Э.А.* Договор как правовая форма межхозяйственной кооперации в Литовской ССР // Правовые вопросы межхозяйственной кооперации. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. С. 51–58; *Натарова О.А.* Указ. соч.; *Попондопуло В.Ф.* Концессионное соглашение – правовая форма государственно-частного партнерства // Правоведение. 2007. № 6. С. 255–268; *Пратьков Д.Ю.* Инвестиционный договор как правовая форма осуществления капитальных вложений по законодательству Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 4. С. 136–141; *Секинаева З.А.* Указ. соч. С. 149–156; *Шуршалов В.М.* Международные договоры между социалистическими странами как основная правовая форма выражения социалистического интернационализма // Советский Союз и международные договоры: сб. ст. Вып. 8. М., 1980. С. 42–55.

[154] *Хохлов С.А.* Понуждение заключить договор как правовая форма регулирования хозяйственных связей в капиталистических странах // Антология уральской цивилистики, 1925-1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 228–241.

[155] *Пометихина С.И.* Банковская гарантия как правовая форма распределения обязательственного риска // Бизнес в законе. 2009. № 4. С. 144–147; *Беневоленская З.Э.* Доверительное управление как правовая форма распоряжения имущества // Закон. 2005. № 12. С. 85–98; *Куликова А.А.* Казенное предприятие как правовая форма реализации государственной и муниципальной собственности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2014.

ственную) регистрацию и стандарты[156]; иностранные инвестиции[157]; контроль и надзор[158]; регламенты и документы[159]; гражданство, плебисцит и предписание[160]; изоляцию осужденных[161].

Таким образом, в качестве правовой формы учеными рассматриваются самые различные явления, бесконечное многообразие которых обусловливает возможность их систематики, на наш взгляд, лишь с позиций того, явлениями какого – фактического (реального) либо правового (идеального) – порядка они являются. В отличие от этого вопрос о том, правовой формой *чего* выступает то или иное явление, решается в доктрине достаточно единообразно. Можно, конечно, встретить работы, посвященные, например, правовым формам презумпций[162]. Однако в основном предмет научного интереса составляют: 1) правовая форма общественных отношений[163] и 2) правовая форма определенной деятельности: государственной, бюджетной, правотворческой, инновационной, управленческой, надзорной[164].

---

[156] *Илезов М.Б.* Регистрация по месту пребывания и месту жительства как правовая форма управления в миграционной сфере // История государства и права. 2008. № 22. С. 11–14; *Пойминова Я.В.* Государственная регистрация прав как правовая форма реализации властных полномочий: методологические проблемы // Нотариус. 2009. № 3. С. 36–39; *Савицкая А.Н.* Стандарты предприятий как правовая форма реализации конституционных принципов управления экономикой // Правовые проблемы управления качеством продукции на базе стандартизации и метрологического обеспечения: тез. всесоюз. науч.-практ. конф. (Свердловск, 18–19 окт. 1978 г.). Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1978. С. 61–62; *Семякин М.Н.* Государственные стандарты и особые условия как специфические правовые формы регулирования отношений поставки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1978.

[157] *Денчик Н.* Иностранные инвестиции как правовая форма обновления хозяйственных связей // Хозяйство и право. 1996. № 6. С. 47–56.

[158] *Горшенев В.М., Шахов И.Б.* Контроль как правовая форма деятельности. М.: Юрид. лит., 1987; *Докучаев О.О.* Контроль и запись переговоров как правовая форма …; *Беляев В.П.* Надзор как правовая форма государственной деятельности: общетеоретические проблемы: дис. … канд. юрид. наук. Белгород, 2000.

[159] *Королева И.Н.* Указ. соч.; *Матвеев С.П.* Указ. соч.; *Трунина Е.В.* Административные регламенты как правовая форма осуществления таможенными органами государственного контроля // Право и экономика. 2012. № 1. С. 53–59; *Вершинин А.П.* Электронный документ: правовая форма и доказательства в суде. М.: Городец, 2000.

[160] *Четвериков А.О.* Гражданство Европейского Союза как правовая форма либерализации трансграничных общественных отношений между государствами-членами ЕС // Lex Russica. 2010. № 4. С. 860–872; *Чунаев К.Г.* Гражданство как правовая форма существования государства // Юридическая теория и практика в истории и современной России: сб. науч. ст. М.: Юрист, 2010. С. 150–160; *Волова И.В.* Плебисцит как правовая форма волеизъявления народов колониальных стран // Тезисы итоговой научной конференции юридического факультета за 1966 год. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1967. С. 18–19; *Ульянов И.А.* Предписание как правовая форма воздействия антимонопольного органа на договорные отношения хозяйствующих субъектов // Законодательство. 2011. № 2. С. 40–48.

[161] *Пленкин Ю.В.* Указ. соч.

[162] *Бронникова М.Н.* Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006.

[163] *Белов В.А.* «Наследование» и «наследственное правопреемство»: фактическое отношение и его правовая форма // Наследственное право. 2014. № 1. С. 6–16; *Суслова С.И.* Указ. соч.; *Суханов Е.А.* Правовая форма экономических отношений // Методологические проблемы правоведения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 46–57; *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М.: Статут, 2006. С. 23.

[164] *Беляев В.П.* Указ. соч.; *Фридман В.С.* Правовая форма государственной деятельности // Северо-Западная академия государственной службы. Ежегодник 2001: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СЗАГС, Образование-Культура, 2002. С. 289–312; *Маркелов В.В.* Указ. соч.; *Марченко Ю.В.* Правотворческая деятельность как правовая форма осуществления функций государства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 5 (63). С. 20–

Анализируя доктринальные источники, можно также заметить, что выражение «правовая форма» используют и вместо иных обычно употребляемых в цивилистике терминов – «форма» сделки (договора)[165], «организационно-правовая форма» юридических лиц[166]; либо, напротив, термины «правовая форма», «организационно-правовая форма» заменяют словом (просто) «форма»[167].

Кроме этого, представляется возможным выделить в отдельную группу многочисленные труды, авторы которых используют выражение не «правовая», а «юридическая форма»[168]. Оставляя за рамками настоящей работы разбор соотношения данных терминов и соответствующих им понятий, можно констатировать,

---

26; *Волынкина М.В.* Указ. соч.; *Илезов М.Б.* Указ. соч.; *Колокольцев А.Н.* Указ. соч.; *Назаров С.Н.* Надзорная деятельность: этапы развития, сферы реализации, правовая форма / под ред. Д.Ю. Шапсугов. Ростов н/Д.: Изд-во АПСН СКНЦ ВШ, 2005; *Его же.* Надзорный процесс как правовая форма осуществления надзорной деятельности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2006. № 4. С. 16–29.

[165] *Илюшина М.Н.* Понятие правового режима как правовой формы коммерческих сделок // Вестник Российской правовой академии. 2007. № 2. С. 49–51; *Пак А.Б.* Правовая форма завещания // Социально-экономические и правовые проблемы развития информационного общества: материалы междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2009 г. В 5 т. Т. 4. Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2009. С. 253–261; *Харитонов А.В.* Правовая форма договора факторинга в России и за рубежом // Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 29 апр. 2009 г.): в 3 ч. Ч. 2. Гражданско-правовые проблемы. Уфа, 2009. С. 184–188.

[166] *Бакшинскас В.Ю.* Акционерное общество как правовая форма объединения капиталов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997; *Дрыга М.А.* Унитарное предприятие как правовая форма управления государственным имуществом // Юридический вестник РГЭУ. 2004. № 3. С. 56–60; *Куликова Т.В.* Муниципальные унитарные предприятия как правовая форма управления муниципальным имуществом // Научные труды РАЮН. Вып. 3, т. 1. М., 2003. С. 501–507; *Лехтинен Л.* Правовые формы предпринимательства на основе Гражданского кодекса России // Хозяйство и право. 1995. № 8. С. 55–60; *Чаркин С.А.* Крестьянское (фермерское) хозяйство как правовая форма осуществления субъективных прав граждан…; *Его же.* Правовая форма хозяйственного товарищества как способ реализации субъективных прав граждан на индивидуальную предпринимательскую деятельность // Конституционно-правовые основы регулирования имущественных отношений и защиты имущественных прав: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 13 дек. 2008 г. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. С. 18–19.

[167] *Кузин А.В., Финогентова О.Е.* Товарищество как форма юридического лица. История и современность // Актуальные проблемы гражданского права и процесса. Вып. 1. М., 2006. С. 55–58.

[168] *Алгазинова Е.Э.* Правоотношение как юридическая форма осуществления расходов организаций в целях налогообложения прибыли // Современные проблемы теории налогового права (The Modern Problems of Tax Law Theory): материалы междунар. науч. конф. (Воронеж, 4–6 сент. 2007 г.). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. С. 390–396; *Бабайцева Е.А.* Коммерческая организация как юридическая форма осуществления права на занятие предпринимательской деятельностью: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2004; *Гена Е.И.* Собственность граждан и юридические формы ее реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993; *Землянухина С.Г., Землянухина Н.С.* Соотношение юридических форм и экономических отношений собственности на рабочую силу // Экономический анализ права: материалы междунар. науч.-практ. семинара, 3–4 июня 2003 г. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. С. 147–154; *Конобеевская И.М.* К вопросу о юридической форме реализации прав на недвижимое имущество // Политико-правовые проблемы взаимодействия власти и бизнеса в условиях кризиса: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию Саратовской областной Думы и 100-летию Саратовского гос. университета им. Н.Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. С. 159–161; *Попов А.В.* Товарищество собственников жилья как юридическая форма, опосредующая правомочия собственников помещений в многоквартирном доме: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006; *Самаркин К.И.* Юридические формы осуществления права на жилище // Российский юридический журнал. 2008. № 1. С. 199–203; *Тонков Е.Е.* Трансформация юридических форм государственной деятельности в период экономического кризиса. М.: Изд-во СГУ, 2009; *Чемагина Н.А., Ямбушев Ф.Ш.* Конституционно-правовая характеристика договора как юридической формы регулирования взаимоотношений в сложносоставном субъекте Российской Федерации // Научные исследования высшей школы: сб. тез. докл. и сообщений на итог. науч.-практ. конф., 10 февр. 2004 г. Тюмень: Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД РФ, 2004. С. 15–16.

что в цивилистической литературе они, как правило, отождествляются (полагаем, вследствие семантически оправданного отождествления терминов «правовой» и «юридический»[169]). Так, и признанный авторитет в данном вопросе О.А. Красавчиков в названии одной из своих работ использует выражение «юридическая форма» («Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения»), а другой – «правовая форма» («Гражданская правосубъектность как правовая форма»). Аналогично В.Ф. Яковлев, отмечая, что российское право выступает единой юридической формой общественных отношений, уточняет, что в данном случае термин «правовая форма» употребляется в том значении, «когда все право рассматривается в качестве формы общественных отношений»[170].

Изложенное позволяет сделать еще один вывод, связанный с пониманием категории «правовая форма»: четкое отграничение ее от иных смежных понятий («юридическая форма», «организационно-правовая форма», «форма»), и, таким образом, единообразное понимание данной категории в отечественной доктрине отсутствует. Представляется, что это вызвано, с одной стороны, общим невниманием ученых, особенно современных, к вопросу о значении тех или иных терминов и (или) пренебрежением требованием необходимости их корректного употребления, а, с другой стороны, тем, что в подавляющем большинстве случаев категория правовой формы привлекается учеными для познания других юридически значимых явлений и, таким образом, не получает должного внимания ввиду того, что не является непосредственным предметом научного анализа[171].

---

[169] Впрочем, отдельные представители иных областей правоведения, в частности общей теории права, анализируя вопрос о юридической форме, термины «юридический» и «правовой» противопоставляют. Например, Г.М. Лановая рассуждает о соотношении юридической формы и «правового содержания» и использует при этом такой термин, как «*юридическое право*» (см.: *Лановая Г.М.* Соотношение содержания и формы в юридическом праве // История государства и права. 2010. № 6. С. 25). Для цивилиста, взращенного на постулатах древнеримского права и отчетливо усматривающего в этимологическом основании термина «юридический» древнеримское «*ius, iuris*» – «право», подобное словоупотребление представляется не только тавтологичным, но и, действительно, парадоксальным, даже принимая во внимание замечание С.С. Алексеева о возможности существования наряду с правовыми законами неправовых законов и, «стало быть,.. “неправового права” – неправедного, не отвечающего высоким требованиям гуманистического правопонимания» (*Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 239).

[170] *Яковлев В.Ф.* Указ. соч. С. 23. Этому значению правовед противопоставляет смысл термина «форма», используемого для обозначения «формы самого права как самостоятельного общественного явления, имеющего также и свое содержание» (Там же).

[171] На тот факт, что понятие правовой формы не имеет единого общепризнанного содержания, указывалось в отечественной юридической литературе и ранее (см.: *Халфина Р.О.* Право как средство социального управления. М.: Наука, 1988. С. 174). При этом, по замечанию Р.О. Халфиной, термин «правовая форма» применялся в различных смыслах – как вся совокупность правовых норм, как система права, норма права и т. п. (см.: *Халфина Р.О.* О пра-

В этой связи следует заметить, что специальному изучению собственно понятия «правовая форма» в современном правоведении посвящено крайне незначительное количество научных работ. Из числа исследований общетеоретического характера – это лишь указанная выше диссертационная работа Ю.Б. Батуриной «Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права» (М., 2001)[172] и статья О.Н. Петюковой[173], рассматривавшей вопрос о трактовке понятия правовой формы в связи с исследованием другой научной проблемы – юридической формализации отношений советского государства и Русской православной церкви[174]. Отчасти долгожданным «принцем», явившимся к категории правовой формы под «алыми парусами» (используя выражение О.А. Красавчикова[175]), можно считать В.А. Белова – автора единственного в настоящее время общего учения о правовых формах в области гражданского права. «Отчасти» – именно в силу отраслевого характера отмеченного учения[176]; во всем остальном концепцию данного ученого, на наш взгляд, следует признать наиболее полным, хотя и не лишенным недостатков учением о правовых формах, автор которого не только предлагает свою модификацию определения анализируемой категории и приводит развернутую классификацию правовых (гражданско-правовых) форм, но и подробно рассматривает отдельные их виды. В рамках отраслевых исследований выводы и суждения по проблеме понимания правовых форм, во многом построенные на критическом анализе концепции В.А. Белова, содержатся также в монографии С.И. Сусловой «Жилищные отношения и их правовые формы» (М., 2013).

вовой форме экономических отношений // Советское государство и право. 1965. № 7. Прим. 1; *Ее же.* Право как средство социального управления. С. 174).

[172] См. также ее работу: *Батурина Ю.Б.* Понятие «правовая форма» // Научные труды РАЮН. Вып. 3, т. 1. М.: Юрист, 2003. С. 36–44.

[173] *Петюкова О.Н.* К вопросу о трактовке понятия «правовая форма» // Векторы развития современной России: материалы пятой межвуз. науч.-практ. конф. Московского филиала ЛГУ им А. С. Пушкина (Москва, 17 февр. 2010 г.) : сб. ст. : в 2 ч. Ч. 2. М.: МФ ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. С. 292–296.

[174] См.: *Петюкова О.Н.* Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011; *Ее же*. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах: монография. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2012. Анализу понятия «правовая форма», в частности, его соотношению с понятиями «форма права» и «источник права» в указанных работах посвящены § 1 гл. 1 диссертации, разд. 1.1. гл. 1 монографии.

[175] Который в свое время образно заметил, что категория правовой формы «еще только ждет своего “принца”, который явится к ней под “алыми парусами”» (*Красавчиков О.А.* Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения. С. 16).

[176] В то время как О.А. Красавчиков справедливо указывал на настоятельную необходимость всестороннего сущностного научного анализа категории правовой формы с общетеоретических позиций (см.: Там же).

Что касается предлагаемых дефиниций рассматриваемого понятия, то Ю.Б. Батурина, предпринявшая исследование категории правовой формы, определяет ее как «юридическую комплексную категорию»[177], осуществляющую опосредование различных неправовых общественных явлений, нуждающихся в юридической регламентации, а также служащую каркасом внутри самого права, объединяющим (цементирующим) различные элементы, входящие в право[178], предлагая, кроме этого, определение правовой формы как объективно выраженной и устойчивой связи между составляющими право элементами (частями), а также между правом и неправовыми явлениями, нуждающимися в правовой регламентации[179]. В правовой форме, по ее мнению, выделяются две составляющие: внутренняя правовая форма, определяемая как «объективная связь между различными элементами составляющими право», и внешняя правовая форма – «связь права с неправовыми явлениями, нуждающимися в юридической регламентации»[180].

Отмеченное выделение внешней и внутренней правовой формы в целом соответствует философскому подходу к пониманию такой категории, как «форма». Так, в философском энциклопедическом словаре соответствующий термин определяется двояко: 1) как «внешнее очертание, наружный вид предмета, внешнее выражение какого-либо содержания»; 2) как «внутренне строение, структура, определенный и определяющий порядок предмета или порядок протекания процесса в отличие от его “аморфного” материала (материи), содержания или содержимого»[181]. Аналогичным образом освещается вопрос о многозначности понятия формы в учебной литературе по философии: «Часто под формой понимается способ внешнего выражения содержания, иногда при этом указывается, что форма к тому же есть относительно устойчивая определенность связи элементов (точнее, компонентов) содержания и их взаимодействия, тип и структура содержания»[182].

---

[177] По поводу этого словосочетания заметим, что правовая категория как понятие предельной степени общности, как «продукт мышления», «познавательный образ правовых явлений и процессов» (*Васильев А.М.* Указ. соч. С. 89) комплексной быть не может, даже если она отражает различные стороны (признаки) явления.
[178] *Батурина Ю.Б.* Правовая форма и правовое средство… С. 8.
[179] Там же. 36.
[180] Там же. С. 8.
[181] Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 1999. С. 489.
[182] *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия: учебник. М.: Теис, 1996. С. 380.

Возвращаясь к вопросу об определении правовой формы, приведем также точку зрения О.Н. Петюковой: предложенное ею определение правовой формы государственно-конфессиональных отношений позволяет судить и о ее понимании правовой формы в общем. Абстрагировавшись от того, что речь идет о государственно-конфессиональных отношениях, можно заключить, что под правовой формой она понимает комплекс многообразных юридических средств, осуществляющих правовую регламентацию и опосредование правом неких взаимоотношений. При этом правовые формы (классифицируемые на правотворческую, правоисполнительную, правоохранительную и контрольную формы) О.Н. Петюкова противопоставляет неправовым формам государственного воздействия[183].

Дефиницию гражданско-правовой формы формулирует В.А. Белов, полагая, что она представляет собой «результат научного анализа случаев оценки общественных отношений и их элементов нормами гражданского права, который может выражаться в *утверждении* либо *отрицании возможности* и (или) *необходимости* определенного поведения участников этих отношений»[184]. Правовые формы «как таковые» он понимает как «абстрактные родовые понятия, охватывающие собой все конкретные формы такого рода»[185], причем понятия не просто правовые, но «одной только *правовой науки*»[186]. В круг явлений, подлежащих отнесению к разряду гражданско-правовых форм, ученый включает двенадцать категорий юридической науки[187], выделяя наряду с этим восемь видов правовых форм, а именно: формы собственно отношений и формы иных явлений; абстрактные и конкретные формы; абсолютные и относительные правовые формы; положительные и отрицательные правовые формы; формы-эффекты прямого и обратного (рефлексивного) действия; формы-эффекты активного и пассивного действия права; эгоистические и альтруистические правовые формы; индивидуальные и коллективные правовые формы[188].

---

[183] *Петюкова О.Н.* Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах: дис. … С. 59.
[184] *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. I. С. 319.
[185] Там же. С. 312.
[186] Там же. С. 320.
[187] Там же. С. 320–321.
[188] Там же. С. 322–331.

С.И. Суслова, анализируя вопрос о правовых формах жилищных отношений, определения правовой формы не предлагает, избирая в качестве методологического основания исследования концепцию В.А. Белова. Однако отдельные положения данной концепции она подвергает критике[189], отмечая, что о правовых формах общественных отношений следует говорить не только с позиций логико-нормативного учения о праве, в рамках которого нормы права воспринимаются как логические суждения и, таким образом, право полностью абстрагируется от мира реальности, но и с позиций социологического подхода, ставящего на первое место уровень единичного, а не общего[190]. Таким образом, С.И. Суслова акцентирует внимание на методологических основаниях познания правовых форм.

Отдельные общие замечания относительно понятия «правовая форма» высказаны В.Ф. Яковлевым, который обращал внимание на то, что «термин “правовая форма” отношений употребляется и во множественном числе», поскольку «пишут и говорят об административно-правовой, гражданско-правовой и других формах отношений»[191], а также указывал, что «термин “правовая форма” обозначает право в целом», а «под различными правовыми формами понимаются прежде всего отдельные отрасли права»[192]. Эти замечания ученого позволяют сделать вывод, что: во-первых, правовед признавал существование некоторого количества различных правовых форм общественных отношений; во-вторых, он осуществлял их разграничение, прежде всего, по отраслевому критерию.

Самостоятельный подраздел «Гражданско-правовые формы имущественных отношений» в учебнике по гражданскому праву выделял в свое время Е.А. Суханов, заключая, что «основными гражданско-правовыми формами имущественных

---

[189] В частности, она обращает внимание на нечеткость позиции правоведа в отношении количества типов выделяемых правовых форм, на неясность связи двух предложенных им групп правовых форм (а именно на то, что дихотомии предлагаемых В.А. Беловым классификационных групп охватывают далеко не все прямо поименованные им самим правовые формы), на неоднозначность выделения отдельных видов правовых форм (например, охраняемого законом интереса, взаимосвязи правовых явлений) (см.: *Суслова С.И.* Указ. соч. С. 157–160). Соглашаясь с этими замечаниями, в качестве примера, можем привести позицию В.А. Белова относительно такой категории, как «право участия» (см. об этом: *Виниченко Ю.В.* Проблемы понимания категории «право участия» в современной отечественной цивилистике // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 4 (90). С. 88–92).

[190] *Суслова С.И.* Указ. соч. С. 149–150, 153–155. «Именно уровень единичного, конкретного отношения и его соотносимость с теми логическими суждениями, которые позволили сконструировать представления о возможном и должном», по мнению автора, представляет важность для «юриста-ученого (в первую очередь отраслевика) и юриста-практика» (Там же. С. 155).

[191] *Яковлев В.Ф.* Указ. соч. С. 23.

[192] Там же.

отношений и соответственно главными подразделениями (подотраслями) гражданского права являются: вещное право; обязательственное право; исключительные (интеллектуальные) права; корпоративное право»[193]. Определения гражданско-правовых форм в указанной работе нам обнаружить не удалось.

Говоря о понимании категории правовой формы, следует заметить, что основу соответствующих современных цивилистических воззрений в немалой степени составляют работы ученых советского периода, в частности: О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского – «Вопросы теории права» (М., 1961)[194]; Р.О. Халфиной – «О правовой форме экономических отношений» (1965 г.), «Право как средство социального управления» (М., 1988)[195]; В.Г. Вердникова и А.Ю. Кабалкина – «Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений» (М., 1970); уже указанные работы О.А. Красавчикова «Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения» (Свердловск, 1975) и «Гражданская правосубъектность как правовая форма» (Свердловск, 1978).

Так, В.Ф. Яковлев, рассуждая о понятии правовой формы, прямо ссылался на указанную работу О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского[196]. Сами же ученые, указывая на необходимость разграничения понятий «правовых форм» и «формы права», отмечали, что, когда говорят «правовые формы», имеют в виду «право как определенное социальное явление, отличающееся от иных идеологических форм (таких, как политика, нравственность, религия и т. п.), которые вместе с правом

---

[193] Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть / под ред. Е.А. Суханова. М.: Волтерс Клувер, 2008. Пункт 3 § 2 «Предмет гражданского права» гл. 2 «Гражданское право как отрасль права» разд. I. Примечательно, что в более позднем издании (2011 г.) данный подраздел ученым уже не выделяется; однако итоговый вывод соответствующей части учебника – п. 3 «Имущественные отношения, регулируемые гражданским правом» § 2 «Гражданское право как отрасль права» – по сути является идентичным: каждая из «групп экономических (имущественных) отношений *оформляется* (регулируется) различными подотраслями и институтами гражданского права: вещным правом, корпоративным правом, исключительными (интеллектуальными) правами, обязательственным правом, наследственным правом» (Российское гражданское право: учебник. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011. С. 68).

[194] О правовой форме авторы пишут, в частности, в § 1 «Понятие нормы права. Форма и содержание права» гл. III указанной работы.

[195] Глава VI данной книги посвящена вопросу о соотношении правовой формы и содержания регулируемых отношений. См. также: *Халфина Р.О.* О формах воздействия социалистического права на экономику // Советское государство и право. 1961. № 11. С. 35–46; *Ее же.* Об объективной обусловленности правовых форм их экономическим содержанием // Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки. Кишинев, 1965. С. 31–34; *Ее же*. Роль права в экономическом развитии социалистического общества // СССР – Япония: право и социальный прогресс: материалы советско-японского юридического симпозиума 1980 и 1982 гг. М., 1983. С. 20–25; *Ее же*. Правовое регулирование экономических отношений (вопросы теории) // Проблемы совершенствования советского законодательства. Вып. 29. М., 1984. С. 82–95.

[196] *Яковлев В.Ф.* Указ. соч. С. 23.

определяются материальными условиями жизни данного общества, его экономическим базисом»[197]. Понятие «правовая форма», согласно их позиции, «ориентируется на право в целом», выступающее в качестве формы «по отношению к экономическому базису общества, который со своей стороны по отношению к праву в целом выполняет функцию содержания»; при этом экономические отношения находятся за пределами права и лишь отражаются в нем «в “снятом” виде, в виде, переработанном сознанием господствующего класса»[198]. «Отсюда, – заключают авторы, – и известная самостоятельность права, которая приводит к тому, что, будучи формой в сопоставлении с экономическими отношениями, оно в то же время обладает как своей собственной формой, так и своим особым содержанием»[199].

То, что оперируя понятием правовой формы, «мы в известной мере выходим за пределы права», отмечала и Р.О. Халфина[200], одна из первых обратившаяся к проблеме содержательного наполнения этой категории. В своих суждениях она исходила из понимания последней как «комплекса норм и институтов, опосредующих определенный вид общественных отношений»[201], последовательно развивая тезис о том, что в данное понятие «включаются нормы и институты различных отраслей права»[202]. Отмеченное, а также используемое ею выражение «формы правового регулирования»[203], равно как и суждения о том, что в отдельные периоды «форма гражданского права придавалась отношениям, выражающим по существу подчинение одной стороны другой» и что «гражданское право… может служить адекватной формой имущественных отношений»[204], позволяет заключить, что под правовой формой Р.О. Халфина понимала само объективное право. Из числа современных цивилистов сторонником подобного понимания правовой формы (как объективного права), на наш взгляд, можно считать, Е.А. Суханова,

---

[197] *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. С. 133.
[198] Там же.
[199] Там же.
[200] *Халфина Р.О.* Право как средство социального управления. С. 175.
[201] Там же. С. 174.
[202] Там же. С. 175. В более ранней работе она пояснила, что использует термин «правовая форма» для обозначения необходимого, по ее мнению, общего понятия, охватывающего «всю совокупность норм (а иногда и институтов), регулирующих *все стороны* (курсив наш. – *Ю. В.*)» конкретных групп и видов экономических отношений (см.: *Халфина Р.О.* О правовой форме экономических отношений. Прим. 1).
[203] *Халфина Р.О.* Право как средство социального управления. С. 184.
[204] Там же. С. 188.

который пишет об оформлении отдельных групп экономических (имущественных) отношений различными подотраслями и институтами гражданского права.

Иначе трактовал данное понятие О.А. Красавчиков, отмечая относительно позиции Р.О. Халфиной, что правовая форма «охватывает не только и столько самое право (его нормы, институты и отрасли)»[205]; последние, по его мнению, «являются скорее формой права, нежели правовой формой»[206]. Объективное право ученый рассматривал лишь в качестве «непременной основы» обретения отдельными явлениями социальной действительности тех или иных юридических форм и «очертаний»; саму же правовую форму в предельно общем виде он определял как «основанную на нормах права *меру* возможного или должного *поведения*»[207]. Гражданско-правовые формы, по мнению О.А. Красавчикова, представляют собой «систему установленных законом мер, определяющих границы: а) юридически возможного и юридически необходимого поведения субъектов; б) их юридического состояния или в) применительно к социальным образованиям – "организованности" и основных видов деятельности»[208]. Развитием идей О.А. Красавчикова можно считать концепцию В.А. Белова, у которого определение правовой формы как основанной на нормах закона мере возможного или должного поведения не только не вызывает возражений, но кладется в основание формулируемых им определений, характеристик отдельных гражданско-правовых форм[209].

Так же, как В.Г. Вердников и А.Ю. Кабалкин, товарно-денежный характер имущественных отношений, входящих в предмет отрасли гражданского права, подчеркивает Е.А. Суханов[210]. Что касается работы самих советских ученых, то,

---

[205] *Красавчиков О.А*. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения. С. 18.
[206] Там же. С. 19.
[207] Там же. С. 20–21.
[208] Там же. С. 25.
[209] Так, относительно гражданского правоотношения (как одной из правовых форм) В.А. Белов отмечает, что традиционно она определяется как «юридическая связь субъектов – участников фактического (жизненного) отношения, выражающаяся в наличии у них субъективных прав и юридических обязанностей», а «в свою очередь субъективные права определяются как *мера возможного*, а юридические обязанности – как *мера должного* (юридически необходимого) *поведения*» (*Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. I. С. 320). Другая выделяемая им гражданско-правовая форма – кредиторские обязанности – представляет собой «*меру юридически необходимого поведения* активного участника обязательства (кредитора)» (Там же. С. 321). Указание на «*возможности совершения конкретных юридических действий*» содержится в определении еще одной выделяемой ученым гражданско-правовой формы – секундарных прав (Там же).
[210] См.: Российское гражданское право: учебник. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011. С. 66–67. Ср.: «… виды имущественных отношений регулируются нормами советского гражданского права, поскольку они хотя бы в ко-

несмотря на широкое название – «Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений», в целом, не считая ряда общих замечаний[211], посвящена она рассмотрению только гражданско-правовых договоров и возникающего вследствие их заключения договорного обязательства, признаваемого В.Г. Вердниковым и А.Ю. Кабалкиным основной гражданско-правовой формой товарно-денежных отношений. Анализируя приведенные позиции, нетрудно заметить, что при определенном сходстве (которое заключается в том, что в большинстве случаев речь идет о правовой форме общественных отношений, а также в признании множественности правовых форм) взгляды отдельных ученых по интересующему нас вопросу порядком отличаются.

Так, правовой формой признают и нормы (институты, отрасли) права (Р.О. Халфина, Е.А. Суханов, В.Ф. Яковлев), и юридические средства (О.Н. Петюкова), и основанную на нормах права меру поведения субъектов (О.А. Красавчиков), и категории правовой науки (В.А. Белов).

При этом, признавая существование различных правовых форм, сторонники одной позиции, а именно трактующие правовую форму как объективное право, используют при их выделении различные критерии:

– либо отраслевой – правовые формы соотносят с отдельными отраслями права (В.Ф. Яковлев);

– либо подотраслевой (внутриотраслевой) – выделение правовых форм осуществляется соответственно подотраслям определенной отрасли права (Е.А. Суханов);

– либо межотраслевой – ту или иную (одну) правовую форму образуют нормы и институты различных отраслей права (Р.О. Халфина).

Имеет нюансы и смысловое наполнение термина «правовой» (как компонента выражения «правовая форма»). Как правило, его использование призвано подчерк-

---

нечном счете обусловлены использованием товарно-денежной формы» (*Вердников В.Г., Кабалкин А.Ю.* Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. М.: Юрид. лит., 1970. С. 13).

[211] В частности, что «нет оснований для признания гражданскоправовой формой товарно-денежных отношений обязательства, возникающего из административных актов» (Там же. С. 29), и что «правовыми формами товарно-денежных отношений служат не все обязательства гражданского оборота, даже при понимании последнего как совокупности гражданскоправовых обязательств, направленных на передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг или уплату денег, которые возникают из правомерных действий» (Там же. С. 30).

нуть противопоставление (1) фактическому (фактическим – «жизненным» общественным отношениям, экономическому базису) как содержанию соответствующей правовой формы. Вместе с тем, например, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский противопоставляли правовую форму (2) иным идеологическим формам (политике, нравственности, религии и т. п.) общественных отношений, а О.Н. Петюкова пишет о наличии помимо правовых (3) неправовых форм государственного воздействия.

Изложенное приводит к выводу, что, несмотря на широкое использование при освещении самых различных юридических вопросов, единообразное понимание правовой формы отсутствует. Ученые не сходятся во мнениях ни относительно того, *что* признается правовой формой (нормы права, мера поведения субъектов, категории правовой науки), ни относительно того, о правовой форме *чего* следует говорить (отношений либо деятельности), ни относительно того, *какие* правовые формы и их виды следует выделять, ни относительно того, *как соотносятся* отдельные правовые формы с нормами (институтами, отраслями) права (а именно, имеют ли они подотраслевой, отраслевой либо межотраслевой характер).

Исходя из этого, необходимо констатировать, что само учение о правовой форме (правовых формах), на котором базируется формальный подход, нуждается в систематике, конкретизации и развитии. Относительно широко распространенного в отечественной цивилистике формального подхода к пониманию гражданского оборота в данной связи следует заключить: ввиду *недостаточной теоретической разработанности категории правовой формы*, *последняя не может обеспечить непротиворечивость представлений о гражданском обороте, вследствие чего не должна претендовать на то, чтобы признаваться основой соответствующей системы научных знаний – теории гражданского оборота.*

Представляется, что как раз в силу восприятия гражданского оборота как правовой формы современные ученые не способны дать обоснованное объяснение тому, что представляют из себя, например, стабильность, потребности, интересы, нужды гражданского оборота (суть, потребности, интересы и нужды правовой формы?), о которых упоминается в современной юридической литературе, материалах судебной практики, а также в документах, являющихся «мотивами»

тех или иных законодательных изменений, или, скажем, что означает термин «введение объектов в гражданский оборот», какие субстанции вводятся в гражданский оборот и какой смысл вкладывает законодатель в формулировку «правомерное введение в гражданский оборот»[212] (с позиций понимания гражданского оборота как правовой формы эта формулировка ставит в тупик: как можно ввести нечто материальное – например, согласно ст. 1274 ГК РФ[213], экземпляры произведений – в идеальную по своей природе правовую форму?). Как справедливо отмечает Н.Н. Тарасов, «проблема потому и возникает, что существующие теории не описывают или не объясняют имеющиеся факты»[214].

В данной связи следует либо констатировать, что выражения «потребности (нужды) гражданского оборота», «стабильность (прочность, устойчивость) гражданского оборота» являются не более чем словосочетаниями, не имеющими какого-либо смысла и, тем более, юридического значения или даже просто некорректными, а потому вряд ли заслуживающими того, чтобы быть положенными в основу принимаемых судебных решений или выступать мотивом совершенствования нормативно-правовых установлений, либо, что видится более верным, признать необходимость изменения восприятия гражданского оборота. И в таком изменении современная наука, по нашему убеждению, остро нуждается в силу того, что в основании понимания гражданского оборота как правовой формы экономического оборота изначально заложена *категориальная ошибка*, под которой в философии понимается неоправданное отнесение фактов, соответствующих одной категории, к некоторой другой категории[215].

---

[212] Такая формулировка используются в ряде статей ГК РФ. Например, в п. 2 ст. 1274 ГК РФ говорится о том, что «в случае, когда библиотека предоставляет экземпляры произведений, правомерно введенные в гражданский оборот, во временное безвозмездное пользование, такое пользование допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения»; ст. 1344 ГК РФ гласит: «Если оригинал или экземпляры произведения, обнародованного в соответствии с настоящим параграфом, правомерно введены в гражданский оборот путем их продажи или иного отчуждения, дальнейшее распространение оригинала или экземпляров допускается без согласия публикатора и без выплаты ему вознаграждения».

[213] Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4: ФЗ РФ от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

[214] *Тарасов Н.Н.* Указ. соч. С. 39.

[215] Философский энциклопедический словарь. С. 384. При этом термин «категория» в данном случае также понимается в философском смысле – как форма действительности (Там же. С. 204). Уместно заметить, что термин «категориальная ошибка» введен английским философом Гилбертом Райлом, который поясняя, что он понимает под этим выражением, писал об отнесении в абстрактном мышлении определенных понятий к тем логическим типам, к которым они не принадлежат, и в качестве иллюстрации подобной ошибки привел, в частности, следующий при-

Применительно к познанию гражданского оборота отмеченная категориальная ошибка заключается в том, что, будучи признанным в свое время «надстройкой» к экономическому «базису», гражданский оборот был отнесен тем самым к числу категорий *гносеологии* и, таким образом, стал восприниматься исключительно в качестве неких *идеальных представлений* о чем-то ином, существующем фактически. Между тем полагаем бесспорным факт *реального* (*бытийственного, онтологического*) существования самого гражданского оборота. Гражданский оборот – это *не просто отражение*, по терминологии Д.Д. Гримма[216], «хозяйственного быта народа»; в первую очередь, он – *относительно самостоятельное явление реальной действительности*, сам этот быт, причем подверженный воздействию со стороны норм не только частного права. Из понимания гражданского оборота как совокупности *жизненных отношений (потребностей, интересов*) частноправового порядка исходили и дореволюционные цивилисты[217]; отождествляли гражданский оборот с *реальными отношениями* производства и обмена также отдельные ученые советского периода (в частности, А.В. Дозорцев). Однако под влиянием политических и идеологических факторов советский гражданский оборот, противопоставленный такому же понятию в буржуазном гражданском праве[218], стал восприниматься исключительно в качестве правовой формы.

Именно из-за категориальной ошибки, допущенной на этапе формирования представлений о гражданском обороте, определения его *категориальной принадлежности (т. е. того, в какой форме действительности он существует)*, невозможно наполнить смыслом, например, приведенные выше выражения «введение в гражданский оборот», «потребности гражданского оборота» либо такое общеупотребительное словосочетание, как «субъекты гражданского оборота», ибо изначально необъяснимо то, как можно ввести в правую форму в том числе определенное материальное благо

мер: «Джон Доу может быть незнакомцем, родственником, другом или врагом Ричарду Роу. Но он не может состоять ни в одном из этих отношений со “среднестатистическим налогоплательщиком”. Джон Доу знает как извлечь смысл из определенного рода разговоров о среднестатистическом налогоплательщике, но он затрудняется сказать, почему он не может встретиться с ним на улице точно также, как он встречается с Ричардом Роу» (*Райл Г.* Понятие сознания / пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 27).

[216] *Гримм Д.Д.* К вопросу о соотношении институтов гражданского права с хозяйственным бытом народа. СПб.: Сенатская тип., 1907.

[217] *Синайский В.И.* Указ. соч. С. 54–55, *Муромцев С.А.* Указ. соч. С. 67 и след.

[218] См.: Обзор заседаний Сектора гражданского права Всесоюзного института Юридических наук. С. 70–72.

(товар, экземпляр произведения, здание и т. п.), равно как очевидно и то, что никаких субъектов, потребностей, нужд и интересов у правовой формы быть не может.

Полагаем, что по этой же причине гражданским оборотом традиционно не признают, в частности, случаи неправомерного обращения материальных благ[219], вследствие чего из него выпадают недействительные сделки, виндикационные и кондикционные отношения, злоупотрбительные действия (как частный случай – сделки в обход закона), увы, составляющие немалый пласт реалий современной жизни нашего общества. В итоге гражданский оборот предстает не в том виде, как он *реально существует*, а в виде, усеченном до установленных позитивным правом регулятивных возможностей и долженствований, что вряд ли верно. При этом регулирующее воздействие права на гражданский оборот как на правовую форму исключается. Если научное сообщество рассчитывает на то, чтобы продуцируемые им знания как «идеальные фрагменты правовой действительности» были адекватны исследуемым процессам и явлениям, детерминировали «эволюционную фазу формирования юридической системы» и являлись «отражением “духа времени”»[220], оно, повторим, должно изменить ракурс видения гражданского оборота, перейти от «надстроечного» к «базисному» его восприятию.

Для этого, прежде всего, устраняя допущенную в свое время категориальную ошибку, состоящую в лишении гражданского оборота онтологического статуса, причислении его к категориям гносеологии, следует отказаться от понимания гражданского оборота как юридического отражения экономического оборота и признать его явлением онтологического порядка, избрав взамен такой методологический инструментарий, который позволит объединить имеющиеся многочисленные разрозненные и разноаспектные теоретические наработки и выйти на качественно иной, сущностный уровень его познания.

Понятия являются основной формой мышления, посредством которой выделяют определенные классы вещей, предметов и отличают их друг от друга[221]. В понятиях

---

[219] См.: *Красавчиков О.А.* Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья). С. 20; *Руденко А.В.* Указ. соч. С. 109; *Михайлова Н.С.* Указ. соч. С. 5, 13–14; *Ражков Р.А.* Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 8; *Морозов А.А*. Указ. соч. С. 34.

[220] *Шаханов В.В.* Правовые парадигмы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 6.

[221] *Рузавин Г.И.* Логика и аргументация: учеб. пособие. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. С. 20–21.

отражаются предметы и явления в их существенных признаках»[222]. В свою очередь научные понятия являют собой «содержательные представления о закономерном и существенном в явлениях и процессах окружающего мира»[223], а научные *правовые* понятия «отражают не обыденные представления о явлении, а доктринальные представления о нем, а также представление законодателя, получившее нормативное закрепление»[224]. Исходя из этого, рассматривая определенное понятие и его генезис, можно сформировать представление об отражаемом в нем явлении и его развитии. При этом историю правового понятия следует исчислять с момента его нормативного закрепления, хотя явление, зафиксированное в правовом понятии, может иметь место и до его нормативного закрепления и независимо от такого закрепления[225].

В вопросе соотношения явления и отражающего его понятия явление, бесспорно, первично. Появление же феномена гражданского оборота стало объективным результатом процесса общественного развития, а именно результатом общественного разделения труда, обусловившего *социальную потребность обмена имущественными благами*: если субъекты в состоянии удовлетворять все свои потребности непосредственно, т. е. за счет только «своих» благ (как это имеет место при натуральном хозяйстве), то необходимости в гражданском обороте нет. Такая необходимость появляется, когда удовлетворение определенных индивидуальных потребностей одного члена общества возможно лишь за счет «чужого» блага (т. е. имеющегося у другого члена общества), получаемого, как правило, взамен на некое встречное предоставление. Гражданский оборот и выступает той сферой, в которой осуществляется опосредованное в указанном смысле удовлетворение потребностей отдельных субъектов, а также сопряженное с реализацией данной его исходной «посреднической» функции перераспределение имеющихся в обществе благ, обладающих потребительной стоимостью.

Будучи связанными с удовлетворением человеческих потребностей, отношения оборота крайне важны как для самих участников оборота, так и для функцио-

---

[222] *Кириллов В.И., Старченко А.А.* Логика: учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 30.
[223] *Васильев А.М.* Указ. соч. С. 81.
[224] *Параскевова С.А.* Понятие и социальная сущность гражданского правонарушения: теоретические проблемы. М.: УМиИЦ «Учебная литература», 2009. С. 11–12.
[225] Там же. С. 12.

нирования общества в целом и с точки зрения социальной значимости должны быть отнесены к числу социально необходимых[226]. Такая оценка базируется на общепризнанной в экономической теории роли человеческих потребностей в жизнеобеспечении. По авторитетному мнению К. Менгера, «неудовлетворение потребностей ведет нашу природу к погибели, недостаточное удовлетворение – к разрушению ее, а удовлетворять потребности значит жить и преуспевать. Поэтому забота об удовлетворении потребностей имеет то же значение, что и забота о нашей жизни и нашем благосостоянии; она является самым важным из всех человеческих стремлений, как предположение и основа всех остальных»[227]. Таким образом, гражданский оборот выступает необходимой сферой, призванной опосредовать удовлетворение потребностей отдельных членов социума за счет «чужих» благ.

По своей сути эта сфера представляет собой не массу разрозненных отношений (суммативный комплекс), а систему[228]. Как система же гражданский оборот, основываясь на распространенной и признанной в научной литературе дихотомии систем «природные – социальные»[229], подлежит отнесению к числу *социальных* систем. Исходя из этого, вышестоящей по отношению к ней метасистемой (суперсистемой[230], надсистемой[231]) – системой высшего порядка, в которую данная система входит как элемент[232] – следует признать систему общества. Именно вышестоящая система, частью которой непременно является любая система (свойство иерархич-

---

[226] Помимо социально необходимого поведения людей, в литературе выделяют также: социально желательное, социально допустимое и социально вредное, нежелательное для общества (*Пьянов Н.А.* Теория государства и права: в 2 ч. Ч. 2. Теория права: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. С. 297).

[227] *Менгер К.* Основания политической экономии / пер. Г. Тикчина и И. Абезгуза; под. ред. Р.М. Орженцкого. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. С. 88.

[228] В системологической литературе все множества разделяются на два вида – суммативные комплексы и системы (целостные единства), главное различие между которыми заключается в различии «объектов, образующих устойчивые целостные единства со строго заданной структурой, и объектов, которые хотя и образуют некие единства, но без строго фиксированной … структуры» (*Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1986. С. 47).

[229] Выделяя социальные системы в отдельную группу, системологи их противопоставляют, в частности, физическим и биологическим системам (*Сетров М.И.* Основы функциональной теории организации: филос. очерк. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. С. 114–115), и отмечают, что социальные системы образуют особый класс систем живой природы (органических систем) (*Лекторский В.А., Садовский В.Н.* О принципах исследования систем (В связи с «общей теорией систем» Л. Берталанфи) // Вопросы философии. 1960. № 8. С. 70).

[230] Социология. Основы общей теории: учеб. пособие / под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 121.

[231] *Прангишвили И.В.* Системный подход и общесистемные закономерности. М.: Синтег, 2000. С. 37.

[232] *Руткевич М.Н.* Структура как философская категория // Категория структуры в системе философских категории. Свердловск, 1973. С. 9; *Протасов В.Н.* Правоотношение как система. М.: Юрид. лит., 1991. С. 30.

ности систем[233]) задает цель (цели) нижестоящим системам, определяет их предназначенность[234]; ради этих целей системы создаются и существуют.

В составе системы общества, в свою очередь, традиционно выделяют такие сферы (подсистемы), как экономическая, социальная, политическая и духовная[235]. Каждая из указанных социальных сфер занимает в системе общества определенное место и «выполняет (хорошо, плохо или вовсе не выполняет) строго очерченные функции»[236], т. е. имеет свое функциональное назначение, цель, которая заключается, в конечном счете, в сохранении общества как вышестоящей системы[237]. В этой иерархии отношения, образующие гражданский оборот, в том числе

---

[233] Иерархичность системы означает, что каждый ее компонент может рассматриваться как система, а сама исследуемая система представляет собой лишь один из компонентов более широкой системы (*Садовский В.Н.* Парадоксы системного мышления // Системные исследования. Ежегодник 1972. М.: Наука, 1972. С. 134). Данное свойство признается важнейшей особенностью объекта исследования как системы и поэтому включается в определение понятия «система». Так, В.Н. Садовский определял систему как иерархически организованную целостность (*Садовский В.Н.* Общая теория систем как метатеория // Вопросы философии. 1972. № 4. С. 89). В вопросе понимания системы приведенному определению следовал также И.В. Блауберг (*Блауберг И.В.* Целостность и система // Системные исследования. Ежегодник 1977. М.: Наука, 1977. С. 19, в сноске). Другую дефиницию системы, предложенную В.Н. Садовским, – согласно которой система есть «упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство» – в качестве исходного определение системы, «наиболее простой и четкой» признает такой выдающийся системолог, как М.С. Каган (*Каган М.С.* Система и структура // Системные исследования. Ежегодник 1983. М.: Наука, 1983. С. 89.).

[234] Как пишет М.А. Гайдес, «Автомобиль предназначен для перевозок … Насосные системы кровообращения (правый и левый желудочек сердца) – для перекачки крови… Но цель перевозки нужна не автомобилю, а кому-то или чему-то внешнему по отношению к нему. Автомобилю нужна только его способность выполнять эту цель. Цель перекачивать кровь желудочком сердца нужна не желудочку, а другим тканям организма. Желудочку сердца нужна только способность выполнять эту цель. Целью является необходимость в чем-то для чего-то внешнего, а данная система только лишь выполняет это, обслуживая это внешнее. Следовательно цель системе ставится извне, а от системы требуется только *способность* выполнять эту цель. Этим внешним является другая система или системы, потому что Мир заполнен только системами» (*Гайдес М.А.* Общая теория систем (системы и системный анализ). Глобус-Пресс, 2005. С. 29–30).

[235] Подобная структурная организация общества отмечается в специальной учебной литературе, в которой, как правило, излагаются устоявшиеся взгляды на определенные вопросы в какой-либо области знаний (см.: Социология. Основы общей теории … С. 121). Отдельные ученые выделяют как наиболее существенные характеристики жизни любого общества экономику, право и политику (*Яковлев А.М.* Социальная структура общества: учебник. М.: Экзамен, 2002. С. 10). Общеизвестным называют деление общества на четыре сферы (экономическую, социальную, политическую и духовную) и предваряют словами «как известно» указание на то, что подсистемами общества являются экономика, политика, идеология и пр., и в монографической литературе (*Резник Ю.М.* Указ. соч. С. 269, 355). Однако можно заметить, что помимо такого «сферного» подхода к структурному анализу социальной организации не меньшим признанием в доктрине пользуется функциональный подход, согласно которому выделение подсистем общества предпринимается в зависимости от выполняемых ими функций.

[236] Социология. Основы общей теории … С. 121–122. Наиболее детально данный вопрос разработан в рамках функционального подхода к структурному анализу социальной организации, который представлен, в частности, в системной концепции Т. Парсонса. Согласно этой концепции, социальная система предстает в виде четырехфункциональной схемы (парадигмы), дифференцируясь в зависимости от функций (интеграция, генерализация ценностей, целедостижение, адаптация) на соответствующие четыре подсистемы – социетальное сообщество (составляющее ядро социальной системы, «самой общей функцией» которого является «сочленение системы норм с коллективной организацией, обладающей единством и внутренней логикой»), фидуциарную систему (систему сохранения и воспроизводства образца, которая «преимущественно касается отношений общества с культурной системой и через нее с высшей реальностью»), политику (которая выполняет функцию постановки общих целей общества и принятия решений) и экономику (которая обеспечивает общество средствами адаптации к изменениям окружающей среды) (*Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 23–25).

[237] *Прангишвили И.В.* Указ. соч. С. 123.

методом исключения, следует отнести к экономической сфере, являющейся системой жизнеобеспечения и представляющей собой систему отношений, возникающих между людьми в процессе производства материальных благ, их обмена и распределения. Исходя из этого, можно заключить *о тождестве гражданского оборота с экономическим оборотом, признав их одним и тем же явлением*.

Данный вывод можно сделать, рассматривая гражданский оборот не только с позиций общей теории систем, но и опираясь на кардинально противоположную методологию – отмеченный формальный подход к пониманию гражданского оборота. При этом особо подчеркнем необходимость четкого осознания того, что именно подлежит сопоставлению – понятия «гражданский оборот» и «экономический оборот» или же феномены гражданского оборота и экономического оборота. Очевидно, что допустимо сопоставлять их только как однопорядковые величины, т. е. либо как понятия, либо как явления. Подобная ремарка обусловлена тем, что в цивилистической литературе, увы, имеют место суждения типа: «по своему содержанию *понятие* (здесь и далее курсив наш. – *Ю.В.*) “гражданский оборот” является частью более широкого *явления* – “экономический оборот”»[238]; «*понятие* “коммерческий оборот” является по сравнению с понятием “гражданский оборот” значительно более узким *явлением*»[239].

Безусловно, и гражданский оборот, и экономический оборот в равной мере можно рассматривать как в качестве понятий, так и в качестве явлений реальной действительности. Вместе с тем при сопоставлении гражданского и экономического оборота через призму категорий «форма» – «содержание», как это имеет место при формальном подходе к пониманию гражданского оборота, их следует соотносить именно как явления. Иначе, если сопоставлять понятия «гражданский оборот» и «экономический оборот», выступающие видовыми по отношению к родовому понятию «оборот», придется признать, что одно из видовых понятий составляет содержание другого видового понятия, что является очевидно неверным.

---

[238] *Морозов А.А.* Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 15.

[239] *Илюшина М.Н.* Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ... С. 43–44.

Будучи признанным правовой формой экономического оборота, гражданский оборот как феномен, следовательно, должен представлять собой явление реальности, содержание которого составляет экономический оборот. Но тогда изучение гражданского оборота как феномена, имеющего экономическое содержание и, таким образом, явления экономического порядка должно составлять предмет не правоведения, а экономической теории. Между тем экономисты не только не используют понятие гражданского оборота, но и не считают необходимым подчеркивать всякий раз, что они имеют в виду экономический оборот. Более того, далеко не всегда употребляют они и родовое понятие «оборот», яркой иллюстрацией чего является отсутствие в экономических словарях отдельной статьи, посвященной раскрытию содержания данного понятия и соответствующего ему термина[240]. Гораздо чаще в экономической теории ученые оперируют понятиями «товарооборот», «обращение», «обмен».

Понятие «экономический оборот» активно используют представители иной отрасли науки – цивилистики, – которые посредством противопоставления его понятию гражданского оборота стремятся выявить признаки последнего, указывая, в частности, на то, что объектами гражданского оборота, в отличие от оборота экономического, являются не сами объекты гражданских прав, т. е. не те или иные блага, а имущественные права на них; блага же выступают объектами экономического оборота. Если исходить из того, что в понятийно-категориальном аппарате определенной сферы научного знания отражается предметная область данной науки, следует признать, что разграничение гражданского и экономического оборота, осуществляемое только в рамках гражданско-правовой науки, является, таким образом, значимым только для цивилистов и *имеет исключительно познавательный характер*. При этом в выражениях «гражданский оборот» и «экономический оборот» смысловой акцент делается правоведами на терминах «экономический» и «гражданский», последний из которых фактически используется в значении «гражданско-правовой», будучи призванным, по-видимому, подчеркнуть предметно-

[240] Большая экономическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2007. С. 423; Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Фонд «Правовая культура», 1994. С. 262; *Румянцева Е.Е.* Новая экономическая энциклопедия. М.: Инфра-М, 2013. С. 463.

отраслевую принадлежность соответствующих отношений гражданскому праву. Иными словами, «гражданским» оборот именуют в силу урегулированности его нормами гражданского права. В качестве константы, значение которой сущностно неизменно, в указанных выражениях выступает термин «оборот», в контексте рассматриваемого вопроса в общем виде означающий движение имущественных благ – денежных средств, товаров. Исходя из этого, более точно, как представляется, говорить не о понятиях «гражданский оборот» и «экономический оборот», а о понятии «оборот» в гражданско-правовом смысле и в экономическом смысле, соответственно. Однако выражение «оборот в гражданско-правовом смысле» является дискуссионным. Помимо того, что оборот имущественных благ регламентируется нормами не только гражданского права, в юридической литературе высказано мнение, согласно которому понятие гражданского оборота, базирующееся на «чисто цивилистическом подходе при определении его юридической сущности» является устаревшим, и понятие «частный оборот» нуждается в замене на «экономический» или «имущественный»[241]; существует также позиция, согласно которой категория «гражданский оборот» является экономико-правовой категорией[242].

В данной связи заметим, что терминологически и понятийно оправданно (т. е. сообразно смыслу, который вкладывается в соответствующий термин, как присущий понятию признак) оборот может именоваться «гражданским»: 1) либо потому, что он складывается между гражданами (субъектный критерий) – но тогда к нему не должны относиться отношения с участием юридических лиц и публично-правовых образований, что очевидно не согласуется ни с эмпирическим образом соответствующего явления, ни с его пониманием в правоведении; 2) либо потому, что он регулируется нормами гражданского права (предметно-отраслевой критерий) – но тогда необоснованно полностью исключается регулирующее воздействие на оборот норм иных отраслей права, в том числе тех, которые устанавливают правовые последствия оборота ограниченно оборотоспособных объектов (оружия, наркотиков и т. д.). Если

---

[241] *Мозолин В.П.* О макро- и микроправовом регулировании комплексных имущественных отношений в сфере экономики // Новое в гражданском законодательстве: баланс частных и публичных интересов: материалы для VII Ежегодных научных чтениях памяти профессора С.Н. Братуся / отв. ред. Н.Г. Доронина. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юриспруденция, 2012. С. 23.
[242] *Петрушкин В.А.* Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости… С. 9.

ни один из этих смыслов не является истинным, выражение «гражданский оборот» следует признать условным. Использование этого условного термина вызвано, на наш взгляд, доктринально-методологическими причинами: таким образом правоведы, а именно цивилисты, очерчивают свою предметную область.

Следовательно, разграничение гражданского и экономического оборота имеет исключительно познавательный характер и осуществляется только в науке гражданского права. Феноменологически гражданский оборот и экономический оборот представляют собой одно и то же явление – оборот имущественных благ, различные стороны (аспекты) которого лишь составляют предмет познания разных отраслей науки – правоведения и экономики. Так, представители экономических наук исследуют отношения оборота сообразно предмету экономики, т. е. как систему экономических явлений, процессов и законов[243], в то время как для правоведов значимыми являются регулятивный и охранительный аспекты этих отношений, т. е. правила оборота отдельных видов объектов (благ) и последствия их нарушения.

При этом представляется бесспорным, что отмеченные правила оборота, объективируемые в том числе в нормах позитивного права, не тождественны самому обороту, выступающему системой определенных социальных связей, относительно которых, в силу их значимости, и складывается та или иная нормативная регламентация, причем не только нормативно-правовая. Даже если определенное жизненное отношение, относящееся к сфере оборота, подпадает под действие юридических или нравственно-этических норм, это не ведет к его «удвоению» в реальной действительности. В данной связи сошлемся на справедливое замечание Н.Д. Егорова, отмечавшего относительно понятий производственных, материальных, экономических и имущественных отношений, что указанные понятия с разных сторон характеризуют один и тот же вид общественных отношений, в связи с чем отпадает основная причина, обусловливающая необходимость в их разграничении[244]. Исходя из этого, *нивелируется и различие между экономическим оборотом как якобы сферой собственно оборота имущественных благ и гражданским*

[243] Курс лекций по основам экономики; микроэкономике; макроэкономике / под ред. В.П. Горева. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. С. 31–37.

[244] *Егоров Н.Д.* Гражданско-правовое регулирование экономических отношений: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 5.

оборотом – сущностно той же сферой социальной жизни, но урегулированной нормами (гражданского) права. Можно добавить и то, что далеко *не всегда функционирование гражданского оборота облечено в правовую форму* (данный тезис мы намерены обосновать далее). Таким образом, понятия «гражданский оборот», «экономический оборот» и «оборот» можно рассматривать как идентичные[245]. Вместе с тем, следуя устоявшемуся словоупотреблению, в дальнейшем изложении мы будем оперировать преимущественно термином «гражданский оборот», чередуя его использование с термином «оборот».

В понятийно-терминологической части нашего исследования следует также обозначить авторскую позицию относительно соотношения гражданского оборота с иными смежными понятиями, такими как, в частности, «коммерческий оборот», «торговый оборот», «предпринимательский оборот», «хозяйственный оборот», «имущественный оборот». В юридической литературе их четкое разграничение проводится далеко не всегда; кроме этого, разнятся и подходы к решению данного вопроса[246]. На наш взгляд, понятие хозяйственного оборота, в историческом ракурсе ассоциируемого с идеей хозяйственного права, в настоящее время (в условиях рыночной, а не плановой экономики) тождественно понятию экономического оборота – суть, системе отношений между хозяйствующими субъектами. В основании разграничения гражданского и торгового оборота, полагаем, лежит критерий возмездности (суть, наличия либо отсутствия встречного предоставления); соответственно, торговым является оборот, включающий только возмездные отношения, в то время как в гражданском обороте могут иметь место и отношения безвозмездные (дарение, наследование). Что касается понятий коммерческого и предпринимательского оборота, то их, как представляется, следует рассматривать как тождественные, усматривая их выделение и отграничение от гражданского оборота в субъектном и целевом критериях: субъектами (участниками) граждан-

---

[245] Синонимичность терминов «оборот» и «гражданский оборот» отмечается и в литературе. Так, признающий это В.А. Петрушкин, анализируя «предписания ст. 129 ГК», пишет: «Такой вывод следует, в частности, из того, что речь в отмеченной статье идет об обороте именно объектов гражданских прав» (*Петрушкин В.А.* Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости… С. 15; *Его же*. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости… С. 29).

[246] Подробно о подходах к соотношению гражданского оборота с указанными понятиями см.: *Виниченко Ю.В.* Гражданский оборот: опыт системного исследования. С. 28–54.

ского оборота могут быть любые лица, удовлетворяющие за счет «чужих» благ любые свои потребности; участниками же коммерческого (предпринимательского) оборота могут быть только специальные субъекты, обладающие соответствующим правовым статусом (индивидуальные предприниматели, коммерческие юридические лица) и преследующие цель извлечения прибыли. В вопросе корреляции понятий «гражданский оборот» и «имущественный оборот» мы разделяем позицию, согласно которой понятие имущественного оборота является более широким, поскольку оно охватывает оборот имущества в рамках не только гражданско-правовых, но и бюджетных, налоговых, таможенных и т. п. отношений[247].

В завершение настоящего параграфа изложим основные выводы, полученные в процессе исследования.

Формальная парадигма восприятия гражданского оборота (т. е. определение его как правовой формы экономического оборота) подлежит критической оценке ввиду того, что такой подход: 1) сам лишен доктринально разработанной исходной основы – общего учения о гражданско-правовых формах; 2) исключает признание гражданского оборота предметом правового регулирования (поскольку предметом правового регулирования выступают, как известно, общественные отношения, а не правовые формы); 3) ведет к неоправданному «выпадению» из сферы оборота тех отношений, которые на настоящий момент не имеют по причине отсутствия их нормативно-правовой регламентации однозначно определенной правовой формы (в частности, так называемый цифровой гражданский оборот).

Кроме этого, в основании формального подхода к пониманию гражданского оборота изначально заложена категориальная ошибка, которая заключается в том, что, будучи признанным в свое время под влиянием политических и идеологических факторов «надстройкой» к экономическому «базису», гражданский оборот был отнесен тем самым к числу категорий гносеологии и, таким образом, стал восприниматься лишь в качестве неких идеальных представлений о чем-то ином, существующем фактически. Между тем, гражданский оборот – это реально существующий феномен, юридически значимая сфера общества.

---

[247] См., например: *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 282.

Как социальное явление гражданский оборот относится к экономической сфере общества. Устоявшееся в российской цивилистике определение гражданского оборота как правовой формы экономического оборота основано на разграничении гражданского и экономического оборота, которое осуществляется только в науке гражданского права, исходя из чего имеет исключительно познавательный характер. Ввиду того, что одно из двух видовых понятий («гражданский оборот» и «экономический оборот») не может выступать формой другого, соотносить гражданский оборот и экономический оборот допустимо только как явления, но не как понятия. Феноменологически гражданский оборот и экономический оборот представляют собой одно и то же явление – оборот имущественных благ, различные аспекты которого составляют предмет познания разных отраслей науки – правоведения и экономики.

§ 3. Методологические предпосылки цивилистического познания гражданского оборота

Формирование любой научной теории должно основываться на прочном методологическом фундаменте, предопределяющем общий ракурс видения предмета теории. Не останавливаясь на общей проблеме понимания научной методологии в целом и юридической методологии, в частности[248], заметим, что значимость методов научного исследования, т. е. возможных приемов, способов и исследовательских операций, посредством которых в доктрине решаются определенные теоретические и прикладные задачи[249], трудно переоценить[250]. Неоспоримым до-

[248] Об имеющихся взглядах на понятие методологии см.: *Керимов Д.А.* Указ. соч. С. 92 и след.; *Чупин П.П.* Научный метод и методология науки // Научный метод и методологическое сознание: сб. науч. тр. Свердловск, 1986. С. 9 и след.; *Белов В.А.* Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 124–160; *Комиссарова Е.Г.* Параметры методологии юриспруденции в их функциональном значении (на примере гражданского правоведения) // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. Вып. 3. С. 50–75; *Ее же.* Методология образовательного правопознания // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. 2. С. 171; *Малахов В.П.* Философия права: учеб. пособие. М.: Юнити-Дана, 2007. С. 42–46; *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права: учебник. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. С. 22–23; Проблемы методологии и методики правоведения / ред. Д.А. Керимов [и др.]. М.: Мысль, 1974; *Рузавин Г.И.* Методология научного познания. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 4, 7–8; *Сырых В.М.* Метод правовой науки (Основные элементы, структура). М.: Юрид. лит., 1980. С. 6–10.

[249] Так, в философском энциклопедическом словаре метод (от греч. methodos – путь, исследование, прослеживание) определяется как «способ достижения определенной цели, совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения действительности» и отмечается, что в области науки «метод есть путь познания, который исследователь прокладывает к своему предмету» (Философский энциклопедический словарь. С. 266). Н.Н. Тарасов предлагает понимание метода юриспруденции как «научно обоснованной и философски оправданной

казательством этого является тот факт, что рубрика «методологическая основа исследования» является неотъемлемым компонентом любой отечественной научно-квалификационной работы.

Анализ таких работ по частноправовым наукам и так или иначе связанных с исследованием гражданского оборота, показал, что практически все авторы применяют такие общенаучные способы познания, как анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, аналогия. Указывается также на использование диалектического метода познания (иногда именуемого «диалектической теорией познания»), формально-логического метода. Все чаще авторы отмечают применение ими системного (системно-структурного) подхода (метода). Из числа частнонаучных методов многие ученые избирают историко-правовой, догматический методы; все более востребованным в последнее время становится сравнительно-правовой метод, в том числе метод компаративистики. В работах, связанных с исследованием гражданского оборота, встречается указание и на иные способы познания, например: «системо-деятельностный метод»[251]; «межотраслевой метод исследования»[252]; «моделирование»[253]; «функциональный подход»[254]; «конкретно-социологический» и «социально-правовой» методы[255]. В чем заключаются отдельные способы, и какие результаты позволило получить их применение, ученые нередко не поясняют.

Одним из наиболее популярных у отечественных правоведов является **исторический метод познания**, сопровождаемый освещением вопроса о генезисе ли-

---

системы средств познавательной деятельности, соответствующей природе права и неразрывно связанной с предметом правоведения» (*Тарасов Н.Н.* Указ. соч. С. 38). По мнению Г.И. Рузавина, в самом широком смысле метод можно рассматривать как «некоторую *систематическую процедуру, состоящую из последовательности определенных операций, применение которых либо приводит к достижению поставленной цели, либо приближает к ней*» (*Рузавин Г.И.* Методология научного познания. С. 6).

[250] О важности методологического основания в современных научных исследованиях пишет Н.Н. Тарасов, отмечая: «Сумеет российское правоведение стать полностью адекватным не только текущим (ситуативным) социальным запросам, но и идеалам современной науки, способным не только объяснять текущее “настоящее”, но и эффективно прогнозировать и проектировать принципиальное “будущее” право или “планомерно отступит” на описательно-комментаторские позиции, во многом зависит от отношения юристов к проблемам методологии своей науки» (*Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы современного правоведения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 9).

[251] *Илюшина М.Н.* Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ... С. 12.

[252] Там же.

[253] Там же; *Бритвин С.Н.* Арендные права и их гражданский оборот: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 5.

[254] *Майдаровский Д.В.* Предварительный договор и заключение основного договора в российском гражданском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011. С. 7.

[255] *Рутковская О.А.* Драгоценные металлы и драгоценные камни как объекты гражданского оборота на внутреннем и международном рынках: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 6.

бо самого объекта, либо представлений о нем по шаблону: дореволюционное – советское – современное право, иногда с выделением также «переходного («перестроечного»)» периода. Отмеченная тенденция наблюдается и в работах, связанных с исследованием гражданского оборота, в которых, рассматривая вопрос о генезисе концепции гражданского оборота, ученые указывают на то, что «отношения гражданского оборота были предметом исследования русских (дореволюционных), советских и современных цивилистов»[256] или что «с дореволюционных времен вплоть до наших дней в науке гражданского права наметилось два основных подхода к явлению гражданского оборота»[257], и давая обзор имеющихся подходов, сначала приводят взгляды дореволюционных цивилистов (в частности, Е.В. Васьковского, Ю.С. Гамбарова, И.А. Покровского, К.П. Победоносцева, Г.Ф. Шершеневича, В.М. Хвостова), затем анализируют позиции советских авторов (С.Н. Братуся, А.В. Дозорцева, О.А. Красавчикова, С.С. Алексеева, Д.М. Генкина), а после – современные трактовки гражданского оборота[258].

Исторический метод используется не только применительно к вопросу о генезисе концепции гражданского оборота, но и при анализе правовых норм и содержащих их нормативных актов, регламентирующих гражданский оборот тех или иных видов объектов гражданских прав[259]. Характерной чертой цивилистических работ в рамках «исторической рубрики» является также обращение в качестве исходного к положениям римского частного права. Применительно к исследованию гражданского оборота при этом приводят нормы Дигест Юстиниана и суждения романистов о вещах в обороте, *res in commercio*, и вещах вне (гражданского) оборота, *res quarum commercium non est, res extra commercium*, проводя па-

---

[256] *Жернаков Д.В.* Указ. соч. С. 57.

[257] *Галеева Р.Ф.* Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 22.

[258] См.: *Полуяхтов И.А.* Указ. соч. С. 12–28; *Ельникова Е.В.* Указ. соч. С. 16–21; *Астахова М.А.* Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. С. 48–49; *Морозов А.А.* Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте: дис. … канд. юрид. наук. С. 31–34, 38–46.

[259] Так, Р.М. Олимова указывает на то, что ею «активно использовался исторический метод», поясняя: «Правовые акты были рассмотрены в хронологическом порядке их издания с выявлением тенденций развития и преемственности законодательства» (*Олимова Р.М.* Указ. соч. С. 7–8). К анализу «развития гражданского оборота в его историко-правовом аспекте, позволяющем проследить закономерности формирования современного правового регулирования оборотоспособности объектов гражданских прав» обращается А.А. Морозов (*Морозов А.А.* Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 15).

раллель с общепризнанной в российской цивилистической доктрине градацией объектов гражданских прав на свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота[260]. Отмеченные нормы в римском частном праве, действительно, имели место[261], исходя из чего, ученые небезосновательно излагали и излагают их содержание, придавая, однако, соответствующим положениям не всегда одинаковое значение. Так, в современной отечественной литературе положения древнеримского права о *res in commercio* и *res extra commercium* рассматривают преимущественно в контексте вопроса об оборотоспособности объектов гражданских прав как способности последних к отчуждению или переходу от одного лица к другому в рамках гражданских правоотношений[262]. Отдельные авторы прямо отмечают, что «правовые принципы оборотоспособности вещей (объектов гражданского права), разработанные древнеримскими юристами, с достаточной полнотой нашли отражение и в современном российском гражданском праве»[263]. Вместе с тем Ю.С. Гамбаров, также признававший заимствованный из римского права характер разделения вещей на «оборотные» и «внеоборотные», заключал, что основанием римского деления вещей на указанные группы «было нахождение или ненахождение их в составе имущества, тогда как основанием этого же деления в новой юриспруденции сделалось положение вещей в гражданском обороте, отождествленном с понятием имущественного оборота»[264]. Подобное отождествление правовед считал неправильным, отмечая, что под понятием «commercium» «следует разуметь только особую форму пользования известными благами внешнего мира, приспособленную к целям торговли и исключительного усвоения человеком этих благ по началам частной собственности», и что этой формой «не исчерпывается ни понятие оборота, ни понятие права»[265]. Аналогично – с позиций вопроса о принадлежности вещей определенным лицам – трактовал категорию *res*

---

[260] См.: *Морозов А.А.* Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте: дис. … канд. юрид. наук. С. 35–36.
[261] См., в частности: D. 18.1.6 pr.; 18.1.34.1; 20.3.1.2; 30.39.10 // Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. III. М.: Статут, 2003. С. 560–561, 572–573; Т. IV. М.: Статут, 2004. С. 50–51; Т. V, полутом 1. М.: Статут, 2004. С. 358–359.
[262] *Рожкова М.А.* Оборотоспособность объектов гражданских прав // Закон. 2009. № 3. С. 212–213.
[263] *Яковлев В.Н.* Древнеримское частное право и современное российское гражданское право: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 146.
[264] *Гамбаров Ю.С.* Указ. соч. С. 580–588.
[265] Там же.

extra commercium Е.Н. Трубецкой, отмечавший, что данные вещи «потому исключаются из гражданского оборота, что составляют объект чьего-либо исключительного права»[266]. С точки зрения способности «подлежать власти частных лиц» рассматривал состоящие в гражданском обороте вещи Е.В. Васьковский[267].

Повторим, исторический метод широко используется современными учеными при исследовании гражданского оборота. Однако, как показало проведенное исследование, в большинстве случаев его применение сводится к простому хронологическому рассмотрению либо взглядов на категорию «гражданский оборот», либо соответствующих правовых норм. Не отрицая возможной эффективности, а иногда и необходимости подобного пути познания изучаемых объектов[268], мы убеждены, что научный потенциал историко-правового метода гораздо более значителен. Безусловно, ретроспективный обзор литературных или нормативных источников позволяет проследить преемственность взглядов или нормативных установлений относительно предмета исследования, проиллюстрировать или обосновать традиционность определенного подхода. Вместе с тем представляется очевидным, что рассмотрение тех или иных объектов (предметов, явлений) «в исторической постепенности их развития»[269] имеет преимущественно описательный характер, в связи с чем не способно, полагаем, вывести исследователя на новый уровень познания, особенно – такого сложного явления, как гражданский оборот.

По нашему мнению, применение исторического метода при исследовании гражданского оборота, равно как и других явлений реальной действительности, не должно ограничиваться ретроспективным описанием соответствующих позиций и

---

[266] *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1999. С. 183.

[267] *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. С. 116–117.

[268] На наш взгляд, это теоретически и практически оправданно при исследовании правовых норм и институтов, которые могут получать принципиально различное оформление в позитивном праве. Так, например, применение исторического метода при анализе соседского права в России показало и позволило нам обосновать отсутствие онтологической (исторической) связи между институтом права собственности и нормами, призванными регламентировать отношения субъектов в связи с эксплуатацией ими соседствующего (смежного или близко расположенного) недвижимого имущества, и на этом основании критически оценить предлагаемое закрепление в ГК РФ норм о соседских правах как об ограничениях права собственности (см.: *Виниченко Ю.В.* Исторические начала соседского права в России: монография. Иркутск: Институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2012; *Ее же*. Соседское право и право собственности: вопрос взаимосвязи (историко-правовое исследование) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 1. С. 21–31; *Виниченко Ю.В., Асланян Н.П., Поротикова О.А.* Соседское право в России: исторические начала и подходы к пониманию. М.: Юриспруденция, 2014).

[269] Выражение А.М. Гуляева (см.: *Гуляев А.М.* Об отношении русского гражданского права к римскому (Вступительная лекция, читанная 16 сент. 1894 г.). Киев, 1894. С. 3).

норм. Действительная значимость данного метода заключается в другом – в том, что посредством историко-правового анализа можно обнаружить факторы, обусловливавшие в отдельные периоды развития общества то или иное понимание гражданского оборота и содержание соответствующих правовых норм, а также выявить начала функционирования самого гражданского оборота. В данной связи уместно привести замечание Г.Ф. Шершеневича о том, что выбор научного метода определяется задачей науки и исторический метод служит такой задаче правоведения, как объяснение существующего правового порядка[270]. В частности, ученый писал: «Если житейская практическая потребность удовлетворяется систематическим изложением действующего права, то пытливость научно воспитанного ума идет дальше и желает знать причины, под влиянием которых сложились те или иные нормы. Такое объяснение существующего может дать только изучение прошедшего. Его приходится искать или в общих законах общественного развития или же в тех ближайших исторических условиях, которые вызвали существование действующих норм»[271]. Близкое высказывание встречаем в работе И.С. Тимофеева, который относительно предмета историко-научных исследований отмечал, что «в истории науки важно учитывать не только “то, что было” – историческую реальность в виде уникальных событий (открытий и т. п.), но и причины событий, законы развития науки»[272].

Так, например, можно воспринять как данность вступившую в действие 1 октября 2013 г. редакцию ст. 129 ГК РФ[273], в которой теперь отсутствует указание на такую привычную для российского правопорядка категорию объектов, как объекты, изъятые из оборота[274]. Но тот самый пытливый ум, который «не доволь-

---

[270] *Шершеневич Г.Ф.* Задачи и методы гражданского правоведения. Казань: Типо-литогр. Императ. ун-та, 1898. С. 5. Двумя другими задачами гражданского правоведения, согласно позиции ученого, являются познание и оценка норм действующего гражданского права, которые достигаются, соответственно, посредством догмы права и политики (Там же. С. 3–4).

[271] Там же. С. 5.

[272] *Тимофеев И.С.* Изменения в понимании предмета историко-научных исследований // Вопросы истории естествознания и техники. 1981. № 2. С. 99.

[273] Изменения приняты федеральным законом от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.

[274] О привычности этой категории объектов наиболее ярко свидетельствует решение Арбитражного суда Оренбургской области от 30.04.2015 г. по делу № А47-1369/2015, в котором указано: «В соответствии со ст. 129 Гражданского кодекса Российской Федерации виды объектов гражданских прав, нахождение которых в обороте не допускается,

ствуется *констатированием факта*, но ищет их объяснения»[275], не может не задаться целым рядом вопросов. Какими мотивами руководствовался законодатель? Означает ли это, что изъятых из оборота объектов теперь не существует и все изъятые ранее из оборота объекты впредь являются ограниченными в обороте; все абсолютно, даже явно антисоциальные – скажем, героин или материальные носители видеозаписей актов сексуального насилия? Наконец, почему при изменении нормы ст. 129 ГК РФ положения об изъятых из оборота объектах сохранены в целом ряде иных нормативных правовых актов[276], как следствие, находя отражение в соответствующей судебной практике[277]? Более того, рассматриваемая формулировка не только сохранена в нормах, имевшихся в других законах на момент внесения изменений в ст. 129 ГК РФ, но и использована во вновь принятом норма-

---

должны быть прямо указаны в законе», то есть несмотря на внесенные законодательные изменения, воспроизводится норма абз. 1 п. 2 ст. 129 ГК РФ в ранее действовавшей редакции.

[275] *Шершеневич Г.Ф.* Задачи и методы гражданского правоведения. С. 5.

[276] В частности, в нормах: п. 2 ст. 6 ФЗ РФ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400), устанавливающей, что «не допускается ипотека имущества, изъятого из оборота»; абз. 1 п. 2 ст. 27 Земельного кодекса РФ от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147, далее – ЗК РФ), согласно которой «земельные участки, отнесенные к землям, изъятым из оборота, не могут предоставляться в частную собственность, а также быть объектами сделок, предусмотренных гражданским законодательством»; п. 3 ст. 3 ФЗ РФ «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21.12.2001 г. № 178-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 2002. № 4. Ст. 251), указывающей в числе имущества, не подлежащего приватизации, на «имущество, отнесенное федеральными законами к объектам гражданских прав, оборот которых не допускается (объектам, изъятым из оборота)»; п. 4 ст. 8 ФЗ РФ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 2002. № 48. Ст. 4746), предусматривающей, что одним из допустимых случаев создания унитарного предприятия является необходимость «производства отдельных видов продукции, изъятой из оборота или ограниченно оборотоспособной»; ст. 3.7, ч. 1 ст. 23.4, ч. 1 ст. 27.11, п. 2) ч. 3 ст. 29.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1, далее – КоАП РФ), устанавливающих в части административных правонарушений, предметами которых являются вещи, изъятые из оборота, подведомственность таких правонарушений, их правовые последствия, в частности, что «вещи, изъятые из оборота, подлежат передаче в соответствующие организации или уничтожению»; п. 2 ст. 131 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190), согласно которой из имущества должника, которое составляет конкурсную массу, исключается имущество, изъятое из оборота, а также в правилах п. п. 1–3 ст. 132, п. 2 ст. 196 данного закона, устанавливающих обязанность собственника изъятого из оборота имущества принять от конкурсного управляющего это имущество или закрепить его за другими лицами; п. 4 ст. 69 ФЗ РФ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849), согласно которой при отсутствии или недостаточности у должника денежных средств взыскание обращается на иное принадлежащее ему имущество, за исключением имущества, изъятого из оборота, и имущества, на которое в соответствии с законодательством не может быть обращено взыскание.

[277] Так, в одном из решений Арбитражного суда Забайкальского края указано, что «основанием отнесения земельных участков к категории ограниченных в обороте либо изъятых из оборота является не характеристика самого земельного участка, а статус объекта на нем расположенного, и без этих данных отнести земельный участок к *определенной категории* (ограничен либо изъят из оборота, либо имеет традиционный статус), невозможно» (решение Арбитражного суда Забайкальского края от 30.10.2014 г. по делу № А78-9878/2014 // Банк решений арбитражных судов. URL: http://ras.arbitr.ru). См. также: постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 31.10.2014 г. № А33-4087/2014; постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.11.2014 г. по делу № А55-10231/2013; решение Арбитражного суда Саратовской области от 17.11.2014 г. по делу № А57-14093/2014; решение Арбитражного суда Новгородской области от 11.12.2014 г. по делу № А 44-7208/2014; решение Арбитражного суда Иркутской области от 19.12.2014 г. по делу № А19-19197/2014. Здесь и далее в отсутствие указания иного доступ к материалам судебной практики из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тивно-правовом акте, в частности, в положении абз. 4 п. 2 ст. 41 федерального закона от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[278]. С позиций нашего исследования интересно и то, почему в ст. 129 ГК РФ (до изменений) закреплялось выражение «объекты, изъятые из оборота», в то время как в ст. ст. 20 и 181 ГК РСФСР 1922 г.[279] – «имущество, изъятое из гражданского оборота», а в ГК РСФСР 1964 г.[280] ни гражданский оборот, ни просто оборот не упоминались вовсе?

В отсутствие прямых пояснений (например, в Пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в ГК РФ) о тех или иных законодательных мотивах можно лишь предполагать. Так, относительно объектов, обозначенных выше как «антисоциальные» нельзя не заметить, что одновременно с исключением из ст. 129 ГК РФ указания на категорию изъятых из оборота объектов, тем же самым федеральным законом (от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ), в ГК РФ были введены новые правила, посвященные защите нематериальных благ – чести, достоинства, деловой репутации, изображения и частной жизни гражданина. В частности, это нормы п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 введенной данным законом ст. 152.2, устанавливающие, что изъятию и уничтожению без компенсации подлежат изготовленные в целях введения в гражданский оборот экземпляры материальных носителей, которые содержат сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, незаконно полученную информацию о его частной жизни либо его неправомерно полученное или используемое изображение. Можно предположить, что законодатель применительно к части изъятых ранее из оборота объектов небезосновательно счел целесообразным перенести допустимый с точки

[278] Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4766. Это положение касается внесения изменений в ФЗ РФ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», а именно закрепления в п. 2.7 ст. 3 последнего в качестве условия приобретения без проведения торгов права собственности на земельный участок, предназначенный для ведения садоводства, огородничества или дачного хозяйства, того, что «земельный участок не является изъятым из оборота, ограниченным в обороте и в отношении земельного участка не принято решение о резервировании для государственных или муниципальных нужд». По сути, это правило идентично норме подп. 5 п. 1 ст. 19 утратившего силу федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» (Собрание законодательства РФ. 1998. № 16. Ст. 1801), закреплявшей право членов указанных организаций распоряжаться своим земельным участком и иным имуществом «в случаях, если они на основании закона не изъяты из оборота или не ограничены в обороте».

[279] Введен в действие постановлением ВЦИК от 11.11.1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

[280] Утвержден законом РСФСР от 11.06.1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.

зрения семантики смысловой акцент в термине «изъятый» со свойств самих объектов в сторону результата изъятия определенных объектов, т. е. на правовые последствия нарушений защищаемых законом нематериальных благ. Что касается другой части «антисоциальных» объектов, то они, по-видимому, действительно, должны быть квалифицированы как ограниченные в обороте[281]. Например, героин, как говорится в Пояснениях к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза, «применяется в качестве успокаивающего средства вместо кодеина и морфина» (подгруппа XII (A) (3))[282], и, таким образом, является оборотоспособным объектом, хотя для его отчуждения и требуется специальное разрешение (т. е. по смыслу п. 2 ст. 129 ГК РФ, он является ограниченным в обороте).

Сложнее понять логику законодателя в части сохранения норм о создании унитарного предприятия в случае необходимости производства продукции, изъятой из оборота; неясно и то, случайным либо намеренным является оставление без изменения правила абз. 1 п. 2 ст. 27 ЗК РФ и, напротив, внесение изменений в п. 2.7 ст. 3 закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», упоминающих об изъятых из оборота земельных участках.

В любом случае представляется очевидным, что найти ответы на поставленные вопросы посредством алгоритма «было так, а стало иначе» невозможно. Для более или менее достоверного их объяснения требуется выявление факторов, детерминировавших те или иные нормативные установления. Примечательно в этом отношении правило п. 2 ст. 6 Гражданского кодекса Республики Казахстан[283] «Толкование норм гражданского законодательства», согласно которому «при выяснении точного смысла нормы гражданского законодательства необходимо учи-

---

[281] Как справедливо пишет В.А. Петрушкин, «нет оснований утверждать о существовании объектов, которые полностью изъяты из оборота. Можно лишь говорить о наличии объектов, ограниченных в обороте. Другое дело, что степень этого ограничения может быть различна» (*Петрушкин В.А.* Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости… С. 29). По мнению ученого, термин «объекты, изъятые из оборота» используется «не по его буквальному смыслу, а для обозначения довольно высокой степени ограниченности того или иного объекта в обороте, то есть для обозначения соответствующего предела гражданского оборота» (Там же).

[282] Пояснения к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств (ТН ВЭД СНГ): утв. решением Совета руководителей таможенных служб государств – участников Содружества Независимых Государств от 14.06.2017 г. № 10/65 (Т. 2, разд. VI–VIII, группы 29–43) // СПС «КонсультантПлюс».

[283] Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): принят Верховным Советом Республики Казахстан 27.12.1994 г. [Электронный ресурс] // ИС «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061.

тывать исторические условия, при которых она вводилась в действие». Данные условия (факторы), определяющие содержание гражданского оборота, категориально являются, на наш взгляд, ничем иным как его началами, т. е. первопричинами, обусловившими содержание и существо данного феномена[284]. Именно при такой трактовке исторический метод позволит обнаружить закономерности и определить объективные тенденции развития гражданского оборота как реально существующего явления, и на этом основании понять механизм возможного и оптимального воздействия на него.

Другим широко применяемым средством исследования гражданского оборота в отечественной цивилистике является **формально-логический метод познания**, который в юриспруденции связывают с догматическим методом, с догмой права[285], а именно, признают формальную логику основой догматизма[286]. Именно путем формально-логического анализа положений действующего законодательства выводят российские ученые и понятие гражданского оборота, в качестве исходной точки своих суждений, как уже было указано выше, в большинстве случаев избирая формулировку п. 1 ст. 129 ГК РФ «Оборотоспособность объектов гражданских прав»[287]. Однако, используя один и тот же – формально-логический – инструментарий, ученые зачастую приходят к различным выводам,

---

[284] См.: *Асланян Н.П.* Основные начала российского частного права: монография. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. С. 33. Исторические начала функционирования гражданского оборота будут рассмотрены далее (в § 3 гл. 3 диссертации).

[285] Непосредственным объектом которой, по замечанию Д.Д. Гримма, являются абстрактные типы конкретных жизненных отношений – юридические институты, изучаемые «в порядке сосуществования» (см.: *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права. М.: Зерцало, 2003. С. 42). Как отмечается в юридической литературе, начиная с середины XIX в., формально-догматическая концепция права занимает и сегодня господствующие позиции в отраслевом, в том числе цивилистическом, правоведении (см.: *Семякин М.Н.* Становление экономического анализа частного права России: проблемы и перспективы развития // Стратегии развития предпринимательства в современных условиях: сб. науч. тр. II междунар. науч.-практ. конф. 25–26 янв. 2018 г. / под науч. ред. Е.А. Горбашко, В.Г. Шубаевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 35).

[286] См.: *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. I. С. 73; *Филиппова С.Ю.* Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013. С. 11.

[287] См.: *Галеева Р.Ф.* Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 22–23; *Евстафьева И.В.* Указ. соч. С. 31; *Ельникова Е.В.* Указ. соч. С. 21; *Романова В.В.* Указ. соч. С. 51; *Шаповалова Е.В.* Указ. соч. С. 91–92. В поисках содержания рассматриваемой категории обращаются отечественные ученые и к иным законодательным положениям. Например, В.А. Петрушкин, задаваясь вопросом о том, включает ли в себя категория «гражданский оборот» оборот так называемых нематериальных объектов, заключает, что для ответа на данный вопрос «следует обратиться к содержанию гражданского законодательства», после чего рассматривает правила ст. 1042 ГК РФ (*Петрушкин В.А.* Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости… С. 10–11), а при соотношении категорий «гражданский оборот» и «имущественный оборот» апеллирует к норме п. 1 ст. 779 ГК РФ (Там же. С. 11–12). Приводятся и анализируются ученым и иные случаи использования термина «гражданский оборот» в ГК РФ, а также в иных федеральных законах и в иных нормативных правовых актах (Там же. С. 12–14).

расходясь во многих существенных моментах. Наиболее яркой иллюстрацией этого может служить вопрос о традиционной классификации объектов гражданских прав по критерию оборотоспособности, во всех случаях основанной на положениях одной и той же статьи – ст. 129 ГК РФ. Несмотря на общее сходство современных подходов к решению данного вопроса, далеко не во всех моментах правоведы единодушны. В частности, различно интерпретируются вопросы о предмете такой классификации, обозначении самого классификационного критерия, определении понятия «оборотоспособность», выделяемых в результате группах объектов[288].

Еще одним вопросом, связанным с применением формально-логического метода, является вопрос о понятии оборота, к которому «способны» либо «не способны» отдельные виды объектов. В российской цивилистической доктрине этот вопрос является открытым; более того, в контексте проблемы оборотоспособности объектов гражданских прав он, как правило, даже не ставится. Вместе с тем в литературе высказана позиция о связи категории «оборотоспособность объектов гражданских прав» с понятием не гражданского, а экономического оборота[289]. Напомним, что в отечественной цивилистике данные понятия традиционно разграничивают: широко признано, что объектами гражданского оборота, в отличие от оборота экономического, являются не сами объекты гражданских прав, то есть не те или иные блага, а имущественные права на них; блага же выступают объектами экономического оборота. Следовательно, термин «оборотоспособность» может иметь различные смысловые оттенки, означая способность объекта либо к экономическому обороту (суть, фактической передаче), либо к гражданскому обороту (к переходу прав на объект). Все зависит от того, как интерпретировать термин «оборот».

Следует заметить, что в российском гражданском законодательстве понятие «гражданский оборот», а точнее, соответствующее ему выражение используется в основном (более 20-ти раз) в части четвертой ГК РФ, посвященной интеллектуальной собственности, в частности, в нормах, содержащих такое словосочетание, как

---

[288] Подробнее об этом см. § 2 гл. 2 диссертации.

[289] Ср.: *Белов В.А.* Гражданское право: Общая и Особенная части. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. С. 129; *Его же.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 278–280.

«введение в гражданский оборот» (ст. 1272, п. 2 ст. 1274, п. 1 ст. 1302, ст. 1325, ст. 1344 и др.). Для сравнения, в части первой ГК РФ, закрепляющей общие положения, оно содержится в тексте лишь восьми норм, более половины из которых принята только в 2013–2014 гг.[290] Так, уже привычным является упоминание гражданского оборота в нормах: п. 2. ст. 15 ГК РФ «Возмещение убытков» – при определении упущенной выгоды (как неполученных доходов, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено); п. 1. ст. 2 ГК РФ «Отношения, регулируемые гражданским законодательством», согласно которому гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота. Выражение «участники гражданского оборота» содержится также в нормах п. 1 ст. 1192 (часть третья ГК РФ[291]), а с принятием федерального закона РФ от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ – в абз. 3 п. 2 ст. 51 ГК РФ. В рамках сложившегося словоупотребления («участие в гражданском обороте», «обычные условия гражданского оборота») получил закрепление рассматриваемый термин в ряде норм, введенных федеральным законом РФ от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ – п. 4 ст. 49, абз. 2 п. 1 ст. 53.1 ГК РФ. Новеллами, введенными федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ, являются приведенные выше правила, посвященные защите нематериальных благ (чести, достоинства, деловой репутации, изображения и частной жизни гражданина – п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2).

Что касается нормы п. 1 ст. 129 ГК РФ, на основании формально-логического анализа которой, как отмечалось, в доктрине и формулируют определения понятия оборотоспособности объектов гражданских прав, а также определения самого гражданского оборота, то в ней выражение «гражданский оборот» не используется. Данная норма ныне гласит: «Объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом,

---

[290] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: ФЗ РФ от 28.06.2013 г. № 134-ФЗ. URL: http://www.pravo.gov.ru, 30 июня 2013; О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ; О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: ФЗ РФ от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ. URL: http://www.pravo.gov.ru, 5 мая 2014.

[291] Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 3: ФЗ РФ от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

если они не ограничены в обороте». Если исходить при формально-логическом толковании приведенной нормы (учитывая название статьи, в которой она закреплена) из традиционного в российской цивилистике разграничения понятий «гражданский оборот» и «экономический оборот» и связанного с этим постулата, что объектом гражданского оборота являются субъективные права (и обязанности), следует признать, что несмотря на использование термина (просто) «оборот», в ст. 129 ГК РФ имеется в виду именно гражданский оборот. В частности, согласно названию данной статьи – «Оборотоспособность объектов гражданских прав» – она закрепляет правила оборотоспособности объектов гражданских прав; а поскольку это делается посредством установления возможности отчуждения или перехода объектов, при том что такое отчуждение или переход могут осуществляться в порядке правопреемства, логически следует вывод о том, что под оборотом в данном случае понимается переход прав (а не самих благ), то есть с позиций отмеченного противопоставления гражданского оборота экономическому, действительно, гражданский (а не экономический) оборот объектов. Однако означает ли это, что подобным образом (как гражданский оборот) следует трактовать термин «оборот», содержащийся в тексте других норм ГК РФ (например, в п. 1 ст. 133, ст. 133.1, п. 2 ст. 152.1 и др.)? Полагаем, что не всегда.

Отмеченное понимание термина «оборот» допустимо, например, при толковании положений п. 1 ст. 133, ст. 133.1 ГК РФ, посвященных таким видам объектов гражданских прав, как неделимые вещи и единый недвижимый комплекс и содержащих выражения: «вещь… выступает в обороте как единый объект вещных прав», «вещью, участвующей в обороте как единый объект». Ввиду прямой отсылки к ст. 129 ГК РФ так же в значении гражданского оборота используется термин «оборот» в норме п. 3 ст. 209 ГК РФ, устанавливающей, что «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законом (статья 129) осуществляются их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц». В системной связи с положениями ст. 129 ГК РФ следует толковать и правило п. 1 ст. 260 ГК РФ о том, что распоря-

жение земельным участком допускается постольку, «поскольку соответствующие земли на основании закона не исключены из оборота или не ограничены в обороте». Исходя из формулировки нормы абз. 1 п. 2 ст. 15 ГК РФ, в частности, принимая во внимание содержащееся в ней выражение «обычные условия гражданского оборота», аналогичным образом – как гражданский оборот – следует трактовать, по нашему мнению, термин «оборот» в словосочетании «условия оборота», используемом в тексте правил абз. 2 п. 2 ст. 179, абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ.

В то же время иным, на наш взгляд, является смысл термина «оборот» в норме п. 2 ст. 152.1 ГК РФ, которая гласит: «Изготовленные в целях введения в гражданский оборот, а также находящиеся в обороте экземпляры материальных носителей, содержащих изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением пункта 1 настоящей статьи, подлежат на основании судебного решения изъятию из оборота и уничтожению без какой бы то ни было компенсации». Представляется, что формулировка приведенной нормы, а именно, одновременное использование в ее тексте и термина «оборот», и выражения «гражданский оборот» дает основание для вывода о необходимости разграничения как самих указанных терминов, так и соответствующих им понятий. В противном случае (при их отождествлении), логично предположить, что формулировка данного правила была бы иной: «Изготовленные в целях введения в гражданский оборот, а также находящиеся в нем…».

Однако в этом случае возникает вопрос о содержательном наполнении понятия «оборот»: следует ли трактовать его как (фактический) «экономический оборот» (самих объектов)? Полагаем, что да. Прежде всего, потому что в рассматриваемой норме прямо говорится об изъятии материальных объектов, в то время как объектами гражданского оборота (которые можно было бы изъять из него), согласно общепринятому пониманию, являются субъективные права. Вывод о необходимости понимания термина «оборот» в п. 2 ст. 152.1 ГК РФ как «экономического» оборота следует, на наш взгляд, и при возможной интерпретации изъятия из оборота таким образом, что изъятие самих объектов осуществляется наряду с изъятием прав на них. При этом мы исходим из того очевидного обстоятельства, что изъять

из гражданского оборота можно лишь то, что в нем находится, то есть, повторим, субъективные права. Однако права на объекты, о которых идет речь в анализируемой норме (тиражируемые и распространяемые экземпляры материальных носителей, неправомерно содержащих «чужое» изображение), изначально порочны, в связи с чем, следуя терминологии ГК РФ (в частности, п. 2 ст. 1274, ст. 1344), их нельзя признать «правомерно введенными в гражданский оборот» и, соответственно, правомерно в нем находящимися. Иными словами, такие права являются «неправомерными», в силу чего их вообще вряд ли можно считать частью гражданского оборота и, следовательно, подлежащими и способными к изъятию из него.

Таким образом, путем формально-логического толкования отдельных норм гражданского законодательства один и тот же термин – «оборот» – может быть интерпретирован различно: и как «гражданский» оборот, и как «экономический» оборот. Однозначно утверждать, что именно то или иное его понимание является подлинным, невозможно, в связи с чем справедливо замечание о том, что формально-логический метод служит средством «получения правильного, а не истинного научного знания»[292]. Отмеченная содержательная неоднозначность, а порой – неопределенность отдельных законодательных положений приводит к тому, что понимание гражданского оборота, основанное на применении формально-логической методологии, напротив, скорее оказывается интуитивным, нежели логически обоснованным. Как следствие, в равной мере допустимыми являются трактовки гражданского оборота и как совокупности относительных отношений, возникающих из различных юридических фактов и опосредующих движение объектов гражданских прав от одного лица к другому[293], и как совокупности актов передачи прав[294], и как перехода или изменения в установленном законом порядке прав на те или иные объекты[295], и как процесса перехода самих объектов гражданских прав[296]. Но при таких обстоятельствах содержание гражданского оборота остается размытым, неопределенным.

---

[292] *Пугинский Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юрид. лит, 1984. С. 23.
[293] *Шаповалова Е.В*. Указ. соч. С. 96.
[294] *Туктаров Ю.Е.* Указ. соч. С. 113–114.
[295] *Ельникова Е.В.* Указ. соч. С. 12, 25.
[296] *Евстафьева И.В.* Указ. соч. С. 34.

Стремление найти выход из сложившейся познавательной ситуации, оставаясь при этом в рамках догмы, равносильно переливанию «из пустого в порожнее»: представители науки пытаются объяснить значение выражений и соответствующих им понятий «оборот», «гражданский оборот», избирая в качестве исходного то или иное нормативное установление, в то время как законодатель, в задачи которого, как отмечалось, не входит обязательное определение используемых правовых понятий, полагается в решении данного вопроса на доктрину, ожидая приемлемых дефиниций от ученых. Но поскольку на сегодняшний день такие дефиниции различны, использование в законе и интерпретация на практике терминологических оборотов по интересующей нас проблеме является произвольным.

Учитывая изложенное, следует заключить, что определения гражданского оборота, выводимые путем формально-логического анализа норм позитивного права, не могут способствовать развитию системы знаний о гражданском обороте и построению научной теории гражданского оборота, поскольку при таком подходе главной задачей исследователя становится приведение к «общему знаменателю» существующих законодательных положений, содержащих выражение «гражданский оборот» и иные близкие ему термины. Однако несогласованность таких положений, усугубляемая вариативностью смысла термина «оборот», делает указанную задачу трудновыполнимой, убеждая в неэффективности использования при исследовании гражданского оборота «махрового юридического позитивизма» (выражение В.М. Сырых[297]) и связанного с ним формально-логического метода.

Еще одним возможным способом познания гражданского оборота является **сравнительно-правовой метод**, использование которого позволяет выявить сходство и различие в законодательной фиксации и доктринальной трактовке понятия гражданского оборота в различных государствах[298]. Однако сами по себе подобные результаты, хотя и представляют известный познавательный интерес и способствуют преодолению «национальной ограниченности правового мышления»[299], вряд

---

[297] *Сырых В.М.* Материалистическая философия частного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 6.

[298] Подробнее об этом см.: *Виниченко Ю.В.* Гражданский оборот: методологические основания цивилистического исследования. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 48–72.

[299] *Цвайгерт К., Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. I. Основы / пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 28.

ли имеют значительную научную и практическую ценность, поскольку решить проблему понимания гражданского оборота не в состоянии. Напротив, уже в первом приближении можно обнаружить наднациональный характер данной проблемы, а именно в равной мере свойственную праву различных государств терминологическую и категориальную противоречивость характеристики гражданского оборота, усугубляемую неоднозначностью внутринациональных подходов к трактовке отдельных правовых терминов[300], связанных с пониманием гражданского оборота.

В качестве примера можно привести термин «оборотоспособность (объектов гражданских прав)», в общем виде означающий способность (объектов) к обороту. На первый взгляд, сложностей при отыскании его иностранных аналогов возникать не должно. Так, в немецком языке и гражданско-правовой доктрине Германии существует соответствующий термин «*Verkehrsfähigkeit*»[301]; имеется термин «оборотоспособный» и во французском языке – «t*ransférable*»[302]; как «оборотоспособность» интерпретируют отечественные правоведы термин «*Transferability*», используемый в заголовке ст. 2-105 Единообразного торгового кодекса США[303]. Вместе с тем, как уже было отмечено выше, в современной российской науке гражданского права не решен единообразно вопрос о том, с понятием какого – «гражданского» или «экономического» – оборота связана оборотоспособность объектов. В силу этого термин «оборотоспособность» может иметь различные смысловые оттенки, означая способность объекта (1) либо к «экономическому» обороту (суть, к его фактической передаче), (2) либо к «гражданскому» обороту (к переходу прав на него). В случае признания первой из отмеченных пози-

---

[300] То, что внешне идентичные термины не всегда имеют одно и то же значение в различных правовых системах и что понятийному аппарату при применении сравнительно-правового метода следует уделять особое внимание, отмечается и в юридической литературе (см.: *Власов В.И., Власова Г.Б., Денисенко С.В*. Сравнительное правоведение: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2014. С. 14; *Фролычева Е.А.* Некоторые аспекты сравнительно-правового метода в экспертологии для исследования однородных институтов в странах с различными правовыми системами // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2010. Вып. 3. С. 102).

[301] *Regelsberger F*. Pandekten. Band 1. Leipzig, 1893 // Digital library; Max-Planck-Institut für europäische Rechtsgeschichte. URL: http://dlib-pr.mpier.mpg.de. S. 405; *Kettler St. H., Kiseleva Yu.* Wörterbuch der Rechts- und Wirtschaftssprache=Словарь юридических и экономических терминов. Band II. Deutsch-russisch. München: Verlag C.H. Beck, 2006. S. 368; *Kettler St. H., Kiseleva Yu.* Wörterbuch der Rechts- und Wirtschaftssprache=Словарь юридических и экономических терминов. Band I. Russisch-deutsch. München: Verlag C.H. Beck, 2006. S. 188.

[302] *Мачковский Г.И.* Французско-русский юридический словарь. М.: ABBYYPress, 2009. С. 526; *Его же.* Русско-французский юридический словарь. М.: ABBYYPress, 2009. С. 173.

[303] Единообразный торговый кодекс США: пер. с англ. / Сер.: Современное зарубежное и международное частное право. М.: Междунар. центр фин.-эконом. развития, 1996. С. 59. Доступ к оригинальному тексту Uniform Commercial Code: сайт Legal Information Institute [Электронный ресурс]. URL: http://www.law.cornell.edu/ucc.

ций – при трактовке оборотоспособности, не связывающей ее с переходом прав на объекты, – выявить иностранный аналог, семантически точно передающий смысл русскоязычного термина «оборотоспособность», несколько затруднительно.

Так, французский термин «*transférable*» как производный от «*transfert*» – «перенос; переход (прав)»[304] – изначально предполагает его корреляцию с «гражданским» оборотом (как переходом прав); если же говорить о способности объекта к фактической передаче, скорее всего, следует использовать другие термины – «*circulation*» («обращение») либо «*tradition réelle*» («вручение вещи»[305]), но как в этом случае корректно сформулировать «оборотоспособность» – сказать сложно. Не является бесспорным и английский аналог термина «оборотоспособность»: например, Е.Н. Васильева соотнесла его не с англо-американским «*Transferability*», а с термином «*Alienability*» – «отчуждаемость»[306]; можно перевести его и как «*negotiability*» – «обращаемость», относительно которого лингвисты уточняют: «способность акции, векселя и т. п. к обращению»[307], либо как «*ability to circulation (of objects of civil rights)*», сделав тем самым акцент на (экономический) термин «*circulation*» – «обращение»[308]. Противоречивой является и трактовка немецкого термина «*Verkehrsfähigkeit*», который специалисты толкуют как «способность вещей находиться в обороте», но в то же время относительно семантически близкого выражения «*verkehrsfähige Sache*» указывают: «вещь, не изъятая из гражданского оборота»[309].

Бесспорно, большей результативностью отличается при использовании сравнительно-правового метода выявление соотношения не просто терминологических единиц, а понятий, используемых в различных правопорядках. Например, француз-

---

[304] *Мачковский Г.И.* Французско-русский юридический словарь. С. 526.
[305] Там же. С. 521.
[306] *Васильева Е.Н.* Оборотоспособность в сфере интеллектуальной собственности // Хозяйство, труд, право. 2011. № 8. С. 26.
[307] *Борисенко И.И., Саенко В.В*. Современный русско-английский юридический словарь. М.: ABBYY Press, 2009. С. 224.
[308] *Жданова И.Ф.* Русско-английский экономический словарь. М.: Рус. яз.–Медиа; Дрофа, 2008. С. 357. Именно термин «circulation» используется и в том случае, когда речь идет об изъятии объектов из обращения (оборота) (см.: *Борисенко И.И., Саенко В.В*. Указ. соч. С. 225, статья «обращение»). Однако «оборот» (к которому способны либо не способны объекты) можно перевести не только как «circulation», но и как «turnover», в частности, в выражении «trade turnover» – «торговый оборот» (Там же. С. 223), в связи с чем перевод термина «оборотоспособность» на английский язык может варьироваться и не является однозначным.
[309] Немецко-русский юридический словарь/ под ред. П.И. Гришаева, М. Беньямина. М.: АБИ Пресс, 2010. С. 540.

ские авторы выделяют в отдельную группу вещи, изъятые из (гражданского) оборота («*choses hors du commerce*»), не по критерию оборотоспособности (либо свободы в обороте), как это принято в современном российском правоведении, а в зависимости от их принадлежности (присвоенности). Точнее, французские ученые различают «*les choses appropriées et celles qui ne le sont pas*»[310], то есть вещи, которые обращены в собственность и те, которые таковыми не являются. При этом к категории изъятых из (гражданского) оборота вещей они относят публичное имущество государства, то есть те вещи, которые не могут находиться в обладании частных лиц, в частности потому, что они предназначены для удовлетворения потребностей общества («*qui ne peuvent pas être appropriées privativement, notamment parce qu'elles sont affectées aux besoins de la collectivité (bien du domaine public)*»[311]). Если принять во внимание, что именно нахождение или не нахождение вещей в составе имущества, а не их положение в имущественном (гражданском) обороте являлось основанием древнеримского деления вещей на *res in commercio* и *res extra commercium*, позиция французских правоведов может служить дополнительным аргументом в пользу необходимости корректировки имеющегося в современной российской доктрине восприятия гражданского оборота. Но и в этом случае проблема непротиворечивого понимания гражданского оборота не решается и всестороннее представление о нем как феномене не формируется.

Безусловно, при изучении гражданского оборота бесспорно допустимым является использование всех указанных выше способов. Однако, как справедливо отмечается в философской литературе, «любой метод науки имеет свои теоретико-познавательные и логические возможности, за пределами которых его эффективность снижается или элиминируется вовсе»[312]. Исходя из этого, основной задачей на данном этапе исследования является выявление такого метода (методов) познания гражданского оборота, который в условиях актуальной познавательной ситуации будет наиболее эффективным с позиций приращения научного знания о данном явлении юридически значимой действительности.

---

[310] *Voirin P., Goubeaux G.* Droit civil. T. 1. Personnes – Famille – Personnes protégées – Bien – Obligations – Sûretés. 32e édition. Paris. L.G.D.J – Lextenso édition, 2009. P. 268.
[311] Ibid.
[312] *Алексеев П.В., Панин А.В.* Указ. соч. С. 22.

Термин «эффективность», в русском языке означающий «результативность», «действенность»[313], используют представители различных областей и отраслей науки – от общественных наук (социологии, психологии, экономики, юриспруденции и др.) до технических[314], интерпретируя его при этом в рамках своей предметной сферы и выделяя свойственные именно этой сфере факторы и показатели эффективности[315]. Используют термин «эффективность» и в науковедении, в котором проблема оценки эффективности научных исследований признается одной из центральных проблем[316], что подтверждается наличием весомого числа работ[317]. Однако, невзирая на то, что термин «эффективность» достаточно часто используется в специальной литературе, в дискуссиях о реформировании науки, а также фигурирует в официальных государственных документах[318], единого понимания эффективности применительно к сфере науки до сих пор не существует.

---

[313] От «эффект», лат. *effectus* – действие, результат чего-либо (Современный словарь иностранных слов. СПб.: Дуэт, 1994. С. 728); *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 914.

[314] *Гимаев И.З.* Анализ подходов к понятию «эффективность» в социологии, экономике и технических науках // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 1. С. 145–147; *Нгуен Куанг Тхыонг* Методы и модели надежности, эффективности и безопасности сложных технических систем в конфликтных ситуациях: дис. ... д-ра техн. наук. М., 1999; *Степаненко Д.А., Мушинский М.А.* Эффективность противодействия экстремизму // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 5. С. 803–815; *Фонталова Н.С., Рерке В.И.* Взаимосвязь карьерных ориентаций личности будущего специалиста с их социальной эффективностью // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6, № 3. DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(3).38; *Шуплецов А.Ф., Перелыгин А.И.* Инструменты хеджирования рисков: эффективность и значимость их использования в процессе формирования стратегий развития российских нефтегазовых компаний // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30, № 2. С. 318–325.

[315] Так, в экономике показателем эффективности признается рентабельность, а факторами, оказывающими воздействие на нее, – способ хозяйственной деятельности, затраты на производство, трудовые ресурсы, финансовая прибыль, доходность продукции; в технических науках показатель эффективности – это коэффициент полезного действия, а факторы – такие физические явления, как электрическое сопротивление, нагревание окружающих тел, трение, потребляемая мощность, совершенство технического устройства; в социологии эффективность понимается как соотношение общественных благ к общественным затратам, определяемое социальными явлениями – социальной потребностью общества, полезностью общественного блага или товара, общественной деятельностью, благосостоянием общества (см.: *Гимаев И.З.* Указ. соч. С. 146–147).

[316] *Грановский Ю.В.* Об оценке эффективности научных исследований // Науковедческие исследования. 2008. № 2008. С. 58.

[317] См., например: *Касимова Р.Г.* Наукометрические показатели как один из индикаторов качества научной деятельности // Науковедение. 2002. № 1. С. 132–143; *Кузнецов А.* Организационные меры для повышения эффективности научных исследований в России // Вопросы экономики. 2013. № 3. С. 83–93; *Нехорошев Ю.С.* Эффективность научных исследований и производительность научного труда // Известия Томского политехнического института. 1974. Т. 292: Социально-экономические формы организации и распространения научно-технических достижений. С. 24–29; *Селиверстова О.Ф.* Подходы к понятиям продуктивности, результативности и эффективности в сфере научных исследований и разработок // ФАРМАКОЭКОНОМИКА. Современная Фармакоэкономика и Фармакоэпидемиология. 2015. № 4. С. 3–9; *Шиповалова Л.В.* Проблема эффективности научных исследований // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2 (91). С. 87–97.

[318] Например: Об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения: постановление Правительства РФ от 08.04.2009 г. № 312 (в ред. постановлений Правительства Российской Федерации от 01.11.2013 г. № 979, от 29.12.2016 г. № 1537, от 28.09.2018 г. № 1152, от 30.12.2018 г. № 1781, от 08.06.2019 г. № 744) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 15. Ст. 1841; Об утверждении видов, порядка и условий приме-

В целом можно выделить два основных аспекта эффективности научных исследований: 1) эффективность научных исследований с позиций эффективности научно-исследовательской работы отдельных ученых и научных коллективов[319]; 2) эффективность научных исследований с позиций значимости для науки и общества[320]. В числе факторов, определяющих эффективность научных исследований, применительно к обоим указанным аспектам можно указать на исследовательский опыт, наличие необходимых ресурсов, в контексте настоящей работы особо выделив избранные методы исследования. Как справедливо отмечается в общетеоретической литературе, именно «поиск новых исследовательских средств, новых методов обеспечивает прирост теоретических знаний, углубление представлений о свойственных предмету закономерностях»[321].

Изложенное в равной мере относится ко всем областям и отраслям науки, в том числе к юриспруденции, включая цивилистику. При этом, по нашему убеждению, о действительной эффективности научных исследований можно говорить исключительно с позиций второго из выделенных аспектов – с точки зрения значимости научных разработок и изысканий для науки и общества. При этом исходя из прикладного предназначения юриспруденции и учитывая функциональную направленность права как социального регулятора на упорядочение общественных отношений, на наш взгляд, следует признать, что *эффективность правовых, в том числе цивилистических исследований в итоге определяется их значимостью для решения вопросов правового регулирования*.

нения стимулирующих выплат, обеспечивающих повышение результативности деятельности научных работников и руководителей научных учреждений и научных работников научных центров Российской академии наук: приказ Минобрнауки, Минздравсоцразвития России и Российской академии наук от 03.11.2006 г. № 273/745/68 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 2 (данный приказ, названный в литературе «Тройственным» (*Максимова Н.Н., Максимов А.Л.* Некоторые аспекты применения наукометрических показателей в оценке эффективности научной деятельности // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009. № 5. С. 149) утратил силу связи с изданием приказа Минобрнауки РФ № 1, Минздравсоцразвития РФ № 1н, РАН № 1 от 11.01.2010 г. // Рос. газ. 2010. 10 марта).

[319] См.: *Грановский Ю.В*. Указ. соч.; *Касимова Р.Г.* Указ. соч.; *Максимова Н.Н., Максимов А.Л.* Указ. соч. Ключевыми критериями эффективности научных исследований здесь являются хорошо известные всем российским ученым основания для стимулирующих выплат, о которых говорилось в указанном выше так называемом Тройственном приказе; это, в частности: издание монографий и учебников, публикации в рецензируемых периодических журналах, участие в конференциях, защита диссертации на соискание ученой степени кандидата или доктора наук либо осуществление научного руководства соискателем ученой степени, цитируемость работ ученого, разработка им научно-образовательных курсов, получение патентов, количество внедренных тем НИР (научно-исследовательской работы) и др.

[320] *Гимаев И.З.* Указ. соч. С. 145; *Нехорошев Ю.С.* Указ. соч. С. 25–26.

[321] Теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист, 1996. С. 16.

Именно с этой точки зрения эффективным средством познания гражданского оборота как юридически значимого явления представляется **системный подход**, который позволит перейти от описательного изучения его отдельных аспектов (как то: субъекты гражданского оборота, его объекты, порождающие гражданский оборот либо составляющие его юридические факты, образующие его отношения) к познанию его сущности. Последняя, вне всяких сомнений, не может быть выявлена путем простого перечисления и изолированного рассмотрения тех или иных частей той или иной «совокупности» (фактов, правоотношений, норм и т. п.), без определения связи между ними, анализа функционирования их как единого целого. Эвристический потенциал системного подхода и необходимость его использования отмечаются и в юридической литературе. Так, Ц.А. Ямпольская указывала, что «использование выводов общей теории систем с учетом особенностей предмета, т. е. данной конкретной системы, и есть ключ к познанию многих еще неизвестных сторон изучаемых явлений и процессов»[322]; С.Ю. Морозов отмечает, что исследование проблемы предмета гражданского права «*следует проводить с учетом принципов теории систем*, которые являются универсальными, и право здесь не является исключением»[323]; то, что системный подход «открывает новые горизонты в исследовании правовых явлений» отмечают и другие ученые[324].

Формирование целостного представления о гражданском обороте образно можно сравнить с игрой в пазлы, цель которой, как известно, заключается в том, чтобы из отдельных фрагментов сложить изображение. При этом важно не потерять ни одной детали – иначе «картинка» будет неполной. Важно и то, что контуры каждой детали позволяют ей занять лишь строго определенное место. Задача усложняется, если у игрока нет образца, по которому «картинка» собирается. Однако данное обстоятельство не меняет цели и правил игры: изображение будет собрано лишь при условии наличия полного набора деталей и помещения каждой из них на свое место. При этом очевидно, что отдельные элементы, сколь велики

---

[322] *Ямпольская Ц.А.* К методологии науки управления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 21.

[323] *Морозов С.Ю.* Методологические проблемы исследования предмета гражданского права // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. Вып. 4. С. 39.

[324] *Ображиев К.В.* Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 1. С. 89.

бы они не были, не могут восприниматься как самодостаточные образы, позволяющие однозначно утверждать, что изображено на «картинке» в целом.

Следует заметить, что возможность системного анализа определенного предмета или явления бесспорна во всех случаях, поскольку, как отмечается специалистами в общей теории систем (далее – ОТС), «один объект может быть исследован и как системный, и как несистемный»[325], «*любые объекты могут быть представлены как некоторые системы*»[326]. Данный взгляд получил признание и в правоведении. Так, В.Н. Протасов пишет, что «категория “система” относится к числу *всеобщих* категорий, то есть она применима к характеристике любых предметов и явлений, *всех* объектов», замечая также, что «как система может быть рассмотрено, в принципе, любое явление, хотя и не всякий объект научного анализа в этом нуждается»[327]. В.А. Белов отмечает, что «не существует предметов или явлений, *являющихся* системами или *не являющихся* таковыми *по своей природе*»[328]. То, что понятие системы относительно и в зависимости от методологии исследования любой объект познания может быть рассмотрен либо как система, либо как не-система, признают и иные авторы[329]. Таким образом, в части выбора системного метода для познания отдельных объектов вопрос заключается не в возможности его применения, а в том, насколько использование данного метода является необходимым (перспективным, эффективным).

Обосновывая необходимость использования системного подхода при изучении гражданского оборота, укажем, что обусловлена она, прежде всего, характером имеющихся представлений о гражданском обороте. В дополнение к уже отмеченному нами выше заметим, что анализ соответствующих научных взглядов свидетельствует о следующем. Во-первых, будучи основанными на положениях позитивного права, представления о гражданском обороте в отечественной циви-

---

[325] *Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г.* Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М.: Знание, 1969. С. 25, 29.
[326] *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. С. 22.
[327] *Протасов В.Н.* Указ. соч. С. 17, 7.
[328] *Белов В.А.* Наука гражданского права как система // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 163. И.В. Блауберг указывал, в частности, что «объект как таковой, безотносительно к задачам его исследования и используемым при этом познавательным средствам, не может получить абсолютную характеристику системного или несистемного» (*Блауберг И.В.* Философско-методологические проблемы системного исследования: дис. … д-ра филос. наук. М., 1983. С. 149).
[329] См.: *Григорьева М.А.* Гражданский правопорядок (опыт системного исследования). Красноярск, 2010. С. 28.

листике являются преимущественно описательными. Зачастую эти представления выводятся путем логического толкования легально закрепленных нормативных установлений, содержащих понятие «оборот» (и его производных). Однако как образно и справедливо заметил В.А. Белов, «закон – не *источник* правовой действительности; он лишь *зеркало*, в котором эта действительность… более-менее полно и точно отражается»[330]. Подобный нормативистский подход к изучению гражданского оборота может быть охарактеризован как первичное, досистемное описание рассматриваемого объекта, дающее представление о его отдельных свойствах или элементах. Данное досистемное описание, безусловно, необходимо, но недостаточно. Во-вторых, конструируя понятие гражданского оборота, ученые, как мы уже отметили, оперируют одними и теми же категориями («правоотношение», «юридические факты», «форма» и др.), просто ставя во главу угла одну из них в качестве определяющей. Данное обстоятельство делает выделение тех или иных подходов к определению понятия гражданского оборота крайне условным. Кроме этого, акцентируя внимание на одной из характеристик гражданского оборота, авторы подвергают детальному рассмотрению именно этот, ключевой, по их мнению, признак. Даже если и предпринимается анализ иных признаков гражданского оборота, взаимосвязь отдельных признаков между собой из поля зрения исследователей выпадает. В этих условиях наиболее очевидной представляется необходимость установления связи между категориями, используемыми в цивилистике для определения гражданского оборота. А поскольку категория «связь» (или «структура») является одной из ключевых именно при системном подходе, постулирующем, что система «есть нечто большее, нежели простая совокупность частей»[331] и что целостность системы вызвана именно наличием связей между ее элементами (феноменом интеграции элементов[332]), применение системного подхода к познанию гражданского оборота видится несомненно актуальным.

Решая вопрос о выборе методологических средств познания гражданского оборота, нельзя не учесть замечание Д.А. Керимова о том, что отдельные право-

---

[330] *Белов В.А.* Наука гражданского права как система. С. 169.
[331] *Тарасенко Ф.Н.* Прикладной системный анализ: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2010. С. 45.
[332] *Кузьмин В.П.* Указ. соч. С. 305.

вые нормы, акты или отношения, являясь конкретными правовыми явлениями, имеют самые разнообразные характеристики и обладают разнообразными связями как между собой, так и с другими явлениями, и «для того чтобы в них разобраться, понять тенденцию их движения, назначение и роль в общественной жизни, необходимо прежде всего выяснить то, что их объединяет, вскрыть “ядро”, основу, общую закономерность развития всех правовых явлений, т. е. обнаружить и определить их общую сущность». При этом понятие «сущность» трактуется ученым как «внутренняя субстанция», «устойчивое отношение, нечто единое в многообразии явлений», то, что отражает объекты «в “очищенном” от случайностей виде», а сущностное понятие права предполагает, по мнению ученого, «обнаружение тех внутренних и необходимых, общих и основных, главных и устойчивых свойств, признаков, черт правовых явлений и процессов, единство и взаимообусловленность которых определяет их специфику и закономерности развития»[333]. Признавая справедливость приведенных суждений, и учитывая то, что гражданский оборот является не только понятием, используемым при формулировании законодательных установлений, но в первую очередь – явлением реальной действительности, бытием, мы приходим к выводу, что его действительное познание возможно лишь посредством постижения его сущности. Для этого, в свою очередь, необходимо иметь целостное представление о гражданском обороте, что и является одним из оснований выбора системного подхода в его исследовании.

Возвращаясь к вопросу об эффективности системного подхода как познавательного средства исследования гражданского оборота, повторим, что эффективность правовых, в том числе цивилистических исследований в итоге определяется их значимостью для решения вопросов правового регулирования общественных отношений. С этой точки зрения эффективность системного подхода к исследованию гражданского оборота, его преимущества по сравнению, в частности, с подходом формальным, наряду с уже указанным, усматриваются в следующем.

Понимание гражданского оборота как системы социальных связей предполагает *признание его предметом правового регулирования* и доктринальную разра-

[333] *Керимов Д.А.* Указ. соч. С. 154–155.

ботку соответствующих вопросов, в то время как формальный подход к восприятию гражданского оборота исключает регулирующее воздействие на последний системы права, поскольку очевидно, что правовому регулированию могут подвергаться отношения лиц, но отнюдь не правовые формы.

Применение при исследовании гражданского оборота системного подхода позволяет использовать в качестве «готовых» тезисы, уже доказанные в науке, опираясь на которые, можно *научно аргументировать* иные, юридически значимые для понимания гражданского оборота положения – о его структуре, свойствах, функционировании, – связанные с *решением* отдельных *дискуссионных цивилистических вопросов*.

На их основании, в свою очередь, можно реально прогнозировать варианты развития гражданского оборота и *определять оптимальные направления правового воздействия на него, принимать взвешенные управленческие решения*, которые в сфере юриспруденции в конечном счете заключаются в совершенствовании действующих нормативно-правовых установлений и практики их применения. Забегая вперед, отметим, что именно системный подход позволяет определить и научно обосновать те правовые институты, корректировка которых действительно повлияет на гражданский оборот, а также решить дискуссионные в современной отечественной цивилистике вопросы, связанные с пониманием гражданского оборота (о включении в него фактических, безвозмездных, односторонних и неправомерных действий, отношений «статики»). Кроме этого, только посредством управленческих (в том числе законодательных) решений, основанных на четком осознании целостности отношений гражданского оборота, можно достичь необходимой «синхронизации» отдельных отраслей права. В данной связи нуждаются в теоретическом решении, в частности, вопросы о механизме, видах, уровнях правового регулирования гражданского оборота, анализ которых будет предпринят в иных частях работы.

В завершение настоящего параграфа, обосновывая выбор системного подхода как методологической основы перспективного цивилистического исследования гражданского оборота, резюмируем, что этот выбор, прежде всего, детерминирован

познавательной ситуацией в сфере изучения последнего, характеризующейся отсутствием научной теории гражданского оборота при одновременном наличии немалого количества работ, раскрывающих отдельные грани последнего, и низкой эффективностью используемых при этом в современной отечественной доктрине познавательных средств.

Усматривая эффективность научных исследований в значимости научных разработок для науки и общества, и полагая, что эффективность правовых, в том числе цивилистических исследований определяется их значимостью для решения вопросов правового регулирования (исходя при этом из прикладного предназначения юриспруденции, а также функциональной направленности права как социального регулятора на упорядочение общественных отношений), сделан вывод, что эффективность системного подхода к восприятию и исследованию гражданского оборота заключается в том, что данное средство познания: 1) обеспечивает формирование целостного, непротиворечивого и адекватного представления о гражданском обороте как предмете гражданско-правового регулирования; 2) позволяет решить ряд дискуссионных в современной отечественной цивилистике вопросов, связанных с пониманием гражданского оборота (о включении в него фактических, безвозмездных, односторонних и неправомерных действий, отношений «статики»); 3) позволяет определить и научно обосновать направления государственно-правового регулирования гражданского оборота, а также нормы позитивного права, оказывающие на него действенное и оптимальное воздействие.

§ 4. Теоретические предпосылки построения цивилистической теории гражданского оборота

Приступая к характеристике предлагаемой в настоящей диссертации частной цивилистической теории гражданского оборота, мы должны указать, что построение данной теории осуществлялось нами на основе методологических принципов построения научных теорий, разработанных в отечественной литературе по методологии науки и теории познания. В самом общем виде к таким принципам методологи науки относят принципы научного познания, которые и признаются сред-

ствами построения научных теорий. Следует подчеркнуть, что под принципами познания ученые понимают положения, сформулированные «на основе той или иной всеобщей формы бытия или диалектической закономерности и содержащее в себе определенные требования к мыслящему субъекту, ориентирующие его в познавательной деятельности»[334]. Говоря иными словами, под принципами познания следует понимать методологические регулятивы, нормативные образования (требования), призванные регулировать процесс научной деятельности. Как указывает С.В. Илларионов, «методологические принципы представляют собой общие требования (условия), накладываемые на способ организации или на содержание научного знания, или, что бывает чаще всего, и на то и на другое одновременно»[335].

К числу таких принципов (методологических регулятивов) в авторитетном труде по диалектической логике специалисты в области теории познания относят принципы объективности и всесторонности рассмотрения, принцип определенности теоретического мышления, принцип конкретного тождества, принцип детерминизма, принцип историзма, принцип противоречия, принцип системности, принцип субстанционального подхода, принцип восхождения от абстрактного к конкретному и принцип единства анализа и синтеза[336]. Анализируя приведенный перечень методологических принципов, необходимо указать на две его особенности. С одной стороны, этот перечень принципов не является единственно возможным и непреложным, и различные ученые признают принципами познания различные регулятивы. Так, например, А.П. Шептулин включает в предлагаемый им перечень принцип отражения, принцип активности, принцип восхождения от единичного к общему и обратно, принцип диалектического отрицания и др.[337]; П.В. Алексеев разделяет все принципы на общие (универсальные) и специфические внутринаучные, относя к первым принцип объективности, принцип системности, принцип историзма и принцип диалектической противоречивости, а ко вторым – принцип восхождения от абстрактного к конкретному и принцип един-

---

[334] *Шептулин А.П.* Диалектический метод познания. М.: Политиздат, 1983. С. 84.
[335] *Илларионов С.В.* Лекции по теории познания и философии науки // *Илларионов С.В.* Теория познания и философия науки. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. С. 139.
[336] Диалектическая логика / под ред. З.М. Оруджева, А.П. Шептулина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 80–215.
[337] *Шептулин А.П.* Указ. соч. С. 84–269.

ства логического и исторического[338]. С другой стороны, наличие перечня методологических регулятивов не означает, что каждый исследователь непременно обязан применять их все в проводимом исследовании, поскольку «их система всякий раз адаптируется применительно к задачам деятельности. Они особым образом сочетаются учеными в исследовательской работе в рамках того или иного предмета»[339]. Таким образом, можно заключить, что исследователь в каждом отдельном случае самостоятельно «настраивает» свой методологический инструментарий, сочетая необходимые принципы сообразно задачам проводимого исследования. Поэтому, признавая справедливость объяснения П.В. Алексеева, указывающего, что «принципов не должно быть чрезмерно много. Но их должно быть достаточно для обеспечения диалектического движения мысли»[340], хотим добавить к этому, что методологических регулятивов, рассматриваемых в качестве средств построения научной теории, должно быть достаточно для построения качественной научной теории. В этой связи следует вернуться к процитированной выше трактовке С.В. Илларионовым методологических принципов как общих требований, накладываемых «на способ организации или на содержание научного знания, или, что бывает чаще всего, и на то и на другое одновременно»[341], и уточнить ее в том смысле, что требования, накладываемые на способ организации научного познания, с одной стороны, и требования, накладываемые на содержание научного знания, с другой стороны, необходимо разделять в силу их различной роли в исследовательской деятельности. Полагаем, что методологические принципы, относящиеся к способу организации процесса научного познания, действительно, применяются исследователем по собственному усмотрению[342]. Однако требования, налагаемые на содержание научного знания, должны учитываться исследователем неукоснительно. К таким требованиям науковеды относят системность, логичность, принадлежность положений теории единой предметной области, це-

[338] *Алексеев П.В., Панин А.В.* Теория познания и диалектика: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1991. С. 280–360.
[339] *Сидоренко Н.И.* Принципы и их значение для построения теории // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2016. № 2 (86). С. 160.
[340] *Алексеев П.В., Панин А.В.* Теория познания и диалектика… С. 302.
[341] *Илларионов С.В.* Указ. соч. С. 139.
[342] Как подчеркивает Г.И. Рузавин, принципы построения научных теорий «по необходимости должны иметь скорее весьма общий и рекомендательный, чем обязательный характер в силу творческой природы процесса научного исследования вообще и построения теории в особенности» (*Рузавин Г.И.* Методология научного исследования. С. 164).

лостность, наличие категориального состава, непротиворечивость и обоснованность всех выдвинутых положений[343].

Выше было обосновано, что отношения, образующие гражданский оборот, будучи связанными с удовлетворением индивидуальных потребностей субъектов, а также с социальной потребностью обмена имущественными благами, являются социально необходимыми. В силу такой социальной значимости они оказываются в центре внимания государства, роль которого при этом состоит в обеспечении справедливости и стабильности осуществляемого обмена. Реализуя свои функции, государство в числе прочего (распределения и перераспределения ресурсов и национального дохода, контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов и др.) осуществляет правовое регулирование этих отношений. Однако для того, чтобы это регулирование было эффективным, принятию правовых норм должна предшествовать серьезная доктринальная работа, или, говоря иными словами, действенное правовое регулирование нуждается в предварительном формировании максимально полных и адекватных научных знаний о регулируемой сфере.

В науковедении к научному знанию предъявляется требование теоретичности, в силу чего теория составляет цель научно-познавательного процесса, а «научное знание всегда стремится приобрести форму *научной теории* – системы научных утверждений, дающей целостное представление о закономерностях или существенных связях изучаемой области действительности»[344]. Ценность научной теории как формы знания методологи науки усматривают в ее концептуальной организации и полноте, что принципиально отличает теорию и по глубине, и по объему отображения реальности от иных входящих в нее форм знания (таких, как понятия, суждения, умозаключения, гипотезы и проч.). Именно научная теория позволяет преодолеть недостатки предшествующего построению теории поискового этапа в виде разрозненности, «частного характера и обилия данных, их неупорядоченности, отсутствия обоснованности и объясненности многих фактов и положений, неоднородности концептуального выражения и т. д.»[345]. Учитывая

---

[343] Логика научного исследования / отв. ред. П.В. Копнин, М.В. Попович. М.: Наука, 1965. С. 81–82, 86–88, 94–95.
[344] *Ивин А.А.* Философское исследование науки. М.: Проспект, 2016. С. 110.
[345] *Майданов А.С.* Процесс научного творчества. Философско-методологический анализ. М.: Наука, 1983. С. 147.

представленную выше характеристику познавательной ситуации в сфере изучения гражданского оборота, в частности отрывочный, фрагментарный характер суждений о гражданском обороте, вариативность имеющихся его определений и трактовок подходов к его пониманию, терминологическую непоследовательность и др. можно утверждать, что построение частной цивилистической теории гражданского оборота является настоятельной потребностью гражданского правоведения.

В науковедении научные теории разделяются по степени общности на общие (фундаментальные) и частные, что «обусловлено степенью общности исследуемых ими объективных законов природы и общества»[346]. Соответственно этому общая научная теория трактуется как теория той или иной области знаний (дисциплинарная онтология[347]), а частная научная теория – как раздел общей научной теории.

Как было указано, для квалификации какой-либо совокупности теоретических положений в качестве научной теории они должны иметь единую предметную область. Коль скоро частная научная теория представляет собой раздел общей научной теории, установление ее предмета производится на основе расчленения общей предметной области дисциплины, т. е., говоря иными словами, предмет частной научной теории является в то же время сегментом общего предмета дисциплины. Применение данных науковедческих положений к теме нашего исследования позволяет утверждать, что частная цивилистическая теория гражданского оборота способна составить раздел общей научной теории – теории гражданского права, – которая и является цивилистической дисциплинарной онтологией. Это обстоятельство обусловлено природой отношений гражданского оборота, аналогичной природе отношений, образующих предмет гражданско-правового

---

[346] Диалектика процесса познания / под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 316. См. также: *Лебедев С.А.* Плюрализм критериев истинности научного знания: уровневая модель // Studia Humanitatis Borealis. 2019. № 1. С. 9–10; *Степин В.С.* Системность теоретических моделей и операции их построения // Философия науки. Вып. 1: Проблемы рациональности. М.: ИФ РАН, 1995. С. 41.

[347] Заслуга основательной разработки понятия «дисциплинарная онтология» в отечественной философии принадлежит В.С. Степину. Согласно его трактовке, данное понятие отображает специальную научную картину мира (картину исследуемой реальности) и «вводит представление о целостной системе знаний научной дисциплины» (*Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс–Традиция, 2003. С. 227). Как указывается в литературе, «дисциплинарная онтология представляет собой совокупность концептуальных интерпретаций объектов теории и называется абстрактной теоретической схемой. Она представляет собой систему понятий, которые отождествляются и ставятся в соответствие самым общим свойствам и принципам реальности, по сути дела задавая ее и в целом, и в качестве объекта исследования той или иной научной дисциплины» (*Тараroев Я.В., Иваненко Н.А.* Онтологические основания физического знания и современная экономическая теория // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 48).

регулирования, а именно их имущественным характером, видами объектов и отсутствием власти-подчинения между субъектами. Таким образом, предметную область частной научной теории гражданского оборота способна составить концептуально организованная система научных представлений о гражданском обороте. В первом приближении (в качестве научной гипотезы[348]) выскажем предположение, что к собственной предметной области этой теории следует отнести организацию и закономерности функционирования гражданского оборота как системы общественных отношений и обусловленные этими закономерностями направления и особенности правового регулирования данной сферы.

Исследуя вопрос о частных научных теориях применительно к общей теории криминалистики, Р.С. Белкин отмечал, что частные теории могут быть разделены по степени общности на «более общие» и «менее общие», в зависимости от отражения большей или меньшей предметной области (более или менее значительной группы явлений и процессов)[349]. Признавая правомерность подобной классификации, хотим указать, что частная научная теория гражданского оборота должна быть отнесена к числу «более общих» частных научных теорий. Исходя из предметного поля подлежащей построению теории гражданского оборота, следует констатировать, что такая теория претендует на сквозной характер, поскольку способна охватить все сферы гражданского права. Уже общий взгляд на феномен гражданского оборота позволяет утверждать, что не имеется ни одного гражданско-правового института, который не был бы так или иначе связан с «движением» имущественных благ. Следовательно, в делении частных научных цивилистических теорий по степени общности частная научная теория гражданского оборота оказывается в ряду «более общих» теорий.

Как утверждает П.В. Копнин, в научной теории все открытые в исследуемой области закономерности должны быть сведены к единому основанию, отражающему «фундаментальную закономерность данного предмета (или совокупности

---

[348] П.В. Алексеев и А.В. Панин рассматривают научную гипотезу как форму и метод теоретического исследования. В частности, ученые пишут: «В методологии термин “гипотеза” используется в двух смыслах: как форма существования знания, характеризующаяся проблематичностью, недостоверностью, и как метод формирования и обоснования объяснительных предложений, ведущий к установлению законов, принципов, теорий»; в рамках данного метода проявляется интуиция исследователя (*Алексеев П.В., Панин А.В*. Философия … С. 305).

[349] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Т. 1. М.: Юристъ, 1997. С. 418.

явлений). Если нет объединяющего общего начала, то никакая, как бы велика она ни была, совокупность научных положений, отражающих закономерные связи, не составит научной теории»[350]. Таким объединяющим общим началом могут быть как определенные внутренние закономерные связи (закономерности), входящие в собственное предметное поле теории, так и внешние закономерные связи (закономерности), выходящие за пределы собственного предметного поля и входящие в предметное поле теории более высокого уровня.

Здесь необходимо обратиться к уже цитировавшемуся нами труду А.М. Васильева и привести его рассуждения по поводу задач, стоящих перед ученым в процессе исследования правовых явлений. «…На всех уровнях и во всех аспектах изучения (правовой сферы общественной жизни – *Ю.В.*) требуется прежде всего понимание того, как в праве и в процессе его познания проявляются объективные общественные закономерности, диалектические законы развития мира и мышления», – пишет правовед и заключает: «Только понимание закономерностей общественного развития в целом, его глубинных процессов открывает путь к научному познанию природы правовых явлений, внутренних причин их происхождения, развития, сущности и исторических судеб»[351]. Руководствуясь данной методологической установкой теоретика, хотим вновь подчеркнуть роль такого фактора как наличие общесоциальной потребности в обмене имущественными благами для проводимого нами исследования, сославшись на авторитетные мнения известных специалистов в области психологии и права. Так, с психологических позиций именно обмен в процессе взаимодействия человека с миром «имеет универсальный характер для бытия и сознания человека»[352], а, с юридических позиций, согласно утверждению Г.В. Мальцева, «анализ обмена как социально-экономического явления, рассмотрение его обобщенной модели дают если не все, то во всяком случае главное для понимания всей системы человеческих взаимодействий»[353]. Исходя из данных соображений, можно утверждать, что указанной

---

[350] *Копнин П.В.* Диалектика как логика и теория познания: опыт логико-гносеологического исследования. М.: Наука, 1973. С. 206.
[351] *Васильев А.М.* Указ. соч. С. 75, 85.
[352] *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С. 326–327.
[353] *Мальцев Г.В.* Социальная справедливость и право. М.: Мысль, 1977. С. 19.

внешней закономерностью для частной цивилистической теории гражданского оборота единым *основанием*, объединяющим *общим началом*, отражающим фундаментальную закономерность ее предмета, является *общесоциальная потребность в обмене имущественными благами.*

С вопросом об объединяющем общем начале научной теории тесно связан вопрос о ее концептуальной основе, которая не сводима к возможным приемам и способам изучения ее предмета и представляет собой некую теорию более высокого уровня. Выявление такой концептуальной основы включает в себя два вида идентификации объекта познания: первоначальную и вторичную, более специальную. Первоначальная идентификация заключается в определении категориальной принадлежности объекта, его онтологического типа, т. е. установление самого общего характера объекта, его принадлежности к какому-либо из таких классов объектов, как явление, процесс, система, комплекс и т. д., подведение его под какое-либо общее универсальное понятие. Эта операция «обеспечивает исследователя соответствующим общим взглядом на объект, некоторым пониманием его, которое подсказывает те или иные познавательные действия с ним»[354]. Вторичная, более специальная идентификация объекта исследования сводится к подведению его под какое-либо конкретное понятие, какую-либо частную теорию, что дает исследователю возможность «руководствоваться более специфическим комплексом соответствующих представлений»[355]. Таким образом, вторичная идентификация изучаемого объекта позволяет исследователю подвести этот объект под ту или иную теорию, с позиций которой он и будет рассматриваться.

В рамках первичной идентификации гражданского оборота мы установили, что его следует воспринимать как *социальный феномен*, объективно появившийся и существующий вследствие общей социальной потребности обмена имущественными благами. С учетом этого, а также признавая регулирующее воздействие права на гражданский оборот, на уровне вторичной (специально-юридической) идентификации, в качестве концептуальной основы частной циви-

---

[354] *Майданов А.С.* Методология научного творчества. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 46.
[355] Там же. С. 48.

листической теории гражданского оборота, как представляется, следует использовать общую по отношению к ней *теорию гражданско-правового регулирования*. Помимо прочего, эта операция позволяет исследователю получить теорию, удовлетворяющую принятым критериям истинности, поскольку «одним из требований критерия истинности частных научных теорий является их дедуктивное выведение из более общих научных теорий (фундаментальных или парадигмальных), признанных научным сообществом в качестве истинных»[356].

Использование теории гражданско-правового регулирования в качестве концептуальной основы частной цивилистической теории гражданского оборота предполагает (определяя тем самым содержание и понятийный аппарат формируемой частной научной теории): 1) полную и достоверную характеристику отношений, образующих гражданский оборот, как предмета правового регулирования – их объектов и субъектов, видов этих отношений, их содержания; 2) решение вопроса о нормативной основе регулирования отношений гражданского оборота; 3) характеристику механизма гражданско-правового регулирования гражданского оборота; 4) выявление возможных видов правового регулирования гражданского оборота; 5) определение эффективных направлений законодательного воздействия на сферу гражданского оборота.

В свою очередь сформировать целостное, непротиворечивое и адекватное научное представление о гражданском обороте как предмете гражданско-правового регулирования позволяет общая теория систем, необходимость использования положений которой при построении частной цивилистической научной теории гражданского оборота обусловлена как закономерностями процесса научного познания[357], так и сущностной характеристикой гражданского оборота, вытекающей из восприятия последнего в качестве реально существующего феномена – сложной, системно организованной сферы общественных отношений (суть, предмета правового регулирования). Именно системный подход позволяет обос-

---

[356] *Лебедев С.А.* Истинность уровней и видов научного знания // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Философские науки. 2020. № 4. С. 90.

[357] По мнению Г.И. Рузавина, в процессе научного познания «происходит не только углубление, но и конкретизация знаний, что находит свое выражение … в переходе от изучения отдельных свойств, особенностей и отношений предметов и явлений к их системному познанию» (*Рузавин Г.И.* Развитие теоретических форм познания в процессе научного исследования // Вопросы философии. 1980. № 3. С. 76).

новать (что уже было отмечено и будет доказано далее) ряд значимых с позиций гражданско-правового регулирования гражданского оборота положений, в частности, о включенности в него не только отношений «динамики», но и отношений «статики», не только отношений, опосредованных правом, но и отношений, правом не опосредованных, о самоорганизующемся характере сферы гражданского оборота и др., позволяющих определить нормы позитивного права, способные оказать на гражданский оборот действенное и оптимальное воздействие.

Теория, избранная в качестве концептуального основания, *предопределяет понятийный аппарат*, который в частной научной теории играет важную роль, описывая сам предмет исследования и оформляя полученные знания. Данное обстоятельство обусловлено тем, что среди многочисленных определений научной теории имеются дефиниции, трактующие ее как систему понятий, утверждений и доказательств[358]. Таким образом, использование в качестве концептуальных оснований частной цивилистической теории гражданского оборота теории гражданско-правового регулирования и общей теории систем предопределяет использование в теории гражданского оборота понятий и категорий этих теорий.

В понятийном аппарате теории гражданско-правового регулирования упрочились такие понятия, как: 1) «правовое регулирование», определяемое как воздействие на поведение людей и общественные отношения, осуществляемое с целью их упорядочения[359]; 2) «предмет правового регулирования», определяемый как «разнообразные общественные отношения, которые объективно, по своей природе могут поддаваться нормативно-организационному воздействию и в данных социально-политических условиях требуют такого воздействия»[360]; 3) «механизм правового регулирования», определяемый как «взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое

---

[358] Так, например, В.П. Малахов указывает, что теория – «это форма достоверного научного знания о некоторой области действительности, представляющая собой систему понятий, утверждений и доказательств и содержащая методы объяснения явлений из данной области» (*Малахов В.П.* Формальная логика: учебник. М.: Академический Проект, 2001. С. 242).

[359] *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. М.: Проспект, 2009. С. 211; *Перевалов В.Д.* Теория государства и права: учебник. М.: Высш. образование, 2008. С. 154; Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 3 / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2002. С. 91; *Пьянов Н.А.* Государственное регулирование общественных отношений: вопросы теории: монография. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. С. 65.

[360] *Алексеев С.С.* Теория права. М.: БЕК, 1993. С. 146.

воздействие на общественные отношения»[361]; и др. Следует подчеркнуть, что в общей теории права и гражданско-правовой доктрине соответствующие понятия разработаны достаточно детально, в связи с чем их использование применительно к исследованию гражданского оборота не сопряжено со сложностями, связанными с выявлением их содержания.

Что касается понятий общей теории систем, вносящей в качестве второго концептуального основания формируемой частной теории гражданского оборота свой вклад в понятийно-категориальный аппарат последней, то здесь задача выбора и определения соответствующих понятий усложняется. Прежде всего, следует иметь в виду, что существует множество вариантов («категориальных каркасов»[362]) системного подхода, исходя из чего надлежит конкретизировать ту модель, на которой будет основываться последующее системное описание объекта.

Наиболее удачным и приемлемым для исследования сложных юридически значимых явлений (к числу которых, по нашему мнению, относится и гражданский оборот) в литературе по общей теории права признается использование системных алгоритмов, предложенных В.Н. Сагатовским. Так, В.Н. Протасов в числе выгодных отличий варианта системного подхода В.Н. Сагатовского называет его «ярко-выраженную практически-прикладную направленность в сочетании с достаточно глубоким философским обоснованием, четкость и отработанность исследовательского алгоритма, существенные в практической реализации системного подхода понятность и простоту»[363]. Соглашаясь с такой оценкой, отметим, что значимыми категориями системного подхода в рамках указанной модели являются следующие: 1) система (объект, представляющий собой целостность)[364]; 2) элемент системы (исходная функциональная единица системы); 3) состав системы (набор элементов системы); 4) структура системы (связь между элементами

---

[361] *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С. 30.
[362] *Сагатовский В.Н.* Основы систематизации всеобщих категорий. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. С. 411.
[363] *Протасов В.Н.* Указ. соч. С. 26.
[364] Согласно определению В.Н. Сагатовского, «система – это конечное множество элементов, объединенных динамическими и статическими отношениями, которое с необходимостью и достаточностью обусловливает наличие целенаправленных свойств, позволяющих решать системопорождающее противоречие в определенных внешних условиях» (*Сагатовский В.Н.* Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Ежегодник 1980. М.: Наука, 1981. С. 66). Данное определение позволяет при установлении состава системы акцентировать внимание на том обстоятельстве, что состав различных систем может быть различным, однако он непременно должен включать в себя *необходимое* и *достаточное* число элементов.

системы); 5) цель системы (результат, для достижения которого существует система); 6) функции системы (способы действия системы); 7) функционирование системы (деятельность системы на пути достижения цели)[365].

Приходя к выводу о целесообразности и эффективности применения системного подхода к познанию гражданского оборота и принимая данный алгоритм, к понятийно-категориальному каркасу формируемой частной цивилистической теории гражданского оборота, дополнительно к понятиям специально-юридической теории гражданско-правового регулирования следует отнести, в частности, такие понятия, как: «система гражданского оборота», «состав системы гражданского оборота», «структура системы гражданского оборота», «функционирование системы гражданского оборота». Однако в отличие от категорий теории гражданско-правового регулирования данные понятия ни в общей теории систем, ни в правоведении в целом, ни в цивилистической доктрине в частности теоретически не разработаны. В связи с этим их использование в рамках формируемой теории гражданского оборота нуждается в первоначальном определении круга феноменов, отображаемых в этих понятиях, и уже только после этого возможно их детальное содержательное наполнение. Выявление и раскрытие содержания этих понятий будет осуществлено далее. Однако часть из них уже сейчас нуждается в конкретизации. Излагая результаты предпринятого анализа указанных вопросов в предельно общем виде, отметим следующее.

Центральным, основополагающим вопросом системного подхода является вопрос о цели, поскольку как раз наличие цели, на достижение которой направлено существование системы, является показателем целостности, которая в системологической литературе относится к содержательным признакам системности[366]. По мнению В.Н. Сагатовского, цель представляет собой объективное стремление «вещи» к собственной целостности[367]. В.Н. Протасов, полагающий, что «как система объект выступает лишь относительно своей *цели*, той цели, которую он способен реализовать, достигнуть. И в этом отношении объект является *целым*, представляет

[365] Подробнее см.: *Сагатовский В.Н.* Опыт построения категориального аппарата системного подхода // Философские науки. 1976. № 3. С. 67–78; *Его же*. Системная деятельность и ее философское осмысление. С. 64–67.
[366] *Блауберг И.В.* Целостность и система. С. 16.
[367] *Сагатовский В.Н.* Основы систематизации всеобщих категорий. С. 347.

собой *целостность*», приходит к выводу, «что в *прикладном* аспекте “целостность” и “системность” должны рассматриваться как тождественные свойства явлений»[368]. Именно исходя из цели (предназначенности) системы следует определять набор входящих в нее элементов (ее состав)[369], связь между ними (ее структуру), а также функции (способы действия) данной системы.

Установив, что гражданский оборот как система является экономической сферой (подсистемой) общества, призванной опосредовать удовлетворение индивидуальных потребностей субъектов, следует заключить, что ее состав, т. е. набор элементов, достаточный и необходимый для функционирования этой системы, образуют две группы элементов – субъекты и объекты гражданского оборота. Субъекты включаются в систему, поскольку для удовлетворения именно *их* потребностей в обществе возник и существует гражданский оборот. Включение в состав системы оборота объектов необходимо потому, что *за счет них* и удовлетворяются потребности субъектов, в связи с чем невключение их в состав системы гражданского оборота сделает невозможным выполнение данной системой ее функций. Исходя из состава системы гражданского оборота и учитывая ее онтологическую социальную природу, следует признать, что ее структуру образуют фактические (реальные, жизненные) отношения, связывающие воедино такие элементы данной системы, как «субъекты» и «объекты».

Функционирование любой системы в самом общем виде означает ее действие. По своей сути это – реальный пространственно-временной процесс, в котором осуществляется определенная функция[370] и реализуется предназначенность системы. Данный процесс всегда осуществляется за счет определенных средств (которые иногда соотносят со стадиями, процедурой этого процесса[371]) и, что особенно важно в рамках правового исследования, может облекаться в различные формы, иметь различные (а не только юридические) формы внешнего выражения. Сообразно этому, конкретизируя понятие «функционирование системы гражданского оборота», наряду

---

[368] *Протасов В.Н.* Указ. соч. С. 17.

[369] Системологи при определении состава системы акцентируют внимание на том обстоятельстве, что состав системы может включать в себя различное число элементов, однако это непременно должно быть необходимое и достаточное множество элементов.

[370] *Каган М.С.* Система и структура. С. 97.

[371] *Петрушкин В.А*. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости… С. 54.

с понятием функции гражданского оборота (состоящей в смене обладателей благ, имеющих потребительную стоимость), следует выделять такие понятия, как «формы функционирования гражданского оборота», понимая под ними внешнее выражение действия системы оборота, и «механизм функционирования гражданского оборота», понимая под ним систему средств, за счет которых происходит действие системы гражданского оборота, т. е. опосредование удовлетворения потребностей субъектов.

При построении цивилистической теории гражданского оборота немаловажным является и понимание того, под влиянием каких факторов осуществляется функционирование (действие, реализация предназначенности) системы гражданского оборота как системы общественных отношений, включая определение места в их числе норм позитивного права. Для обозначения таких факторов оправданно использование понятия «начала функционирования системы гражданского оборота».

С учетом изложенного, понятийно-категориальный аппарат предлагаемой частной цивилистической теории гражданского оборота составляют следующие понятия: «гражданский оборот», «система гражданского оборота», «субъекты гражданского оборота», «объекты гражданского оборота», «структура (связи, отношения) гражданского оборота», «функционирование гражданского оборота» (в том числе «формы функционирования гражданского оборота», «механизм функционирования гражданского оборота», «начала функционирования гражданского оборота»), «правовое регулирование гражданского оборота», «принципы правового регулирования гражданского оборота», «средства правового регулирования гражданского оборота», «тип правового регулирования гражданского оборота», «виды правового регулирования гражданского оборота».

Ключевым из этих понятий, понятийным «ядром» предлагаемой нами теории, является понятие гражданского оборота. Однако формулировка дефиниции данной категории с отражением в ней существенных признаков исследуемого феномена, может быть дана лишь по завершении исследования в целом, кумулятивно отразив полученные в итоге выводы. На данном этапе исследования, с учетом уже обоснованных тезисов, в качестве «базового», мы принимаем понимание гражданского оборота как объективно существующей системы общественных от-

ношений, опосредующей удовлетворение индивидуальных потребностей частных субъектов за счет «чужих» благ, выступающей в силу своей социальной значимости предметом правового, в том числе гражданско-правового регулирования.

Все данные понятия и отражаемые в них феномены взаимосвязаны, образуя *закономерности* теории гражданского оборота (т. е. устойчивые, повторяющиеся отношения/связи между ними) и позволяя характеризовать соответствующие теоретические положения как концептуально организованную систему научных представлений о гражданском обороте.

В частности, укажем на следующие понятийные ряды предлагаемой частной цивилистической теории гражданского оборота, содержательное наполнение которых будет раскрыто и обосновано далее.

Прежде всего, это *связь субъектов и объектов гражданского оборота*. Именно коррелирующий, взаимопредполагающий характер их как элементов системы гражданского оборота и их свойств – наличия потребностей у субъектов и потребительной стоимости у объектов – генетически обусловливает их объединение, взаимодействие, которое, выступая как системообразующий фактор, и формирует в итоге систему гражданского оборота.

Отмеченная связь субъектов и объектов напрямую детерминирует *структуру* (связи, отношения) гражданского оборота, определяющую *механизм функционирования оборота*, который, в свою очередь, обусловливает *тип, принципы и средства правового регулирования* гражданского оборота как системы общественных (фактических, реальных) отношений. Схематически отмеченную взаимосвязь и обусловленность можно представить следующим образом: «состав системы гражданского оборота» («субъекты оборота» + «объекты оборота») → «структура (отношения) системы гражданского оборота» → «механизм функционирования гражданского оборота» → «тип правового регулирования гражданского оборота», «принципы правового регулирования гражданского оборота», «средства правового регулирования гражданского оборота».

Определяющее значение имеет не только связь субъектов и объектов, но и каждый из этих элементов состава системы гражданского оборота в отдельности.

А именно, *свойства субъектов* влияют на *механизм* (средства, стадии) *функционирования гражданского оборота*, сообразно которому определяются *тип и средства правового регулирования* последнего. Схематически отмеченную взаимосвязь и обусловленность можно представить следующим образом: «субъекты гражданского оборота» → «механизм функционирования гражданского оборота» → «тип правового регулирования гражданского оборота», «средства правового регулирования гражданского оборота».

Признаки объектов оборота детерминируют возможные *формы функционирования гражданского оборота*, исходя из которых надлежит определять *принципы и тип правового регулирования* оборота («объекты гражданского оборота» → «формы функционирования гражданского оборота» → «тип правового регулирования гражданского оборота», «принципы правового регулирования гражданского оборота»).

Тип, принципы и *средства правового регулирования гражданского оборота* обусловлены *механизмом функционирования оборота*, средства которого производны от *структуры системы гражданского оборота* («структура системы гражданского оборота» → «механизм функционирования гражданского оборота» → «тип правового регулирования гражданского оборота», «принципы правового регулирования гражданского оборота», «средства правового регулирования гражданского оборота»).

Можно привести и иные схемы понятийных рядов, отражающих предметную связанность выделенных категорий цивилистической теории гражданского оборота:

«функционирование гражданского оборота» → «виды правового регулирования гражданского оборота» (отражает, что особенностями *функционирования гражданского оборота* определяются возможные *виды правового регулирования оборота*, в частности, индивидуальное правовое регулирование);

«начала функционирования системы гражданского оборота» ↔ «принципы правового регулирования гражданского оборота» (отражает взаимосвязь категорий, одна из которых является общенаучной, т. е. системологической, а другая – специально-научной, т. е. юридической, цивилистической);

«тип правового регулирования гражданского оборота» → «принципы правового регулирования гражданского оборота» (отражает обусловленность собственно правовых понятий, касающихся правового регулирования системы гражданского оборота).

Приведенными выше закономерными связями понятийного аппарата предлагаемой теории целостное отображение научных представлений о гражданском обороте не исчерпывается. Концептуальную целостность соответствующим теоретическим положениям придают и *принципы теории гражданского оборота* – основные, исходные идеи, из которых вытекают все остальные наиболее важные ее положения. Такими основными, исходными идеями мы признаем следующие:

– гражданский оборот есть социальный феномен, появление которого явилось следствием объективного процесса общественного развития, а именно результатом общественного разделения труда, обусловившего социальную потребность обмена имущественными благами;

– гражданский оборот – это системно организованная сфера общества, социальная значимость которой обусловливает необходимость ее правового регулирования;

– именно системные характеристики гражданского оборота детерминируют механизм, тип и принципы его правового регулирования, исходя из чего следует признать, что эффективное правовое регулирование гражданского оборота невозможно без познания сущности гражданского оборота как социального феномена.

В завершение настоящего параграфа изложим основные выводы, полученные в процессе исследования.

По своей предметной области научная теория гражданского оборота является частной научной цивилистической теорией.

Исходя из категориальной принадлежности гражданского оборота кругу общественных отношений, признавая регулирующее воздействие на него правовых норм, в качестве концептуальной основы данной теории (наряду с общенаучным системным подходом), следует использовать общую по отношению к ней теорию гражданско-правового регулирования.

Сообразно этому, понятийно-категориальный каркас частной цивилистической теории гражданского оборота образуют следующие взаимосвязанные понятия и отражаемые в них феномены: «гражданский оборот», «система гражданского оборота», «субъекты гражданского оборота», «объекты гражданского оборота», «структура (отношения) гражданского оборота», «функционирование гражданского оборота», «формы функционирования гражданского оборота», «механизм функционирования гражданского оборота», «начала функционирования гражданского оборота», «правовое регулирование гражданского оборота», «принципы правового регулирования гражданского оборота», «средства правового регулирования гражданского оборота», «тип правового регулирования гражданского оборота», «виды правового регулирования гражданского оборота».

Проведенное исследование позволяет сформулировать предварительную дефиницию гражданского оборота, согласно которой его следует трактовать как объективно существующую систему общественных отношений, опосредующую удовлетворение потребностей частных субъектов за счет «чужих» благ, выступающую в силу своей социальной значимости предметом правового, в том числе и гражданско-правового регулирования.

ГЛАВА 2. ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТОНИКА СОСТАВА И СТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

§ 1. Субъекты как элемент состава системы гражданского оборота

Исходя из понимания гражданского оборота как системы общественных отношений, опосредующей удовлетворение индивидуальных потребностей субъектов, последних следует признать одним из ключевых компонентов состава гражданского оборота и констатировать – без субъектов оборот невозможен и лишен какого бы то ни было смысла.

Участниками гражданского оборота могут быть физические лица, юридические лица, публично-правовые образования (РФ, субъекты РФ, муниципальные образования). Что касается иных возможных субъектов оборота, в частности таких «специфических участников» цифрового гражданского оборота, как цифровые посредники – владельцев агрегаторов, операторов цифровых платформ (называемых иногда в юридической литературе «новыми видами субъектов гражданского права»[372]), то они, являясь либо физическими (со статусом индивидуального предпринимателя), либо юридическими лицами[373], *самостоятельного ви-*

---

[372] *Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А*. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. I / под ред. Л.Ю. Василевской. М.: Проспект, 2021. С. 160 и др. (автор раздела – Е.Б. Подузова).

[373] Так, с принятием ФЗ РФ от 29.07.2018 г. № 250-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4839) преамбула ФЗ РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г. № 2300-1 (Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140) была дополнена абзацем 13, посвященном определению понятия «*владелец агрегатора* (здесь и далее курсив наш. – *Ю.В.*) информации о товарах (услугах)», в котором указывалось, что это – «*организация независимо от организационно-правовой формы либо индивидуальный предприниматель*, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” и которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов в соответствии с пунктом 3 статьи 16.1 настоящего Закона и Федеральным законом от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ “О национальной платежной системе”» (федеральным законом РФ от 31.07.2020 г. № 290-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5049) возможность предварительной оплаты потребителем товара или услуги путем перевода денежных средств владельцу агрегатора была дополнена возможностью наличных расчетов). В соответствии с подп. 7) п. 1 ст. 2 ФЗ РФ от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418) «*оператор инвестиционной платформы – хозяйственное общество*, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации, осуществляющее деятельность по организации привлечения инвестиций и включенное Банком России в реестр операторов инвестиционных платформ». Юридическим лицом, подлежащим созданию «*в организационно-правовой форме акционерного общества»*, в силу нормы подп. 2) п. 1 ст. 2 ФЗ РФ от 20.07.2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых

да субъектов оборота не образуют. Равно как не являются, на наш взгляд, субъектами оборота искусственный интеллект[374] и роботы[375], *ввиду отсутствия у них* как *собственной (индивидуальной) потребности*, *удовлетворяемой посредством участия в обороте*, так и *деликтоспособности*. Как справедливо пишет по этому поводу Е.Б. Подузова, «данные квази-субъекты не обладают самостоятельной волевой составляющей, за таким квази-субъектом стоит реальный классический субъект – юридическое лицо или индивидуальный предприниматель (зачастую безымянные). Именно последних субъектов необходимо рассматривать в качестве субъектов права и, в особенности, в качестве субъектов гражданско-правовой и уголовной ответственности»[376].

Итак, субъектами гражданского оборота следует признать только физических и юридических лиц, публично-правовые образования. Однако, несмотря на тождество их видам субъектов гражданских правоотношений, участники гражданского оборота характеризуются свойствами (признаками), которые не совпадают с признаками субъектов гражданского права, что и обусловливает необходимость выделения наряду с категорией субъектов гражданского права понятия субъектов гражданского оборота.

сделок с использованием финансовой платформы» (Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4737) является *оператор финансовой платформы*, оказывающий услуги, связанные с обеспечением возможности совершения финансовых сделок между финансовыми организациями или эмитентами и потребителями финансовых услуг с использованием финансовой платформы, и включенное Банком России в реестр операторов финансовых платформ. Статус юридического лица, согласно выписке из Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ), имеет и Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России) (см.: https://egrul.nalog.ru/index.html, ОГРН – 1047702026701), являющееся *оператором федеральных государственных информационных систем* «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)», «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» и «Единая система предоставления государственных и муниципальных услуг (сервисов)» в силу п. 2 постановления Правительства РФ от 24.10.2011 г. № 861 (в ред. постановления Правительства РФ от 28.06.2022 г. № 1152) // СПС «КонсультантПлюс».

[374] Необходимость признания за юнитом которого правосубъектности обосновывает, в частности, П.М. Мохрат (См.: *Мохрат П.М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018).

[375] *Архипов В.В., Наумов В.Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170 (URL : https://zakon.ru/publication/igzakon/7063); *Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А.* Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48. Небезосновательные опасения, впрочем, высказывают А.В. Габов и И.А. Хаванова, отмечая, что «пока мы рассуждаем о том, следует ли наделять робота правосубъектностью, пришло ли для этого время и т.д., может так случиться, что такая субъектность возникнет фактически», заключая: «При правовом регулировании важно найти тонкую грань между преимуществами и социально-экономическими рисками роботизации. Мы не должны построить общество, в котором машина станет нормой, а человек – исключением» (*Габов А.В., Хаванова И.А.* Эволюция роботов и право XXI века Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 226).

[376] *Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А.* Указ. соч. С. 166 (автор раздела – Е.Б. Подузова).

Рассмотрим свойства, присущие указанным видам субъектов именно как участникам системы оборота.

Пожалуй, наиболее простым для решения является задача выявления свойств физических лиц как неких естественных (не искусственно созданных) и «осязаемых» субъектов.

Начнем с указания на то, что общепризнанным в различных отраслях современной науки, изучающих человека (таких «человековедческих науках»[377], как философия, социология, психология, педагогика и др.), является положение о том, что человеческая личность может рассматривать как структурная целостность биогенных, психогенных и социогенных составляющих, на основании чего выделяют биологическую, психологическую и социальную структуру личности[378]. Принимая во внимание, что психологические качества личности могут быть как биологически, так и социально обусловленными, считаем необходимым разделять свойства физических лиц как элементов (субъектов) системы гражданского оборота только на две группы[379]: 1) антропологические (биологические, природные) – свойства, принадлежащие субъектам от рождения; 2) социальные – свойства, приобретаемые субъектами вследствие жизни в обществе и характеризующие их как членов социума. Значение подобной классификации усматривается в том, что она позволяет определить возможные *направления правового воздействия на данную группу субъектов гражданского оборота*: представляется, что *такому воздействию объективно подвержены исключительно социальные, но не антропологические свойства физических лиц*.

К *антропологическим свойствам физических лиц как субъектов гражданского оборота* необходимо относить:

---

[377] Выражение М.С. Кагана (*Каган М.С.* Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. С. 316).

[378] Социология. Основы общей теории … С. 173; *Лысак И.В.* Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека: автореф. дис. … д-ра философ. наук. Ростов н/Д., 2007. С. 18; *Селевко Г.К.* Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. Т. 2. М.: НИИ школьных технологий, 2006. С. 7.

[379] Как указывает М.С. Каган, для классификации достаточно «наличия *любого набора объектов*, которые можно разделить на известное число непересекающихся классов (групп, рядов и т. п.), исходя из присущих объектам данного класса сходных черт, которые одновременно отличают их от объектов, принадлежащих другим классам» (*Каган М.С.* Системное рассмотрение основных способов группировки // Каган М.С. Избранные труды в VII т. Т. I. Проблемы методологии. СПб.: ИД «Петрополис», 2006. С. 46).

– наличие потребностей, понимаемых как свойство субъекта, выражающее его отношение к необходимым условиям существования[380], «*свойство всего живого, выражающее первоначальную, исходную форму его активного, избирательного отношения к условиям внешней среды*»[381]. При этом речь идет, прежде всего, о так называемых первичных потребностях (именуемых также «низшими», «биогенными», «естественными», «потребностями первой группы»)[382], удовлетворение которых важно для функционирования человеческого организма, его сохранения (это потребности в продуктах питания, одежде, жилище и т. п.). Уточним, что гражданский оборот опосредует удовлетворение *не только имущественных потребностей* субъектов. Последние мы понимаем как разновидность материальных потребностей, вещную форму объективной имущественной необходимости[383], соглашаясь с тем, что критерием определения имущественного характера потребности является «способ ее реализации, точнее форма ее удовлетворения – потребность в потребительских стоимостях – вещах или в их всеобщем эквиваленте – деньгах»[384]. Помимо данного вида потребностей выделяют также потребности социальные (в коммуникации с другими людьми, принадлежности к социуму, группе, в межличностных отношениях, в проявлении заботы и получении ее взамен, в уважении и признании, в самоутверждении, в самоидентификации личности, в защите ее прав и достоинств и т. п.) и духовные (в познании, в творческой состоятельности, в эстетическом удовольствии и т. п.)[385]. В качестве примеров их удовлетворения посредством гражданского оборота можно привести следующие: услуги сотовой связи, благодаря которым удовлетворяются социальные потребности субъектов в коммуникации; образовательные, театральные и т. п.

---

[380] *Кузнецов В.* Философия: учебник. М.: Инфра-М, 2004. С. 308.

[381] *Здравомыслов А.Г.* Потребности, интересы, ценности. М.: Политиздат, 1986. С. 13–14.

[382] В числе которых ученые выделяют, в частности: физиологические потребности и потребность в безопасности (А. Маслоу), потребность в самосохранении и, отдельно, – потребность в сохранении вида (К. Обуховский), потребность в самосохранении и безопасности (С.Б. Каверин) (общий обзор имеющихся подходов см., например: *Каверин С.Б.* О психологической классификации потребностей [Электронный ресурс]. URL: http://www.voppsy.ru/issues/1987/875/875121.htm.

[383] *Баринов Н.А.* Категория «имущественные потребности» – инновация в гражданском праве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 31.

[384] *Баринов Н.А.* Имущественные потребности и гражданское право / под ред. Ю.Х. Калмыкова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. С. 24.

[385] *Бережной Н.М.* Человек и его потребности. М.: Форум, 2000. Гл. 4 разд. II; *Здравомыслов А.Г.* Указ. соч. С. 27; *Маслоу А.Х.* Мотивация и личность. М.: Питер, 2014. С. 45–55; *Орлов С.В.* Человек и его потребности: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2006. С. 130 и след.

услуги, участие в деятельности некоммерческих организаций, благодаря которым удовлетворяются когнитивные, художественно-эстетические, зрелищные и иные духовные потребности людей;

– разумность как познавательную способность физических лиц, непосредственно участвующих в гражданском обороте, адекватно воспринимать окружающую действительность, понимать связь вещей и явлений и действовать целесообразно этой связи[386]. По существу, разумность выражает способность волеформирования, а также потенциальную способность субъекта к волевому действованию (потенциальную деятельностную активность, потенциальную волевую деятельность). Указанное свойство прямо и неразрывно связано с предыдущим, исходя из того, что без деятельности, воспринимаемой как способ существования человека[387] (в социологии и философии соотносимой с его активностью[388]), невозможно удовлетворение его потребностей, а именно волевая, суть, сознательная деятельность выделяет человека из всех представителей живой природы.

Однако разумность как познавательная способность является лишь потенциальной деятельностной активностью субъектов. Для фактического удовлетворения потребностей субъекта это свойство должно реализоваться[389]. Реализуясь, оно трансформируется в актуальную (реальную) волевую деятельность, которая и влечет возникновение связи между элементами системы гражданского оборота. Подобное понимание исключает необходимость выделения в составе системы оборота отдельного (самостоятельного) «связепорождающего» элемента, который с позиций традиционных правовых представлений соотносился бы с категорией юридических фактов, выступающих основаниями возникновения, изменения и прекращения правоотношения как юридической связи субъектов[390]. В частности,

---

[386] Тезис о возможности подобного понимания категории «разумность» был обоснован нами ранее (*Виниченко Ю.В.* Разумность в гражданском праве Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. С. 18).

[387] *Каган М.С.* Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). С. 5.

[388] Там же. С. 39; Социология. Основы общей теории … С. 169.

[389] Разумность может проявляться только в действии, и только будучи выраженной вовне, она может быть оценена: «Мы отличаем помешанного от вполне разумного и обоих от ребенка; мы оцениваем меру и вид их разума по действиям», – отмечал немецкий философ, психолог, один из основателей научной педагогики И.Ф. Гербарт (*Гербарт И.Ф.* Введение в философию // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1971. С. 622–628).

[390] В отечественной цивилистике юридические факты определяют как «факты реальной действительности, с которыми нормы права связывают наступление юридических последствий» (*Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т.

действия при системном подходе к пониманию гражданского оборота являются ничем иным как функционированием субъектов как элементов данной системы, заключающимся в проявлении ими рассматриваемого свойства разумности (потенциальной волевой деятельности). Факты-события, бесспорно, оказывают влияние на систему гражданского оборота, внося в него флуктуации (моменты случайности), свойственные всем социальным системам, однако они находятся за познавательными (мыслимыми) границами системы гражданского оборота, относятся к ее внешней среде, вследствие чего в состав рассматриваемой системы не входят.

К *социальным свойствам физических лиц как субъектов гражданского оборота* необходимо относить:

– социальное сознание, т. е. осознание индивидом себя частью взаимосвязанной общности людей. Социологами данная категория используется для фиксирования эмпирических форм реального сознания людей. При этом отмечается, что, с одной стороны, социальное сознание порождается и ограничивается специфическими свойствами социального, сущность которого понимается как «результат взаимодействия людей, оказывающий влияние на поведение других людей», а с другой стороны, «состоит из тех представлений, установок, ценностей и т. д., которые являются … интерсубъективными относительно различных социальных субъектов и групп»[391]. Иными словами, в социальном сознании отражаются ценностные установки общества, которые трансформируются в персональные ценностные качества субъектов, т. е. сформированные у них под влиянием социума этические, морально-нравственные и иные личностные свойства (в частности, чувства справедливости и добросовестности). Гражданско-правовое, да и в целом правовое значение данного свойства состоит не только в том, что, отражая ценностные установки общества, в качестве общего контекста социальных связей, посредством которых субъекты удовлетворяют свои насущные потребности, социальное сознание выступает основой формирования у субъектов оборота их персональных ценностных

Т. 2. М.: Статут, 2005. С. 101), «реальное жизненное обстоятельство, с правовой моделью которого гражданское право связывает определенные юридические последствия и фактическое наступление которого влечет такие последствия в сфере гражданских правоотношений» (*Рожкова М.А*. Юридические факты гражданского и процессуального права: оглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М.: Статут, 2009. С. 14).

[391] *Константинов С.А.* Устойчивость как атрибут социального сознания (на материалах исследования студенчества): автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Саратов, 1994. С. 9.

качеств (отдельные из которых, как, например, добросовестность учитываются при юридической квалификации фактов и обстоятельств), но и в том, что оно влияет на принятие субъектами тех или иных юридически значимых решений (в частности, относительно способа удовлетворения своей потребности, стоимости определенного блага, выбора контрагента и определения формы взаимодействия с ним и др.). Осознание субъектом себя частью общества довлеет над ним и при совершении действий, в той или иной мере побуждая оставаться в «так принятых» или «социально одобряемых» рамках. В известной мере социальное сознание предопределяет и содержание складываемых в обществе правовых обычаев, выступающих источником гражданско-правовых норм. При этом уровень социального сознания у разных субъектов, равно как и у одного субъекта в разные периоды его жизни различен[392]. Так или иначе, можно утверждать, что на настоящем этапе общественного развития социальное сознание присуще всем членам общества;

– индивидуализирующие признаки, позволяющие персонифицировать участников гражданского оборота. Традиционно к ним относят имя и место жительства. Имя физического лица представляет собой личное название человека, даваемое ему при рождении и подлежащее государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния[393], и включает в себя фамилию, собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая (ст. 19 ГК РФ). Местом жительства физического лица признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает (ст. 20 ГК РФ). Вместе с тем к средствам индивидуализации физических лиц как участников гражданского оборота в настоящее время следует относить не только имя и фамилию лица, его место жительства. Установить, «опознать» конкретного субъекта позволяют и иные уникальные идентификаторы. М.А. Рожкова приводит в их числе: номер паспорта

---

[392] По замечанию специалистов, переход на новый уровень сопровождается трансформационными сдвигами мировоззрения (Развитие социального сознания / Шлитц М., Витен К., Миллер Э.М. «Трансформация мировоззрения и развитие социального сознания»; пер. Е. Хрипун [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsepsihologi.ru/articles/art-special/247-socialcon.html).

[393] См. ст. 3 «Акты гражданского состояния», ст. 18 «Запись фамилии, имени и отчества ребенка при государственной регистрации рождения», ст. 22 «Содержание записи акта о рождении», ст. 23 «Свидетельство о рождении», ст. 29 «Содержание записи акта о заключении брака», ст. 37 «Содержание записи акта о расторжении брака», ст. 42 «Содержание записи акта об усыновлении», ст. 55 «Содержание записи акта об установлении отцовства» и др., гл. VII «Государственная регистрация перемены имени» федерального закона РФ от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (Собрание законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5340).

(документа, его заменяющего); идентификационный номер налогоплательщика (ИНН) – уникальный цифровой код, который позволяет учитывать налогоплательщиков; номер социального страхования – уникальный персональный номер, который используется в системе обеспечения поддержки престарелых и нетрудоспособных граждан, отмечая, что «приведенный список, бесспорно, не является закрытым и может быть продолжен»[394]. Указанные идентификаторы выделяют субъектов в реальности, являются «реальными», наряду с которыми М.А. Рожкова оправданно выделяет виртуальные идентификаторы, имеющие целью решение технических задач и использующиеся в системах обработки информации: e-mail (сокращение от англ. *electronic mail*) – уникальный электронный адрес, предназначенный для пользователей независимой службы отправки электронной почты; ник (от англ. *nickname* – первоначально «кличка, прозвище», от среднеанглийского "*an eke name*" – «другое имя», перешедшее в одинаково звучащее "*a nick name*") – псевдоним (сетевое имя), употребляемый пользователем в блогах, форумах, чатах в сети Интернет и др.[395]

Итак, свойства, присущие физическим лицам как субъектам гражданского оборота, можно разделить на антропологические (врожденные) и социальные, отнеся к первой группе наличие потребностей и разумность (познавательную способность, выражающую потенциальную волевую деятельность), ко второй – социальное сознание и индивидуализирующие признаки. Вместе с тем приведенный перечень нуждается в дополнении применительно к случаям участия в гражданском обороте физического лица не так такового, а в качестве индивидуального предпринимателя. При этом происходит как бы разделение социальной личности физического лица: в одних ситуациях (отношениях) оно воспринимается буквально (как человек, действующий для удовлетворения своих бытовых потребностей), в других – как «профессиональный» участник рынка, имеющий соответствующий правовой статус и действующий с другой целью.

---

[394] *Рожкова М.А.* Идентификаторы [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2017. 18 янв. URL: https://zakon.ru/blog/2017/01/18/identifikatory. К идентификаторам субъектов можно добавить ORCID (Open Researcher and Contributor ID) – реестр уникальных идентификаторов ученых и способ связи исследовательской деятельности с этими идентификаторами, Researcher ID – персональный идентификатор ученого, связанный с системой Web of Science.

[395] Там же.

Как известно, индивидуальными предпринимателями не рождаются; ими становятся. Характер происхождения и существования индивидуальных предпринимателей как субъектов гражданского оборота сближает их с такими участниками последнего, как юридические лица и публично-правовые образования (далее – ППО), которые возникают (считаются созданными) и продолжают свое существование и функционирование в результате соответствующих нормативно-правовых актов. В их отсутствие данные субъекты не существуют. Иными словами, указанные субъекты являются производно-юридическими.

Для обозначения указанной характерной черты (свойства) индивидуальных предпринимателей, юридических лиц и публично-правовых образований наиболее удачным представляется термин «легитимированность», производный от «легитимация» (от лат. *legitimus* – законный, правомерный), означающий «признание и подтверждение законности каких-либо прав, полномочий, организаций»[396], «признание или подтверждение законности прав и полномочий физических и юридических лиц, а также подтверждение законности соответствующими документами»[397] и предполагающий (в отличие от термина «легитимность», просто констатирующего соответствие чего-либо закону или праву) некую процедуру признания или подтверждения правомочности кого(чего)-либо. Опираясь на приведенные дефиниции, в качестве характеристики указанных видов субъектов гражданского оборота *легитимированность* в общем виде можно определить как *являющееся следствием легитимации (признания законности) социально-юридическое свойство искусственно созданного субъекта гражданского оборота (индивидуального предпринимателя, юридического лица, публично-правового образования), подтверждающее его существование (наличие) в качестве самостоятельного субъекта гражданского оборота, вследствие чего признающее за ним возможность волеформирования и волеизъявления в сфере оборота имущественных благ, а также законодательно определяющее его правосубъектность в этой сфере*. Возможность волеформирования и волеизъявления, включенная в содер-

[396] Современный словарь иностранных слов. С. 335.
[397] Большой юридический словарь / автор и сост. А.Б. Борисов. М.: Книжный мир, 2012. С. 329.

жание легитимированности как свойства искусственно созданных субъектов, по существу тождественна разумности у физических лиц.

Представляется, что в основе легитимации индивидуальных предпринимателей, наряду с собственно фиксацией их профессионального статуса (с одной стороны, дающего бóльшие по сравнению с «просто» физическими лицами юридические возможности, а, с другой стороны, сопряженного с повышенными требованиями к соответствующей (предпринимательской) деятельности), связанного с направленностью деятельности на извлечение прибыли, лежит обусловленный этим фискальный интерес. Легитимация юридических лиц и публично-правовых образований как участников оборота детерминирована другой причиной – необходимостью персонификации имущества, закрепляемого за такими искусственно созданными субъектами, без которой (персонификации), как представляется, сам оборот экономических благ является невозможным. На персонификацию имущества, в частности, при рассмотрении вопроса о сущности юридического лица указывает Е.А. Суханов, отмечая также, что «категория юридического лица является **гражданско-правовой**, *созданной для удовлетворения определенных реальных потребностей имущественного (гражданского) оборота* (выделено автором, курсив наш. – *Ю.В.*)»[398]. Безотносительно к той или иной характеристике юридического лица (как «*personae vici fungi*» – фингированного лица[399] либо как «вполне содержательной гражданско-правовой конструкции»[400]), с отмеченной обусловленностью его значения потребностями оборота в полной мере следует согласиться.

Относительно потребностей гражданского оборота заметим, что в практике судов они нередко выступают также в качестве критерия предоставления либо отказа в правовой защите и, несмотря на то что судебные решения выносятся при этом в пользу одной из сторон спора, в правоприменительных актах прямо указывается на потребности либо нужды гражданского оборота. Так, в решении Пятигорского городского суда Ставропольского края от 29 апреля 2011 г. по делу № 2–794/11 (по иску о признании права собственности на нежилые помещения в силу

---

[398] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 176, 177.
[399] *Суворов Н.С.* Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000 С. 29.
[400] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 178.

приобретательной давности)[401] указано, что действие приобретательной давности, лишающей собственника принадлежащего ему права вопреки его воле, «не вполне согласуется с основами частного права и не может быть оправдано ничем иным, кроме как нуждами оборота». Установив наличие всех условий, необходимых для признания права собственности в силу приобретательной давности, суд пришел к выводу, что «правильным является разрешение спора в пользу истца, а в конечном итоге в пользу гражданского оборота», пояснив: «Ведь отказ в иске по основанию приобретательной давности практически лишает давностного владельца возможности приобрести право собственности в отношении такого объекта недвижимости. В результате имущество оказывается фактически выведенным из гражданского оборота, поскольку истец не имеет правомочий по распоряжению им в виде сдачи в аренду, залога, отчуждения, а такие сделки являются ничтожными».

На наш взгляд, данный подход вполне оправдан, поскольку индивидуальные интересы и потребности отдельных участников оборота столь разносторонни и различны, что вряд ли могут быть как обобщены исчерпывающим образом, так и признаны в своем единстве потребностями самой системы гражданского оборота, посредством которой эти индивидуальные потребности и интересы и реализуются. Более того, право как социальный регулятор, призванный «мирно» разрешать возникающие в обществе конфликты, базируется не только на эмпирическом суммировании и типизации потребностей и интересов членов общества, но и на их изначальном противопоставлении. При этом вставая на сторону одних категорий лиц (в частности, должников – при заявлении ими об истечении исковой давности, добросовестных приобретателей и др.), право отказывает тем самым в защите интересов других, с позиций идеи справедливости, ничуть не меньше заслуживающих такой защиты и нуждающихся в ней (кредиторов, собственников). Причины подобных правовых решений, как видится очевидным, лежат вне плоскости противопоставления равновеликих с точки зрения частного права интересов юридически равных субъектов и могут быть объяснены только путем апелляции к

[401] URL: https://rospravosudie.com/court-pyatigorskij-gorodskoj-sud-stavropolskij-kraj-s/act-100483671/.

некой иной величине, стоящей над индивидуальными потребностями и интересами членов социума, и выступающей критерием в том числе предоставления либо отказа в правовой защите. Таким критерием и выступают потребности гражданского оборота, противопоставляемые интересам его отдельных участников. С указанных позиций «необходимо признать, что интересы имущественного оборота в целом тоже носят общественный, а не только частный характер»[402].

Именно исходя из потребностей гражданского оборота, для персонификации соответствующего имущества, самостоятельными субъектами оборота признаются и публично-правовые образования. Однако если у индивидуальных предпринимателей и юридических лиц легитимированность возникает вследствие их государственной регистрации в установленном законом[403] порядке, то легитимированность публично-правовых образований как субъектов оборота сводится к легитимированности органов государственной власти и местного самоуправления (далее – МСУ), действующих от имени РФ, субъектов РФ, муниципальных образований[404]. При этом способ их легитимации зависит от модели участия ППО в гражданском обороте, которая, в свою очередь, может быть непосредственной (в рамках п. 1 ст. 125 ГК РФ; в этом случае правовая природа государственных органов аналогична правовой природе органа юридического лица) или опосредованной, по типу представительства (в рамках п. 3 ст. 125 ГК РФ)[405]. В первом случае (при непосредственном участии) легитимированность органов государственной власти и МСУ приобретается с установлением в актах, определяющих статус этих органов, их компетенции в сфере имущественного оборота[406]; во втором (при опо-

---

[402] *Суханов Е.А.* Государство и гражданский оборот.

[403] О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: ФЗ РФ от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431.

[404] Так, в рамках вопроса о реализации гражданской правосубъектности РФ В.Г. Голубцов отмечает, что, выделяя государство в качестве субъекта наряду с гражданами и юридическими лицами, российский законодатель исходит из монистического понимания такого субъекта, т. е. признает его «единым самостоятельным субъектом». Однако модель участия РФ в обороте «всегда будет плюралистической (в том смысле, что действовать от ее имени будет совокупность органов, которые могут как обладать, так и не обладать самостоятельной правосубъектностью)» (см.: *Голубцов В.Г.* Российская Федерация как субъект гражданского права. М.: Статут, 2021. С. 106).

[405] Там же. С. 111–114, 119–122, 124; *Инжиева Б.Б.* Участие государства в современном гражданском обороте: дис. … канд. юрид. наук. С. 10–11.

[406] Например, в соответствии с п. 2) ст. 10 Положения о министерстве транспорта и дорожного хозяйства Иркутской области (утв. постановлением Правительства Иркутской области от 01.03.2021 г. № 122-пп // Официальный интернет-портал правовой информации Иркутской области. URL: http://www.ogirk.ru, 09.03.2021) этот орган ис-

средованном участии) – с оформлением (закреплением) полномочий органов ППО выступать в обороте от имени публично-правовых образований и регистрацией их в качестве юридических лиц.

При этом юридическими лицами признаются не только (сами) федеральные органы власти, но и их территориальные органы[407]. С цивилистических позиций, исходя из сущностной идентичности территориальных органов федеральных государственных органов власти филиалам юридических лиц (которые в силу п. п. 2, 3 ст. 55 ГК РФ, представляя собой обособленные подразделения организации, юридическими лицами не являются), это видится достаточно абсурдным и может быть объяснено только отмеченной выше необходимостью персонификации имущества таких территориальных органов с целью возможности их самостоятельного участия в гражданском обороте.

Говоря в данной связи о статусе государственных органов и органов местного самоуправления, следует признать непринципиальный характер проводимого в юридической литературе разграничения органов ППО, которые «обладают правами юридического лица» и органов ППО, которые «являются юридическими лицами»[408], равно как и нецелесообразность выделения обсуждаемой в доктрине категории так называемых юридических лиц публичного права (публичных юридических лиц)[409], поскольку и те государственные органы и органы местного само-

---

полнительной власти для решения возложенных на него задач и реализации своих функций «вправе совершать сделки, заключать государственные контракты, иные договоры, соглашения в соответствии с законодательством».

[407] См., например: ст. 11 Положения о Федеральной налоговой службе: утв. постановлением Правительства РФ от 30.09.2004 г. № 506 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 40. Ст. 3961; ст. 22 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации: утв. указом Президента РФ от 21.12.2016 г. № 699 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 52 (ч. V). Ст. 7614.

[408] Так, отмечается, что «“обладать правами юридического лица”, вовсе не означает “быть юридическим лицом”» (*Бердашкевич А.* Органы государственной власти как юридические лица // Законность. 2000. № 11. С. 32), что «государственные и муниципальные органы в гражданском обороте не предстают юридическими лицами, а выступают субъектами с правами юридического лица» (*Козлова С.А.* Являются ли органы государственной власти юридическими лицами? // Административное право и процесс. 2012. № 6. С. 48) и что понятие «субъект с правами юридического лица» необходимо закрепить легально (См.: З*инченко С., Галов В.* Юридическое лицо и правовой статус органов государственного и муниципального управления (вопросы соотношения) // Хозяйство и право. 2006. № 10. С. 109; № 11. С. 116). Негативную оценку подобным выводам дает, в частности, В.Г. Голубцов (*Голубцов В.Г.* Указ. соч. С. 115).

[409] См., например: *Чиркин В.Е.* Юридическое лицо публичного права // Журнал российского права. 2005. № 5 (101). С. 16–26; *Чиркин В.Е.* Юридическое лицо публичного права. М.: НОРМА, 2007; *Мозолин В.П.* Юридические прятки // Право и экономика. 2010. № 12. С. 4–9; *Суханов Е.А.* О юридических лицах публичного права // Вестник гражданского права. 2011. № 2. С. 4–24; *Романовская О.В., Безрукова О.В.* Правовые основы наделения областного парламента правами юридического лица // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2015. Т. 3, № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://esj.pnzgu.ru; *Канаев Ю.Н.* Муниципальные образования как субъекты гражданского права: монография. М.: Юстицинформ, 2020; *Голубцов В.Г.* Указ. соч. С. 107–108, 114–117.

управления, которые в силу соответствующих нормативных правовых актов «*обладают правами* юридического лица»[410], и те из них, которые «*являются* юридическими лицами»[411], наряду с прочими («частноправовыми») организациями включены в Единый государственный реестр юридических лиц. Гораздо более важными представляются другие моменты.

Прежде всего, это необходимость различать случаи участия в гражданском обороте органов публично-правовых образований от имени последних (в пределах предоставленных им полномочий) и случаи участия в обороте органов публичной власти как самостоятельных юридических лиц, действующих от своего имени. На это указывается и в учебной литературе[412], и в специальных научных

---

[410] Верховный Суд Российской Федерации (ст. 21 ФКЗ РФ от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550), Аппарат Государственной Думы и Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (ст. 78 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: принят постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.01.1998 г. № 2134-II ГД // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801; ст. 96 Регламента Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: принят постановлением Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 30.01.2002 г. № 33-СФ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 7. Ст. 635). Законодательное Собрание Иркутской области (п. 5 ст. 44 Устава Иркутской области от 17.04.2009 г. № 1 // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. 2009. № 9), Контрольно-счетная палата Иркутской области (п. 3 ст. 74 Устава Иркутской области), Правительство Иркутской области (п. 6 ст. 64 Устава Иркутской области; п. 4 ст. 1 закона Иркутской области «О Правительстве Иркутской области» от 18.11.2009 г. № 82/48-оз: принят постановлением Законодательного Собрания Иркутской области от 28.10.2009 г. № 15/13-ЗС // Ведомости ЗС Иркутской области. 2009. № 15, 26 нояб.), Аппарат Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области, Министерство здравоохранения Иркутской области, Министерство имущественных отношений Иркутской области, Министерство транспорта и дорожного хозяйства Иркутской области, Министерство цифрового развития и связи Иркутской области (см., соответственно: ст. 3 Положения об Аппарате Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области, утв. постановлением Правительства Иркутской области от 10.03.2016 г. № 124-пп // Областная. 2016. № 25, 14 марта; ст. 4 Положения о министерстве здравоохранения Иркутской области, утв. постановлением Правительства Иркутской области от 16.07.2010 г. № 174-пп // Областная. 2010. № 91, 11 авг.; ст. 4 Положения о министерстве имущественных отношений Иркутской области, утв. постановлением Правительства Иркутской области от 30.09.2009 г. № 264/43-пп // Областная. 2009. № 121, 23 окт.; ст. 4 Положения о министерстве транспорта и дорожного хозяйства Иркутской области; ст. 4 Положения о министерстве цифрового развития и связи Иркутской области, утв. постановлением Правительства Иркутской области от 27.05.2021 г. № 368-пп // Областная. 2021. № 62, 11 июня). В соответствии со ст. 41 федерального закона РФ от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822) правами юридического лица обладают органы местного самоуправления.

[411] См.: ст. 15 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 13.10.2004 г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 42. Ст. 4108), ст. 12 Положения о Министерстве финансов Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 329 // Собрание законодательства РФ.2004. № 31. Ст. 3258), ст. 7 Положения о Федеральной службе безопасности Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 11.08.2003 г. № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 33. Ст. 3254), п. 2 ст. 72 Устава Иркутской области (относительно Избирательной комиссии Иркутской области). До внесения изменений в Регламент Государственной Думы Федерального Собрания РФ, в нем указывалось, что Аппарат Государственной Думы «имеет статус юридического лица»; постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.03.2013 г. 1963-6 ГД «О внесении изменений в статью 78 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 2013. № 13. Ст. 1490) в ч. 1 этой статьи слова «и имеет статус юридического лица» заменены на слова «является государственным органом и обладает правами юридического лица».

[412] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 289–291.

работах. Так, В.Г. Голубцов пишет, что существуют такие юридические лица, которые могут одновременно действовать и от имени государства, и от своего собственного имени, и заключает: «Следовательно, при участии в гражданском обороте от имени публично-правовых образований в рамках п. 1 ст. 125 ГК РФ государственные органы не обладают самостоятельной гражданской правосубъектностью, независимо от наличия или отсутствия статуса юридического лица»[413]. Не от своего имени, а от имени публично-правовых образований выступают их органы (в этом случае являющиеся самостоятельными юридическими лицами) и при совершении действий по типу представительства в рамках п. 3 ст. 125 ГК РФ[414]. Если же орган государственной власти, местного самоуправления действует за рамками своей компетенции или специально не управомочен выступать от имени публично-правового образования, то его участие в гражданском обороте ничем не будет отличаться от участия в обороте иных юридических лиц, действующих от собственного имени и несущих самостоятельную юридическую ответственность. При этом, по верному замечанию Е.А. Суханова, «на практике эти ситуации подчас по неведению участников, а иногда и намеренно смешиваются»: орган публичной власти иногда пытается выступить от собственного имени, «хотя в действительности речь идет об участии в правоотношении представляемого им публично-правового образования в целом» либо, напротив, «орган публичной власти, пытаясь обойти установленные законом запреты, представляет свое участие в имущественных отношениях как участие в нем публично-правового образования»[415].

Еще один аспект, касающийся определения правового статуса того или иного органа ППО как субъекта гражданского оборота – вопрос об его организационно-правовой форме как юридического лица. Невзирая на то, что согласно действующему отечественному законодательству юридическое лицо должно быть зарегистрировано в ЕГРЮЛ в одной из организационно-правовых форм, предусмотренных ГК РФ (п. 2 ст. 48 ГК РФ) и сведения об организационно-правовой форме юридического лица подлежат отражению в реестре (подп. б) п. 1 ст. 5 закона «О

---

[413] *Голубцов В.Г.* Указ. соч. С. 112.
[414] Там же. С. 113.
[415] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 290.

государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»), организационно-правовая форма органов ППО в абсолютно подавляющем числе случаев в ЕГРЮЛ не указана, что заслуживает, бесспорно, критической оценки. Законодательно на настоящий момент установлена организационно-правовая форма, в которой должны быть зарегистрированы и могут действовать органы местного самоуправления как юридические лица – муниципальные казенные учреждения, образуемые для осуществления управленческих функций (п. 2 ст. 41 ФЗ РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»)[416]; относительно организационно-правовой формы юридических лиц – органов государственной власти подобная общая норма отсутствует.

Между тем именно организационно-правовая форма юридического лица определяет не только способ создания, объем правоспособности, порядок управления, наличие, характер и содержание корпоративных прав и обязанностей учредителей (участников) и субъектов, осуществляющих функции его органов, в отношении друг друга и юридического лица[417], но и пределы имущественной ответственности перед иными участниками оборота самой организации, а также создавших ее лиц (в частности, разнится ответственность унитарных и казенных предприятий, казенных, бюджетных, автономных учреждений[418]). Согласимся, что этот вопрос может быть решен только посредством нормотворчества[419].

Что касается иных, помимо легитимированности, свойств юридических лиц и публично-правовых образований как участников гражданского оборота, то аналогично физическим лицам им свойственны такие характеристики, как наличие потребностей и индивидуализирующие признаки.

---

[416] В соответствии с этим положением, например, относительно Администрации Иркутского районного муниципального образования Иркутской области и Думы Иркутского района в п. 2 ст. 22 Устава Иркутского районного муниципального образования (утв. решением Районной Думы Иркутского района от 31.03.1999 г. № 20-96/рд // Ангарские огни. 1999. № 24) установлено, что они наделяются правами юридического лица, являются муниципальными казенными учреждениями, образуемыми для осуществления управленческих функций, и подлежат государственной регистрации в качестве юридических лиц; как юридические лица они действуют на основании общих для организаций данного вида положений федерального законодательства применительно к казенным учреждениям. В то же время в ЕГРЮЛ указание на организационно-правовую форму данных юридических лиц отсутствует.

[417] *Козлова Н.В.* Правосубъектность юридического лица по российскому гражданскому праву: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 11.

[418] *Суханов Е.А.* Об ответственности государства по гражданско-правовым обязательствам // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2001. № 3. С. 116–125.

[419] *Голубцов В.Г.* Указ. соч. С. 117–119, 124.

Так, о наличии потребностей у юридических лиц свидетельствует сам факт их создания, в общем виде отражающийся в понятии цели создания и деятельности этой категории субъектов (в правоведении являющейся одним из основных критериев классификации юридических лиц), достижение или стремление к которой ведет лицо к удовлетворению его потребностей. Однако в отличие от физических лиц в силу искусственной природы юридического лица у последнего могут быть только имущественные потребности, даже если создание организации преследует не цель получения прибыли, а, например, как отмечается в литературе, «цель материального обеспечения управленческой, научно-образовательной, культурно-воспитательной, благотворительной или иной общественно полезной деятельности (не предполагающей получение прямых доходов от нее)»[420].

В части индивидуализирующих характеристик наименование юридического лица признается одним из его конститутивных признаков. Ныне это следует из легального определения понятия юридического лица (ст. 48 ГК РФ), в котором наряду с указанием на иные признаки прямо сказано, что юридическим лицом признается организация, которая может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности. В свое время вопрос о важности такого признака юридического лица, как его участие в гражданском обороте от своего имени, был предметом научной дискуссии. Так, А.В. Венедиктов, возражая С.Н. Братусю, считавшему ключевым признаком юридического лица его имущественную обособленность, писал: «Самостоятельное участие в гражданском обороте, выступление в нем в качестве самостоятельного (особого) носителя гражданских прав и обязанностей – следовательно, от своего имени – вот тот решающий критерий, который установлен советским законодательством в совершенно определенной и общей для всех без исключения юридических лиц форме и который вместе с тем образует самое содержание их гражданской правоспособности», «этот критерий как бы подводит конечный итог отдельным элементам организационной и имущественной обособленности коллектива, обладающего юридической личностью»[421].

---

[420] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 175.

[421] *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. С. 705, 708–709.

Так же, как и имя физического лица, наименование юридического лица подлежит государственной регистрации[422]. Помимо собственно наименования оно содержит указание на организационно-правовую форму, а в случаях, когда законом предусмотрена возможность создания вида юридического лица, указание только на такой вид; наименование некоммерческой организации и в предусмотренных законом случаях наименование коммерческой организации должны содержать указание на характер деятельности юридического лица (п. 1 ст. 54 ГК РФ). Другой индивидуализирующий признак юридического лица – место его нахождения, определяемое местом его государственной регистрации на территории РФ, осуществляемой по месту нахождения его постоянно действующего исполнительного органа, а в случае отсутствия постоянно действующего исполнительного органа – иного органа или лица, уполномоченных выступать от имени юридического лица в силу закона, иного правового акта или учредительного документа, если иное не установлено законом о государственной регистрации юридических лиц; в ЕГРЮЛ должен быть указан адрес юридического лица в пределах места его нахождения (п. п. 2, 3 ст. 54 ГК РФ). Так же, как и при индивидуализации физических лиц, к юридическим лицам применяются и иные уникальные идентификаторы (например, ИНН).

Аналогичным образом можно утверждать о наличии потребностей и индивидуализирующих признаков у публично-правовых образований (РФ, субъектов РФ, муниципальных образований) с той оговоркой, что в силу искусственности данного вида субъектов оборота это могут быть только потребности имущественного характера, причем только те потребности, которые не связаны с реализацией ППО властных полномочий (это потребности в управлении, использовании публичным субъектом принадлежащего ему имущества, в материальном обеспечении им функционирования своих органов – закупка канцелярских принадлежностей, ГСМ и т. д. и т. п.). Наличие потребности у государства отмечается и в современной цивилистической доктрине. Так, Е.С. Смагина утверждает, что специфика государства как субъекта материальных и процессуальных правоотношений состоит в том,

[422] См. ст. 51 ГК РФ, ст. 5 «Содержание государственных реестров» федерального закона РФ от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431).

что «самому государству принадлежат законные интересы, субъективными правами по реализации которых в большинстве случаев оно наделяет уполномоченные органы и иных лиц, вступающих от его имени в гражданский оборот, сохраняя отдельные права за собой»[423]; при этом законный интерес государства определяется ею как «объективно складывающаяся под влиянием общественных интересов *потребность в нормальном функционировании институтов государства, в том числе в гражданском обороте* (курсив наш. – *Ю.В.*), значимость которой обоснованно выделена и отражена в правовой форме», а для обозначения принадлежности интереса государству предлагается категория интересоспособности[424].

Особый механизм создания ППО проявляется и в специфике их индивидуализации. В частности, наименования субъектов Российской Федерации устанавливаются в Конституции РФ[425] (в ст. 65) и включают в себя собственно наименование (название) субъекта (например, «Бурятия», «Иркутская», «Забайкальский»), а также указание на его конституционно-правовой статус (республика, край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ). В случае изменения конституционно-правового статуса субъекта РФ или его названия новое наименование субъекта включается в текст ст. 65 Конституции РФ и учитывается при переиздании текста Конституции РФ (ст. 137 Конституции РФ, п. 3 ст. 5 федерального конституционного закона РФ (далее – ФКЗ РФ) от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»[426], далее – ФКЗ РФ об изменении состава субъектов РФ). Изменение наименования субъекта РФ может быть следствием изменения состава субъектов РФ, которое, в свою очередь, в соответствии с ч. 2 ст. 65 Конституции РФ может произойти либо в результате присоединения к России иностранного государства или его части (принятие в РФ нового субъекта[427]), либо в ре-

---

[423] *Смагина Е.С.* Теоретико-практические проблемы участия государства в современном цивилистическом процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. С. 10.
[424] Там же. С. 11, 12.
[425] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
[426] Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (1 ч.). Ст. 4916.
[427] Наряду с Конституцией РФ и ФКЗ РФ об изменении состава субъектов РФ, оно осуществляется в соответствии с международными (межгосударственными) договорами Российской Федерации, а также федеральными конституту-

зультате объединения двух и более граничащих между собой субъектов Российской Федерации (образование в составе Российской Федерации нового субъекта[428]).

Наименование муниципального образования включает указание на его статус (городское или сельское поселение, муниципальный район, муниципальный округ, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения) и субъекта РФ, в котором расположено данное муниципальное образование; в наименование городского поселения, сельского поселения, а также внутригородского района помимо этого должно включаться указание на наименование муниципального района, в состав которого входит данное поселение, или указание на наименование городского округа с внутригородским делением, в котором образован этот внутригородской район (п. п. 1, 3 ст. 9.1, п. 1 ст. 2 федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). В соответствии с уставом муниципального образования у него может быть сокращенная форма такого наименования.

Место нахождения и адрес у собственно субъектов РФ, муниципальных образований как таковых отсутствует. Тем не менее для участия этих видов субъектов в гражданском обороте такая идентификация необходима, и она имеется,

---

ционными законами о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта (п. 1 ст. 2 ФКЗ РФ об изменении состава субъектов РФ). См., например: Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов: подписан в г. Москве 18.03.2014 г.; ратифицирован ФЗ РФ от 21.03.2014 г. № 36-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 2014. № 14. Ст. 1570); О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: ФКЗ РФ от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 21.03.2014, 01.07.2021); О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики: ФКЗ РФ от 04.10.2022 г. № 5-ФКЗ, О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики: ФКЗ РФ от 04.10.2022 г. № 6-ФКЗ, О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области: ФКЗ РФ от 04.10.2022 г. № 7-ФКЗ (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru, 05.10.2022).

[428] Согласно п. 2 ст. 2 ФКЗ РФ об изменении состава субъектов РФ оно осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, ФКЗ РФ об изменении состава субъектов РФ, а также федеральными конституционными законами об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта. См., например: Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа: ФКЗ РФ от 25.03.2004 г. № 1-ФКЗ (Собрание законодательства РФ. 2004. № 13. Ст. 1110); Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа: ФКЗ РФ от 30.12.2006 г. № 6-ФКЗ (Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 1); Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа: ФКЗ РФ от 21.07.2007 г. № 5-ФКЗ (Собрание законодательства РФ. 2007. № 30. Ст. 3745).

определяясь местом нахождения и адресом тех органов, которые в рамках предоставленной им компетенции или специального поручения действуют от имени отмеченных субъектов. В актах, определяющих статус этих органов, такая идентификация иногда осуществляется детально (в качестве места нахождения указывается полный адрес[429]), а иногда носит предельно общий характер (например, в качестве места нахождения Министерства юстиции России, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства финансов Российской Федерации, Федеральной налоговой службы в соответствующих правовых актах указано «г. Москва»[430]). Впрочем, ввиду того, что указанные органы, как отмечалось выше, зарегистрированы в качестве юридических лиц, сведения об их адресе содержатся в Едином государственном реестре юридических лиц.

Такие характерные для физических лиц свойства, как разумность и социальное сознание у юридических лиц и публично-правовых образований в «чистом» виде отсутствуют. Как уже было отмечено, аналогом разумности, присущей физическим лицам, у искусственно созданных субъектов является легитимированность, допускающая волеформирование и волеизъявление этих субъектов в сфере гражданского оборота. Кроме этого, добавим, что выступать в гражданском обороте от имени юридического лица, публично-правового образования может быть уполномочено определенное физическое лицо, свойства которого, как следствие, переносятся на того субъекта гражданского оборота, которого он в данной ситуации «олицетворяет». Таким образом, с известной и, полагаем, понятной долей условности можно говорить о том, что такие свойства физических лиц, как разумность и социальное сознание присущи и коллективным образованиям. Именно поэтому, представляется, в отношении юридических лиц позитивное право придает значение разумности и добросовестности их органов (ст. 53 ГК РФ), обусловливает добросовестностью возможность оспаривания сделок в том числе данной категории субъектов (п. 5 ст. 166 ГК РФ).

---

[429] Например, в ст. 4 Положения об Аппарате Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области указано: «Место нахождения аппарата: 664027, г. Иркутск, ул. Ленина, дом 1 А».

[430] См.: ст. 16 Положения о Минюсте РФ, ст. 23 Положения о МВД РФ, ст. 13 Положения о Министерстве финансов Российской Федерации, ст. 12 Положения о ФНС.

Что касается правосубъектности, включая дееспособность и ее объем (для физических лиц), вид правоспособности (для юридических лиц), выступающих признаками субъектов гражданских правоотношений, то с точки зрения системы гражданского оборота и ее функционирования, при характеристике данных лиц именно как субъектов гражданского оборота, они безразличны: фактический оборот имущественных благ может состояться и в отсутствие или при порочности правосубъектности его участников; впоследствии лишь может встать вопрос об оценке такой ситуации с позиций положений действующего законодательства как правомерной (с констатацией законности гражданского оборота в данном конкретном случае) либо неправомерной (соответственно, с признанием данного конкретного случая незаконным гражданским оборотом определенного объекта).

Все субъекты гражданского оборота являются равными, поскольку экономически равноценны их потребности. Следует подчеркнуть также, что соответствующие потребности могут иметь не только собственники, но и фактические владельцы (давностные, имеющие в силу п. 2 ст. 234 ГК право на защиту своего владения против третьих лиц; субъекты незаконного оборота), а также лица, имеющие имущественные блага на иных основаниях (как вещно-правовых – например, на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, так и на обязательственных – например, на основании договора аренды, допускающего субаренду).

В завершение настоящего параграфа изложим основные выводы, полученные в процессе исследования.

Субъекты гражданского оборота являются ключевым элементом состава сферы оборота. Субъектами гражданского оборота могут быть (естественные) физические лица, а также такие искусственно созданные субъекты оборота, как индивидуальные предприниматели, юридические лица и публично-правовые образования. Между тем несмотря на тождество их видам субъектов гражданских правоотношений участники гражданского оборота характеризуются свойствами (признаками), которые не совпадают с признаками субъектов гражданского права.

Свойствами, универсальными для всех субъектов гражданского оборота следует признать: 1) *наличие потребностей* (свойство субъектов, выражающее их от-

ношение к необходимым условиям существования) и 2) *индивидуализирующие признаки*. Дополнительно к ним основными свойствами для отдельных видов субъектов являются: для естественных (физических) лиц – *разумность* (познавательная способность как свойство, выражающее способность к деятельностной активности) и *социальное сознание* (осознание индивидом себя частью взаимосвязанной общности людей); для искусственных лиц (индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, публично-правовых образований) – *легитимированность* (являющееся следствием легитимации социально-юридическое свойство искусственно созданного субъекта гражданского оборота, подтверждающее его существование (наличие) в качестве самостоятельного субъекта гражданского оборота, вследствие чего признающее за ним возможность волеформирования и волеизъявления в сфере оборота имущественных благ, а также определяющее его правосубъектность в этой сфере).

§ 2. Объекты как элемент состава системы гражданского оборота

Характеризуя данный элемент системы гражданского оборота как предмета гражданско-правового регулирования, следует, прежде всего, решить основной дискуссионный в отечественной цивилистике вопрос – что же все-таки следует признавать объектами данной системы.

Как было отмечено, широко признанной в российской цивилистике является позиция, согласно которой объектами гражданского оборота выступают не те или иные блага (в экономической теории определяемые как «любая полезность (предмет, явление, продукт труда), удовлетворяющая определенную человеческую потребность»[431]), а имущественные права на них. Однако такой подход не охватывает всех возможных субстанций, вовлеченных в гражданский оборот.

В качестве примера можно привести информацию, анализируя гражданско-правовые формы оборота которой, Е.В. Шаповалова пришла к небезосновательному, на наш взгляд, выводу, что она включается в оборот «как таковая, а не ее

[431] *Маховикова Г.А., Гукасьян Г.М., Амосова В.В.* Экономическая теория: учебник и практикум. М.: Юрайт, 2019. С. 33.

материальные носители и не права на нее»[432]. То, что информация является «“товаром”, на который направлены правоотношения сторон», отмечают и другие авторы[433]. Иную позицию занимает М.А. Рожкова, по мнению которой информация, имеющая экономическую ценность, являясь нематериальным объектом, не может становиться предметом гражданско-правовых сделок и переходить от одного лица к другому; оборотоспособны и отчуждаемы имущественные права на такую информацию (отдельно – на материальные носители этой информации)[434]. Представляется, что особые свойства информации как сведений о чем-либо (в частности, их физическая неотчуждаемость, способность находиться в одновременном обладании неограниченного круга лиц), действительно, обусловливают ее принципиальную способность к самостоятельному переходу (распространению), т. е. в отрыве от того материального носителя, в котором сведения могут быть зафиксированы, и невзирая на тот или иной правовой режим этих сведений (как нематериального блага – например, личной и семейной тайны либо как интеллектуальной собственности – ноу-хау, изобретения, программы для ЭВМ, базы данных). При этом ограничивать имеющийся массив информации лишь сведениями, охраняемыми в режиме тайны, а именно в таком виде информация незримо закреплена ныне в ст. 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав»[435], по нашему мнению, неверно. Полагаем, что с позиций гражданско-правового регулирования[436] значимыми являются и иные сведения – в частности, общедоступная информация[437], включенность которой в гражданский оборот видится обоснованной, но получение,

---

[432] *Шаповалова Е.В.* Указ. соч. С. 62; *Ее же.* Гражданско-правовые формы оборота информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 17. Заметим, гражданско-правовой оборот в позиции ученого включается в понятие оборота.

[433] *Полищук Е.В*. Риелтор – продавец информации или посредник на рынке жилой недвижимости? // Услуги: проблемы правового регулирования и судебной практики: сб. науч.-практ. ст. / [редкол.: Н.Ф. Качур, М.В. Кратенко (отв. ред.), С.Н. Мальтов]. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 112.

[434] *Рожкова М.А*. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 6 нояб. URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informaciya_kak_obekt_ grazhdanskih_prav_ili_chto_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave).

[435] Относительно включения («возврата») информации в легальный перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) согласимся с М.А. Рожковой, полагающей, что «попытка “загрузить” в статью 128 ГК все то, что приобрело или способно приобрести экономическую ценность – тупиковый путь» (*Рожкова М.А.* Информация как объект гражданских прав …).

[436] А в соответствии со ст. 5 федерального закона РФ от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448) (далее – ФЗ Об информации) информация является объектом правовых, в том числе гражданско-правовых отношений.

[437] К которой в соответствии с нормой п. 1 ст. 7 ФЗ Об информации относятся общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен.

предоставление и распространение которой переходом права на нее от одного лица к другому, тем не менее, не является. Элементарно, это информация об объектах и субъектах гражданского оборота, поиск в том числе обмен которой, как правило, предваряет абсолютное большинство гражданско-правовых сделок. Правовое регулирование соответствующих отношений заключается в установлении правового режима соответствующих сведений – либо путем законодательного провозглашения их общедоступности, неограниченности доступа к ним, либо путем возложения юридической обязанности их предоставления и, соответственно, наделения коррелирующим такой обязанности субъективным правом на получение информации. Так, в ст. 5 ФЗ РФ от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»[438] установлен перечень сведений, в отношении которых лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, не может быть установлен режим коммерческой тайны. Это, в частности, сведения: содержащиеся в учредительных документах юридического лица, документах, подтверждающих факт внесения записей о юридических лицах и об индивидуальных предпринимателях в соответствующие государственные реестры; содержащиеся в документах, дающих право на осуществление предпринимательской деятельности; о составе имущества государственного или муниципального унитарного предприятия, государственного учреждения и об использовании ими средств соответствующих бюджетов; о загрязнении окружающей среды, санитарно-эпидемиологической и радиационной обстановке, состоянии противопожарной безопасности, безопасности пищевых продуктов и других факторах, оказывающих негативное воздействие на обеспечение безопасного функционирования производственных объектов, безопасности каждого гражданина и безопасности населения в целом; о численности, о составе работников, о системе оплаты труда, об условиях труда, в том числе об охране труда, о показателях производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, и о наличии свободных рабочих мест; о задолженности работодателей по выплате заработной платы и социальным выплатам; об условиях конкурсов или аукционов по приватизации объектов государственной или муниципальной собственности; о

[438] Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

размерах и структуре доходов некоммерческих организаций, о размерах и составе их имущества, об их расходах, о численности и об оплате труда их работников, об использовании безвозмездного труда граждан в деятельности некоммерческой организации; о перечне лиц, имеющих право действовать без доверенности от имени юридического лица. Согласно норме п. 1 ст. 495 ГК РФ продавец обязан предоставить покупателю необходимую и достоверную информацию о товаре, предлагаемом к продаже, соответствующую установленным законом, иными правовыми актами и обычно предъявляемым в розничной торговле требованиям к содержанию и способам предоставления такой информации. Безусловно, объектом гражданских прав определенных (конкретных) субъектов указанные выше сведения не являются, что, однако не означает их отсутствия в качестве объекта в гражданском обороте. При этом и в качестве услуги по предоставлению такой информации описанные ситуации квалифицированы, на наш взгляд, быть не могут.

То, что к объектам гражданского оборота относятся не только субъективные права, но также сами блага, отмечается и в литературе[439], хотя единство мнений относительно того, какие именно блага являются объектами оборота, среди ученых отсутствует. Так, по мнению Б.И. Пугинского, в состав гражданского оборота гражданское законодательство включает «любые отношения по передаче имущества»[440]. В.В. Романова понимает гражданский оборот как оборот объектов гражданских прав[441], относя, таким образом, к объектам гражданского оборота не только имущество, но вообще все объекты гражданских прав. Р.Ф. Галева полагает, что, «исходя из смысла закона, категорию объектов гражданского оборота составляют способные к отчуждению объекты гражданских прав, за исключением объектов, ограниченных или исключенных из оборота по указанию закона»[442].

Представляется, что *объектами гражданского оборота могут выступать как собственно имущественные блага, так и субъективные права* при условии нали-

---

[439] Так, объектами гражданского оборота называют предприятие как имущественный комплекс (Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 310), драгоценные металлы и драгоценные камни (*Рутковская О.А.* Драгоценные металлы и драгоценные камни как объекты гражданского оборота на внутреннем и международном рынках: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 4, 5, 7, 13, 16 и др.).

[440] *Пугинский Б.И.* Коммерческое право России: учебник. М.: Зерцало-М, 2005. С. 57.

[441] *Романова В.В.* Указ. соч. С. 52.

[442] *Галеева Р.Ф.* Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 22.

чия у них необходимых для этого свойств. Выдвигая данный тезис, мы исходим из отстаиваемого в рамках нашей теории понимания гражданского оборота как системы общественных отношений, предназначенной опосредовать удовлетворение индивидуальных потребностей субъектов. Основываясь на этом, ключевым признаком, свойственным всем объектам гражданского оборота, необходимо признать *потребительную стоимость* – совокупность полезных свойств объекта, благодаря которым он обладает *способностью удовлетворять какую-либо потребность* общества или отдельного субъекта. Заметим, что согласно положениям экономической теории стоимость удовлетворяет потребности не того, кто создает объект (товар), а потребности других людей, вследствие чего является общественной потребительной стоимостью, которая «интересует производителя лишь в своей взаимосвязи со способностью данного товара обмениваться на другие его виды. Это особое качество товара, в свою очередь, получило название меновой стоимости, являющейся формой стоимости, ее внешним проявлением в акте обмена»[443].

Исходя при этом из понимания гражданского оборота как системы *фактических, экономических по содержанию* социальных связей, к объектам оборота, бесспорно обладающим потребительной стоимостью, следует причислить материальные блага – «чужие» для участников гражданского оборота вещи и имеющие овеществленную форму результаты действий других лиц, посредством которых субъекты удовлетворяют свои потребности. Фактический (реальный) характер гражданского оборота в качестве объектов воздействия субъектов предполагает прежде всего именно материальные объекты, т. е. объекты, существующие в материальной форме и вне зависимости от человеческого сознания.

Признание объектами гражданского оборота материальных благ находит подтверждение и с позиций правового регулирования. Обратим внимание в данной связи на нормы ГК РФ, в которых используется выражение «введение в гражданский оборот». Практически во всех таких нормах указывается на материальные объекты – товары (п. 2 ст. 1484, п. 2 ст. 1486, ст. 1487 и др.); продукт, в котором использованы изобретение или полезная модель, либо изделие, в котором ис-

[443] Большая экономическая энциклопедия. С. 671.

пользован промышленный образец (п. 2 ст. 1358, пп. 6 ст. 1359); семена, животные, растительный или племенной материал (п. 2 ст. 1421, пп. 6 ст. 1422); оригинал или экземпляры опубликованных произведений либо фонограммы (ст. 1272, п. 2 ст. 1274, ст. 1325); интегральные микросхемы с топологией (пп. 3 ст. 1456) и т. д. О введении в гражданский оборот материальных объектов говорится и в судебной практике, указывающей на введение в гражданский оборот отдельных жилых помещений в коммунальной квартире, недвижимого имущества и проч.[444]; причем, как видно из приведенных примеров, понятию «введение в гражданский оборот», несмотря на использование его в нормах, закрепленных в части четвертой ГК РФ, правоприменителем оправданно придается общеотраслевое значение.

Еще одной законодательной формулировкой, предполагающей нахождение в гражданском обороте материальных объектов, является выражение «правомерное введение в гражданский оборот» (см., например, п. 2 ст. 1274, ст. 1344 ГК РФ). Это выражение подразумевает наличие случаев, когда определенные объекты вводятся в гражданский оборот неправомерно. Представляется, что в качестве таких неправомерно введенных объектов следует рассматривать именно материальные субстанции, а не идеальные по своей природе субъективные права, введение которых в гражданский оборот, на наш взгляд, изначально не может быть «правомерным» или «неправомерным» – оно либо есть, либо его нет. «Введение объекта в (гражданский)[445] оборот» как результат соответствующего действия субъекта означает появление в гражданском обороте нового, ранее отсутствовавшего в нем объекта. Этот фактический результат может быть оценен на предмет его соответствия установлениям позитивного права как правомерный или неправомер-

---

[444] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 03.11.1998 г. № 25-П (Собрание законодательства РФ. 1998. № 45. Ст. 5603); постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 27.10.2005 г. № А58-3881/04-Ф02-5278/05-С2; определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.10.2011 г. № ВАС-13314/11.

[445] Заключение термина «гражданский» в скобки обусловлено тем, что законодатель в одних случаях говорит о введении объектов в гражданский оборот (п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2, ст. 1272, п. 2 ст. 1274, п. 1 ст. 1302, ст. 1325, ст. 1344 и др. ГК РФ), а в других случаях использует выражение «введение в оборот» (п. 2 ст. 1515, п. 1 ст. 1537 ГК РФ). В качестве ремарки относительно противоположного по значению понятия – «изъятие из (гражданского) оборота», которое следует признать одним из основных правовых последствий неправомерного введения определенного объекта в оборот, заметим: если объект введен в *гражданский* оборот, то, полагаем, и изыматься он должен также из *гражданского* оборота; однако в ГК РФ преимущественно используемому выражению «введение в *гражданский* оборот» противостоит только «изъятие из *оборота*», что, на наш взгляд, еще раз свидетельствует в пользу допустимости отождествления понятий «оборот» и «гражданский оборот».

ный[446]. И если относительно реально существующих материальных благ расхождение между *de facto* и *de jure* мыслимо допустимо исходя из того, что они вводятся в оборот посредством фактических действий, то относительно субъективных прав, введение которых в оборот может быть только юридическим, *de jure* и *de facto* должны совпадать. Вследствие неправомерности действий субъекта по введению в оборот нового субъективного права это право просто не возникает.

Впрочем, современный российский правопорядок позволяет привести примеры, когда формально правомерно введенные в гражданский оборот субъективные права по существу являются введенными в него неправомерно. Так, в случае заключения договора об отчуждении исключительного права на произведение, предусмотренного ст. ст. 1285 и 1234 ГК РФ, лицом, не управомоченным на передачу права, в силу отсутствия права у отчуждателя не должно следовать перенесение этого права на другого участника гражданского оборота. В то же время ст. 1257 ГК РФ закрепляет презумпцию авторства, в соответствии с которой при отсутствии доказательств иного автором произведения считается лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения. До момента опровержения данной презумпции неуправомоченный отчуждатель, в случае указания им своего имени на оригинале или экземпляре произведения, формально будет считаться автором произведения и, таким образом, первоначальным обладателем исключительных прав (п. 2 ст. 1255 ГК РФ), в связи с чем соответствующий (изначально ничтожный, на наш взгляд) договор должен предполагаться действительным. Следовательно, исключительное право автора, являющееся предметом данной распорядительной сделки, должно считаться введенным в гражданский оборот, хотя и неправомерно. Другим примером может быть государственная регистрация вещных прав на юридически дефектные объекты недвижимости. Известна практика российских судов, которые стремясь защитить так называемых дольщиков, в целом ряде случаев выносили решения о признании права собственности

[446] Неправомерное введение в гражданский оборот при этом, безусловно, не должно восприниматься лишь как отсутствие условия (правомерного введения), предусмотренного гипотезой регулятивной нормы и необходимого для наступления установленных «нормальных» правовых последствий. В том случае, когда введение объекта в гражданский оборот представляет собой неправомерное действие, с ним должны быть связаны качественно иные правовые последствия – приводящие в действие охранительные правовые нормы.

на жилые помещения, расположенные в построенных, но не введенных (в том числе по причине самовольности постройки) в эксплуатацию многоквартирных домах. Укажем и на случаи незаконного отвода и изменения правового режима земельных участков. Несмотря на то, что последующая государственная регистрация прав на такие объекты формально осуществляется на законном основании (на основе судебного решения, акта органа государственной власти), дефектность появления соответствующих объектов определяет изначальную порочность прав на них, которые, таким образом, должны рассматриваться как ставшие объектами гражданского оборота неправомерно, что отчасти подтверждает предусмотренная законом[447] возможность оспаривания решения о государственной регистрации и основанного на ней признания субъективного права на определенный объект.

Безусловно, право как совокупность правовых норм должно быть рассчитано на тот идеальный порядок, который предполагает точное соблюдение этих норм и который должен служить всеобщим масштабом поведения субъектов в обществе. В то же время законодатель не может игнорировать те фактически существующие ситуации, когда некто, формально действующий как управомоченное лицо, в действительности таковым не является, но тем не менее производит, продает либо предлагает к продаже или иным образом отчуждает определенные блага. Полагаем, что учетом этих жизненных обстоятельств обусловлены и оговорки о «правомерном» введении в гражданский оборот, и законодательное закрепление стоящих с ними в одном ряду по своей условности норм о недействительных сделках, которые либо порождают желаемые сторонами, хотя и нестабильные правовые последствия (оспоримые сделки), либо влекут фактический переход имущества от одного лица к другому, а для добросовестного приобретателя при наличии известных условий – и прав на него (исполненные ничтожные договоры). Но в та-

[447] Положения п. п. 6, 7 ст. 8.1 ГК РФ, п. 5 ст. 1 ФЗ РФ от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344) (ранее это допускала норма абз. 2 п. 1 ст. 2 ФЗ РФ от 21.07.1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3594)). Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, при рассмотрении спора о праве на имущество, зарегистрированном в государственном реестре, к участию в деле в качестве ответчика должно быть привлечено лицо, за которым зарегистрировано право на это имущество (абз. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8); далее – постановление Пленума ВС РФ № 25).

ком случае и *понимание гражданского оборота настоятельно требует корректировки, в частности, путем включения в состав его объектов не только субъективных прав и обязанностей, но и самих имущественных благ, в том числе материальных субстанций*, охватывая те, нахождение которых в гражданском обороте является условно правомерным. Повторим, еще раз акцентировав внимание на том, что гражданский оборот – это реально (фактически) существующее социальное явление, подвергаемое в том числе внешней оценке, воздействию и иногда – необходимому опосредованию со стороны системы права.

К материальным благам, выступающим объектами оборота, следует отнести также объекты, существующие или объективируемые в электронной форме – виртуальное[448] и цифровое имущество («игровое имущество», криптовалюту, виртуальные токены, доменные имена, аккаунты пользователей и стикеры в социальных сетях, объекты *digital art* – компьютерную анимацию, электронную музыку, цифровую живопись и др.)[449]. Относя эти объекты к материальным, мы разделяем мнение о том, что материальный мир несводим только к вещественному, «телесному» миру. Как отмечается в литературе, «виртуальная компьютерная реальность не является духовным, идеальным явлением, а представляет собой искусственно созданную человеком форму материи», которая «обладает основными признаками такой самостоятельной формы – своими субстратом и субстанцией, структурами пространства и времени, специфическим отношением с сознанием и взаимодействует с другими формами материи по объективным законам природы и общества»[450]. Материальный характер физического поля получил отражение и в нормативных технических актах: в частности, в п. 2.5.3 ГОСТ Р 50922-2006 «За-

---

[448] В национальных стандартах РФ в термин «виртуальный» вкладывается следующий смысл: «Определение, характеризующее процесс или устройство в системе обработки информации кажущихся реально существующими, поскольку все их функции реализуются какими-либо другими средствами» (ст. 4.151 ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015) «Межгосударственный стандарт. Информационные технологии. Словарь»: введен в действие приказом Росстандарта от 22.09.2016 г. № 1189-ст. М.: Стандартинформ, 2016; п. 3.11 ГОСТ Р 58833-2020 «Национальный стандарт Российской Федерации. Защита информации. Идентификация и аутентификация. Общие положения»: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 10.04.2020 г. № 159-ст. М.: Стандартинформ, 2020 // СПС «КонсультантПлюс»).

[449] См.: *Рожкова М.А.* Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym.

[450] *Орлов С.В.* Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 1. С. 12. URL: http://fikio.ru/?p=2056.

щита информации. Основные термины и определения»[451] при определении носителя защищаемой информации указано, что это «физическое лицо или *материальный объект, в том числе физическое поле* (курсив наш. – *Ю.В.*), в котором информация находит свое отражение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов, количественных характеристик физических величин».

Несводимость материи к «телесному» признают и цивилисты. Так, Н.П. Асланян отмечает, что «мир… включает в себя не только материальные объекты, в реальности которых никто не сомневается. Такими же реальными являются и социальные, духовные, культурные и прочие субстанции. Их реальность проявляется в том, что они могут активно воздействовать как друг на друга, так и на другие виды материи»[452]. По замечанию Л.Ю. Василевской, «кроме материи в виде вещества существует и такой ее вид, как поле – гравитационное, электромагнитное и др. Материя – это не только окружающий нас физически осязаемый мир, но и мир полевых структур и субстанций, бактерий, вирусов и проч.; это объективная реальность по отношению к сознанию (субъективной реальности)»[453]; аналогичное определение материи дает В.А. Белов: «*Материя* – фундаментальное философско-физическое понятие, обозначающее реальность, данную людям в ощущениях и существующую независимо от них (объективную реальность)»[454]. Исходя из этого, и «digital-среда, виртуальный мир, созданные человеком и будучи идеальными по своей природе, существуют в определенной объективной материальной форме. Вне материальной формы идеальный мир существует только в голове человека»[455]. На то, что «цифровая среда не подразумевает отсутствия материальности», указывает Е.Е. Кирсанова[456].

Развивая это положение, укажем, что к материальным, хотя и неовеществленным объектам оборота следует относить и информацию, и услуги. Все эти

---

[451] ГОСТ Р 50922-2006 «Защита информации. Основные термины и определения»: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 27.12.2006 г. № 373-ст. М.: Стандартинформ, 2008.

[452] *Асланян Н.П.* Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы // Известия ИГЭА. 2012. № 5 (85). С. 105.

[453] *Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А*. Указ. соч. С. 29 (автор раздела – Л.Ю. Василевская).

[454] *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 288.

[455] *Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А*. Указ. соч. С. 30.

[456] *Кирсанова Е.Е.* Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: монография. М.: Юстицинформ, 2022. § 2.2. Гл. 2 // СПС «КонсультантПлюс».

объекты существуют вне человеческого сознания и способны к сенсорному (чувственному – посредством, в частности, зрения, слуха, осязания, обоняния) восприятию[457]. Этим они отличаются от субъективных прав, которые существуют лишь на уровне идеальных представлений и к сенсорному восприятию не способны. Так же, как и искусственно созданные субъекты оборота, субъективные права являются производно-юридическими, что определяет особую – юридическую форму функционирования гражданского оборота в случаях, когда его объектом выступает субъективное право (подробнее об этом будет сказано далее).

Заметим, что выделение материальных и нематериальных объектов (благ) в цивилистике можно считать общепризнанным, несмотря на имеющиеся различия в обозначении критерия и круга объектов, подлежащих такой градации. Так, Е.А. Суханов на материальные (в том числе вещественные) и нематериальные (идеальные) блага делит все объекты гражданских правоотношений, отмечая, в частности, что «материальным благом может являться не только вещь, но и деятельность по созданию или улучшению вещей и даже деятельность по оказанию иных материальных услуг», а к нематериальным благам относятся интеллектуальная собственность (нематериальные объекты товарного характера) и личные неимущественные блага (нематериальные блага нетоварного характера)[458]. Также на материальные и нематериальные блага разделяет объекты гражданских прав В.А. Белов. Вместе с тем он иначе определяет нематериальное благо, трактуя последнее как антоним материального, как «идеальный объект» – «*результат отражения предметов и фактов реальной действительности, существующий исключительно в одном только сознании, но не в реальном мире, и данный человеку в понятиях и представлениях, но не в ощущениях*»[459]. По-другому предпринимается им и группировка отдельных видов объектов. В числе материальных благ В.А. Белов (еще до внесения изменений в нормы ГК РФ об объектах гражданских прав) выделяет вещи, деньги и валютные ценности, ценные бумаги и «иные виды материальных благ» (такие, как: животные; человеческие тела, органы и ткани;

[457] По замечанию В.А. Белова, «*человеческие ощущения* есть не что иное, как частный случай проявления способности биологической материи к отражению» (*Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 290).
[458] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханова. С. 297, 300–301.
[459] *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 367.

клетки, их линии и штаммы микроорганизмов; гены и хромосомы; воздушное пространство (трассы, линии и коридоры и др.); полосы радиочастот и радиочастотные каналы; энергия; физические поля)[460]; к нематериальным благам ученый относит: объекты, являющиеся объектами гражданских правоотношений – результаты творческой деятельности и социальные условия существования и индивидуализации субъектов и объектов фактических отношений, а также объекты, непосредственно охраняемые правом – жизнь и здоровье, способности к труду, состояния конфиденциальности сведений[461]. Несколько иначе подходит к решению вопроса о делении объектов на материальные и нематериальные М.М. Валеев, который классифицирует объекты гражданских прав, перечисленные в ст. 128 ГК РФ, «сообразно их природе» и только относительно имущества (как одной из выделенных по этому критерию групп) отмечает, что оно «бывает телесным (осязаемым, наличным)» и «бестелесным (неосязаемым, безналичным)»[462].

Вопрос классификации является, пожалуй, одним из самых сложных в науке, в том числе юридической, как с точки зрения собственно систематики определенных явлений, так и с позиций обоснованности теоретической и практической значимости того или иного их деления. Между тем данный вопрос неизбежен при определении направлений и механизма правовой регламентации социальных процессов и явлений, поскольку любая правовая норма, как известно, рассчитана на определенный вид общественных отношений, в немалой степени детерминированный в свою очередь спецификой объекта, что изначально предполагает некую группировку последних. Говоря об этом в контексте вопроса о форме объектов гражданского оборота, отметим, что он значим с позиций *вопроса о формах функционирования гражданского оборота*[463], детерминирующего в свою очередь оптимальные направления правового регулирования отношений оборота.

Полагаем, что *все объекты гражданского оборота в зависимости от формы их существования* можно разделить на следующие группы.

---

[460] *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 288–347.
[461] Там же. С. 372–373.
[462] Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б.М. Гонгало. С. 205–206.
[463] Что будет обосновано далее.

1. *Материальные объекты* – объекты, существующие в материальной форме и вне зависимости от человеческого сознания. Повторим, что «материальное» мы не ограничиваем исключительно «телесным», признавая наличие и иных видов материи, в связи с чем полагаем верным выделять в числе материальных объектов оборота:

1.1. *овеществленные* («телесные») объекты (из объектов, перечисленных в ст. 128 ГК РФ, к ним относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги) и результаты работ);

1.2. *неовеществленные* объекты – объекты, не обладающие «телесной» формой, но способные к сенсорному (чувственному – посредством зрения, слуха, осязания, обоняния) восприятию. В терминологии ст. 128 ГК РФ, это объекты:

а) которые подпадают под понятие «иное имущество» (сюда можно отнести, в частности, энергию, а также так называемое виртуальное и цифровое имущество, например, NFT − объект виртуального искусства, право на владение которым записывается в специальный блок данных и фиксируется в виде уникального сетевого адреса и т. п.);

б) оказание услуг (услуги, создающие «полезный эффект материального, но неовеществленного характера», в числе материальных благ в юридической литературе называет, в частности, Л.Ю. Василевская[464]);

в) сюда же, полагаем, следует отнести отдельные (указанные в начале настоящего параграфа) виды информации.

2. *Нематериальные объекты* – соответственно, объекты, которые существуют лишь на уровне идеальных представлений в форме, не способной к сенсорному восприятию. К ним из числа указанных в ст. 128 ГК РФ объектов, на наш взгляд, следует относить только «имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права[465])», при обязательном условии их оборотоспособности. На

---

[464] *Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А*. Указ. соч. С. 18 (автор раздела – Л.Ю. Василевская).

[465] Мы разделяем позицию ученых, полагающих, что «цифровизация прав приводит к возникновению не нового вида имущественных прав, существующих наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к цифровому способу их фиксации» (*Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А*. Указ. соч. С. 91). Еще до закрепления цифровых прав в ГК РФ в качестве вида объектов гражданских прав критика их фиксации со-

то, что «имущественные права в российском праве, помимо того, что могут использоваться для обозначения оборотоспособных прав, также применяются относительно прав по поводу имущества, которые не обязательно являются оборотоспособными», справедливо указывает Ю.Е. Туктаров, в качестве примера имущественных прав, не являющихся оборотоспособными, приводя алиментные права. Ввиду «товарности» соответствующих субъективным имущественным правам юридических обязанностей, их также надлежит признать возможными объектами гражданского оборота. Включение в качестве объектов в оборот оборотоспособных субъективных имущественных прав и обязанностей является *юридически обусловленным*, поскольку они *существуют не просто в рамках* предписанного для них правового режима (как, например, недвижимость или сложные вещи), а именно *в силу самого признания* законодателем тех или иных возможностей субъективным правом определенного вида (в качестве вещного, исключительного, цифрового[466] права) *либо установления* определенных возможностей и долженствований лиц в качестве субъективных прав и юридических обязанностей волей субъектов (обязательственные, корпоративные права). В отсутствие поименованности в правовом акте (нормативном или индивидуальном) определенные субъективные права и обязанности просто не существуют, вследствие чего и объектами оборота в таком случае они выступать не могут. Проще говоря, при классификации объектов гражданского оборота по критерию формы их существования нематериальными объектами оборота являются лишь субъективные права и обязанности, все иные объекты оборота по данному признаку относятся к материальным.

Предложенная градация объектов оборота, как было отмечено, влияет на решение вопроса о формах функционирования гражданского оборота, в связи с чем

держалась в Экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, подготовленном в Исследовательском центре частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ на законопроект о легальном закреплении цифровых прав, в котором также указывалось: «То, что понимается под цифровыми правами в Проекте, на самом деле является лишь оформлением традиционных имущественных прав, причем совершенно разной природы – вещных прав, обязательственных прав, корпоративных прав, исключительных прав и даже личных неимущественных прав. Все эти права могут существовать в электронной форме, не создавая нового вида гражданского права, как это пытаются представить» (Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»: принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 23.04.2018 г. № 175-2/2018 // СПС «КонсультантПлюс»).

[466] Для определенного цифрового права необходимость легитимации прямо вытекает из нормы ст. 141.1 ГК РФ, устанавливающей, что «цифровыми правами признаются, *названные в таком качестве* обязательственные и иные права…».

мы еще вернемся к ней в последующем изложении (§ 1 гл. 3 диссертации). Здесь же подчеркнем, что детальная характеристика отдельных видов объектов оборота заслуживает самостоятельного анализа и выходит за рамки настоящего исследования[467], направленного в соответствии с его целями и задачами на *общую характеристику системы гражданского оборота*, значимую с позиций ее гражданско-правового регулирования, включая выявление *общих свойств,* присущих объектам соответствующих отношений – *свойств, характеризующих их именно как объекты гражданского оборота*.

Еще одним (наряду с потребительной стоимостью) таким свойством, характерным для *всех объектов гражданского оборота*, позволяющим в том числе разграничить их и объекты гражданских прав, является *оборотоспособность – объектами гражданского оборота*, очевидно, *могут быть только оборотоспособные объекты гражданских прав.*

В цивилистике вопрос об оборотоспособности объектов является традиционным и связывается с классификацией по указанному критерию объектов гражданских прав. При этом, несмотря на общее сходство современных подходов к решению данного вопроса, далеко не во всех моментах правоведы единодушны. Прежде всего, отсутствует единообразие относительно предмета рассматриваемой классификации. В основном в качестве такового указываются объекты гражданских прав, в отдельных случаях именуемые также объектами гражданских правоотношений. В то же время, ссылаясь на правила ст. 129 ГК РФ, посвященной оборотоспособности объектов гражданских прав, нередко пишут об оборотоспособности вещей[468], неоправданно сужая тем самым сферу применения и умаляя значение категории «оборотоспособность». По-разному обозначается и критерий указанной классификации. В одних случаях указывают на «оборотоспособность»[469]; в других случаях деление объектов проводится «по принципу свободы оборота»[470],

---

[467] В связи с чем мы намеренно не останавливаемся на анализе отдельных видов объектов гражданских прав и гражданского оборота, *не претендуя изначально на получение новизны именно в их характеристике*. По причине наличия значительного числа узкоспециальных соответствующих научных работ (см. § 1 гл. 1 диссертации) это представляется и нецелесообразным.

[468] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 304–305.

[469] Там же. С. 304; *Чубаров В.В.* Проблемы правового регулирования недвижимости. М.: Статут, 2006. С. 176–177.

[470] *Белов В.А*. Гражданское право: Общая и Особенная части. С. 130.

«по степени» либо «по началу их свободы в экономическом обороте»[471], «в зависимости от возможности свободно отчуждаться или переходить» к другому лицу[472]; отдельные авторы принимают во внимание объем оборотоспособности[473].

Различно определяется и само понятие «оборотоспособность». Далеко не всегда его определяют именно как способность объектов, то есть как присущее им свойство[474], хотя подобное понимание наиболее соответствует исходному смыслу соответствующего термина, образуемого путем сложения таких составляющих, как «оборот» и «способность». В ряде случаев при определении оборотоспособности объектов гражданских прав ученые используют иной термин – «допустимость»[475] (от «допустимый» – «возможный, позволительный, разрешенный»[476]), связывая, таким образом, вопрос об оборотоспособности объектов с понятием «правой режим объектов»[477], как это делает и российский законодатель[478].

Вследствие смешения понятий «оборотоспособность объектов» и «правовой режим объектов», в доктрине одни и те же виды объектов гражданских прав (либо виды вещей) попадают в рамки классификаций, осуществляемых по различным критериям. А именно традиционно выделяемые группы «объекты (вещи), свободные в обороте», «объекты (вещи), ограниченные в обороте» и «объекты (вещи), изъятые из оборота» в одних работах приводятся в рубрике «Классификация по целевому назначению и правовому режиму»[479], а в других – «Оборотоспособность вещей»[480].

---

[471] *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 278, 280.
[472] *Зенин И.А.* Гражданское право: учебник. М.: Юрайт, 2010. С. 118.
[473] *Астахова М.А.* Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 15.
[474] В русском языке «способный» означает «обладающий каким-нибудь свойством» (*Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 757).
[475] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / рук. авт. кол. и отв. ред. О.Н. Садиков. М.: Контракт; Инфра-М, 2003. С. 315; Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс».
[476] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 176.
[477] По замечанию С.С. Алексеева, означающим порядок регулирования, выраженный «в характере и объеме прав по отношению к объекту» (*Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия … С. 374). Как совокупность существующего правового регулирования в отношении определенного явления объективной действительности понимает правовой режим В.И. Сенчищев (см.: *Сенчищев В.И.* Объект гражданского правоотношения. Общее понятие // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского; Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. М.: Статут, 1998. С. 140, 157–158).
[478] См.: п. 4 ст. 3 ФЗ РФ от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором указано: «Правовой режим объектов гражданских прав, которые до дня вступления в силу настоящего Федерального закона признавались изъятыми из оборота и в соответствии с пунктом 2 статьи 219 Гражданского кодекса Российской Федерации (в редакции настоящего Федерального закона) признаются ограниченными в обороте, сохраняется».
[479] *Пиляева В.В.* Гражданское право. Части общая и особенная: учебник. М.: КноРус, 2011. С. 97.

В новой редакции ст. 129 ГК РФ, вступившей в действие 1 октября 2013 г., указание на объекты, изъятые из оборота, как было отмечено, отсутствует. Данной категории объектов придана характеристика ограниченных в обороте, что представляется оправданным, поскольку это адекватно отражает реально существующую ситуацию: нахождение большинства из изъятых ранее из оборота объектов в собственности государства по существу означало, что такие объекты «могут принадлежать лишь определенным участникам оборота» (п. 2 ст. 129 ГК РФ), исходя из чего, по указанному признаку они изначально фактически являлись ограниченно оборотоспособными[481]. Ограничение в гражданском обороте других объектов осуществлялось по второму из предусмотренных законом признаков – наличию специального разрешения на их отчуждение или иную передачу.

Возвращаясь в данной связи (см. § 1 гл. 2 настоящей работы) к вопросу о сохранении указания на изъятые из оборота объекты, в частности, в земельном законодательстве (в норме абз. 1 п. 2 ст. 27 ЗК РФ), отметим, что, являясь допустимым с позиций системного толкования данной (специальной) нормы Земельного кодекса РФ и общего правила п. 3 ст. 129 ГК РФ[482], оно, как представляется, вряд ли может быть признано удачным по отмеченной выше причине фактической (действительной) ограниченности оборота объектов, находящихся в собственности государства (а согласно п. 4 ст. 27 ЗК РФ изъяты из оборота как раз земельные участки, занятые объектами, находящимися в федеральной собственности). Примечательно, что и сама ст. 27 ЗК РФ, устанавливающая правила об изъятых из оборота земельных участках, называется «Ограничения оборотоспособности земельных участков». Можно полагать, что указание на изъятие из оборота призвано подчеркнуть специфику правового режима данного вида земельных участков[483], однако сведение вопроса об оборотоспособности объекта к вопросу о его правовом режиме представляется ошибочным.

---

[480] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 304–305.

[481] *Лапач В.А.* Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 296.

[482] Согласно которому земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах.

[483] Именно по этому критерию специалисты в области земельного права разграничивают изъятые из оборота и ограниченные в обороте земельные участки (см.: *Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Чаркин С.А.* Земельное право

На наш взгляд, необходимое разграничение данных понятий заключается в том, что *правовой режим* является *юридической характеристикой объекта* (т. е. характеристикой его как объекта субъективных прав, правоотношений), в то время как *оборотоспособность – характеристикой самого объекта*, означающей наличие у него *естественного свойства* быть элементом оборота. При этом *вопрос об оборотоспособности объекта* следует признать *первичным* по отношению *к вопросу о его правовом режиме* (что, отнюдь, не исключает возможности и значимости определения правового режима объектов гражданского оборота: различные блага, став объектами оборота, отличаются друг от друга «правовым режимом … и именно эта их сторона имеет значение для гражданского права»[484]).

Детерминированность правового режима объектов их естественными свойствами, в том числе их способностью либо неспособностью к обороту, признается и в доктрине. Так, В.А. Лапач писал, что природные, естественные свойства реальных предметов «если и учитываются, то не прямым образом, а в “снятом виде”, через содержание правовой нормы», однако нельзя «забывать, что правовое значение (и назначение) вещи во многом предопределено именно ее материальными свойствами (физическими, химическими и пр.)»[485], и что правильная квалификация правового режима объекта правоотношения «позволяет правоприменителю успешно разрешать возникающие споры о праве собственности на те или иные объекты, об ответственности за незаконное владение, пользование и распоряжение ими», а вопрос о применимости к спорным правоотношениям норм той или иной отрасли законодательства и решается «по признаку товарности, оборотоспособности объектов»[486] М.А. Рожкова, придерживаясь традиционного под-

---

России: краткий курс лекций / под ред. А.П. Анисимова. М.: Юрайт, 2014. С. 88). Впрочем, высказывается и мнение, что установление особых правовых режимов отдельных территорий и объектов может рассматриваться как «способ ограничения оборотоспособности данных земель» (см.: Земельное право / В.Х. Улюкаев [и др.]. М., 2010 // СПС «КонсультантПлюс»). Так или иначе, тезис о взаимосвязи правового режима земель и их оборотоспособности можно считать общепризнанным, хотя и не всегда характер их соотношения определяется учеными достаточно четко. Так, А.П. Анисимов и А.И. Мелихов завершают работу «Правовой режим земельных участков …» выводом о ненужности проведения «жестких граней между нормами гражданского и земельного права, определяющих совместно и неразрывно оборотоспособность земельных участков» (*Анисимов А.П., Мелихов А.И.* Правовой режим земельных участков: новый межотраслевой подход к соотношению норм гражданского и земельного права // Право и экономика. 2008. № 12. С. 8).

[484] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханова. С. 298.

[485] *Лапач В.А.* Указ. соч. С. 137.

[486] Там же. 289–290.

хода в вопросе классификации объектов гражданских прав по критерию оборотоспособности, делит объекты, изъятые из частного обладания и оборота, на три группы: объекты, изъятые из оборота по причине их большой публичной значимости, объекты, изъятые из оборота из соображений общественной безопасности и объекты, изъятые из оборота в силу их естественных свойств[487]. Д.В. Жернаков обосновывает обусловленность гражданско-правового режима земельного участка возможностью нахождения его в гражданском обороте, физическими свойствами земельного участка[488]. М.А. Астахова отмечает, что ограничение оборотоспособности прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности «определяется в основном природой блага»[489].

С учетом изложенного, представляется, что в основании общепринятого в отечественной цивилистике деления объектов гражданских прав на свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота, базирующегося на положениях ст. 129 ГК РФ «Оборотоспособность объектов гражданских прав», лежит не собственно признак оборотоспособности объектов, а законодательно установленные в отношении последних возможности и долженствования субъектов, т. е. правовой

---

[487] *Рожкова М.А.* Оборотоспособность объектов гражданских прав. С. 213–215. Уместно привести и следующее утверждение данного ученого: «нематериальные объекты – полноценные объекты гражданских прав, но никак не гражданского оборота… что обусловлено как раз нематериальной природой этих объектов» (*Рожкова М.А.* Информация как объект гражданских прав …). Полностью соглашаясь в том, что при классификации объектов должны учитываться их естественные свойства, тем не менее, полагаем, что все объекты, не способные к обороту в силу своих природных (естественных) свойств, необходимо относить к числу необоротоспособных, а не изъятых из оборота, поскольку, как справедливо отмечается в литературе, изъять из оборота можно лишь то, что в принципе может в нем находиться (см.: *Белов В.А*. Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 279). Заметим, что в более поздней работе М.А. Рожкова, на наш взгляд, по существу, по тому же самому критерию – оборотоспособности, однако уже не объекты гражданских прав, а имущество делит на следующие группы: 1) объекты, обладающие экономической ценностью для участников гражданского оборота и допускающие передачу (переход) этих объектов от одного лица к другому (в качестве примеров указаны: вещи, результаты работы, оказание услуг, различные имущественные права (включая права требования, исключительные права на объекты интеллектуальной собственности, права на заключение договора и пр.), имущественные комплексы); 2) объекты, обладающие экономической ценностью для участников гражданского оборота, предусматривающие возникновение в отношении их субъективных гражданских прав и допускающие передачу (переход) от одного субъекта к другому только прав на эти объекты, но не самих этих объектов по причине нематериального характера последних (к ним автором отнесены результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, деловая репутация, индивидуализирующие человека черты и пр.); 3) объекты, обладающие безусловной экономической ценностью, но не являющиеся объектами гражданских прав вследствие прямого запрещения возможности принадлежать частным лицам, недопустимости выступать объектами гражданско-правовых сделок и пр. Относительно последних ученый пишет: «Изъятие этих объектов из гражданского оборота (такие объекты традиционно обозначаются как “объекты, изъятые из оборота”) влечет исключение их из числа объектов гражданских прав (подтверждением чего стало исключение федеральным законом РФ от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ “О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” упоминания об объектах, изъятых из оборота, из текста ст. 129 ГК РФ)» (*Рожкова М.А.* Обязательство по компенсации репутационного ущерба как разновидность деликтного обязательства // Обязательства, возникающие не из договора: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2015. С. 125–126).

[488] *Жернаков Д.В.* Указ. соч. С. 8, 9, 73.

[489] *Астахова М.А.* Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 16.

режим отдельных видов объектов[490] (определяемый, впрочем, с учетом естественных свойств объектов, включая их способность к обороту). В противном случае, в свете актуальной редакции ст. 129 ГК РФ, предусматривающей уже только две группы объектов – свободные в обороте и ограниченные в обороте, – может последовать явно ошибочный вывод, что все объекты гражданских прав так или иначе являются оборотоспособными, просто для оборота некоторых из них требуется специальное разрешение либо особый субъектный состав (п. 2 ст. 129 ГК РФ); наличия необоротоспособных объектов, т. е. таких, которые буквально не способны к обороту, данная группировка не предполагает. В то же время некоторые из объектов, в частности, поименованные в ст. 128 ГК РФ результаты творческой деятельности и нематериальные блага[491], такой способностью не обладают, причем объективно, а не только в силу норм п. 4 ст. 129 и ст. 150 ГК РФ, соответственно.

Таким образом, верным представляется подход к классификации объектов гражданских прав, при котором объекты сначала разделяются на оборотоспособные и необоротоспособные и лишь затем осуществляется их дальнейшее деление на те или иные группы.

Наиболее последовательно подобный подход представлен в работах В.А. Белова, который до внесения изменений в ст. 129 ГК РФ классифицировал объекты гражданских прав на 1) оборотоспособные и 2) не являющиеся оборотоспособными[492]. В числе оборотоспособных объектов правовед выделяет объекты, свободные в обороте, и объекты, ограниченные в обороте, а в числе не обладающих оборотоспособностью – объекты, необоротоспособные в силу своих естественных свойств, и объекты, изъятые из оборота. Подчеркнем, что при этом изъятые из оборота объекты ученый трактует как объекты, «лишенные свойства оборотоспо-

---

[490] Исходя из этого, более удачным представляется иное название ст. 129 ГК РФ – «Правовой режим объектов гражданских прав».

[491] Включая деловую репутацию, в вопросе относительно оборотоспособности которой мы разделяем позицию М.А. Рожковой, полагающей, что «деловая репутация, являясь нематериальным результатом коммерческой деятельности, в силу своих естественных свойств, являясь *нематериальным* объектом – не предусматривает возможность ее передачи (перехода). Это подтверждается п. 2 ст. 1027 ГК РФ, закрепляющим возможность предоставления права на использование деловой репутации и коммерческого опыта “создателя” этой репутации и обладателя такого опыта. Даже и в тех случаях, когда законодатель говорит о передаче самой деловой репутации (см. п. 1 ст. 1042 ГК РФ), речь идет о передаче *права на использование* созданной деловой репутации – иное понимание данной нормы приводило бы к абсурдному заключению о возможности отчуждения деловой репутации» (*Рожкова М.А.* Обязательство по компенсации репутационного ущерба … С. 127).

[492] *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 280.

собности предписаниями объективного права (ставшие необоротоспособными)»[493]. Эта трактовка, исходя из нашего понимания оборотоспособности как *естественного* свойства объектов, видится спорной.

Вызывает возражения и критерий классификации, во-первых, единый для отстаиваемой В.А. Беловым двухуровневой четырехчленной классификации, и, во-вторых, сформулированный с привлечением категории «свобода», в частности, как степень свободы объектов в обороте[494]. Относительно первого заметим, что любая последующая классификация предмета исследования должна осуществляться по вновь избранному (или выявленному) исследователем признаку, суть критерию, детализирующему первоначальный критерий, но, тем не менее, иному в каждом последующем случае. Что касается свободы объектов в обороте, то вопрос о ее степени уместен, как представляется, лишь при условии принципиальной способности объекта к обороту (а по признанию самого ученого, такой способностью обладают не все объекты). Иными словами, только установив, что объект способен к обороту, можно ставить вопрос о том, насколько свободно он может обращаться; соответственно, отсутствие у объекта такого свойства, по сути, тождественно констатации «нулевой» степени его свободы в обороте, что вряд ли имеет какое-либо значение.

Также по критерию свободы объектов в обороте, а именно в зависимости «от возможности свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому» делит объекты гражданских правоотношений на оборотоспособные и необоротоспособные И.А. Зенин. Аналогично В.А. Белову к необоротоспособным он относит объекты, «по прямому указанию закона» изъятые из оборота, характеризуя подобным образом и ограниченно оборотоспособные объекты, считая оборотоспособными, таким образом, только полностью свободные в обороте вещи и имущественные права[495]. Наряду с уже сказанным относительно критерия рассматриваемой классификации и характеристики изъятых из оборота объектов, серьезные сомнения вызывает обоснованность отнесения к числу необоротоспособ-

---

[493] *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 280.
[494] Там же. С. 278.
[495] *Зенин И.А.* Указ. соч. С. 118–119.

ных тех объектов, оборот которых все же возможен и допустим, хоть и при наличии специального разрешения либо особого субъектного состава, т. е. ограниченно оборотоспособных объектов. Учитывая изложенное, полагаем, что позиция И.А. Зенина, несмотря на изначально методологически верный подход, в большей степени заслуживает критики, чем поддержки.

Не вполне логичными представляются и суждения М.А. Астаховой, которая, анализируя оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности, оправданно выделяет в отдельную группу необоротоспособные права, но при указании на основание дифференциации пишет, что «наличием оборотоспособности характеризуется целый ряд прав, однако объем этой оборотоспособности весьма неоднороден»[496]. На наш взгляд, приведенное замечание корректно лишь относительно двух других выделяемых данным ученым групп прав – свободно оборотоспособных и ограниченно оборотоспособных, но никак не необоротоспособных прав.

Недостаточно четкой является позиция В.В. Байбака, который отмечает, что «в гражданском же праве такое свойство (оборотоспособности. – *Ю.В.*) присуще *лишь объектам гражданских прав*»[497]. Буквальное толкование данной фразы дает основание для логического вывода о том, что все объекты гражданских прав обладают указанным свойством. Более того, начиная рассуждения с указания: «ГК РФ определяет оборотоспособность как способность объекта гражданских прав свободно отчуждаться и переходить от одного лица к другому (п. 1 ст. 129)»[498], В.В. Байбак не только предполагает наличие в российском гражданском праве легального определения понятия «оборотоспособность», но и признает все объекты гражданских прав свободными в обороте.

Насколько верны приведенные умозаключения, можно лишь предполагать. Но если они все же верны и В.В. Байбак действительно считает все объекты гражданских прав оборотоспособными, неясно, какое место в системе объектов гражданских прав он отводит необоротоспособным и изъятым из оборота обязательственным требованиям, существования которых ученый не отрицает.

---

[496] *Астахова М.А.* Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 15.
[497] *Байбак В.В.* Обязательственное требование как объект гражданского оборота: дис. … канд. юрид. наук. С. 42.
[498] Там же. С. 36.

Отстаивая классификацию объектов гражданских прав по критерию оборотоспособности на оборотоспособные объекты и необоротоспособные объекты, необходимо оговорить, в чем усматривается юридическое значение такого деления. Полагаем, что помимо правового режима отдельных видов объектов (который и должен быть положен в основание деления объектов на свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота), таким свойством объектов, как их оборотоспособность *детерминирован вид правоотношений, которые могут складываться по поводу тех или иных видов объектов*. Однако указанием на правовой режим определенного объекта последний вопрос не решается. Представляется, что необоротоспособные объекты гражданских прав могут выступать объектом только охранительных гражданских правоотношений (как это закреплено и действующим законодательством, в частности, п. 2 ст. 2, ст. 1225 ГК РФ[499]), в то время как по поводу оборотоспособных объектов (суть, объектов гражданского оборота) могут складываться как охранительные, так и регулятивные гражданские правоотношения.

Детальное рассмотрение вопроса о регулятивных и охранительных гражданских правоотношениях выходит за рамки настоящей работы, в связи с чем позволим себе ограничиться некоторыми общими замечаниями, касающимися предмета настоящего исследования. Признавая необходимость градации гражданских правоотношений на регулятивные и охранительные и разделяя в понимании последних позицию представителей ярославской цивилистической школы, полагаем, что специфика охранительного субъективного права (как юридического содержания соответствующего правоотношения) заключается в том, что оно обладает способностью принудительного осуществления – свойством, которого не имеет регулятивное субъективное право[500]. Данный, сформулированный в предельно общем виде,

---

[499] Согласно первой из указанных норм, «нематериальные блага *защищаются* гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ»; ст. 1225 ГК РФ гласит о том, что «интеллектуальная собственность *охраняется* законом» и содержит перечень результатов творческой деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, которым «предоставляется *правовая охрана*».

[500] *Крашенинников Е.А.* Право на защиту // Методологические вопросы теории правоотношений. Ярославль, 1986. С. 7; *Его же.* К теории права на иск. Ярославль, 1995. С. 4; *Мотовиловкер Е.Я.* Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. С. 55. К числу сторонников данной позиции можно отнести А.Б. Бабаева и В.А. Белова (см.: *Бабаев А.Б., Белов В.А.* Проблемы общего учения о гражданском правоотношении // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 258–263).

вывод покоится на понимании «должного» как требования к воле другого лица, в связи с чем обязанный субъект в регулятивном правоотношении имеет свободу выбора – представить или нет «предъявляемое ему извне веление предметом собственной воли, сознательного размышления и самостоятельного решения»[501], иными словами, исполнить предъявляемое к нему требование или отступить от него. Исходя из этого, юридическая обязанность как мера должного поведения может быть исполнена только добровольными действиями; принуждение в отношение обязанного невозможно[502]. Если же обязанный субъект не исполнил свою обязанность, происходит нарушение права управомоченного лица либо его охраняемого законом интереса, однако в этом случае возникает притязание, которое кардинально меняет характер нарушенного правоотношения и дает управомоченному либо возможность принуждения, либо возможность его односторонних действий[503].

С изложенных позиций предоставленное законом лицу субъективное право требования в отношении определенного объекта будет реализовываться различно не столько исходя из того, каков правовой режим данного объекта, сколько в зависимости от того, содержание какого – регулятивного либо охранительного – правоотношения данная правовая возможность составляет. Представляется, что легально установленные возможности субъектов в отношении необоротоспособных объектов всегда имеют характер притязаний в том смысле, что обладают способностью к принудительному осуществлению.

В завершение настоящего параграфа изложим основные выводы, полученные в процессе исследования.

Следует заметить, что в отечественной цивилистике более традиционной является иная точка зрения – что любое субъективное право способно к принудительному осуществлению. Основываясь на ней, Д.Н. Кархалев отмечает, что субъективному охранительному праву на защиту (до момента нарушения являвшемуся правомочием на защиту) противостоит охранительная обязанность по восстановлению нарушенного права (см.: *Кархалев Д.Н.* Охранительное гражданское правоотношение. М.: Статут, 2009. С. 30–31). Причем признаком, свидетельствующим о самостоятельности охранительного обязательства, по мнению ученого, является «возможность его нарушения», что влечет возникновение нового охранительного правоотношения, направленного на обеспечение защиты первого правоотношения (Там же. С. 31–32). Представляется, что подобное понимание охранительных прав, как минимум, лишено практической значимости, поскольку предполагает бесконечное «наслоение» все новых и новых охранительных правоотношений, явившихся следствием нарушения одного регулятивного субъективного права, – конструкцию, *a priori* не способную обеспечить управомоченному лицу реализацию предоставленной ему возможности в отношении определенного блага. По этой причине данная позиция заслуживает критической оценки и не может претендовать на концепцию, предлагающую адекватное и актуальное понимание охранительных прав.

[501] *Мотовиловкер Е.Я.* Указ. соч. С. 47.

[502] Там же. С. 46–47.

[503] Там же. С. 39–40, 53.

Объектами гражданского оборота следует признавать: 1) имущественные субъективные гражданские права и обязанности; 2) материальные имущественные блага, причисляя к последним и «телесные» объекты (вещи и овеществленные результаты действий), и объекты, способные к сенсорному восприятию, однако существующие в форме иных материй, в том числе электронной/цифровой.

В рамках предлагаемой теории гражданского оборота, а также в развитие учения об объектах гражданских прав (правоотношений) – их классификации по критерию формы (внешнего выражения) существования на материальные и нематериальные – в группе *материальных* объектов оборота (объектов, существующих в материальной форме и вне зависимости от человеческого сознания) выделены *овеществленные и неовеществленные, в том числе цифровые объекты*. *Нематериальными* объектами оборота (объектами, существующими лишь на уровне идеальных представлений в форме, не способной к сенсорному восприятию) признаны *только имущественные субъективные права и обязанности*, существующие не просто в рамках предписанного для них правового режима, а в силу самого признания законодателем определенных возможностей лиц субъективным правом определенного вида (в качестве вещного, исключительного, цифрового права) либо установления определенных возможностей и долженствований лиц в качестве субъективных прав и юридических обязанностей волей участников оборота (обязательственные, корпоративные права и обязанности). Данная классификация важна с позиций вопроса о формах функционирования гражданского оборота.

Основными свойствами объектов как элемента системы гражданского оборота являются: 1) *потребительная стоимость*, т. е. совокупность полезных свойств объекта, благодаря которым он обладает способностью удовлетворять какую-либо потребность общества или отдельного субъекта; 2) *оборотоспособность* как естественное свойство объекта выступать элементом отношений гражданского оборота.

Критерием принятого в отечественной цивилистике деления объектов на свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота является не оборотоспособность объектов, а их правовой режим.

По критерию же оборотоспособности объекты гражданских прав следует классифицировать на оборотоспособные и необоротоспособные. Эта классификация важна для определения детерминированных данным свойством: 1) правового режима отдельных видов объектов; 2) вида правоотношений, складывающихся по поводу тех или иных видов объектов: исходя из того, что легально установленные возможности субъектов в отношении необоротоспособных объектов всегда обладают способностью принудительного осуществления – свойством, которого не имеет регулятивное субъективное право (как содержание соответствующего – регулятивного – правоотношения), – по поводу необоротоспособных объектов могут складываться только охранительные гражданские правоотношения, в то время как по поводу оборотоспособных объектов могут складываться как охранительные, так и регулятивные гражданские правоотношения.

§ 3. Структура (виды отношений) системы гражданского оборота

Описанием свойств субъектов и особенностей объектов характеристика общественных отношений (или, иначе, социальных связей), образующих в своем единстве систему гражданского оборота, не исчерпывается. По авторитетному замечанию М.С. Кагана, «без выявления структуры любой из систем самое детальное описание ее элементного состава не принесет нам знания ни природы данной системы, ни закономерности ее поведения, ни ее движения и развития»[504]. Применительно к нашему исследованию это означает, что только выявив структуру системы гражданского оборота, т. е. того, какие вообще социальные связи ее образуют, можно реально прогнозировать, а не просто предполагать и «угадывать» варианты развития этой системы и определять адекватные направления воздействия на нее позитивного права. Исследованию данного вопроса и посвящен настоящий параграф диссертации.

Превалирующей, как уже отмечалось, является трактовка гражданского оборота как исключительно «динамических» отношений, т. е. таких, которые связаны

[504] *Каган М.С.* Система и структура. С. 104.

с переходом благ и (или) прав на них; так называемые отношения «статики» (принадлежности объектов), если и упоминаются при освещении вопроса о гражданском (имущественном) обороте, то либо включаются только в понятие гражданского оборота «в широком смысле», либо рассматриваются в качестве предпосылки и результата товарообмена[505]. Между тем о «регулировании отношений, образующих статику гражданского оборота, составляющих как бы “матрицу” для его динамичного развития» упоминалось в Концепции развития гражданского законодательства РФ (абз. 2 п. 3 разд. I). В юридической литературе примечательным в этом отношении является высказывание В.А. Петрушкина, который, рассматривая термин «оборот», отмечает, что он «отражает, главным образом, динамику имущественных отношений. Вместе с тем, в известном смысле он указывает и на статику таких отношений. Так, в целях обеспечения стабильности анализируемого оборота практически всегда учитывается фактор принадлежности того или иного имущества конкретному лицу, то есть факт законности владения (титульное владение). По существу, данный факт как раз подтверждает наличие “статической” составляющей в содержании категории “гражданский оборот”»[506]. Заметим, что вывод В.А. Петрушкина о включении в механизм правового оборота недвижимости в том числе правовых средств вещно-правового характера, «при помощи которых обеспечивается не только перемещение объектов недвижимости от одних лиц к другим, но и тех, которые обеспечивают введение объекта в оборот, его трансформацию в результате реконструкции, изъятие из оборота»[507], нашел поддержку у правоведов – вполне обоснованным и аргументированным его счел, в частности, В.В. Зайцев[508].

Признавая верным второй из обозначенных подходов – о необходимости включения в число отношений гражданского оборота наряду с отношениями по переходу имущественных благ также отношений «статики» – в качестве аргумента сошлемся и на положения действующего российского гражданского законода-

---

[505] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 67.
[506] *Петрушкин В.А.* Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости… С. 23.
[507] *Зайцев В.В.* Рецензия на монографию: Петрушкин В.А. Правовой оборот недвижимости: проблемы теории и судебно-арбитражной практики. Казань: ООО «ПОЛИГРАН-Т», 2011. – 72 с. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 1 (90). С. 221.
[508] Там же.

тельства, а именно на те его нормы, которые содержат понятие введения объектов в гражданский оборот, от интерпретации которого, в конечном счете, зависит наступление совершенно определенных правовых последствий. В качестве примера можно указать на правило ст. 1487 ГК РФ «Исчерпание исключительного права на товарный знак», устанавливающей, что «не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия». Одним из ключевых при применении данной нормы является вопрос о том, какие действия могут признаваться введением объекта в гражданский оборот, а именно только ли те, которые связаны с переходом прав на него (в частности, первая продажа или иная передача товара, маркированного товарным знаком), либо понятие «введение в гражданский оборот» охватывает также случаи производства (изготовления) объектов, их ввоза на территорию РФ и др., с переходом прав не связанные? Нормы законодательства дать однозначный ответ на этот вопрос не позволяют. С одной стороны, первый из указанных вариантов толкования соответствует тому понятию гражданского оборота, которое на основании его традиционной доктринальной трактовки формулируют путем логического анализа (общего) правила п. 1 ст. 129 ГК РФ, гласящего о переходе объектов от одного лица к другому в порядке правопреемства. С другой стороны, в соответствии с нормой подп. 1) п. 2 ст. 1484 ГК РФ исключительное право на товарный знак может быть осуществлено путем размещения товарного знака на товарах, «которые производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории Российской Федерации, либо хранятся или перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию Российской Федерации». Из приведенной нормы следует, что производство признается способом (по сути, моментом) введения товаров в гражданский оборот. Что касается ввоза на территорию РФ, то в данном случае в числе способов введения товаров в гражданский оборот он непосредственно не назван и обозначен как способ осуществления исключительного права

на товарный знак; вместе с тем перечень способов введения товаров в гражданский оборот в цитируемой норме является открытым, что, как представляется, не исключает возможность включения в него и ввоза на территорию РФ, как это имеет место в других статьях ГК РФ (см.: подп. 1) п. 2 ст. 1358, подп. 6) ст. 1359, подп. 2) п. 2 ст. 1454). Таким образом, решение вопроса об исчерпании права в каждом отдельном случае во многом определяется процессуальной позицией и умением интерпретатора (представителя стороны по конкретному делу).

В числе возможных способов введения объектов в оборот в российском законодательстве применительно к отдельным видам объектов прямо указаны продажа или иное отчуждение, ввоз на территорию России, изготовление, производство, применение (внедрение), предложение о продаже, демонстрация на выставках и ярмарках (ст. 1358, 1359, 1484, п. 2 ст. 1519 ГК РФ). На этом основании следует признать, что введение в гражданский оборот может осуществляться, в том числе и производством (созданием) объектов, а не только их отчуждением. Данный вывод подтверждается и судебной практикой. Так, например, в постановлении ФАС Восточно-Сибирского округа от 27 октября 2005 г. № А58-3881/04-Ф02-5278/05-С2 по иску о признании права хозяйственного ведения на незавершенное строительством здание и истребование данного имущества из чужого незаконного владения, указано, что «… право собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, возникает с момента такой регистрации. Таким образом, именно с этого момента недвижимое имущество включается в гражданский оборот и может являться предметом различных сделок». Поскольку при этом говорится о включении в гражданский оборот, можно заключить, что вследствие этого объект становится частью гражданского оборота, следовательно, должен охватываться понятием последнего несмотря на то, что в рассматриваемом случае речь идет о возникновении как самого объекта, так и субъективного права на него, а не об их отчуждении или переходе. Аналогичный вывод следует сделать в таких допускаемых законом (п. 1, 3 ст. 1233, п. 1, 4 ст. 1235, 1236 ГК РФ) случаях, как временное предоставление либо передача части исключительного права правообладателем другому лицу, когда при возникно-

вении исключительного права у одного лица одновременного прекращения этого права у (первоначального) правообладателя не происходит. По смыслу ст. 129 ГК РФ, указанные случаи не подлежат включению в гражданский оборот, поскольку смены обладателя субъективного права при этом не происходит, этих обладателей просто становится больше. Равно как отсутствует смена правообладателя при перемещении имущества внутри организации (в частности, при наделении юридическим лицом имуществом созданных им филиалов и представительств либо иных структурных подразделений), а также при возврате собственнику принадлежащего ему имущества, скажем, из чужого незаконного владения в порядке реализации виндикационного требования[509]. В то же время исключение подобных случаев из гражданского оборота представляется необоснованным сужением содержания последнего даже с позиций сложившегося понимания, поскольку «динамика» (как свойство, характер «действительных правовых связей участников гражданского оборота»[510]), традиционно отмечаемая в числе сущностных признаков гражданского оборота, здесь, безусловно, присутствует. В данной связи более удачным представляется подход, при котором понятие гражданского оборота в части субъективных прав как одного из возможных объектов оборота необходимо связывать не только с транслятивным, но и с конститутивным (правоустанавливающим) правопреемством, при котором «на основе права праводателя создается право с иным содержанием (более ограниченным)»[511]. В современной юридической литературе сторонником такого понимания гражданского оборота является, в частности, Р.Ф. Галеева[512].

Безотносительно к той или иной интерпретации законодательных положений либо приверженности той или иной точке зрения, системный подход позволяет

---

[509] О том, что к сфере (гражданского) оборота можно отнести также виндикацию, признает, в частности, Д.В. Жернаков (*Жернаков Д.В.* Указ. соч. С. 128). См. также: *Байбак В.В.* Реституционные, кондикционные и виндикационные требования в гражданском обороте // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 179–196.

[510] *Колодуб Г.В.* Динамика гражданско-правового обязательства: категория, содержание, значение // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 3. С. 115; См. также: *Колодуб Г.В.* К вопросу о понимании категории «динамика» гражданско-правового обязательства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 3 (79). С. 89–92.

[511] *Черепахин Б.Б.* Правопреемство по советскому гражданскому праву // Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 320.

[512] *Галеева Р.Ф.* Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 23.

обосновать, что *отношения принадлежности являются неотъемлемой частью (видом отношений) структуры системы гражданского оборота*, т. е. самого гражданского оборота как реально существующего явления, и что без отношений «статики» гражданский оборот невозможен. Наиболее значимыми для обоснования данного тезиса, в общей теории систем являются следующие два постулата: 1) *каждый элемент системы непосредственно или опосредованно связан с каждым иным элементом*[513] и 2) структура системы должна выражать *всю полноту связей* между компонентами последней, а не *ту или иную часть* этих связей, хотя бы и весьма существенных, поскольку именно полнота связей между компонентами определенной системы обеспечивает само существование, а значит, и функционирование этой системы[514]. Приложение этих постулатов к исследуемому вопросу показывает следующее.

Очевидно, что объект оборота должен быть связан с его обладателем непосредственно, равно как и то, что другой субъект (назовем его приобретатель) может получить доступ к этому «чужому» объекту и удовлетворить за счет него свою потребность только через отношение с его обладателем, которое в свою очередь возможно, как правило, только при обоюдной реальной (а не потенциальной) активности субъектов[515]. Таким образом, связь-принадлежность (объекта его об-

---

[513] Так, например, Р. Акофф и Ф. Эмери определяют систему как «множество взаимосвязанных элементов, каждый из которых связан прямо или косвенно с каждым другим элементом, а два любые подмножества этого множества не могут быть независимыми» (*Акофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. М.: Советское радио, 1974. С. 27). На то, что «все подсистемы (компоненты) и входящие в них элементы связаны по меньшей мере с одним другим элементом или подсистемой», указывал А.И. Ракитов (*Ракитов А.И.* Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. С. 69).

[514] *Каган М.С.* Система и структура. С. 90, 93.

[515] Исключение составляет наследование по закону, при котором непосредственно проявляется деятельностная активность только благоприобретателя – наследника (наследников), принимающего наследство; проявление деятельностной активности наследодателя, не оставившего завещания или распорядившегося на случай своей смерти только частью своего имущества, скорее, является косвенным волеизъявлением. Вместе с тем количество случаев безвозмездного получения субъектами имущественных благ по указанному основанию столь значительно, что не может игнорироваться и, на наш взгляд, также подлежит включению в систему связей, образующих структуру гражданского оборота. Так, в 2024 г. доля свидетельств о праве на наследство по закону составила 84,78% от общего количества свидетельств о праве на наследство, выданных российскими нотариусами; с учетом свидетельств о праве на наследство, выданных на выморочное имущество, этот показатель еще выше – 84,98%, что более чем в 5 раз превышает количество случаев наследования по завещанию: согласно Сводному отчету по Минюсту России за 2024 г. всего было выдано свидетельств о праве на наследство 4077199, из них по закону – 3456821, по завещанию – 611863, на выморочное имущество – 8515 (URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2024-god/). По удачному выражению В.Д. Перевалова, «можно сомневаться в статистике, но тенденция просматривается» (см.: *Перевалов В.Д.* Проблемы формирования социально-правового государства в России // Право и государство. 2016. № 2 (71). С. 17), а именно по рассматриваемому вопросу наблюдается тенденция постепенного увеличения фактов перехода имущества по наследству на основании закона: в 2024 г. доля свидетельств о праве на наследство по закону от общего количества свидетельств о праве на наследство, как было ука-

ладателю) и связь субъектов имеют непосредственный (прямой) характер (прямую встречную связь можно назвать взаимной), в то время как связь объекта и приобретателя является опосредованной (косвенной), поскольку представляет собой цепочку отношений (связь-принадлежность и связь субъектов), лишь одним звеном которой является связь субъектов.

Необходимо обратить особое внимание также и на то, что взаимная связь элементов, в частности субъектов, указывает именно на наличие между ними *отношения* (связи), а не на встречное предоставление благ. В свою очередь эту связь могут образовывать *не только возмездные, но и безвозмездные отношения субъектов* (например, дарение), а также *их односторонние действия* (например, завещание и принятие наследства, являющиеся элементами одного фактического состава, необходимого для приобретения права собственности), влекущие смену обладателя объекта[516].

Если имеет место встречное предоставление объектов, т. е. обмен, то типы дополнительно возникающих при этом отношений в основном будут идентичными отмеченным: связи-принадлежности объектов их обладателям будут являться прямыми, а связи субъектов обмена с «чужими» объектами – опосредованными (косвенными). Связь, возникающая между обмениваемыми объектами (как элементами состава системы гражданского оборота), так же, как и отношение между субъектами – обладателями этих объектов, по своей направленности будет встречной (это согласуется и с устоявшейся в гражданском правоведении терминологией – «встречное предоставление»), отличаясь косвенным характером, что не позволяет назвать ее взаимной. Косвенный характер связи объектов как элементов системы оборота, кроме прочего, указывает на то, что их потребительная стоимость может разниться и не быть абсолютно эквивалентной.

зано, составила 84,78%; в 2023 г. этот показатель равнялся 84,09%, в 2022 г. – 83,81%, в 2021 г. – 83,13%, в 2020 г. – 82,17%, в 2019 г. – 81,86% (Доступ к статистическим данным, на основании которых произведены соответствующие расчеты: https://minjust.gov.ru/ru/search/?term=сведения+о+нотариате).

[516] То, что «понятие о гражданском обороте… включает в свое содержание действия безмездные, как дарение, завещание», отмечал Г.Ф. Шершеневич (*Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. С. 36). Признавал это и С.А. Муромцев, указывая: «Торговый оборот состоит из актов мены имущественных благ, и потому не вмещает в себя действий безвозмездных (дарение, завещание), также действий, которые выражают обмен неимущественных благ, и, наконец, действий односторонних. Напротив, все названные действия, производя каждое различные гражданско-юридические последствия, входят в гражданский оборот наряду с актами мены» (*Муромцев С.А.* Указ. соч. С. 67).

Описанное можно представить в виде схем структуры системы гражданского оборота:

О → S_1 ↔ S_n (*схема 1*), где S_1, S_n – «субъекты – участники гражданского оборота», О – «объект гражданского оборота», «→» – связь-принадлежность, «↔» – взаимная связь элементов;

O_1 → S_1 ↔ S_n ← O_n (*схема 2*), где S_1 и S_n также отображают субъектов, O_1 и O_n – объекты гражданского оборота, «↔» – взаимную связь элементов, а «→» и «←» – связь-принадлежность.

Они наглядно показывают, что косвенная связь-принадлежность объекта приобретателю ($O \rightarrow \rightarrow S_n$, $O_1 \rightarrow \rightarrow S_n$, $S_1 \leftarrow \leftarrow O_n$), выражающая удовлетворение им своей потребности за счет «чужого» объекта, может возникнуть лишь в случае наличия связи-принадлежности этого объекта определенному субъекту (обладателю) ($O \rightarrow S_1$, $O_1 \rightarrow S_1$, $S_n \leftarrow O_n$); в ее отсутствие (если нет одного из связываемых элементов) связь между объектом и приобретателем не возникнет. На этом основании, а также учитывая приведенный выше системологический постулат, согласно которому структура системы должна выражать *всю полноту связей* между компонентами последней, и следует вывод о необходимости включения в структуру системы гражданского оборота отношений «статики», отражающих принадлежность имущества. Без включения их в структуру системы гражданского оборота последняя будет неполной и связь, выражающая удовлетворение потребности определенного субъекта за счет «чужого» объекта, не возникнет, ввиду чего невозможным окажется функционирование данной системы, а значит, будет поставлен под вопрос сам факт ее существования.

Признание отношений принадлежности неотъемлемой частью структуры системы гражданского оборота означает, что без «привязки» определенного (конкретного) объекта к отдельному (конкретному) субъекту, суть, отношений «статики», гражданский оборот невозможен. С точки зрения права данный вывод подтверждается наличием института выморочного имущества, а также действующей презумпцией публичной собственности на отдельные социально значимые виды бесхозяйного имущества.

О так называемых бесхозяйных объектах следует оговориться особо[517]. Согласно норме п. 1 ст. 225 ГК РФ «бесхозяйной является вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен либо, если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которую собственник отказался». Данное определение позволяет сделать ряд выводов: во-первых, о законодательном признании бесхозяйными только *вещей* (а не любых объектов); во-вторых, о наличии трех групп бесхозяйных вещей: 1) тех, которые не имеют собственника, 2) тех, собственник которых неизвестен и 3) тех, от права собственности на которые собственник отказался; наконец, о том, что под «хозяином» вещи российский законодатель имеет в виду только *собственника* вещи.

Однако основываясь на иных установлениях действующего российского законодательства, необходимо признать, что «бесхозяйных» вещей в смысле ст. 225 ГК РФ (связывающей бесхозяйность вещи исключительно с вопросом о праве собственности на нее) не существует[518], поскольку с материально-правовых позиций *de jure* они имеют собственников, хотя последние и не всегда достоверно известны (что, впрочем, является вопросом иного – процессуального – порядка).

Вещей, которые не имеют собственника (первая из выделенных групп), на современном этапе развития общества не существует, поскольку вещь, появившаяся в результате деятельности человека, поступает либо в собственность создавшего ее лица, либо в собственность лица, являющегося собственником материала, из которого эта вещь изготовлена, и до тех пор, пока данная вещь будет физически существовать, будет сохраняться и право собственности на нее; со временем будут лишь меняться обладатели этого права. Отсюда следует, что если и существуют вещи, не имеющие собственника, то ими могут быть лишь такие обладающие потребительной стоимостью объекты материального мира, которые созданы природой. К ним можно отнести землю, воду, растения, животных и т. д. Но и они, согласно совре-

[517] Подробному анализу данного вопроса посвящена работа: *Виниченко Ю.В.* Бесхозяйность вещей: de jure vs. de facto // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 40. С. 225–239.

[518] Тезис об отсутствии в гражданском праве бесхозяйных вещей в целом не нов и уже обосновывался в юридической литературе, в том числе дореволюционной. Так, Д.И. Мейер, критически оценивая классификацию способов приобретения права собственности на «первообразные» (первоначальные) и «производные», отмечал, что «в нашем юридическом быту нет вещей, никому не принадлежащих, а если они и существуют в мире, то совершенно чужды юридическим определениям, как, например, планеты» (*Мейер Д.И.* Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. С. 382).

менному российскому законодательству, не могут быть бесхозяйными. Являющиеся природными ресурсами земля, добытые из недр полезные ископаемые, вода, лес, при отсутствии права частной или муниципальной собственности на них, принадлежат государству[519]. Аналогичны правила в отношении животных: дикие животные, находящиеся в состоянии естественной свободы, являются государственной собственностью[520]; животные, признаваемые плодами, по общему правилу принадлежат собственнику плодоносящей вещи (ст. 136 ГК РФ).

Относительно вещей, собственник которых неизвестен (вторая из выделенных групп), отметим следующее.

Движимые вещи данного вида (потерянные вещи, безнадзорные животные) с формально-юридической точки зрения являются «бесхозяйными» лишь в период между окончанием предусмотренного законом (п. 1 ст. 228 и п. 1 ст. 231 ГК РФ) срока для установления прежнего собственника (который до этого момента продолжает оставаться хозяином-собственником вещи) и возникновением права собственности на данную вещь у лица, обнаружившего вещь, т. е. столь мизерный период времени, что практическая возможность выявления и целесообразность выделения данного вида «бесхозяйных» вещей представляются сомнительными.

Недвижимые вещи, собственник которых неизвестен, как и прочие «бесхозяйные» недвижимости, в силу абз. 1 п. 3, абз. 1 п. 4 ст. 225 ГК РФ подлежат государственному учету. При этом при принятии на учет Росреестром недвижимых вещей, собственник которых неизвестен, в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН) в записи о вещном праве на такие недвижимости (с добавлением к номеру регистрации буквы «У») в отношении правообладателя указывается «не установлен» (п. п. 147, 148 Порядка ведения ЕГРН[521]). В то же время в отноше-

---

[519] См.: п. 1 ст. 16 Земельного кодекса РФ; ст. 1.2. Закона РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 «О недрах» (Собрание законодательства РФ. 1995. № 10. Ст. 823); ст. 8 Водного кодекса Российской Федерации от 03.06.2006 г. № 74-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 2006. № 23. Ст. 2381); ст. ст. 6, 8 Лесного кодекса Российской Федерации от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278).

[520] См.: ст. ст. 1, 4 ФЗ РФ от 24.04.1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

[521] Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, формы специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, состава сведений, включаемых в специальную регистрационную надпись на документе, выражающем содержание сделки, и требований к ее заполнению, а также требований к формату специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, в электронной форме, порядка изменения в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположе-

нии вида права при этом указывается «принят на учет *как бесхозяйный* (курсив наш. – *Ю.В.*) объект недвижимого имущества». Подобный подход вызывает возражения на том основании, что сама по себе постановка определенной недвижимой вещи на учет (сначала – органом местного самоуправления, исполнительным органом государственной власти городов федерального значения, затем – Росреестром), равно как и последующее судебное решение о признании ее бесхозяйной[522], *«качества» бесхозяйности* данной вещи не придают[523]. Таким качеством вещь, собственник которой неизвестен, наделяется «сверху» указанием закона, а именно нормой п. 1 ст. 225 ГК РФ, согласно которой «Бесхозяйной *является* вещь, которая...». Однако в действительности вещь, собственник которой не установлен, не *является*, а лишь *считается* «ничьей»[524], и считается до тех пор, пока не будет устранена неопределенность относительно ее юридической судьбы. Снимает же отмеченную неопределенность применительно к недвижимому имуществу либо (1) государственная регистрация на основании соответствующего судебного реше-

---

нии границ земельного участка при исправлении реестровой ошибки: приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 01.06.2021 г. № П/0241 // СПС «КонсультантПлюс».

[522] Необходимость констатации бесхозяйности недвижимой вещи следует из положений п. 2 ст. 291 ГПК РФ (Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532) (в соответствии с которым в заявлении о признании права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь должны быть приведены доказательства, свидетельствующие об отсутствии ее собственника) и п. 2 ст. 293 ГПК РФ (по смыслу которого суд принимает решение о признании права муниципальной собственности либо собственности города федерального значения на вещь только после того, как признает, что эта недвижимая вещь не имеет собственника или собственник недвижимой вещи неизвестен и она принята на учет в установленном порядке).

[523] В юридической литературе вопрос о значении подобных актов является дискуссионным и однозначного разрешения не имеет. В свое время по нему высказывались две противоположные позиции. Сторонники первой позиции отстаивали точку зрения, согласно которой имущество становится бесхозяйным именно в силу судебного или административного акта (С.М. Корнеев, М.Я. Кириллова и др.). Сторонники второй позиции полагали, что бесхозяйность является объективным состоянием имущества, и это состояние не зависит от каких-либо судебных или административных актов. Значение же судебных или административных актов в данном вопросе сводится лишь к подтверждению факт бесхозяйности имущества (*Сергеев А.П.* Правовой режим бесхозяйного и бесхозяйственно содержимого имущества: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1982. С. 9). Мы разделяем последнюю из приведенных позиций, сторонники которой имеются и в современной доктрине. Так, Н.В. Кляус, анализируя вопрос о признании права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь по ГПК РФ, пишет, что «сущность этих дел заключается в *подтверждении судом бесхозяйного статуса* (курсив наш. – *Ю.В.*) недвижимой вещи» (*Кляус Н.В.* Признание права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь по ГПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 1. С. 38). Д.А. Петров отмечает, что учет осуществляется в отношении вещей, статус которых как бесхозяйных уже подтвержден документами, которые предоставляются в регистрирующий орган вместе с заявлением о постановке недвижимости на учет (*Петров Д.А.* Объекты электросетевого хозяйства как бесхозяйные вещи [Электронный ресурс]. URL: http://ppt.ru/news/111827). Об отсутствии детерминационной связи между учетом вещи как бесхозяйной и собственно бесхозяйностью этой вещи свидетельствуют и материалы судебной практики (например, определение Верховного Суда РФ от 22.07.2015 г. № 305-ЭС15-513 по делу № А40-141381/2013, в котором указано, что «непринятие органами местного самоуправления мер по учету спорного теплопровода не лишает этот объект признаков бесхозяйной вещи»).

[524] Причем, как представляется, основная причина такой «бесхозяйности» кроется в отсутствии сведений о собственнике этой вещи в информационных базах публично-правовых образований.

ния права муниципальной либо государственной собственности на объект, либо (2) государственная регистрация права собственности на недвижимость давностного владельца (лица, приобретшего это право в силу приобретательной давности) – если суд не признает эту вещь поступившей в муниципальную собственность либо собственность города федерального значения. При этом, как представляется, во втором из указанных случаев до государственной регистрации право собственности на вещь сохраняется за не установленным на момент постановки на учет или вынесения судебного решения собственником, который, явившись, может виндицировать эту вещь у владельца. Следует указать и на судебную практику, в которой признается, что учет объектов в качестве бесхозяйных не прекращает существующее право и не препятствует регистрации права собственности на них лица, которое ранее было неизвестно[525].

Ключевым в вопросе о «бесхозяйности» третьей группы – вещей, от которых собственник отказался, – является норма абз. 2 ст. 236 ГК РФ, в соответствии с которой отказ от права собственности не влечет прекращения прав и обязанностей собственника в отношении соответствующего имущества до приобретения права собственности на него другим лицом. Из этого следует весьма очевидный и бесспорный вывод: до момента приобретения на вещь, от права собственности на которую собственник отказался, права собственности другим лицом[526], ее нельзя именовать «бесхозяйной», так как формально ее хозяином (т. е. по смыслу дефиниции, закрепленной в п. 1 ст. 225 ГК РФ, обладателем прав и обязанностей собственника) остается вполне конкретный субъект.

Анализ судебных материалов, юридической литературы по рассматриваемому вопросу, осмысление эмпирики обыденной жизни приводит к следующему выводу. Проблема бесхозяйности вещей состоит не только в том, что определенная вещь является «ничьей» с точки зрения права, т. е. по каким-либо причинам

---

[525] См.: постановление ФАС Северо-Западного округа от 17.11.2008 г. по делу № А56-10184/2008; постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 06.03.2014 г. по делу № А33-4465/2013 и др.

[526] Таким моментом в соответствии с п. 2 ст. 226 ГК РФ применительно к отходам и брошенным вещам стоимостью явно ниже пятикратного минимального размера оплаты труда является момент совершения лицом, в собственности, владении либо пользовании которого находится объект, где вещь брошена, конклюдентных действий по ее использованию, а применительно к другим брошенным вещам – момент вступления в законную силу судебного решения о признании вещи бесхозяйной.

отсутствуют документально подтвержденные сведения о ее собственнике, поскольку как неоднократно отмечалось в судебных решениях, то обстоятельство, что спорные объекты «числились как бесхозяйные, не свидетельствует о том, что они действительно являлись таковыми»[527], а согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, отсутствие у спорных вещей собственника не является безусловным основанием для признания судом этого имущества бесхозяйным[528]. Представляется, что одним из основных аспектов проблемы бесхозяйности вещей является несоответствие юридического и фактического статуса определенной вещи. При этом с позиций участников гражданского оборота ситуация *de facto* имеет первостепенное значение; вопросы о юридической судьбе вещи возникают лишь как следствие фактической бесхозяйности этого объекта, что в целом согласуется с законодательными нормами о бесхозяйности вещей как возможном основании возникновения права собственности.

Размышления по поводу причин бесхозяйности объектов как социального феномена приводят к выводу о том, что, в конечном счете, данное явление вызвано отсутствием интереса в отношении определенной вещи со стороны конкретного лица. В частности, именно отсутствием экономической заинтересованности обусловлено, на наш взгляд, нежелание муниципалитетов и государства становиться собственниками требующих ремонта либо демонтажа заброшенных и полуразрушенных зданий, сооружений, помещений; так же нуждающихся в ремонте либо замене и периодически «прорывающих» водопроводных и канализационных сетей; памятников; стихийных «пригородных» и «загородных» свалок бытовой техники и т. п. Об отмеченном нежелании свидетельствует масса судебных требований о признании незаконным бездействия городской администрации и (или) обязании ее либо поставить на учет в качестве бесхозяйного, обратиться с таким требованием в регистрирующий орган[529], либо принять в муниципальную соб-

---

[527] Постановление ФАС Северо-Западного округа от 29.03.2010 г. по делу № А05-3758/2009; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.11.2014 г. № Ф04-11012/2014 по делу № А67-7212/2013.
[528] Определение Верховного Суда РФ от 21.03.2016 г. № 303-ЭС16-917 по делу № А73-17377/2014.
[529] Постановление ФАС Дальневосточного округа от 26.12.2008 г. № Ф03-5540/2008 по делу № А51-19431/20047-365/23; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.01.2016 г. № Ф09-10599/15 по делу № А50-5612/2015; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.10.2016 г. № Ф04-4715/2016 по делу № А75-14533/2015; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.02.2017 г. № Ф03-

ственность[530] то или иное недвижимое имущество. При этом единая позиция судебных органов относительно обязательности принятия в муниципальную собственность, в частности, такого бесхозяйного имущества, как сети электро-, тепло-, газо- и водоснабжения, водоотведения отсутствует: часть судов, вынося соответствующие решения, отмечает, что действующее законодательство «не имеет норм, устанавливающих обязанность принятия бесхозяйного имущества в муниципальную собственность»[531]; другая часть аргументирует позицию, согласно которой орган местного самоуправления, осуществляя свои полномочия в этой сфере, обязан принимать меры к надлежащему обслуживанию бесхозяйных сетей, учету таких сетей и их обращению в муниципальную собственность[532].

Если говорить о приобретении вещей, от права собственности на которые собственники отказались либо собственники которых неизвестны, в частную собственность, то значительных проблем здесь не возникает как раз потому, что в отношении определенной вещи присутствует интерес конкретного лица (это касается и находок, и брошенных вещей, и «бесхозяйной» недвижимости). Однако если, реализуя свой интерес, субъект не «узаконит», когда это необходимо[533], право собственности на вещь и просто вступит во владение ею, такая вещь согласно российскому гражданскому законодательству все равно продолжит считаться «бесхозяйной», поскольку фактический владелец (как и обладатель иного, помимо права собственности, вещного права) по смыслу нормы п. 1 ст. 225 ГК РФ «хозяином» вещи не признается. Полагаем, что такие случаи к проблеме бесхозяйности вещей относиться не должны, и *если вещь находится в чьем-либо владении,*

6323/2016 по делу № А73-6802/2016; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.11.2017 г. № Ф06-26651/2017 по делу № А49-3957/2016; решение Центрального районного суда г. Волгограда от 17.05.2011 г. по делу № 2-2733/11.

[530] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.02.2016 г. № Ф04-349/2016 по делу № А45-3144/2015; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.02.2017 г. № Ф01-6213/2016 по делу № А43-7490/2015.

[531] См., например: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.02.2017 г. № Ф03-6323/2016 по делу № А73-6802/2016.

[532] См., например: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.10.2016 г. № Ф04-4715/2016 по делу № А75-14533/2015; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.02.2016 г. № Ф04-349/2016 по делу № А45-3144/2015.

[533] Это касается недвижимых вещей (необходим факт государственной регистрации права собственности на вещь), а также брошенных движимых вещей стоимостью выше пятикратного минимального размера оплаты труда и не являющихся отходами (требуется судебное решение о признании вещи бесхозяйной и признании на нее права собственности лица, вступившего во владение).

она не должна рассматриваться в качестве бесхозяйной. Как известно, владение характеризуется наличием владельческой воли, т. е. отношением к вещи как к «своей собственной», намерением стать ее собственником. Исходя из этого, владельцы готовы нести и несут расходы на содержание и поддержание надлежащего состояния вещи; именно потому, что давностные владельцы – это потенциальные собственники, им предоставляется право на защиту своего владения против третьих лиц (п. 2 ст. 234 ГК РФ). Отрицать в такой ситуации, что владелец является «хозяином» вещи[534], абсурдно. Не вполне адекватным является такое понимание и с позиций реальной действительности: несмотря на то, что результаты движения благ от одних лиц к другим «не должны подвергаться необоснованным сомнениям»[535], вовлеченность в гражданский оборот вещей, подпадающих под признаки п. 1 ст. 225 ГК РФ, возражений не вызывает, и хотя такой оборот не всегда является законным, не иметь «хозяина», быть «ничьими» фактически обращаемые объекты в любом случае не могут.

Учитывая изложенное, бесхозяйность вещи следует понимать как ее фактическое состояние вне зависимости от права собственности на нее, при котором данная вещь не находится ни в чьем обладании и (или) в отношении нее отсутствует проявленный интерес со стороны конкретного лица. Подобное восприятие устранит имеющееся на настоящий момент противоречие между легальным определением понятия бесхозяйной вещи и нормой ст. 236 ГК РФ. Согласуется оно и с планируемым закреплением в ГК РФ норм о владении как факте и его защите[536], вследствие которого, представляется, с логической необходимостью должно последовать расширение объема понятия «хозяин» – причисления к последним не только собственников, но и владельцев. Уместно также сослаться и на замечание Е.В. Васьковского, который полагая, что бесхозяйные вещи находятся вне граж-

---

[534] Примечательным является пояснение смысла слова «хозяин», данное С.И. Ожеговым и Н.Ю. Шведовой: первым из девяти выделяемых значений является пояснение «То же, что владелец» (*Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 865).

[535] *Райников А.С.* Стабильность гражданского оборота: контуры судебной практики // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 3-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 19–20 сент. 2014 г.) / под ред. Н.П. Асланян, Ю.В. Виниченко. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 93.

[536] См.: Подраздел 1 «Владение» раздела II «Вещное право» ГК РФ в редакции проекта федерального закона от 27.04.2012 г. № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

данского оборота, связывал введение их в оборот с фактическим овладением ими[537]. Применительно к нашему исследованию это означает, что: 1) субъектами гражданского оборота следует считать в том числе фактических владельцев, 2) в систему гражданского оборота в качестве вида отношений, образующих ее структуру, по критерию правовой опосредованности, наряду с отношениями, опосредованными правом (юридическими), следует включать и отношения, правом не опосредованные (фактические), т. е. отношения, не связанные с возникновением и переходом субъективных прав, в том числе и не основанные на праве собственности.

То, что гражданский оборот охватывает в том числе и фактические отношения, причем даже те, которые являются порочными с точки зрения позитивного права (в частности, при неуправомоченном отчуждении «чужого» имущества), с позиций системного подхода можно аргументировать, вновь обратившись к приведенным выше схемам структуры системы гражданского оборота ($О \rightarrow S_1 \leftrightarrow S_n$ и $О_1 \rightarrow S_1 \leftrightarrow S_n \leftarrow О_n$). Из них явствует, что функционирование системы оборота (смена обладателей благ, имеющих потребительную стоимость) достигается за счет *просто наличия* всех необходимых элементов и связей между ними, никаких иных условий с позиций структуры системы гражданского оборота для этого не требуется. Функционирование (действие) гражданского оборота будет невозможным лишь по причине либо отсутствия объекта у определенного субъекта (S_1 **?** $О, О_1$ или S_n **?** $О_n$), либо отсутствия «хозяина» (фактического владельца) у определенного объекта ($О, О_1$ **?** S_1 или $О_n$ **?** S_n), либо отсутствия отношений между субъектами (S_1 **?** S_n).

Что касается квалификации соответствующих отношений как правомерных или неправомерных (а вопрос о допустимости включения в гражданский оборот неправомерных действий в цивилистике, повторим, является дискуссионным), то данный вопрос лежит за рамками системы гражданского оборота и является не более чем *оценкой* этих отношений со стороны другой, самостоятельной подсистемы общества – системы права. В систему гражданского оборота входят все возникающие отношения между ее элементами, а не только «нормальные», т. е.

---

[537] *Васьковский Е.В.* Указ. соч. С. 305.

буквально те, которые соответствуют нормам права. При этом выражение «нормальный гражданский оборот», нередко используемое в современной цивилистической литературе, является еще одним аргументом в пользу того, что гражданский оборот образуют фактические отношения, относительно которых существует определенная нормативная, в том числе нормативно-правовая регламентация. В свете этого нормальным следует считать гражданский оборот, не сопряженный с нарушением определенных норм. А поскольку любые нормы (моральные, нравственные, правовые и др.), как известно, призваны воздействовать на поведение субъектов, деятельностная активность которых в обществе проявляется во взаимодействии (отношениях, связях) с другими членами социума, и следует сделанный вывод о том, что гражданский оборот образуют фактические отношения.

Гражданское право содержит не только регулятивные, но и охранительные нормы, касающиеся сферы гражданского оборота, и, признавая их актуальность, необходимо признать наличие в гражданском обороте не только «нормальных», но и «ненормальных» отношений, т. е. таких, которые образуют ситуации, выходящие за рамки, установленные регулятивными нормами объективного права, сопряжены с их нарушением, являются неправомерными. Конфликтные отношения, составляющие предмет воздействия охранительных правовых норм, также подлежат включению в гражданский оборот; без этого представление о данной системе будет неполным и, следовательно, не может считаться адекватным.

Таким образом, опираясь на положения системного подхода, можно научно обосновать, что структуру системы гражданского оборота образуют *все внутрисистемные отношения* (связи) между ее элементами, а именно: 1) с позиций динамики/статики – и отношения по переходу благ, и отношения по их принадлежности; 2) с позиций характера связи между субъектами – и возмездные, и безвозмездные отношения, а также отношения из односторонних действий; 3) с позиций правовой опосредованности – и отношения, опосредованные правом (юридические), и отношения, правом не опосредованные, в том числе и не основанные на праве собственности (фактические); 4) с позиций правомерности – и отношения, соответствующие нормам права (регулятивные), и отношения, нормам права не

соответствующие (охранительные). Указанные внутрисистемные связи являются *видами отношений*, образующих гражданский оборот.

Применение системного подхода, в частности, изложенных выше положений о структуре системы (связи между ее элементами) позволяет сделать ряд значимых с позиций правового регулирования выводов и относительно стабильности гражданского оборота, а также мер по ее обеспечению.

Изменение состава системы гражданского оборота – появление новых либо исключение ранее существовавших элементов – неизбежно сказывается на количестве образующих ее связей. По мере появления в составе системы новых элементов ее общая структура будет все более и более усложняться, но при этом (и на данное обстоятельство следует обратить особое внимание) типы связей отдельных элементов между собой будут оставаться неизменными, соответствуя какому-либо из указанных выше типов (прямая, косвенная, встречная, взаимная связь)[538]. Этим обусловливается временна́я устойчивость структуры, а следовательно, и всей системы гражданского оборота (что объясняет и принципиальную идентичность феномена оборота, скажем, в Древнем Риме, средневековой Европе или современной России), поскольку, как признается в теории системного подхода, структура является стабилизирующим началом системы[539]. Исходя из этого, стабильность гражданского оборота, о необходимости обеспечения которой упоминается в юридической доктрине и судебной практике, с научных позиций означает устойчивость составляющих данную систему связей, в том числе и даже в первую очередь (если учитывать последовательность связей в общей цепочке структуры системы гражданского оборота[540]) – отношений принадлежности благ[541]; соответственно, обеспечение ста-

---

[538] Как отмечается в общей теории систем, «структура – это абстрактный тип связей, независимый от числа и качества элементов» (*Малиновский А.А.* Основные понятия и определения теории систем (в связи с приложением теории систем к биологии) // Системные исследования. Ежегодник 1979. М.: Наука, 1980. С. 84).

[539] «Структура не содержит потребности трансформации, она является, напротив, стабилизирующим началом системы» (*Каган М.С.* Система и структура. С. 93).

[540] На последовательность действий и влияние правильности ее определения на нормальное функционирование системы, применительно, в частности, к работе гражданско-правовых механизмов убедительно обращает внимание С.Ю. Морозов (*Морозов С.Ю.* Методология исследования гражданско-правовых механизмов // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Вып. 2. С. 252, 259).

[541] Примечательным в данной связи является суждение М.Н. Семякина, который в числе основных тенденций, характерных для современного реформирования гражданского законодательства, выделяет «его направленность на *укрепление отношений собственности и гражданского оборота*» (*Семякин М.Н.* Основные тенденции развития

бильности гражданского оборота состоит в создании либо поддержании условий для сохранения образующих систему оборота социальных связей, включая последовательное развертывание последних. В указанном понимании обеспечение стабильности гражданского оборота является одной из ключевых потребностей данной системы, говоря о которых, заметим следующее.

Очевидно, что тезис о существовании у гражданского оборота как явления собственных потребностей, т. е. «надобности, нужды в чем-нибудь, требующей удовлетворения», является не вполне корректным, поскольку об удовлетворении как исполнении чьего-нибудь требования, желания[542], буквально можно говорить лишь применительно к субъектам. Что касается гражданского оборота, то применительно к нему как социальной сфере, полагаем более верным рассматривать потребность как некую объективную необходимость, а именно необходимость *функционирования*, т. е. реализации той цели, ради которой система оборота существует, а также необходимость *обеспечения такого функционирования*, которое и достигается путем обеспечения стабильности данной системы, суть, образующих ее связей. Именно при таком подходе выражение «обеспечение стабильности гражданского оборота» обретает смысл и необходимую юридическую значимость, в том числе при использовании его для обоснования необходимости изменений отдельных нормативных установлений, посредством которых осуществляется правовое воздействие на поведение субъектов. При этом, однако, следует сделать одно существенное уточнение: принимая во внимание, что в систему гражданского оборота входят в том числе отношения, не соответствующие нормам права, *обеспечение стабильности гражданского оборота,* достигаемое посредством его нормативного правового регулирования*, должно заключаться в создании либо поддержании условий для сохранения не любых, а только социально-полезных связей, образующих данную систему*. Здесь уместно привести справедливое замечание О.А. Серовой о том, что «гражданское право в различных социально-экономических, политических условиях общественного строя разных стран обеспечивало баланс между потреб-

---

гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2018. Т. 3. № 1. С. 62), ставя отношения собственности и гражданского оборота в один логический ряд.

[542] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 827.

ностями гражданского оборота, стремлением его участников к извлечению прибыли и защитой естественных прав граждан. Аналогичная задача ставится перед цивилистикой и в настоящее время»[543].

Если говорить о тех нормах позитивного права, которые могут служить обеспечению стабильности гражданского оборота, то определенные выводы можно сделать на основе анализа правоприменительной практики, в которой функционально направленными на упорядочение гражданского оборота признаются:

– институт государственной регистрации права собственности и иных вещных прав на недвижимое имущество: то, что по смыслу ст. 131 ГК РФ закон устанавливает необходимость государственной регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимые вещи в целях обеспечения стабильности гражданского оборота, разъяснено в п. 38 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25; в определении Магаданского областного суда от 13 декабря 2011 г. № 33-1362/11 по делу № 2-1810/11[544] указано, что «целью государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним является не только учет недвижимого имущества, но и обеспечение субъектам прав на недвижимое имущество гарантий устойчивости оборота такого имущества со стороны государства»;

– институт приобретательной давности, направленный на устранение правовой неопределенности относительно потенциальных объектов гражданского оборота – вещей, «выпадающих» из оборота, ввиду невозможности совершения сделок с ними. В качестве примера сошлемся на уже цитировавшееся выше решение Пятигорского городского суда Ставропольского края от 29 апреля 2011 г. по делу № 2–794/11 (по иску о признании по ст. 234 ГК РФ права собственности на нежилые помещения), в котором суд, апеллируя к «нуждам оборота», счел правильным «разрешение спора в пользу истца, а в конечном итоге в пользу гражданского оборота»;

– правила о виндикации, включая нормы об ее ограничении: как неоднократно отмечалось в судебных решениях[545], при рассмотрении виндикационного иска

---

[543] *Серова О.А.* Эволюция предметных исследований в области гражданского права: связь с новой технологической реальностью // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. Вып. 3. С. 89.

[544] URL: https://sudrf.cntd.ru/document/471001255.

[545] См.: постановление Президиума ВАС РФ от 04.09.2007 г. № 3039/07 по делу № А40-70770/05-85-579; решение Арбитражного суда Астраханской области от 12.04.2010 г. по делу № А06-6822/2009; решение Арбитражного суда

обеспечивается возможность установления добросовестности приобретения имущества и его надлежащего собственника, соединение права и владения, а также защита владельца правилами об исковой давности, что гарантирует всем участникам спора защиту их прав, интересов, и стабильность гражданского оборота;

– институт исковой давности, относительно которого в судебных актах прямо отмечается, что в гражданском праве он «имеет целью упорядочить гражданский оборот, создать определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинировать их участников, способствовать соблюдению хозяйственных договоров»[546], а «применение судом исковой давности по заявлению стороны в споре направлено на сохранение стабильности гражданского оборота, защищает его участников от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав»[547].

Нельзя не заметить, что с точки зрения подотраслевой принадлежности значительная часть приведенных институтов относится к вещному праву. Это еще раз убеждает в том, что понятие гражданского оборота нельзя ограничивать отношениями «динамики». Исходя из набора элементов гражданского оборота и их структурных связей, объективно характеризующих гражданский оборот как социальную систему, к числу норм позитивного права, оказывающих регулирующее воздействие на эту систему, следует относить не только и не столько нормы обязательственного права (в частности, способствующие «надлежащей организации оборота» правила об обеспечении обязательств[548]), сколько правила определяющие правовой статус субъектов и устанавливающие правовой режим объектов.

Примечательно, что в ходе реформирования отечественного гражданского законодательства был изменен и дополнен значительный массив именно данных норм. Из числа новелл ГК РФ, касающихся субъектов как элементов системы

Кемеровской области от 08.02.2013 г. по делу № А27-11489/2012; решение Арбитражного суда г. Москвы от 12.11.2013 г. по делу № А40-52753/2012 (URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/18df04e9-51e1-470a-9d4f-788727442790/A40-52753-2012__20131112.pdf?download=true).

[546] См.: постановления Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.05.2015 г. по делу № А08-4047/2014, от 24.06.2015 г. по делу № А36-852/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[547] См.: постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2016 г. 15АП-1085/2016 по делу № А32-3757/2015 (URL: http://ras.arbitr.ru/); решение Арбитражного суда Ростовской области от 02.12.2010 г. по делу № А53-1583/2010; решение Арбитражного суда Республики Северная Осетия – Алания от 28.07.2015 г. по делу № А61-1176/2015.

[548] *Гонгало Б.М.* Учение об обеспечении обязательств. М.: Статут, 2004. С. 7.

гражданского оборота, к ним можно отнести, в частности, новые правила о дееспособности граждан (ст. ст. 29, 30 ГК РФ), нормы о юридических лицах (гл. 4 ГК РФ). Сюда же, согласно предлагаемой нами позиции, в соответствии с которой юридические факты-действия являются проявлением субъектами их свойства деятельностной активности, можно причислить легальное закрепление принципа добросовестности (ст. 1 ГК РФ), положения о пределах осуществления гражданских прав (ст. 10 ГК РФ), нормы о решениях собраний (гл. 9.1. ГК РФ), новеллы о недействительности сделки и условиях ее оспаривания, блокирующие действия субъектов, дестабилизирующие гражданский оборот (ст. ст. 168, 166 ГК РФ), нормы о безотзывной доверенности (ст. 188.1 ГК РФ), призванной, напротив, сделать более устойчивыми и предсказуемым отношения участников гражданского оборота – предпринимателей. Относительно объектов гражданского оборота это: новая ст. 8.1 ГК РФ о государственной регистрации прав на имущество; скорректированные правила об оборотоспособности объектов гражданских прав, исключившие из кодекса указание на категорию объектов, изъятых из оборота (ст. 129 ГК РФ), равно как и сам перечень объектов гражданских прав (ст. 128, новая редакция гл. 7 ГК РФ); правила ст. 133.1 ГК РФ о новом виде недвижимых вещей – едином недвижимом комплексе; уточненные положения о неделимых и сложных вещах (ст. ст. 133, 134 ГК РФ) и т. д. Как видим, законодателем уже проделана большая работа. Между тем комплекс мер, направленных на обеспечение стабильности гражданского оборота, по нашему мнению, может быть расширен.

Прежде всего, мы имеем в виду планируемый блок законодательных изменений норм о вещном праве, который пока не принят. Оценивая предлагаемые изменения, отметим, что обеспечению стабильности гражданского оборота будут способствовать и закрепление владения как факта, и законодательное воплощение такого признака вещных прав, как принудительная типизация. Серьезные сомнения (и содержательно, и с позиций юридической техники), впрочем, вызывают потенциальные новеллы о так называемых соседских правах, а именно помещение соответствующих норм в раздел ГК РФ о праве собственности[549].

[549] Подробнее об этом см.: *Виниченко Ю.В., Асланян Н.П., Поротикова О.А.* Указ. соч.

Кроме этого, исходя из понимания гражданского оборота как системы общественных отношений по опосредованному (т. е. за счет «чужих» объектов) удовлетворению субъектами своих потребностей, включая сопряженные с нарушением норм позитивного права, в том числе административного и уголовного, мы приходим к выводу, что воздействие на гражданский оборот должно быть межотраслевым. В связи с этим обеспечению стабильности гражданского оборота может способствовать унификация понятийного аппарата разных отраслей права (в частности, интерпретация используемых и в гражданском праве, и в отраслях публичного права понятий «оборот», «объекты, изъятые из оборота», «объекты, ограниченные в обороте»). Устойчивости гражданского оборота в немалой степени способствовала бы и корректировка налогового законодательства, на сегодняшний день, увы, скорее провоцирующего деформацию системы оборота – увеличение в нем скрытых теневых процессов[550], с позиций юридической квалификации подпадающих под категорию обхода закона. Однако эти вопросы в большей степени относятся к правовой политике, речь о которой пойдет в других частях диссертации при исследовании вопроса о началах функционирования системы гражданского оборота.

В завершение настоящего параграфа изложим основные выводы, полученные в процессе исследования.

В структуру системы гражданского оборота надлежит включать все виды отношений, связанных с опосредованным удовлетворением субъектами их потребностей: 1) с позиций динамики/статики – как отношения по переходу объектов, так и отношения по их принадлежности; 2) с позиций характера связи между субъектами – как возмездные, так и безвозмездные отношения, а также отношениях из односторонних действий; 3) с позиций правовой опосредованности – как отношения, опосредованные правом (юридические), так и отношения, правом не опосредованные (фактические), в том числе и не основанные на праве собственности; 4) с пози-

[550] В теневой экономике выделяют такие относительно самостоятельные подвиды неформальной экономики, как криминальная (незаконная) экономика и скрытая (подпольная) экономика. В отличие от криминальной экономики в рамках скрытой экономики обращаются блага, не ограниченные в обороте, в связи с чем ответственность наступает не за собственно оборот, а за сопутствующее этому обороту неисполнение обязательств, связанных с оборотом (уклонение от уплаты налогов, взносов и иных обязательных платежей) (*Быков С.С., Киреенко А.П., Невзорова Е.Н.* Уголовно-правовая реакция на проявления теневой экономики: границы, характер и направления совершенствования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 594, 604).

ций правомерности – как отношения, соответствующие нормам права (регулятивные), так и отношения, нормам права не соответствующие (охранительные).

Употребление понятия «бесхозяйная вещь» является некорректным в отличие от понятия «бесхозяйность вещи». Бесхозяйность вещи, влекущую невозможность гражданского оборота ввиду отсутствия необходимой с позиций структуры оборота связи-принадлежности определенного объекта конкретному субъекту, предложено понимать как фактическое состояние вещи, не зависящее от права собственности на нее, при котором данная вещь не находится ни в чьем обладании и (или) в отношении нее отсутствует проявленный интерес со стороны конкретного лица. Подобное восприятие устранит имеющееся противоречие между легальным понятием бесхозяйной вещи и нормой ст. 236 ГК РФ; согласуется оно и с планируемым закреплением в ГК РФ норм о владении как факте и его защите, вследствие которого должно последовать расширение объема понятия «хозяин» – причисления к последним не только собственников, но и владельцев.

Положение общей теории систем, конституирующее структуру (отношения между элементами) в качестве стабилизирующего начала системы, позволило обосновать содержание понятия «стабильность гражданского оборота», под которой следует понимать устойчивость отношений, составляющих систему гражданского оборота. Эта устойчивость заключается в том числе в последовательном развертывании структурных связей, исходя из чего обеспечение стабильности гражданского оборота достигается в первую очередь за счет устойчивости отношений по принадлежности объектов, необходимо предшествующих отношениям по смене их обладателей. Обеспечение стабильности гражданского оборота должно заключаться в создании либо поддержании условий для сохранения не любых, а только социально-полезных отношений.

Сообразно составу и структуре системы гражданского оборота, к нормам позитивного права, которые могут способствовать обеспечению стабильности гражданского оборота, следует отнести правила, определяющие правовой статус субъектов и устанавливающие правовой режим объектов, в том числе институты, с точки зрения подотраслевой принадлежности относящиеся к вещному праву.

ГЛАВА 3. ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

§ 1. Общие положения о функционировании системы гражданского оборота

Системное описание гражданского оборота будем неполным без исследования функционирования данной системы, в рамках которого необходимо, в частности, сформировать по возможности более полное представление о том, что понимается под функционированием систем, как (каким образом, посредством чего) функционирует, являясь системой, гражданский оборот и, наконец, какие факторы влияют на функционирование гражданского оборота.

Целесообразно начать с рассмотрения общих положений, касающихся функционирования систем. В специальной литературе функционирование системы определяется как деятельность системы на пути достижения цели[551], процесс реализации свойств, обеспечивающих системе достижение цели[552]. При этом в общей теории систем к понятиям, характеризующим функционирование любой системы, относят две группы понятий: 1) понятия, выражающие функциональные характеристики (свойства и состояния) систем, и 2) понятия, характеризующие разнообразные функциональные процессы. Как отмечал советский и американский экономист А.И. Каценелинбойген, «движение системы, равно как и отдельных ее подсистем, может быть описано двумя группами характеристик: *исходными* и *сопряженными*» и относил к исходным характеристикам «параметры, показывающие *состояние* системы – наличные ингредиенты – и возможности для перехода из одного состояния в другое, связанные только с параметрами состояния», а к сопряженным – «совокупность характеристик, связанных с направлением процесса движения системы»[553].

---

[551] *Сагатовский В.Н.* Системная деятельность и ее философское осмысление. С. 64–67; *Его же*. Опыт построения категориального аппарата системного подхода; *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем. Гл. II, III.

[552] *Афанасьев В.Г.* Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. С. 35. Либо как процесс реализации целесообразных свойств системы, обеспечивающий ей достижение цели (*Протасов В.Н.* Указ. соч. С. 28).

[553] *Каценелинбойген А.И.* Системный анализ и проблема ценностей // Системные исследования. Ежегодник. 1972. М.: Наука, 1972. С. 48.

Относительно первой из указанных групп системологи выделяют такие понятия, как «активность» (характеризующее поведение системы, выражающее ее способность оказывать воздействие на среду, исходя из собственных целей или функциональных задач), «реактивность» (характеризующее поведение системы, однозначно обусловленное воздействием среды), «адаптивность» (характеризующее степень приспособленности системы к новым условиям ее развития), «дисфункция (дисфункциональностъ)» (свойство элементов или подсистем, проявление которого ведет к нарушению нормального функционирования системы в целом, уменьшению приспособления или адаптации системы к условиям среды), «целесообразность» (отражающее способность элементов и подсистем подчинять свое поведение общим целям системы), «стабильность» (характеризующее устойчивость функционирования системы в относительно продолжительный промежуток времени), «управляемость» (характеризующее возможности перехода управляемой системы из одного состояния в другое), «устойчивость» (означающее способность системы поддерживать намеченный режим функционирования, сохранять равновесие, несмотря на возмущающие воздействия), «эмерджентность» (свойство системы и ее компонентов, связанное с поддержанием целостности системы и обусловленное наличием в ней интегративных связей)[554].

К понятиям, характеризующим функциональные процессы систем, специалисты относят следующие: «функционирование» (процесс изменения системы, направленный на ее сохранение и воспроизводство), «воспроизводство» (процесс непрерывного воссоздания свойств системы или ее компонентов, определяющих ее качественное своеобразие на данной стадии развития в зависимости от внешних или внутренних условий), «самовоспроизводство» (спонтанное, т. е. самопроизвольно протекающее поведение системы, направленное на ее воспроизводство за счет внутренних ресурсов и резервов), «адаптация» (приспособление системы к изменяющимся условиям жизнедеятельности), «интеграция» (процесс объединения элементов и частей системы в целое, достижение системой целостности более высокого уровня), «регуляция» (процесс поддержания связей и функций системы

[554] *Резник Ю.М.* Указ. соч. С. 384–385.

в заданном отношении или приведения их в соответствие с требованиями оптимального функционирования), «регулирование» (деятельность по регуляции системы, т. е. оптимизации функциональных связей между ее компонентами), «управленческое воздействие» (воздействие органа (субъекта) управления на систему (объект управления) с целью перевода ее в новое или желательное состояние), «стабилизация» (процесс поддержания системы или ее компонентов в заданных границах состояния или значений управляемых переменных)[555].

Мы позволили себе столь подробное изложение выделяемых в науке функциональных свойств, состояний и процессов, присущих системам, полагая это необходимым для последующего анализа функционирования системы гражданского оборота. Так, в контексте вопроса о функционировании той или иной системы следует допускать и вероятность ее дисфункционирования, при котором, по признанию специалистов, реализуются такие свойства системы, которые не отвечают стоящей перед ней цели[556]. Исходя из выявленной нами выше цели гражданского оборота как системы (опосредовать удовлетворение индивидуальных потребностей субъектов за счет «чужих» благ) и обусловленной ею функции (т. е. способа, средства достижения цели системы – смена обладателей благ, имеющих потребительную стоимость), примером таких ситуаций могут быть мнимые сделки, вследствие совершения которых (в отсутствие намерения их исполнения) смена обладателя блага происходит лишь формально, без фактического перехода этого блага к другому лицу, что удовлетворению потребностей других субъектов – реальных участников гражданского оборота – явно не способствует[557]. Однако в соответствии с приведенными положениями, описывая состояние системы гражданского оборота, в том числе в тот или иной период ее развития, не стоит ограничиваться просто констатацией ее функционирования или, напротив, дисфункции; в спектре возможных характеристик – и целесообразность, и стабильность (устойчивость), и самовоспроизводство, и регуляция данной системы, особенно значи-

---

[555] *Резник Ю.М.* Указ. соч. С. 385–386.

[556] *Протасов В.Н.* Указ. соч. С. 61.

[557] Данный пример еще раз свидетельствует о том, что для характеристики рассматриваемой системы имеют значимость не только юридически оформленные, т. е. влекущие переход субъективных прав и обязанностей, но и фактические отношения (связи).

мые в контексте вопроса о факторах, влияющих на гражданский оборот. Равно как при исследовании взаимодействия гражданского оборота со средой, «в которой обитает система»[558] (прежде всего, во взаимодействии с сосуществующей обороту в системе общества системой права), оценивать рассматриваемую систему следует на предмет ее активности, реактивности, адаптивности и адаптации, управляемости, регулирования, стабилизации.

Детализация изложенных функциональных характеристик гражданского оборота будет осуществлена нами далее – в том числе в корреляции с началами функционирования данной системы. Здесь же мы остановимся на системных свойствах гражданского оборота, поскольку именно они, наряду с признаками, характеризующими структуру и элементы состава данной системы (ее субъектов и объектов), детерминируют механизм[559] функционирования гражданского оборота, в связи с чем подлежат учету и при определении направлений и моделей его правового регулирования – для того, чтобы такое воздействие было адекватным, резонансным и, как следствие, эффективным. Заметим, что следует говорить об эффективности именно правового воздействия на гражданский оборот, но не об эффективности самого гражданского оборота, как это отмечается в юридической литературе[560]. Термин «эффективный» применительно к гражданскому обороту является излишним, поскольку противоположного – неэффективного гражданского оборота быть не может: выражение «эффективный гражданский оборот» буквально означает, что гражданский оборот достигает определенного эффекта (результата), а по существу – что он функционирует; но если оборот не будет функционировать (достигать результата своего действия – смены обладателей благ), то придется констатировать, что он отсутствует.

---

[558] Выражение В.М. Сарычева (*Сарычев В.М.* Методологические аспекты представления самовоспроизводящихся систем и целенаправленной деятельности // Системные исследования. Ежегодник 1981. М.: Наука, 1981. С. 252).

[559] Как «последовательность состояний, процессов, определяющих собою какое-нибудь действие, явление» (*Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 354).

[560] Выражение «эффективность гражданского оборота», «эффективное функционирование гражданского оборота» используют, в частности, Н.Л. Бондаренко, М.Н. Семякин (См.: *Бондаренко Н.Л.* Доверие как условие эффективного гражданского оборота // Пятый пермский международный конгресс ученых-юристов: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 24–25 окт. 2014 г.) / отв. ред. О.А. Кузнецова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2014. С. 64–65; *Семякин М.Н.* К вопросу о концепции цивилистической науки // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17 (372). Право. Вып. 43. С. 125).

Выявить системные свойства гражданского оборота позволяет его видовая характеристика, предпринятая через призму выделяемых классификационных групп (типов, классов, видов) систем.

Единое и общепризнанное деление систем на отдельные виды в общей теории систем отсутствует. Тем не менее обращение к специальной литературе обнаруживает классификации, в которых сходится большинство ученых. Поскольку подробное рассмотрение вопроса о типологиях систем в рамках нашего исследования представляется нецелесообразным, позволим себе изложить его в общем виде, взяв за основу наиболее емкий обзорный анализ этого вопроса, содержащийся в работе Ю.М. Резника[561], и снабдив его ссылками на труды других авторитетных ученых-системологов, обращавшихся к проблеме типологизации систем.

Исходным делением многообразия систем на типы является их дифференциация на реальные (существующие объективно в пространстве и времени) и абстрактные (существующие идеально, т. е. в мире мыслительных форм, например, нравственных правил, норм права, профессионального кодекса, систем управления, форм политического устройства и т. д.)[562].

В числе реальных систем выделяют материальные системы, которые в свою очередь подлежат дальнейшей градации: 1) по уровню материальной организации на органические и неорганические[563]; 2) по формам развития на механические, физические, химические, биологические и социальные, причем первые три вида

---

[561] Следует отметить, что Ю.М. Резник в результате предпринятого анализа пришел к выводу, что «какой-либо универсальной типологии или классификации систем в научной литературе не существует» (*Резник Ю.М.* Указ. соч. С. 391) и на основе синтеза различных подходов к классификации систем предложил авторскую «интегральную» схему типологии систем, в которой представил как типы систем, выделяемые по степени сложности и детерминированности, так и типы систем, выделяемые в результате комбинации обоих подходов (Там же. С. 389–398).

[562] Так, М.С. Каган полагал, что «самое общее членение бытия есть различение материальной и духовной (идеальной) его форм, что дает возможность провести такую исходную типологизацию, выделив структуры материальных и идеальных систем. Первые развертываются в пространстве и во времени, что придает их структурам *пространственный*, или *временной*, или *пространственно-временной* характер. У вторых отсутствует вещественный субстрат, а подчас и процессуальная динамика, и поэтому они носят *внепространственный*, а часто и *вневременной* характер» (*Каган М.С.* Система и структура. С. 95). На разграничение материальных (вещественных) и концептуальных систем указывал Э.Г. Юдин (*Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. С. 179). Наличие класса идеальных систем отмечает И.В. Прангишвили, не именуя, однако, их абстрактными и не противопоставляя реальным системам (*Прангишвили И.В.* Указ. соч. С. 49).

[563] Ю.М. Резник в качестве примеров неорганических систем приводит Солнечную систему, атомы и молекулы, часы и машины, выделяя функциональные системы (автомашина) и нефункциональные (кристаллы и пр.). К органическим системам, которые «характеризуются большой активностью целого по отношению к частям, гибкостью и способностью к саморазвитию» ученый относит два класса систем: биологические и социальные (*Резник Ю.М.* Указ. соч. С. 389).

входят в класс неорганических систем, а биологические и социальные – органических[564]; 3) по характеру происхождения на естественные (возникающие стихийно и спонтанно (самопроизвольно) в процессе длительной эволюции), искусственные (возникающие в результате человеческой деятельности) и смешанные (возникающие под воздействием как природных факторов, так и человеческой деятельности, например, социоприродные комплексы)[565]; 4) по способу существования на статические (состояние которых не изменяется в течение определенного периода) и динамические (изменяющие свое состояние во времени, в том числе и путем саморазвития)[566]; 5) по типу взаимодействия со средой на открытые (свободно обменивающиеся со средой веществом, энергией и другими проводниками[567]) и закрытые (обменивающиеся со средой только энергией[568], замкнутые)[569]; 6) по характеру обусловленности средой на детерминированные (поведение которых однозначно обусловлено воздействием внешней среды и позволяет проследить связь между причиной и следствием), вероятностные (поведение которых может быть предсказано с определенной степенью вероятности на основе изучения ее про-

---

[564] На физические, биологические и социальные (естественные и искусственные) делил системы, в частности, М.И. Сетров – создатель функциональной теории организации (*Сетров М.И.* Указ. соч. С. 114–115).

[565] *Резник Ю.М.* Указ. соч. С. 389. Естественные и искусственные системы разграничивал и М.И. Сетров, полагая их видами социальных систем (*Сетров М.И.* Указ. соч. С. 114–115). И.В. Прангишвили также отмечает имеющееся в науке деление систем на естественные (эволюционные, природные – которые объективно существуют в действительности, в живой и неживой природе) и искусственные (креационные – системы, созданные человеком), однако в качестве классификационного критерия их градации называет «субстанциональный признак» и наряду с указанными по этому признаку выделяет еще два класса систем: идеальные и концептуальные системы – системы, которые выражают образцовую действительность или образцовый мир (например, картина, возникшая в голове человека от восприятия научной теории); виртуальные системы – не существующие в действительности модельные или мыслительные представления реальных объектов, явлений, процессов, являющиеся изоморфными к ним (*Прангишвили И.В.* Указ. соч. С. 49–53). В.Г. Афанасьев делит системы на объективные и искусственные (сконструированные), выделяя в одном ряду с ними также концептуальные (идеальные) и смешанные системы (*Афанасьев В.Г.* Указ. соч. С. 49–52).

[566] *Резник Ю.М.* Указ. соч. С. 390. И.В. Прангишвили называет такие системы неразвивающимися (стабильными) и развивающимися (*Прангишвили И.В.* Указ. соч. С. 53), а Э.Г. Юдин – развивающимися и лишенными развития (*Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности … С. 179). На стабильные, функционирующие и динамические делит системы А.И. Ракитов (*Ракитов А.И.* Указ. соч. С. 74–75).

[567] По указанию Ю.М. Резника, типичным примером открытой системы является человек; применительно же к характеристике социальных систем открытость есть «способность отбирать и использовать лучшие образцы культуры и социальной организации, ориентация на все новое и прогрессивное» (*Резник Ю.М.* Указ. соч. С. 390).

[568] Как отмечает известный американский математик Т. Саати, «По определению единственной известной полностью закрытой системой является Вселенная. Все находится в ее пределах, ее граница пуста, и ничего не пересекает ее границу» (*Саати Т., Кернс К.* Аналитическое планирование. Организация систем. М.: Радио и связь, 1991. С. 82). В контексте нашей работы примечательным является следующее замечание ученого: «Чтобы способствовать лучшему пониманию этой концепции, можно использовать такое приближение замкнутых систем, как экономическая система Робинзона Крузо. Конечно, такая система взаимодействует со средой, так как поглощает солнечную энергию, однако она замкнута в смысле перемещения товаров и услуг» (Там же).

[569] Открытые системы противопоставляли закрытым (изолированным), например, В.А. Лекторский и В.Н. Садовский (*Лекторский В.А., Садовский В.Н.* Указ. соч. С. 70).

шлого)[570] и индетерминированные (поведение которых воздействием внешней среды однозначно не обусловлено).

Классифицируют системы и по иным признакам: 1) по степени дифференциации – на дискретные (расчлененные, функционирующие в дискретном временном пространстве) и синкретичные (слитные, нерасчлененные, функционирующие в едином информационном пространстве)[571]; 2) по масштабности и размерности – на большие (состоящие из множества частей и элементов и имеющие сложное поведение и структуру) и малые (содержащие несколько однородных и простых частей/элементов со слабо выраженной структурой); 3) по степени организованности на простые (как правило, являющиеся синкретичными) и сложные (предполагающие наличие двух и более уровней структурной организации, а также достаточно развитой функциональной иерархии; они относятся к классу дискретных систем).

В свою очередь сложные системы подразделяются на организуемые (организованные) и самоорганизующиеся (обладают развитой способностью регуляции и саморегуляции; в основе их поведения лежит программа, т. е. четкий алгоритм операций (действий), необходимых для выполнения какой-либо функции). При этом самоорганизующиеся системы подразделяются далее на адаптивные (самоприспосабливающиеся системы – существуют как в мире животных, так и растений), адаптирующиеся (самонастраивающиеся системы – являются исключительной принадлежностью мира животных, в том числе и людей) и целенаправленные (системы, обладающие свойством целенаправленности – направленности поведения на достижение цели; встречаются только в социальном мире людей)[572].

---

[570] То, что вероятностным системам (специфической особенностью которых является «отсутствие регулярности в поведении элементов: их характеристики изменяют свои значения независимым образом; каждое из значений рассматривается как случайное явление») противопоставляются системы, функционирующие по схеме жесткой детерминации, отмечал И.В. Блауберг (*Блауберг И.В.* Целостность и система. С. 10).

[571] Например, А. Уемов, И. Сараева, А. Цофнас, указывая на то, что системы могут быть «***расчлененными***, т. е. состоять не менее, чем из двух элементов, либо ***нерасчлененными***, состоящими только из одного элемента», отмечают, что «системообразующее отношение в нерасчлененных системах всегда рефлексивно, т. е. является отношением к самому себе» и в качестве примера такой системы приводят Нарцисса – героя древнегреческих мифов, от безответной любви к которому нимфа Эхо высохла так, что от нее остался только голос» (*Уемов А., Сараева И., Цофнас А.* Общая теория систем для гуманитариев: учеб. пособие / под общ. ред. А.И. Уемова. Б. м., 2000. С. 70).

[572] Как отмечает Ю.М. Резник, человек является одновременно адаптивной, адаптирующейся и целенаправленной системой: как адаптивная система он включен в биосферу посредством поведения, а как целенаправленная система он является субъектом деятельности (*Резник Ю.М.* Указ. соч. С. 391).

Приведенная картина взглядов на типологию систем не является исчерпывающей, существуют и иные градации. Вместе с тем в ней отражены основные выделяемые в науке разновидности (типы, классы) систем, которые, полагаем, являются достаточными для системной характеристики гражданского оборота. Исходя из признаков, присущих отдельным видам систем, систему гражданского оборота, на наш взгляд, можно охарактеризовать как реальную, органическую, естественную, социальную, динамическую, открытую, вероятностную, сложную, самоорганизующуюся, адаптивную, адаптирующуюся, целенаправленную систему.

При этом *значимыми с позиций гражданско-правового регулирования* из перечисленных характеристик рассматриваемой системы представляются следующие: 1) *реальный* характер системы оборота, предполагающий ее объективное существование в пространстве и времени, что обусловливает саму возможность правового регулирования этой системы; 2) *динамический* характер системы оборота, предполагающий постоянное развитие данной системы, т. е. количественное и качественное изменение ее состава (видов объектов, субъектов гражданского оборота)[573], форм связей между элементами[574], что обусловливает необходимость периодической корректировки соответствующих правовых норм либо такое их юридико-техническое оформление, которое если и не исключит вовсе, то мини-

[573] Например, на современном этапе – появление таких *объектов*, как: криптовалюта, одним из важнейших направлений развития которой в современных условиях, по мнению отдельных авторов, является потенциальная возможность ее использования не только в качестве средства платежа и обмена, но и как закрепленное в блокчейне право (обязанность), например, в качестве «акции» или «векселя» (см.: *Белых В.С., Егорова М.А*. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2019. № 2 (54). С. 146); уже упомянутое в предыдущем изложении так называемое виртуальное имущество или таких (относительно) новых разновидностей *субъектов*, как: нотариальные палаты (пп. 15 п. 3 ст. 50 ГК РФ, введенный федеральным законом от 07.02.2017 г. № 12-ФЗ); социальные Интернет-сети (см.: *Черемисинова М.Е.* Социальная интернет-сеть в качестве субъекта правоотношений // Право в сфере Интернета: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 375–386).

[574] Например, появление и развитие электронной коммерции. Заметим, что в отечественной цивилистике внимание на проблему правового регулирования электронной коммерции было обращено более десятилетия назад. В частности, В.С. Белых отметил, что «в условиях информационной экономики повышается значение глобальных, национальных и региональных информационных сетей. Принято говорить об электронной коммерции, Интернет-бизнесе, об изменениях в информационных технологиях. Россия, отечественное законодательство делают в этом направлении первые, порой робкие шаги» (*Белых В.С.* Указ. соч. § 6 гл. 5). Примечательно, что в контексте именно данного вопроса обратился ученый и к категории «гражданский оборот». Разделяя в вопросе ее понимания позицию О.А. Красавчикова и полагая, что «правовая категория гражданского оборота не совпадает с понятием оборота в экономическом смысле, поскольку складываются различные общественные отношения в сферах гражданского и экономического оборота» и что «понятие экономического оборота тесно связано со сферой обмена, распределения и перераспределения материальных ресурсов», применительно к вопросу об электронной коммерции, В.С. Белых заключает: «Будучи составной частью производственного процесса, электронная коммерция состоит из отдельных действий, в том числе правомерных действий гражданско-правовых обязательств, направленных на передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг или уплату денег. Иначе говоря, гражданский оборот – важный (но не единственный) компонент электронной коммерции» (Там же).

мизирует постоянное внесение изменений и дополнений в нормативные правовые акты; 3) *открытый* характер системы гражданского оборота, предполагающий ее свободное взаимодействие и обмен с иными подсистемами общества, что обусловливает, с одной стороны, возможность восприятия системой права моделей и правил, естественным образом складывающихся внутри системы гражданского оборота, а с другой – допустимость неограниченного обратного влияния позитивного права на оборот, т. е. нормативное установление любых правотворческих «задумок»; 4) *вероятностный* характер системы гражданского оборота, предполагающий нерегулярность поведения данной системы, но в то же время возможность его предсказания с определенной степенью вероятности на основе изучения прошлого системы, что обусловливает необходимость учета «погрешностей» в прогнозах реакции системы оборота на определенное воздействие со стороны права, а также выявления закономерностей развития гражданского оборота; 5) *сложный* характер системы оборота, предполагающий ее многоуровневую структурную организацию[575], что обусловливает как соответствующее – разноуровневое – нормативное правовое воздействие на данную систему, так и необходимость унификации и гармонизации правовых норм, принимаемых на разных уровнях, а также возможность выбора наиболее эффективного с точки зрения задач государства уровня правового регулирования гражданского оборота; 6) *самоорганизующийся* характер системы гражданского оборота, предполагающий ее развитую способность к самоупорядочению, что обусловливает принятие таких правовых норм, которые бы поощряли и стимулировали социально-полезные направления естественного саморазвития системы гражданского оборота и, напротив, ограничивали или блокировали социально-вредные тенденции.

Указанные свойства гражданского оборота наиболее отчетливо проявляются при его функционировании, рассмотрение которого, понимая функционирование как процесс, в котором осуществляется определенная функция[576], начнем с анализа функций, выполняемых гражданским оборотом.

---

[575] По пространственному критерию в гражданском обороте можно выделить уровни: общемировой, складывающийся в рамках интеграционных объединений (СНГ, ВТО, БРИКС+ и т. п.), внутригосударственный, региональный, местный.
[576] *Каган М.С.* Система и структура. С. 97.

Как уже отмечалось, функцию гражданского оборота, сообразно цели существования данной системы (повторим, опосредовать удовлетворение индивидуальных потребностей членов социума и, косвенно – перераспределять имеющиеся в обществе блага), образует *смена обладателей благ, имеющих потребительную стоимость*. Исходя из этого, можно говорить, что система гражданского оборота функционирует тогда, когда происходит отмеченная смена обладателей благ, в результате чего субъекты, не имевшие ранее интересующего их блага, получают его и удовлетворяют за счет него свою определенную потребность.

Цель опосредования удовлетворения индивидуальных потребностей субъектов является внешней целью системы гражданского оборота, поставленной перед ней обществом как вышестоящей системой. Однако система гражданского оборота, как и любая другая система, имеет также внутреннюю цель – самосохранение[577], которое необходимо для достижения данной системой цели ее существования. Как отмечается в литературе, «очевидно, что система не должна существовать только для того, чтобы существовать. Она существует для цели, заданной ей внешней средой. Но в то же время для достижения цели система должна существовать, поэтому функцию самосохранения можно рассматривать как функцию, направленную на достижение внутренней цели, обусловленную, в конечном счете, созданием условий для достижения внешней цели»[578]. Для достижения цели самосохранения системой гражданского оборота, очевидно, должны реализовываться иные функции, отличные от функции смены обладателей благ. Полагаем, что самосохранение системы гражданского оборота обеспечивается за счет двух *функций*: 1) функции *самоорганизации* и 2) функции *саморегуляции.*

Несмотря на семантическую близость терминов «самоорганизация» и «саморегуляция», их все же следует различать, руководствуясь при этом не правилами языкознания, а решением этого вопроса в специальной области знаний – общей теории социальных систем. Специалист в данной сфере, автор теории социальной системологии Ю.М. Резник, анализируя понятия системного подхода, приводит

[577] И.В. Прангишвили писал: «Системный подход гласит, что система существует одновременно как целое и как часть вышестоящей системы, поэтому имеет две цели: **1) главную цель – самосохранение и 2) функциональную цель – сохранение вышестоящей системы**» (*Прангишвили И.В*. Указ. соч. С. 123).
[578] *Григорьева М.А.* Указ. соч. С. 212–213.

самоорганизацию и саморегуляцию в числе общесистемных понятий, определяющих основные динамические процессы, и интерпретирует самоорганизацию как «способность системы самостоятельно (без внешнего воздействия) повышать свою упорядоченность и организованность», а саморегуляцию – как «способность системы самостоятельно (без воздействия извне) устранять отклонения и дисфункции, возникающие в ней»[579]. Важным нюансом, вытекающим из приведенных дефиниций, является то, что саморегуляция имеет место при определенных пороках функционирования системы и в этом смысле имеет охранительное значение, в то время как при самоорганизации просто повышается упорядоченность системы, которая в целом функционирует «нормально».

Принимая данные определения самоорганизации и саморегуляции в качестве исходных положений, относительно системы гражданского оборота отметим, что самоорганизация (самоупорядочение) как функция системы оборота заключается в выработке «в недрах» самой этой системы, в отличие от норм, «извне» устанавливаемых системой права, правил или моделей действия оборота, включая модели поведения его участников (субъектов) – например, обычаев, деловых обыкновений, различных новых договорных конструкций и др. Благодаря этой функции обеспечивается постепенное естественное объективное развитие системы гражданского оборота, а также своего рода «компенсация» неудовлетворительного (с точки зрения того, насколько внешние условия (среда) способствуют реализации системой гражданского права ее функций) состояния внешней среды, в частности системы правовых норм.

Что касается саморегуляции (значение которой в социальных системах современного общества отмечают и правоведы[580], рассматривая, правда, при этом саморегулирование как комплексный правовой институт), то она как функция системы гражданского оборота, на наш взгляд, является защитным механизмом, стихийно, спонтанно «включаемым» системой гражданского оборота для обеспечения свое-

---

[579] *Резник Ю.М.* Указ. соч. С. 387.

[580] См., например: *Журина И.Г.* Можно ли признать саморегулируемую организацию юридическим лицом публичного права? // Адвокат. 2009. № 6. С. 104–108; *Максимович О.Н.* Саморегулирование в сфере предпринимательской деятельности как проявление гражданско-правового метода регулирования общественных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.

го функционирования в ответ на нерезонансное воздействие внешней среды[581]. Причем такая ответная реакция не всегда может быть позитивной. В качестве иллюстрации высказанного тезиса можно привести действия, совершаемые участниками гражданского оборота в обход закона.

Задумываясь о причинах данного безусловно негативного социального феномена, следует признать, что они кроются не только в социальных свойствах самих участников оборота – их нравственных, моральных и этических качествах. Полагаем, что с позиций системы гражданского оборота в целом в рассматриваемом вопросе они имеют наименьшее значение. В противном случае придется признать, что абсолютное большинство членов нашего общества – плуты, мошенники и нигилисты, не признающие и не уважающие закон, стремящиеся лишь к тому, чтобы несмотря ни на что обойти его. Деструктивные личности существуют в любом обществе, но признавать их преобладание, – значит сводить на нет саму идею частного права. Так, например, А.В. Габов, считая частным случаем обхода закона притворную сделку, отмечает, что она не является сделкой, совершенной в обход закона с противоправной целью, и справедливо указывает на то, что «нередко участники оборота просто не понимают, какую сделку им следовало бы совершить либо не проводят различия между сделками разного типа»[582].

В современной цивилистической доктрине отмечается, что в «уходе» регулируемых отношений в «тень», развитии «деструктивных процессов в гражданском обороте» выражается «“сопротивление” общественных отношений тому или иному приему правового регулирования»[583]. Аналогичные суждения высказывались и дореволюционными правоведами. Например, Н.Л. Дювернуа писал, что в борьбе приватной автономии против давления легальных норм в сфере частного права целью может быть не корыстный интерес отдельного человека и «не к этому направленный обход закона», а «противодействие самой установленной норме, самому

---

[581] И.В. Прангишвили, затрагивая вопрос об управленческой задаче выбора гармоничного пути внешнего воздействия на систему, указывает на «необходимость понять, как через управление способствовать собственным тенденциям, и как выводить системы на эти естественные пути развития, причем стараться попадать **в резонанс** с ними, а не насиловать внешним вмешательством» (*Прангишвили И.В.* Указ. соч. С. 90 и след.).

[582] *Габов А.В.* Притворные сделки в отечественном праве: история и современность // Государство и право. 2022. № 2. С. 223.

[583] *Асланян Н.П.* Основные начала российского частного права: монография. С. 186.

закону, целому институту, может быть, целой системе»[584]. По замечанию ученого, противодействие в таких случаях «бывает обыкновенно массовое», выступая явлением «печального антагонизма между сознанием общественным и задачами, которые ставят себе руководящие сферы»[585]. Признавая справедливость приведенных суждений, следует заключить, что проблема обхода закона в случае не единичного, а массового характера последнего сущностно сводится к своего рода противостоянию субъектов – участников системы гражданского оборота «внешним» установлениям позитивного права, препятствующим, создающим препоны для нормального (целесообразного) осуществления ими своей деятельности, необходимой в свою очередь для функционирования системы гражданского оборота. Иными словами, «обходные пути оборота»[586] фактически оказываются вынужденной мерой самозащиты законопослушными изначально участниками гражданского оборота своих экономически обоснованных и в целом не противоправных интересов. Так, и А.Л. Маковский относительно системы ограничений-принципов, к которым ученый причислил норму ст. 30 ГК РСФСР 1922 г.[587], указал, что они позволяют «считать незаконным формально правомерный частный оборот»[588].

Итак, функционирование гражданского оборота представляет собой процесс, в котором оборот как система осуществляет свои функции. Осуществление этих функций (*функционирование системы оборота в целом*) *достигается за счет функционирования отдельных элементов данной системы*, главным образом – субъектов гражданского оборота, посредством действий которых происходит и смена обладателей благ, и самоорганизация, и саморегуляция, и, более того, появляются объекты оборота.

Что касается объектов гражданского оборота, то их функция («призвание») – удовлетворение (выступление средством удовлетворения) потребностей субъек-

---

[584] *Дювернуа Н.Л.* Чтения по гражданскому праву. Т. 2: Учение о вещах. Учение о юридической сделке / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 197.
[585] Там же.
[586] Выражение, используемое Г.Ф. Дормидонтовым (*Дормидонтов Г.Ф.* Юридические фикции и презумпции. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1895. С. 73).
[587] Устанавливавшую, что «недействительна сделка, совершенная с целью, противной закону или в обход закона, а равно сделка, направленная к явному ущербу для государства».
[588] *Маковский А.Л.* О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010. С. 25.

тов, напротив, в силу их природы, реализуется *пассивно*, посредством просто *наличия* в составе системы гражданского оборота. Между тем именно признаки объектов гражданского оборота ключевым образом определяют функционирование этой системы, равно как и устанавливаемый в отношении отдельных видов объектов правовой режим.

Так, значимым для функционирования рассматриваемой системы признаком следует признать *форму их существования*. По указанному признаку все объекты оборота классифицированы нами на материальные (объекты, существующие в материальной форме, вне зависимости от человеческого сознания и способные к сенсорному восприятию) и нематериальные (объекты, которые существуют лишь на уровне идеальных представлений в форме, не способной к сенсорному восприятию), с выделением в рамках материальных овеществленных и неовеществленных, в том числе цифровых объектов; нематериальными объектами оборота являются, на наш взгляд, только субъективные имущественные права и обязанности.

Оборот всех этих объектов (и материальных, включая цифровые, и нематериальных) *по своему содержанию представляет одно и то же – смену обладателя объекта*, благодаря которой удовлетворяются потребности субъектов оборота (являющуюся функционированием гражданского оборота). По этой причине нельзя согласиться с утверждением, что «цифровой гражданский оборот представляет *особую сферу* (курсив наш. – *Ю.В.*) гражданского имущественного оборота»[589]. Как справедливо отмечает Е.Е. Кирсанова, «жесткое разграничение оборота на цифровой и нецифровой является неоправданным» и в числе аргументов указывает на то, что «цифровизация не предполагает полного перехода реальной жизни в виртуальное пространство», иллюстрируя это приобретением товаров и услуг посредством сети Интернет, а также примером рынка заказа такси: «…нельзя говорить о нескольких параллельно существующих рынках: рынке такси с заказом по телефону и через мобильное приложение, поскольку изменился только метод осуществления заказа и оплаты существовавшей ранее услуги»[590].

---

[589] *Карцхия А.А.* Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 14.

[590] *Кирсанова Е.Е.* Указ. соч. § 3.1. Гл. 3.

Однако, несмотря на содержательную идентичность, в разных ситуациях отличается *форма функционирования оборота*, то есть внешнее выражение смены обладателей благ, детерминированное как раз формой существования объектов оборота. В одних случаях гражданский оборот может быть *овеществленным*. Это имеет место при обороте вещей и результатов работ, когда смена обладателя определенного объекта визуализируется либо фактическим завладением самой вещи, либо вручением традентом акципиенту его символа, служащего средством, обеспечивающим доступ к этой вещи[591]. Регулятивная правовая регламентация соответствующих отношений сравнительно вторична, так как оборот подобных объектов может существовать и безотносительно к тому или иному позитивно-правовому регулированию и *de facto* может не совпадать с *de jure*. Безусловно, максимально желаем (и участниками оборота, и с позиций оборота как системы) переход самой вещи, сопровождающийся переходом (или, в зависимости от подхода к пониманию, возникновением) прав на нее. Однако в реальности такая синхронизация «юридического» и «фактического» моментов имеет место не всегда, причем в целом ряде случаев наступление тех или иных правовых последствий связывается именно с фактическим завладением вещью, оказывающимся, таким образом, первичным по отношению к вопросу о праве на вещь. Это и приобретение права собственности на вещь за давностью ее владения (ст. 234 ГК РФ), и приобретение права собственности на движимую вещь по договору: в силу нормы п. 1 ст. 223 ГК РФ оно, как правило, возникает с момента ее передачи, которой в соответствии с п. 1 ст. 224 ГК РФ признается вручение вещи, т. е. ее фактическое поступление во владение приобретателя или указанного им лица. Уместно в данной связи привести замечание А.Л. Боровиковского о том, что «в гражданском быту владение, хотя бы и не по праву, имеет значение гораздо большее, чем одно голое право собственности, т. е. право, несоединенное с владением»[592].

---

[591] Полностью солидарны с В.В. Ровным в том, что символическая передача вещи «помогает решать такие актуальные задачи, как *ускорение гражданского оборота*, а также *обеспечение траденту и акципиенту комфорта (и, что немаловажно, – безопасности) при совершении акта приема-передачи»* (*Ровный В.В.* Теоретические вопросы передачи вещи: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 85).

[592] *Боровиковский А.* Право и факт // Журнал министерства юстиции. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1867. Т. 32. С. 248.

В других же случаях оборот объектов мыслим только *в рамках правовой (юридической) формы*. Это касается таких объектов, как субъективные имущественные права и обязанности, юридическая обусловленность самого существования которых изначально исключает принципиальную допустимость фактической смены их обладателей. Вне правового регулирования такие блага не существуют, а значит, и их фактический оборот невозможен.

Наконец, существуют ситуации, в которых, с одной стороны, оборот объекта по форме является *неовеществленным*, но, с другой стороны, возможно фактическое (*de facto,* т. е. безотносительное к нормативно-правовой регламентации) получение субъектом блага, непосредственно удовлетворяющего его потребность, либо наличие обстоятельства, фактически «делающего» субъекта обладателем определенного объекта. В первой из указанных ситуаций подразумеваются, в частности, случаи оказания услуг, получения определенной информации; во второй – имеется в виду оборот объектов, существующих в виде токенов, передача ключа доступа к распределенной информационной системе относительно которых тождественна по существу факту их традиции (передачи)[593], но при этом не равнозначна трансакции (свойственной для смены обладателя юридически существующих имущественных субъективных гражданских прав) и, состоявшись фактически (реально), может не опосредоваться типичными гражданско-правовыми сделками (в частности, сделкой об уступке права, завещанием, лицензионным договором, договорами об отчуждения исключительных прав, купли-продажи, дарения, мены). То, что в digital-среде совершаются фактические действия (цифровые транзакции), а также фактический характер господства лиц над виртуальными объектами прямо отмечается и в юридической литературе. Так, Е.Е. Кирсанова пишет: «*В части цифровых объектов и получения злоумышленниками доступа к ним, а также последующего ограничения их использования речь идет не о необходимости защиты исключительных прав, подтверждении авторства или полу-*

[593] Как популярно разъясняет Л.Ю. Василевская, «объект в “цифре” существует в виде ***токена (Token)***, который рассматривается, с одной стороны, как цифровой код объекта, а с другой – как цифровой ключ, по которому системе удается определить “владельца” токена. Цифровой ключ позволяет идентифицировать “своего” пользователя системы с целью допуска к токену для совершения с ним транзакций, а также дает команду системе для блокировки действий “чужого” лица с токеном. Таким образом, он выполняет в системе функцию распознавания управомоченного лица» (*Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А*. Указ. соч. С. 93).

чении компенсации: интерес добросовестного правообладателя заключается ***в восстановлении фактического господства (контроля) над виртуальным объектом****, в получении доступа к нему, речь идет не о восстановлении правового титула (как, например, в ситуации с бездокументарными ценными бумагами)*»[594]. Вывод о фактическом характере действий в цифровой среде следует в том числе в силу неурегулированности части данных отношений позитивным правом, поскольку, действительно, «в отсутствие нормативного регулирования цифровых гражданских отношений, говорить о “цифровых юридических фактах”, “цифровых сделках”, “цифровых договорах”, “цифровых правоотношениях”, “цифровых обязательствах” безосновательно и юридически ошибочно»[595].

Обобщая изложенное, можно выделить *две основные формы функционирования гражданского оборота как социального феномена – фактическую и юридическую*. Оборот, функционирующий в *фактической форме*, характеризуется тем, что и введение объектов в оборот, и действия субъектов по смене обладателей благ (объектов) являются *фактическими*, а сам оборот может иметь место *и в отсутствие юридического опосредования либо* даже *вопреки тем или иным правовым нормам* (в последнем случае, впрочем, подлежа квалификации/оценке в качестве неправомерного, незаконного гражданского оборота). В отличие от этого особенность функционирования гражданского оборота в *юридической форме*, обусловленная спецификой соответствующего объекта – субъективных прав и обязанностей (способных существовать только в юридической форме), заключается в том, что *вне правового (юридического) опосредования гражданский оборот таких объектов функционировать не может*; соответственно этому, действия субъектов, направленные на смену их обладателей, могут быть *только юридическими*, хотя введение таких объектов в оборот может являться следствием не только юридических, но и фактических действий (например, при возникновении исключительного авторского права, потенциально введенного в оборот просто фактом создания соответствующего результата творческой деятельности – произведения литературы, науки, искусства).

---

[594] *Кирсанова Е.Е.* Указ. соч. § 3.2. Гл. 3.
[595] *Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А*. Указ. соч. С. 181 (автор раздела – Е.Б. Подузова).

Особой оговорки требуют случаи функционирования оборота в цифровом пространстве. Подробнее данный вопрос будет рассмотрен нами далее. Однако с учетом приведенных аргументов уже на данном этапе исследования можно утверждать о необходимости обособления *цифровой формы функционирования гражданского оборота, однако в рамках* выделенной *фактической формы*.

Таким образом, основными возможными формами функционирования гражданского оборота являются *фактическая и юридическая*, с последующим обособлением в рамках *фактической формы функционирования оборота овеществленной и цифровой форм*. Практическая значимость предложенного деления усматривается в его связанности с вопросом о допустимом порядке защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов участников оборота: применительно к гражданскому обороту, функционирующему в юридической форме, такой порядок может быть только юрисдикционным, поскольку, например, в случае незаконного списания акций (суть, имущественных прав) с лицевого счета акционера последний своими собственными действиями, без обращения к компетентным органам, восстановить свое нарушенное право не сможет. В отличие от этого субъекты фактически функционирующего гражданского оборота могут защищать свои права и интересы как путем обращения к компетентным органам власти, так и в порядке самозащиты (т. е. в неюрисдикционном порядке), в частности, посредством применения к нарушителю мер оперативного воздействия. Кроме этого, выделение фактической и юридической форм функционирования гражданского оборота способствует определению необходимых (востребованных) направлений нормативно-правового воздействия на гражданский оборот: 1) относительно гражданского оборота, способного функционировать в фактической форме, основной задачей законодателя является формирование охранительного механизма реализации и обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников оборота, в частности, путем установления правовых норм об ответственности отдельных видов субъектов оборота[596] (регулятивный механизм организации соот-

[596] На важность вопроса о деликтоспособности субъектов цифрового гражданского оборота обращает внимание Е.Б. Подузова, связывая этот вопрос со статусом субъектов цифровых отношений и отмечая, что «такой статус

ветствующих социальных связей, в силу присущего гражданскому обороту функционального свойства самоорганизации, эта система выработает сама; посредством регулятивных правовых норм «сверху» необходимо лишь сдерживать или купировать социально или идеологически нежелательные тенденции естественного развития системы оборота); 2) относительно гражданского оборота, способного функционировать исключительно в юридической форме, напротив, приоритетным направлением деятельности законодателя является скрупулезная детализация регулятивных норм, касающихся соответствующих объектов оборота (их правового режима и правил их оборота). С доктринальных позиций значение данной градации связывается нами с ее влиянием на понимание гражданского оборота, дополнительно аргументируя необходимость отказа от укоренившейся в отечественной цивилистике дефиниции гражданского оборота как правовой формы экономического оборота, не покрывающей случаи фактических (овеществленной и цифровой) форм функционирования оборота.

В завершение настоящего параграфа изложим основные выводы, полученные в процессе исследования.

Функционирование гражданского оборота как системы означает процесс деятельности этой системы на пути достижения своих целей. Как системе гражданскому обороту присущи два вида целей: внешняя – цель существования (предназначенность) системы, определяемая вышестоящей по отношению к ней системой общества (таковой является опосредование удовлетворения индивидуальных потребностей субъектов за счет «чужих» благ), и внутренняя, обусловленная созданием условий для достижения внешней цели, – самосохранение. Сообразно указанным целям, система гражданского оборота выполняет следующие функции: *функцию смены обладателей благ* – объектов, имеющих потребительную стоимость; *функцию самоорганизации* (самоупорядочения) – выработку самой системой гражданского оборота правил или моделей действия оборота, включая модели поведения его субъектов; *функцию саморегуляции*, которая является защитным

установлен на законодательном уровне ситуационно, несистемно, непоследовательно» (См.: *Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А*. Указ. соч. С. 169, 160).

механизмом, спонтанно приводимым в действие системой оборота для обеспечения своего функционирования в ответ на нерезонансное воздействие внешней среды, в том числе позитивного права.

По своей видовой характеристике, значимой с позиций правового регулирования, гражданский оборот является реальной, динамической, открытой, вероятностной, сложной, самоорганизующейся системой.

Функционирование в целом системы гражданского оборота достигается за счет функционирования отдельных элементов данной системы, главным образом – субъектов оборота. Функционирование объектов как элемента системы гражданского оборота в отличие от функционирования субъектов осуществляется пассивно, посредством просто наличия их в составе данной системы. Однако именно свойства объектов оборота ключевым образом определяют функционирование этой системы. В частности, формой (внешним выражением) существования объектов детерминированы формы функционирования гражданского оборота.

Сообразно видам объектов гражданского оборота, подразделенных по критерию формы их существования на материальные и нематериальные объекты, выделены две основные формы функционирования гражданского оборота – фактическая и юридическая, с последующим обособлением в рамках фактической формы функционирования оборота овеществленной и цифровой форм. Гражданский оборот, функционирующий в фактической форме, характеризуется тем, что и введение объектов в оборот, и действия субъектов по смене обладателей благ (объектов) являются фактическими, а сам оборот может иметь место и в отсутствие юридического опосредования либо даже вопреки тем или иным правовым нормам; гражданский оборот, функционирующий в юридической форме, имея в качестве объектов имущественные субъективные права и обязанности, вне правового (юридического) опосредования существовать не может, соответственно чему действия субъектов, направленные на смену их обладателей, могут быть только юридическими, хотя введение таких объектов в оборот может быть следствием и фактических действий.

Формой функционирования гражданского оборота определяется возможный порядок защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов его участников, а также необходимые (востребованные) направления нормативно-правового воздействия на гражданский оборот.

§ 2. Механизм функционирования системы гражданского оборота

Как было отмечено выше, функционирование гражданского оборота достигается главным образом за счет действий его субъектов (участников). Исходя из этого, действия субъектов являются основным средством *механизма функционирования гражданского оборота*, который можно определить как *систему средств, за счет которых происходит смена обладателей оборотоспособных благ (объектов, имеющих потребительную стоимость),* в результате чего достигается основная цель системы оборота – опосредование удовлетворения индивидуальных потребностей субъектов.

Ранее мы заключили, что в рамках системного подхода к пониманию гражданского оборота действия субъектов являются проявлением субъектами оборота присущего им свойства потенциальной деятельностной активности (потенциальной волевой деятельности). У физических лиц соответствующее свойство является врожденным (мы обозначили его как разумность), у искусственно созданных лиц (индивидуальных предпринимателей, юридических лиц и публично-правовых образований) – производно-юридическим и связано с таким их признаком, как легитимированность, включающим в свое содержание возможность волеформирования и волеизъявления. Проявление отмеченной потенциальной деятельностной активности, т. е. перевод ее из потенциального в актуальное состояние, делает лица участниками гражданского оборота, автоматически порождая тем самым соответствующие внутрисистемные связи элементов.

С позиций вопроса о механизме функционирования рассматриваемой системы следует подчеркнуть, что речь идет о *действиях* субъектов именно *как участников гражданского оборота*. Данная оговорка обусловлена в том числе тем, что, в част-

ности, публично-правовые образования в лице своих органов могут совершать не только сделки, но и иные виды действий, в частности, административные акты (как нормативные, так и индивидуальные), судебные решения. Последние из указанных видов действий нельзя признать действиями ППО как субъектов гражданского оборота, поскольку они совершаются органами государственной власти или местного самоуправления в рамках реализации ими своих властных полномочий. Иными словами, поскольку административные акты и судебные решения являются действиями, совершаемыми публично-правовыми образованиям не как субъектами системы гражданского оборота, т. е. не в связи с удовлетворением ими своих имущественных потребностей, равноценных потребностям иных участников оборота, эти действия не могут составлять содержание отношений гражданского оборота, а с позиций системного подхода к пониманию последнего – считаться функционированием рассматриваемой системы. В то же время и административные акты нормативного характера, и индивидуальные административные акты (такие как государственная регистрация, лицензирование), и судебные решения (например, о признании права, о принудительном заключении договора на условиях, определенных в судебном решении, и др.) бесспорно оказывают влияние на гражданский оборот, так как с ними должны соотносить свое поведение субъекты оборота. Однако по отношению к системе оборота отмеченные виды действий публично-правовых образований выступают в качестве внешних факторов и связаны с ее правовым регулированием (либо нормативным – в части действия нормативных административных актов; либо индивидуальным – в части принятия индивидуальных административных актов и судебных решений)[597].

Характеризуя *действия субъектов* как основное средство механизма функционирования гражданского оборота, дополнительно следует также отметить, что *сообразно структуре системы оборота, т. е. в зависимости от вида связей, на установление которых направлены*, они могут быть:

1) действиями, направленными на установление *первоначальной связи-принадлежности* определенного объекта конкретному субъекту, необходимой

[597] Подробнее об этом см. § 3 гл. 4 диссертации.

для последующего участия объекта в обороте (например: создание новой вещи, в том числе регистрация вновь создаваемой недвижимости; создание результата творческой деятельности, влекущее возникновение у создателя исключительного права на него). По существу, эта группа действий является *действиями по введению объектов в гражданский оборот*. В одних случаях такие действия совершаются субъектами безотносительно к правовому опосредованию (например, при создании движимых вещей, сборе или добыче общедоступных вещей и животных (ягоды, грибов, рыбы), завладении брошенными или бесхозяйными вещами), в других – нуждаются в правовом опосредовании (при создании «юридической» недвижимости (например, машино-мест), возникновении большинства субъективных имущественных прав и обязанностей как объектов оборота у определенного (конкретного) лица);

2) действиями, направленными на установление определенным субъектом *связи с другим участником оборота* для получения от последнего и обращения в свое господство его объекта, необходимого для удовлетворения за счет этого объекта своей потребности (проще говоря – *связи по переводу определенного объекта из «чужого» в «свое»*).

При этом такие действия могут быть *и фактическими* (например, передача или оккупация вещи, выполнение работы, оказание услуги, получение/распространение информации), *и юридическими* (например, подача заявления нотариусу о принятии наследства, совершение сделки цессии, заключение лицензионного договора). Несмотря на приведенные примеры, о соотношении фактических и юридических действий следует оговориться особо, так как при кажущейся понятности в их различии такое понимание, увы, является скорее интуитивным.

В цивилистической литературе положения о фактических и юридических действиях освещаются весьма поверхностно, в контексте рассмотрения иных вопросов – проблемы владения, классификации юридических фактов, способов осуществления субъективных гражданских прав, способов принятия наследства. При этом в современной цивилистической доктрине отличие юридических действий от фактических зачастую усматривают в том, что юридические действия влекут пра-

вовые последствия либо направлены на их достижение. Так, В.А. Белов, обозначая фактические действия (отношения) «жизненными», «реальными»[598], о сделках пишет как о действиях, «именуемых юридическими по причине направленности их влияния на субъективные права и юридические обязанности»[599]; аналогичное замечание делает он и относительно неправомерных действий, которые «подобно правомерным относятся к категории действий *юридических*, т. е. приводящих к юридическим последствиям»[600], в качестве ремарки указывая также на то, что «разделению на *правомерные* и *неправомерные* подлежат не все действия вообще, но *только юридически значимые (юридические) действия*. Действия, согласные с законом, но юридических последствий не имеющие (сон, ходьба по улицам, прием пищи и т. п.), данной классификации не подвержены. Предметом же классификации на законные и незаконные (объективно соответствующие и не соответствующие закону) могут быть *любые действия*, в том числе не являющиеся юридическими»[601]. Е.А. Суханов отмечает, что «под **фактическими способами** осуществления субъективного гражданского права понимается действие или система действий, совершая которые управомоченное лицо не преследует юридических целей (использование собственником дома для проживания, автомобиля – для транспортировки собственных предметов домашнего обихода; производственное использование основных средств организацией, владеющей ими на праве хозяйственного ведения, и т. п.). Под **юридическими способами** осуществления субъективного гражданского права понимаются действия, обладающие признаками сделок, а также иных юридически значимых действий, не являющихся сделками (например, посланное в срок, установленный п. 2 ст. 610 ГК, предупреждение арендатора или арендодателя об отказе от договора аренды, заключенного на неопределенный срок)»[602]. Однако высказываются и иные суждения. Так, Б.М. Гонгало, комментируя положения ГК РФ о фактическом принятии наследства, пишет в числе прочего, что «принятие мер по сохранению наследственного имущества, защите его от посягательств или при-

---

[598] *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. I. С. 311; *Его же.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 12 и др.
[599] Там же. С. 411.
[600] Там же. С. 519.
[601] Там же. С. 521.
[602] Российское гражданское право: учебник. в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 395.

тязаний третьих лиц может быть выражено в совершении как фактических, так и юридически значимых действий», непосредственно после, в скобках, замечая: «(*хотя и фактические действия имеют юридическое значение* (курсив наш. – *Ю.В.*) – свидетельствуют о принятии наследства)»[603]. В качестве примеров фактического принятия наследства – совершения действий, свидетельствующих о принятии наследства, ученый приводит, в частности, вступление во владение наследственным имуществом, оплату долгов наследодателя[604].

Представляется, что в основу разграничения фактических и юридических действий *не может быть положен критерий юридической значимости*, поскольку и действия, признаваемые «юридическими», и немалая часть действий, признаваемых «фактическими», влекут правовые последствия либо, как отмечается в литературе, «имеют правовой эффект»[605], в силу чего, следует признать, являются юридически значимыми.

Наиболее показательным примером является передача вещи, с учетом положений ст. 224 ГК РФ представляющая собой фактическое действие – вручение вещи, которым в свою очередь считается, повторим, ее фактическое поступление во владение приобретателя или указанного им лица. В.В. Ровный в обоснование «оригинального правового эффекта», присущего передаче[606], в числе прочих иллюстраций отстаиваемого тезиса приводит случаи «двойной продажи», при которых одна и та же вещь оказывается одновременно предметом нескольких обязательственных сделок, направленных на ее отчуждение, и справедливо отмечает, что передача вещи может состояться в пользу только одного приобретателя и состоявшаяся передача наряду с возникшим в результате правом дают соответствующему кредитору преимущество на оставление вещи; другим «“претендентам” остается лишь довольствоваться личным (обязательственным) иском к отчуждателю вещи (бывшему ее собственнику) *о возмещении убытков, причиненных не-*

---

[603] *Гонгало Б.М.* Избранное: в 5 т. Т. 5: Семейное право. Наследственное право. Международное частное право. М.: Статут, 2021. С. 221.
[604] Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б.М. Гонгало. С. 468.
[605] Выражение «юридический эффект» использовал, например, М.М. Агарков (*Агарков М.М.* Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. II. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 348 и др.).
[606] *Ровный В.В.* Указ. соч. С. 28, 30.

исполнением договора (см. ч. 2 ст. 398 ГК)»[607]. В.А. Белов, относящий к юридическим действиям «юридически значимые», акцентирует внимание на том, что «пресловутое *гражданско-правовое значение* – та роль, которую те или иные факты играют в гражданском праве – может быть различным» и подчеркивает, что это не только основания гражданско-правовых последствий, но также их предпосылки и условия, и что факты влияют не только на правоотношения (в качестве примера указывая на рождение человека или создание юридического лица и отмечая, что за этими обстоятельствами, «которые сами по себе не порождают никаких гражданских правоотношений – вряд ли кто-нибудь решится отрицать гражданско-правовое значение, выражающееся в возникновении новых субъектов гражданского права»)[608].

По критерию собственно юридической значимости все обстоятельства и факты реальной действительности (а не только действия субъектов, хотя с позиций правового регулирования они – в первую очередь, поскольку к их воле обращены правовые нормы) подлежат классификации на юридически значимые и юридически безразличные. Как отмечается в общетеоретической литературе, «отдельные отношения людей находятся вне сферы правового регулирования, а потому вообще не оцениваются правом (отношения любви, дружбы и т. д.). Они поддаются лишь моральной оценке. Другие отношения не регулируются правом, юридически безразличны и не требуют правового опосредования (например, увлечение спортом, музыкой, спортивные игры)»[609]. По указанному критерию, с учетом изложенного, и фактические (за вычетом тех, которые являются юридически безразличными), и юридические действия подлежат отнесению к одной группе – «юридически значимые». Но в этом случае их разграничение, согласно правилам классифицирования[610], должно предприниматься по иному критерию. Полагаем, что различие между фактическими и юридическими действиями кроется не столько в направленности действия лица на правовые последствия (например, обнаружение

---

[607] *Ровный В.В.* Указ. соч. С. 29–30.
[608] *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 458–459.
[609] Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М.: Инфра-М–Нома, 1997. С. 399.
[610] *Розова С.С.* Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука, 1986. С. 42–45.

клада или создание литературного произведения такой направленности могут и не иметь, но тем не менее в силу закона эти действия порождают совершенно определенные права и обязанности), сколько в зависимости действия лица от юридического опосредования, а также в характере его влияния на удовлетворение потребностей субъекта: юридические действия всегда опосредуются правовыми средствами и удовлетворяют потребности субъекта косвенно, в то время как фактические действия могут совершаться и безотносительно к правовому опосредованию и удовлетворяют потребности субъекта непосредственно.

Говоря о действиях субъектов – участников гражданского оборота, кроме этого, следует отметить, что они могут быть *как правомерными, так и неправомерными*, причем не всякое неправомерное действие влечет дисфункцию оборота, при которой действие гражданского оборота как системы не отвечает стоящей перед ней цели – опосредовать удовлетворение потребностей участников оборота. Примером неправомерных действий субъектов, влекущих дисфункционирование системы оборота, могут быть мнимые сделки. В то же время, например, присвоение чужой, скажем, потерянной кем-то вещи, не сопровождаемое мерами по отысканию собственника вещи или какого-либо другого лица, имеющих право получить ее, с целью возвратить найденную вещь этому лицу, подлежит квалификации в качестве неправомерного действия как нарушающее установления ст. 227 ГК РФ, тем не менее собственно функционирование гражданского оборота (достижение цели его существования – опосредовать удовлетворение субъектами своих потребностей за счет «чужих» благ) не колеблет. Однако подобные действия нельзя признать социально-полезными, в связи с чем и актуализируется необходимость правового регулирования отношений оборота – воздействия на них системы позитивного права.

Наконец, необходимо отметить, что функционирование гражданского оборота осуществляется, *как правило*, путем совершения субъектами *активных* действий, к числу которых относятся и косвенные по характеру волеизъявления конклюдентные действия[611]. В отдельных случаях проявлением потенциальной деятельност-

[611] Косвенный характер волеизъявления при совершении конклюдентных действий можно считать признанным в цивилистической литературе. Так, О.С. Иоффе при характеристике способов волеизъявления противопоставлял конклюдентному волеизъявлению прямое волеизъявление (*Иоффе О.С.* Избранные труды: в 4 т. Т. II. Советское

ной активности субъектов оборота может выступать и бездействие, т. е. отрицательные действия (при котором мы «отрицаем не наличие воли, а наличие ее положительного волеизъявления»[612]), которым, на наш взгляд, следует признать, в частности, молчание. В данной связи заметим, что в цивилистике для обозначения бездействия использовался такой термин, как «упущение». Например, Д.Д. Гримм именовал упущениями все отрицательные действия, отмечая, что «люди проявляют свою волю не только активным воздействием на окружающую обстановку, но и молчаливым протестом против предъявляемых к ним требований, не делая того, чего от них, по обстоятельствам дела, считают возможным ожидать»[613]. О.А. Красавчиков, также относивший молчание к числу отрицательных волеизъявлений, трактовал его несколько у́же, чем Д.Д. Гримм, понимая под ним не любое, а только правомерное бездействие; термин «упущение» использовался ученым для обозначения неправомерного бездействия[614]. Анализ современного гражданского законодательства РФ, обнаруживающий помещение нормы о молчании в статью, посвященную формам сделок, дает основание для вывода, что отечественным законодателем была воспринята позиция О.А. Красавчикова[615].

Итак, действия субъектов – участников гражданского оборота как основное средство механизма функционирования гражданского оборота могут быть направлены либо на *установление первоначальной связи-принадлежности* определенного объекта конкретному субъекту, необходимой для последующего участия объекта в обороте (действия по введению объектов в оборот), либо на *смену обладателя объ-*

гражданское право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 270.). В.А. Белов пишет, что «о содержании воли могут также *косвенно* свидетельствовать и иные активные действия лиц (*конклюдентные действия*)» (*Белов В.А.* Гражданское право: Общая и Особенная части. С. 157). В рамках электронного взаимодействия субъектов в качестве конклюдентного действия в литературе признают клик мышью (*Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А*. Указ. соч. С. 65–66).

612 *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. С. 154. Несколько у́же, а именно как «одну из форм противоправного поведения, являющегося обязательным признаком правонарушения и составляющего объективную сторону его состава», как «пассивное поведение, заключающееся в невыполнении обязанности, которую лицо должно было и могло исполнить» понимает юридически значимое бездействие О.А. Кузнецова (*Кузнецова О.А*. Бездействие как гражданско-правовая категория // Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 18–19 окт. 2013 г.) / отв. ред. О.А. Кузнецова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2013. С. 121).

613 *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права. С. 126–127.

614 *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. С. 154.

615 Подробнее о молчании см. работы: *Виниченко Ю.В., Никитина Ю.Д.* О значении молчания в российском гражданском праве // Налоги (газета). 2010. № 12; *Виниченко Ю.В.* Презумпция согласия в гражданском праве // Проблемы регистрации прав, фиксации и удостоверения фактов гражданского права: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2013. С. 193–214.

екта; могут быть *и фактическими, и юридическими*; могут *как соответствовать, так и не соответствовать правовым нормам*; как правило, имеют *активный* характер (исключение составляет (косвенное) волеизъявление в форме молчания).

Исходя из понимания механизма как *последовательности* состояний, процессов, определяющих собою какое-нибудь действие, явление[616], и учитывая, что отношения субъектов оборота, направленные на смену обладателей благ, возможны только при условии присутствия этих благ в обороте, целесообразно рассматривать *введение объектов в оборот и действия участников оборота по смене обладателей объектов (благ)* в качестве *самостоятельных средств механизма функционирования гражданского оборота*. Заметим, что в юридической литературе введение объекта в оборот и действия субъектов в отношении объекта, уже находящегося в обороте, в качестве самостоятельных стадий оборота признает В.А. Петрушкин, отмечая, что гражданский оборот «при его рассмотрении с точки зрения конкретного объекта (группы объектов) носит, в известной мере, процедурный характер: это система последовательно совершаемых процедур»[617].

Говоря о механизме функционирования гражданского оборота, нельзя не учесть и вид субъекта оборота, совершающего то или иное действие. Имеется в виду наличие в обороте в качестве участников не только естественных по происхождению физических лиц, но и искусственно созданных лиц (индивидуальных предпринимателей, юридических лиц и публично-правовых образований). И если физическим лицам для того, чтобы стать участниками гражданского оборота достаточно начать действовать, то искусственно созданным субъектам необходимо сначала приобрести соответствующий статус: в противном случае другие участники оборота не смогут воспринимать их действия как поведение некоего самостоятельного субъекта, который не тождественен конкретному физическому лицу, представляющему его в обороте. В связи с этим в ситуациях, когда участниками оборота являются искусственно созданные субъекты, механизм функционирования гражданского оборота не может быть ограничен действиями субъектов и нуждается в дополнении еще одним сред-

---

[616] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 354.
[617] *Петрушкин В.А.* Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости… С. 54.

ством – *легитимацией*, представляющей собой создание таких искусственных субъектов (путем их регистрации), влекущей приобретение ими качества самостоятельных участников оборота, включая определенную правосубъектность в этой сфере.

На функционирование гражданского оборота оказывают влияние не только свойства субъектов, но и характеристики объектов гражданского оборота, в частности, форма их существования, которой в свою очередь определяется форма функционирования оборота (фактическая или юридическая). Однако механизм функционирования гражданского оборота (т. е. «набор» необходимых для этого средств) в обеих формах является идентичным: 1) непременным средством функционирования гражданского оборота является введение в него определенного объекта (суть, установление персонально конкретизированной связи-принадлежности «объект–субъект»); 2) если участником гражданского оборота выступает искусственно созданный субъект (индивидуальный предприниматель, юридическое лицо, публично-правовое образование), то столь же необходимым, в качестве «исходного», является такое средство, как легитимация, необходимая для признания за подобным субъектом качества самостоятельного участника оборота, обладающего в этой сфере определенной правосубъектностью; 3) основным собственно функциональным («динамическим») средством существования гражданского оборота выступают действия субъектов, направленные на получение «чужих» объектов.

Между тем определенную специфику имеет функционирование гражданского оборота в цифровом пространстве, когда последнее используется субъектами оборота для их взаимодействия между собой либо когда цифровая среда ввиду особенностей объектов является единственно возможной для их оборота. В первом случае речь идет об отношениях участников оборота, лишь опосредуемых использованием информационных технологий. В этом случае цифровизация оборота проявляется в способах оформления отношений по перераспределению благ или прав на них. Здесь, прежде всего, имеется в виду совершение сделок, в том числе заключение договоров с помощью электронных либо иных технических средств путем составления электронного документа, который считается письменной формой сделки (с принятием федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесе-

нии изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[618] такая возможность прямо предусмотрена, в частности, нормами абз. 2 п. 1 ст. 160, п. 2 ст. 434 ГК РФ[619]). Объектами оборота при этом могут являться любые оборотоспособные объекты, в том числе вещи, результаты работ, оказание услуг, оборотоспособные имущественные права. К этой группе относятся также отношения купли-продажи товаров дистанционным способом через интернет-магазины или маркетплейсы, равно как и отношения по получению услуг посредством агрегаторов: совершая ряд последовательных действий в информационно-цифровой среде, в результате субъект реально (физически) получает интересующее его благо, ничем не отличающееся от того, которое он мог бы получить и иными способами, без обращения к цифровым посредникам. Иной характер имеют отношения по поводу объектов, существующих исключительно в информационно-цифровой среде, поскольку так называемое виртуальное имущество, цифровые активы вне «цифры» ни существовать, ни оборачиваться не могут по своей природе. Однако с позиций механизма функционирования оборота принципиальной разницы между описанными ситуациями нет, в связи с чем деление гражданского оборота на оборот, опосредуемый цифровыми технологиями, и оборот, существующий в digital-среде, является весьма условным и нецелесообразным.

В то же время характерной особенностью действия оборота частично или полностью в цифровом пространстве является необходимость предварительного «вступления» участников оборота в эту цифровую среду, при помощи которой или исключительно в которой осуществляется их взаимодействие. Достигается это посредством идентификации субъекта в определенной информационной системе (онлайн сервисе, на сайте и др.), становясь пользователем которой, лицо

---

[618] Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

[619] А именно норма абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ «Письменная форма сделки» гласит: «Письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю». В соответствии с правилом п. 2 ст. 434 ГК РФ «Форма договора» «Договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абзаца второго пункта 1 статьи 160 настоящего Кодекса».

получает доступ к ее ресурсам. Процесс и общие правила идентификации достаточно детально нормированы государственными национальными стандартами, согласно которым идентификация разделяется на первичную, «осуществляемую при регистрации регистрирующей стороной нового субъекта (объекта) доступа», и вторичную, «регулярно повторяющуюся при каждом запросе субъекта доступа на доступ» (п. 5.2 ГОСТ Р 58833-2020)[620]. Так вот именно *первичная идентификация как регистрация конкретного субъекта в информационной системе* (суть, отношения по созданию в такой системе учетной записи, профиля, личного кабинета – аккаунта субъекта) выступает *еще одним средством*, дополнительно к выделенным (т. е. введению объектов в оборот, легитимации искусственных субъектов оборота и действиям субъектов оборота по смене благ), *подлежащим включению в механизм функционирования гражданского оборота при действии последнего с применением информационных технологий*.

В данной связи вновь обратимся к вопросу о характере действий субъектов оборота в цифровой среде. Прежде всего, следует различать действия субъектов, связанные с отмеченной регистрацией в информационных системах (по терминологии стандартов, «среде функционирования»[621]), и действия по смене обладателей благ. Первые, сопровождаясь «подписанием» или принятием условий[622] определенного пользовательского соглашения (квалифицируемого в качестве договора присоединения[623]), по своему характеру являются юридическими. Все же дальнейшие действия субъектов уже как пользователей[624] информационной системы – и последующий вход в нее (вторичная идентификация), и действия по смене облада-

---

[620] ГОСТ Р 58833-2020 «Национальный стандарт Российской Федерации. Защита информации. Идентификация и аутентификация. Общие положения». См. также: ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015) «Межгосударственный стандарт. Информационные технологии. Словарь»; ГОСТ Р 70262.1-2022 «Национальный стандарт Российской Федерации. Защита информации. Идентификация и аутентификация. Уровни доверия идентификации»: утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 05.08.2022 г. № 740-ст. М.: ФГБУ «РСТ», 2022.

[621] В п. 3.53 ГОСТ Р 58833-2020 среда функционирования определяется как «среда с предопределенными (установленными) граничными условиями, в которой существуют (функционируют) и взаимодействуют субъекты доступа и объекты доступа».

[622] Например, согласно п. 1.4. Пользовательского соглашения сервисов Яндекса «Начиная использовать какой-либо сервис/его отдельные функции, либо пройдя процедуру регистрации, Пользователь считается принявшим условия Соглашения в полном объеме, без всяких оговорок и исключений». URL: https://yandex.ru/legal/rules/.

[623] На то, что пользовательское соглашение является договором присоединения прямо указано, например, в наименовании Пользовательского соглашения сайта StranaGruzov.ru. URL: https://stranagruzov.ru/Home/Agreement.

[624] Согласно п. 3.44 ГОСТ Р 58833-2020 пользователь – «физическое лицо, первичная идентификация которого выполнена в конкретной среде функционирования».

телей благ в цифровой среде – на наш взгляд, являются фактическими. Будь они юридическими, случаи несанкционированного доступа являлись бы редким исключением, а не широко распространенной практикой. При этом *способом* (*суть, моментом*[625]) *смены обладателя объекта*, полагаем, выступает не собственно последовательность цифровых записей в цифровом компьютерном коде, сгенерированном компьютерной программой[626], отражающая лишь техническую (технологическую) специфику подобных ситуаций, а *являющееся суррогатом передачи (traditio) предоставление обладателем подобного объекта другому лицу ключа доступа к распределенной информационной системе, в которой этот объект существует*. То, что значения идентификационных атрибутов (атрибутов, которые характеризуют субъект доступа или объект доступа и могут быть использованы для его распознавания (п. 3.23 ГОСТ Р 58833-2020)) «как правило, являются отчуждаемыми», указано и в государственных национальных стандартах (п. 2 Примечания к п. 3.13 ГОСТ Р 70262.1-2022). Там же указано, что под субъектом доступа понимается «одна из сторон информационного взаимодействия, которая инициирует получение и *получает доступ* (курсив наш. – *Ю.В.*)» (п. 3.55 ГОСТ Р 58833-2020), т. е. именно доступ, а не право на доступ.

Данное замечание обусловлено тем, что в современной литературе доступ к информационной системе предложено рассматривать в качестве субъективного права. Автор такого подхода Е.Е. Кирсанова, с одной стороны, пишет, что «в случае использования аккаунта (в том числе в предпринимательской деятельности) не требуется подтверждать титул: презюмируется, что единственным лицом, которое имеет возможность непосредственно обладать таким объектом, является правомочный владелец, чьи правомочия подтверждаются его фактическим доступом (т. е. наличием у него логина/пароля, ключа доступа или иной возможности подключения к конкретной цифровой площадке, в рамках которой существует цифровой объект»[627]. В то же время она предлагает рассматривать доступ как самостоятельное субъективное

[625] О *способах* как фактах, «фиксирующих *момент* (курсив наш. – *Ю.В.*) приобретения субъектом», в частности, права собственности писал Б.Л. Хаскельберг (*Хаскельберг Б.Л.* Основания и способы приобретения права собственности: общие положения // Цивилистические исследования: Ежегодник гражданского права. Вып. 2-ой (2005) / под ред. Б.Л. Хаскельберга, Д.О. Тузова. М.: Статут, 2006. С. 352).
[626] *Карцхия А.А.* Указ. соч. С. 15.
[627] *Кирсанова Е.Е.* Указ. соч. § 3.2 Гл. 3.

право – «право доступа», для защиты которого обосновывает формирование «новой конструкции правового средства защиты нарушенного права: восстановление контроля, в рамках чего правообладатель цифрового объекта, утративший “владение” таковым объектом, вправе обратиться с иском к лицу, неправомерно получившему доступ к такому объекту, в рамках чего помимо традиционных убытков может также затребовать **осуществить возврат доступа**» («***иск о восстановлении фактического доступа к виртуальному объекту***»)[628]. В этой связи следует согласиться с М.А. Рожковой в том, что «для адекватного и эффективного применения новых технологий далеко не во всех случаях срочно требуется новое правовое регулирование» и что «современные технологии прежде всего нуждаются в техническом регулировании»[629], которое, полагаем, является в России вполне достаточным[630]. Что касается защиты интересов участников оборота, взаимодействующих в информационных системах, в части несанкционированного доступа к их аккаунтам, то для этого, полагаем, нет необходимости измышлять новый вид иска (о восстановлении фактического доступа к виртуальному объекту), поскольку соответствующее средство процессуальной защиты в отечественном праве уже имеется – предусмотренное ст. 12 ГК РФ требование о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права (рассчитанное на защиту в том числе фактических ситуаций, а не правообладания).

Первичная идентификация как неотъемлемое средство механизма действия (функционирования) гражданского оборота в цифровой форме не тождественна легитимации искусственно созданных субъектов и не может рассматриваться в качестве ее «продолжения», поскольку осуществляется *наряду* с ней и за всякой «цифровой персоной» кроется конкретный субъект оборота – физическое или юридическое лицо[631].

---

[628] *Кирсанова Е.Е.* Указ. соч. § 3.2 Гл. 3.

[629] *Рожкова М.А.* Нормативное регулирование (правовое, техническое, этическое) – что это такое и каким образом его разграничивать? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2020. 21 апр. URL: https://zakon.ru/blog/2020/4/21/ normativnoe_regulirovanie_pravovoe_tehnicheskoe_eticheskoe__chto_eto_takoe_i_kakim_obrazom_ego_razgr.

[630] Типовые процессы идентификации и аутентификации субъекта доступа подробнейшим образом (в виде наглядных схем-алгоритмов) справочно описаны, в частности, в Приложении Б ГОСТ Р 58833-2020 «Национальный стандарт Российской Федерации. Защита информации. Идентификация и аутентификация. Общие положения».

[631] Так, Е.Б. Подузова, предпринявшая специальное исследование вопроса о субъектах цифрового гражданского оборота, в общем виде замечает, что наряду со специальным статусом «у новых субъектов гражданского оборота есть общий статус – юридических лиц (преимущественно хозяйственных обществ) или индивидуальных предпри-

Отдельный вопрос – связанная с этим проблема аутентификации, т. е. подтверждения подлинности такой «цифровой проекции», «цифрового образа», сводящаяся к выявлению того конкретного субъекта, который «стоит за этим»[632]. В части технического нормативного регулирования процесса аутентификации прямо указано, что «при доступе должна обеспечиваться неизменность субъекта доступа и объекта доступа» и что до завершения процесса аутентификации все участники информационного взаимодействия «должны иметь возможность удостовериться (убедиться) в их неизменности» (п. 6.4 ГОСТ Р 58833-2020). В качестве средств такого удостоверения законодательно необходимо признать, как справедливо отмечает В.А. Вайнап, любые технически возможные способы идентификации и аутентификации субъектов, в том числе: (мобильную) электронную подпись; биометрические данные (электронную биометрическую подпись); абонентский номер клиента – физического лица, пользующегося услугами подвижной радиотелефонной связи; совершение действий, «однозначно идентифицирующих лицо и позволяющих достоверно установить его волеизъявление на совершение действий»[633]. При этом обязанность по доказыванию совпадения субъекта и его цифрового образа, согласимся, следует возложить на заинтересованную сторону[634].

Безусловно, максимально возможно обеспечивает защиту имущественных и иных интересов субъектов оборота в цифровой форме многофакторная аутентификация пользователя, при которой для проверки подлинности последнего наряду с фактором знания, совместно с ним, применяются и иные факторы – фактор владения и/или биометрический фактор. Фактор знания при этом означает, что при аутентификации с его применением субъект доступа должен знать определенную информацию; при этом «может использоваться как аутентификационная информация, непосредственно известная пользователю, например пароль, графический пароль, изображение, так и информация, позволяющая получить доступ к аутен-

---

нимателей», неоднократно акцентируя на этом внимание в последующем изложении (*Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А*. Указ. соч. С. 160. 173, 176, 177).

[632] В ГОСТах аутентификация определяется как «действия по проверке подлинности субъекта доступа и/или объекта доступа, а также по проверке принадлежности субъекту доступа и/или объекту доступа предъявленного идентификатора доступа и аутентификационной информации» (п. 3.4 ГОСТ Р 58833-2020, п. 3.3 ГОСТ Р 70262.1-2022).

[633] *Вайнап В.А.* Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5–18 // СПС «КонсультантПлюс».

[634] *Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А*. Указ. соч. С. 167 (автор раздела – Е.Б. Подузова).

тификационной информации, например одноразовый пароль или PIN-код» (п. 6.5 ГОСТ Р 58833-2020). В случае применения фактора владения субъект доступа должен обладать определенным предметом, содержащим аутентификационную информацию (п. 6.5 ГОСТ Р 58833-2020), например, мобильным телефоном, на который поступит смс-сообщение с одноразовым кодом. При использовании биометрического фактора «привязка устанавливается по результатам верификации биометрических характеристик, которые свойственны субъекту доступа – физическому лицу. При этом принимается, что эталонные характеристики субъекта доступа действительно принадлежат ему» (п. 5.2.8 ГОСТ Р 70262.1-2022; п. 6.5 ГОСТ Р 58833-2020); согласно положениям п. 6.7 ГОСТ Р 58833-2020 биометрический фактор должен использоваться только совместно с другими факторами, в том числе для подтверждения фактора владения, и его применение в качестве единственного фактора при однофакторной аутентификации не допускается. Однако пока многофакторная аутентификация пользователя применяется преимущественно в сфере оказания государственных, муниципальных и банковских услуг[635].

В завершение настоящего параграфа изложим основные выводы, полученные в процессе исследования.

Механизм функционирования гражданского оборота можно определить как систему («набор») средств, за счет которых происходит смена обладателей объектов оборота.

Основным средством механизма функционирования гражданского оборота являются действия участников оборота, которые: могут быть направлены либо на установление первоначальной связи-принадлежности определенного объекта конкретному субъекту, необходимой для последующего участия объекта в обороте (действия по введению объектов в оборот), либо на смену обладателя блага; могут быть и фактическими, и юридическими; могут как соответствовать, так и не соответствовать правовым нормам; как правило, имеют активный характер.

---

[635] О чем свидетельствует в том числе один из последних законов, касающихся рассматриваемого вопроса, – ФЗ РФ от 29.12.2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 19.

Разграничение фактических и юридических действий предложено осуществлять не по критерию юридической значимости, а по критериям зависимости действия лица от юридического опосредования, а также характера влияния действия на удовлетворение потребностей субъекта: юридические действия всегда опосредуются правовыми средствами и удовлетворяют потребности субъекта косвенно, в то время как фактические действия могут совершаться и безотносительно к правовому опосредованию и удовлетворяют потребности субъекта непосредственно.

На функционирование гражданского оборота оказывают влияние свойства субъектов и объектов гражданского оборота: искусственным участникам оборота – индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам и публично-правовым образованиям – необходима предварительная легитимация, т. е. их создание, влекущее приобретение ими качества самостоятельных участников оборота; формой (внешним выражением) существования объектов оборота детерминированы формы функционирования гражданского оборота. Однако при функционировании оборота в любой из выделенных форм (фактической или юридической) механизм действия оборота в целом является идентичным. Основными средствами механизма функционирования гражданского оборота всегда являются: 1) введение в оборот определенного объекта (суть, установление персонально конкретизированной связи-принадлежности «объект–субъект»); 2) действия субъектов по смене обладателей благ (направленные на получение «чужих» благ). Если участником оборота является искусственный субъект (индивидуальный предприниматель, юридическое лицо, публично-правовое образование), то в механизм функционирования гражданского оборота дополнительно включается 3) легитимация – создание таких искусственных субъектов (путем их регистрации), влекущее приобретение ими качества самостоятельных участников оборота, в том числе определенную правосубъектность в этой сфере. Если функционирование гражданского оборота осуществляется с применением информационных технологий, то необходимо еще одно средство – 4) первичная идентификация – регистрация конкретного субъекта в определенной информационной системе.

С учетом изложенных положений и выводов можно сформулировать итоговую дефиницию гражданского оборота, определив его как объективно существу-

ющую самоорганизующуюся систему общественных отношений, опосредующую удовлетворение индивидуальных потребностей частных субъектов за счет «чужих» благ путем фактической и/или юридической смены обладателей материальных (в т. ч. цифровых и виртуальных) объектов и субъективных гражданских прав и обязанностей, и выступающую в силу своей социальной значимости предметом правового, в том числе гражданско-правового регулирования.

§ 3. Начала функционирования системы гражданского оборота и место в их числе норм позитивного права

Только выявления того, какие функциональные характеристики присущи гражданскому обороту, какие функциональные процессы могут в нем протекать, наконец, посредством чего достигается функционирование системы оборота явно недостаточно. В рамках правового исследования, призванного способствовать решению прикладных задач права – упорядочения общественных отношений, защиты прав и интересов отдельных лиц, гораздо более значимым является выявление возможных, необходимых, эффективных (наиболее действенных с позиции государства, его правовой политики[636]) и оптимальных (т. е. наилучших в данных условиях, в том числе с позиций соотношения частных и публичных интересов) направлений воздействия на данную систему норм позитивного права.

Для этого, в свою очередь, необходимо знать, чем обусловлено то или иное состояние или поведение системы оборота, какие факторы (начала) имеют при этом решающее значение. Полагаем, что лишь в таком случае принятие новых либо корректировка существующих правовых норм, направленных на упорядочение гражданского оборота, равно как и руководящих разъяснений относительно их интерпретации, будет иметь ожидаемый от этого эффект, не сопровождаясь «побочным действием» (сводящим на нет самые благие законодательные мотивы) типа обхода закона, криминализации оборота или иных подобных негативных социальных явлений. Как верно указывает А.Г. Карапетов, «стоит констатировать,

[636] Мы исходим из понимания политики права как анализа того, «каким позитивное право должно быть с точки зрения содержательных задач общества и государства» (*Карапетов А.Г.* Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. С. 12).

что реальное позитивное право всегда находилось и находится под значительным влиянием экономических, социальных, этических, культурных и даже религиозных идей и реалий, без понимания роли которых юрист не в силах осознать истинные приводные ремни развития соответствующего правового явления и предложить адекватные пути реформирования», образно замечая, что «юрист, который видит только конкретные изменения в законах и судебной практике и не анализирует их истинные политико-правовые основания, подобен тому медику, который наблюдает ход болезни, но не осознает ее причины и не интересуется путями эффективного лечения»[637].

Характеристике начал, оказывающих влияние на функционирование гражданского оборота, и посвящен настоящий параграф диссертации.

Под началами функционирования гражданского оборота мы понимаем факторы, влияющие на его существование и действие. При этом, прежде всего, подчеркнем, что понятие «начала» мы не отождествляем с понятием «принципы», исходя в трактовке категории «начала» из признаваемой нами теории начал частного права Н.П. Асланян[638], которая, обосновав значимость данной общенаучной категории как важнейшего методологического средства постижения реальности, аргументировала вывод, что под началами следует понимать первопричины, обусловившие содержание и существо определенного феномена (а именно исследованного ученым российского частного права), и выявила смысловые компоненты данной категории – гносеологический и онтологический.

Гносеологический смысл будет точным смыслом термина «принцип», в то время как термин «начало» можно употреблять как в гносеологическом, так и в онтологическом смысле. Под гносеологическими (мировоззренческими, теоретико-познавательными) началами частного права автор понимает его «идеальные, концептуальные основания», т. е. «систему представлений, взглядов, воззрений, иными словами – идею частного права»[639]. Онтологические же начала исследованного феномена (именуемые также бытийственными, историческими) правовед опреде-

[637] *Карапетов А.Г.* Указ. соч. С. 16.
[638] *Асланян Н.П.* Основные начала российского частного права: монография; *Ее же.* Основные начала российского частного права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
[639] *Асланян Н.П.* Основные начала российского частного права: монография. С. 33.

ляет как «факторы, вызвавшие его к жизни, оказавшие существенное воздействие на обретение им бытия, обусловившие ту или иную его форму»[640].

Онтологические и гносеологические начала различают и иные современные ученые. То, что «юридическую конструкцию “основные начала” гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ) нельзя смешивать с такой близкой по форме, но отличающейся по смыслу и назначению категорией, как “принципы” гражданского права», отмечает М.Н. Семякин[641], заключая относительно реформирования гражданского законодательства, что «в качестве онтологических оснований этого процесса должны выступать происходящие сегодня в России экономические, организационно-структурные, социально-культурные и другие важнейшие преобразования, тенденции, наметившиеся в правоприменительной практике, а также ряд иных явлений частноправовой действительности, обусловливающие необходимость их законодательного упорядочения, правового регулирования, стимулирования их развития в необходимом направлении»; гносеологическими основаниями реформирования гражданского законодательства, по его мнению, «должны быть соответствующие философские, общенаучные, конкретно-научные и прежде всего юридической науки, знания, а непосредственно – законоведение, учение о законодательстве, закономерностях и путях его формирования и развития, его цели и задачах и т. п.»[642].

Основываясь на приведенной теории, и начала функционирования гражданского оборота также можно понимать в двух различных значениях – онтологическом и гносеологическом. Более того, полагаем, что гражданский оборот как реально существующее явление, представляющее собой неотъемлемую сферу человеческого бытия, *должен исследоваться с онтологических позиций*, поскольку по верному замечанию В.В. Зайцева и В.А. Рыбакова «исследовательская работа может носить действительно научный характер только на материалистической осно-

---

[640] *Асланян Н.П.* Основные начала российского частного права: монография. С. 203. Такими «первоистоками», «порождающей стихией», по мнению ученого, могут быть любые факторы, т. е. любые существенные фактические обстоятельства (см.: Там же. С. 33).

[641] *Семякин М.Н.* Основные начала гражданского законодательства – новая юридическая конструкция или синоним известной цивилистической категории? // Алтайский юридический вестник. 2013. № 4 (4). С. 131; *Его же.* Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации (часть 2) // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2018. Т. 3. № 2. С. 61.

[642] Там же. С. 75.

ве. Без последовательного продолжения, распространения материализма на область общественных, в т. ч. правовых, явлений нельзя вскрыть корни общественных идей, их столкновения и противоречия, разобраться в массе фактического материала»[643], и «все обладающее бытием, т. е. все существующее … может и должно рассматриваться в онтологическом плане»[644].

Учитывая изложенное и исходя из того, что гражданский оборот является социальной системой, под онтологическими (бытийственными) началами функционирования гражданского оборота следует понимать *фактические обстоятельства жизни общества*, обусловившие появление гражданского оборота и *определяющие его существование и развитие*, а под гносеологическими (мировоззренческими) – *основополагающие идеи (принципы, взгляды, представления*, в том числе оформленные в виде соответствующих нормативных правовых установлений), *влияющие на реализацию системой гражданского оборота выполняемых ею функций*. Указанные начала, разграничиваемые по субстанциональному признаку[645], различны по своей природе, которая проявляется в *характере их влияния* на функционирование гражданского оборота: влияние онтологических начал является *объективным*, гносеологических начал – *субъективным*.

С юридико-прагматической точки зрения имеет значение также дифференциация факторов (начал), определяющих действие гражданского оборота, на *эндогенные* и *экзогенные факторы*. Различие указанных начал этимологически очевидно: экзогенные факторы связаны с *внешним воздействием* на систему оборота, эндогенные факторы – с *внутренним эволюционным (само-)развитием* данной системы[646]. Следовательно, критерием их разграничения является характер происхождения (способ формирования) и воздействия на систему гражданского оборота. Влияние данных видов факторов на действие гражданского оборота, по наше-

---

[643] *Зайцев В.В., Рыбаков В.А.* О науке гражданского права: методологические и доктринальные аспекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4 (111). С. 59.

[644] *Тугаринов В.П.* Философия сознания (современные вопросы). М.: Мысль, 1971. С. 35.

[645] В контексте основного вопроса философии, на категориях которой покоится данная градация, онтологические (исторические) начала относятся к сфере материального (бытию), гносеологические (мировоззренческие) – к сфере идеального (сознанию).

[646] «Экзогенный» (от «экзо…» [гр. exō – снаружи, вне]) – «внешнего происхождения, вызываемый внешними причинами»; «эндогенный» (от «эндо…» [гр. endon – внутри]) – «внутреннего происхождения, вызываемый внутренними причинами» (Современный словарь иностранных слов. С. 701, 716–717).

му мнению, подлежит оценке с позиций дихотомии «оптимальное» – «неоптимальное», и, таким образом, их различение позволяет выявить *оптимальные (лучшие при существующих условиях) направления гражданско-правового воздействия* на гражданский оборот[647].

Понятия «эндогенный» и «экзогенный» используют, в частности, в макроэкономике – при прогнозном моделировании экономических явлений и процессов. Подобные экономические модели как «упрощенное отражение действительности, позволяющее выявить наиболее общие закономерности системы и взаимосвязи ее отдельных элементов»[648], включают два вида переменных: одни зависят от самой модели и значения других переменных, «т. е. являются результатом модели (они называются эндогенными)», другие переменные задаются вне модели и не зависят от нее (экзогенные)[649]. Эндогенные переменные ученые называют целями макросистемы. Так, Т.Ю. Матвеева при описании макроэкономической системы отмечает, что она (1) «находится под влиянием внешних факторов (экзогенные переменные), к которым относят естественные и социальные факторы», и (2) «имеет целями (эндогенные переменные): устойчивый рост совокупного реального выпуска; полную занятость экономических ресурсов; стабильный общий уровень цен; равновесие платежного баланса». Относительно экзогенных переменных автор указывает, что они могут быть либо благоприятными, улучшающими макроэкономическую ситуацию (например, теплый климат, хорошая погода, социальная стабильность), либо неблагоприятными, нарушающими эффективную работу макроэкономических механизмов (например, засуха, кислотные дожди, наводнения, землетрясения, войны, революции)[650]. С.Н. Ивашковский, анализируя кривую совокупного спроса, отмечает, что сдвиг этой кривой вследствие эффекта импортных закупок может происходить в результате изменений макроэкономической политики (денежного обращения, государственных расходов или налогообложения) или изменения экзогенных переменных, в числе которых называет: объ-

---

[647] Подробнее об этом см. в § 1 гл. 4 диссертации.
[648] Макроэкономика: учебник / под ред. С.Ф. Серегиной. М.: Юрайт, 2018. С. 16.
[649] Там же. С. 17–18.
[650] *Матвеева Т.Ю.* Макроэкономика: учебник: в 2 ч. Ч. 1 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 62.

ем производства в зарубежных странах, влияющий на объем экспорта, и уверенность бизнесменов, оказывающих непосредственное влияние на инвестиции[651].

Экзогенные и эндогенные факторы выделяют и отдельные представители юридической науки. Так, исследуя вопрос об основных началах российского частного права, Н.П. Асланян пришла к выводу, что в философских терминах развитие российского частного права можно охарактеризовать как «экзогенное, неподлинное развитие, всецело определяемое окружающей социальной средой, не позволившей в полной мере развернуться его историческим началам»[652]. По существу, об экзогенных и эндогенных нормах, обусловливающих обычные условия гражданского (коммерческого или торгового) оборота, пишет К.А. Алимжан, разграничивая их на статутные нормы – нормы собственно законодательства и нормы обычного права[653]. О «внешнем» (суть, экзогенном) влиянии концепций, сформулированных на базе иных правовых систем, международной практики применительно к способам обеспечения исполнения обязательств пишет Б.М. Гонгало, указывая при этом, в частности, на такие меры, включенные в свое время в определенный законом перечень способов обеспечения обязательств, как удержание имущества должника и банковская гарантия[654].

Целесообразность использования обеих предлагаемых классификаций – деления начал функционирования системы гражданского оборота на 1) онтологические и гносеологические и 2) эндогенные и экзогенные – обусловлена их взаимодополняющим характером. Мы полагаем, и намерены обосновать это далее, что онтологические начала функционирования гражданского оборота являются эндогенными, в то время как гносеологические начала функционирования рассматриваемой системы могут быть как эндогенными, так и экзогенными.

Конкретизируя предлагаемое деление начал функционирования гражданского оборота на онтологические и гносеологические, в числе **онтологических начал** гражданского оборота как фактора, детерминировавшего вообще его появление,

---

[651] *Ивашковский С.Н.* Макроэкономика: учебник. М.: Дело, 2002. С. 26.
[652] *Асланян Н.П.* Основные начала российского частного права: дис. … д-ра юрид. наук. С. 12, 264.
[653] См.: *Алимжан К.А*. Обычай как источник права в правовой системе Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: http://www.yurclub.ru/docs/civil/article73.html.
[654] *Гонгало Б.М.* Учение об обеспечении обязательств. С. 41–43.

прежде всего, следует указать на *персонификацию имущества* (индивидуальное присвоение благ). Именно с появлением (на этапе перехода общества от первобытной к земледельческой (крестьянской) общине[655]) у отдельных членов общины «своего»[656] имущества стали возможны и отношения по переходу благ, обмена ими. Не вызывает сомнений, что без появления индивидуальной собственности (как фактической принадлежности, присвоенности), в условиях собственности коллективной[657], обмен имущественными благами, а, следовательно, и оборот самих этих благ возникнуть не могли. По существу, индивидуальное присвоение благ сформировало субъектов оборота, первым объектом которого явился избыточный продукт[658]. Данный фактор имел значение не только на стадии зарождения системы оборота[659]; в качестве непременного, конститутивного условия функционирования оборота он выступает на всем протяжении истории общества. «Ничьи» блага обращаться не могут.

При этом, подчеркнем, речь должна идти именно о фактической присвоенности благ, а не о праве собственности на них. В историческом ракурсе в отсутствии определяющего влияния права собственности на гражданский оборот особенно отчетливо убеждает история поземельной собственности в российском государстве[660]: о юридическом отношении к земле, равно как и к другим вещам, т. е. о праве собственности, как представляется, можно говорить не ранее закрепления на законодательном уровне самого понятия «право собственности», что в России

---

[655] Характеризующейся дуализмом «между общинной собственностью на землю и парцеллярным крестьянским хозяйством, с неизбежностью предполагавшим частное присвоение продуктов труда» (*Маркс К, Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. С. 418–419).

[656] Которое очевидно способствовало развитию хозяйственной деятельности, поскольку, как верно отмечается в экономической литературе, «общественная “ничейная” собственность не стимулирует активную хозяйственную деятельность» (*Маховикова Г.А., Гукасьян Г.М., Амосова В.В.* Указ. соч. С. 29).

[657] Хотя, как отмечают специалисты, изначально обмен возник в межобщинной форме, когда происходил дарообмен между разными коллективами богатствами их природной среды – ценными сортами камня, охрой, янтарем и т. п. (*Алексеев В.П., Першиц А.И.* История первобытного общества: учебник. М.: Высш. шк., 1990. С. 185–186).

[658] Как заключают В.П. Алексеев и А.И. Першиц: «Вместе с избыточным продуктом и трудовым распределением зародился обмен» (*Алексеев В.П., Першиц А.И.* Указ. соч. С. 185).

[659] Которое произошло с переходом от родовой к земледельческой общине (в период неолита, т. е. еще до нашей эры), а не, как полагают отдельные ученые, «в связи с принятием Гражданского кодекса РФ» (*Иванова С.А*. Принцип справедливости в гражданском праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2006. С. 5).

[660] Выводы о ситуации в отношении недвижимых вещей как более экономически ценных и значимых объектов оборота, бесспорно, будут верны и применительно к движимым вещам. При этом говорить именно о собственности на землю следует исходя из того, что вплоть до XVII в. такой объект как дом юридически рассматривался в качестве движимого имущества (*Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. С. 588).

происходит только в конце XVIII в., в указах Екатерины II (манифест 28 июня 1782 г.). Но если права собственности до этого момента не существовало, а была только собственность как фактическое (экономическое) завладение, присвоение «впрок», «навеки»[661], то, онтологически связывая оборот благ исключительно с правом собственности на них, придется сделать вывод, что гражданского оборота в тот период не было. Между тем обращение к памятникам русского права (Русской Правде, Новгородской и Псковской Судным грамотам, Судебникам 1497 и 1550 гг., Соборному уложению 1649 г. и др.) обнаруживает значительный массив норм, касающихся оборота имущественных благ[662]. Признавая реальную значимость, а не номинальный характер этих норм, т. е. отражение в них наиболее актуальных и многочисленных ситуаций и отношений, существующих в обществе и нуждающихся в упорядочении, следует признать и факт наличия в эти периоды времени самих соответствующих социальных связей[663]. Отношения по присвоению и переходу благ существовали и до легального закрепления права собственности, но для их участников эти отношения были именно фактическими, на

---

[661] Примером договора купли-продажи XVII в. может быть следующий: «С аз Иван Степанов сын Урусов с сыном своим Иваном продали есми впрок ... в дом преч. Богородицы... вотчину свою купленную ... селцо Степановское ... А взяли мы я Иван Урусов с сыном своим Иваном за ту свою вотчину ... две тысячи рублев денег» (*Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. соч. С. 759. См. также С. 591, 527, 641, 696, 758).

[662] Помимо положений об опосредующих оборот *договорах* (купле-продаже, займе, найме, залоге и др.), это, в частности, нормы *о порядке наследования*, содержавшиеся в ст. ст. 90–95, 98, 100–106 Пространной редакции Русской Правды (Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 70–71), ст. 15, 88–91 Псковской Судной грамоты (Там же. С. 333, 339–340), ст. 60 Судебника 1497 г. (Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 61), ст. 92 Судебника 1550 г. (Там же. С. 119), ст. ст. 1–15 и др. гл. XVII «О вотчинах» Соборного уложения 1649 г. (Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. М.: Юрид. лит., 1985. С. 178–182). К нормам, связанным с переходом имущественных благ, можно отнести и многочисленные правила *о возмещении вреда*: ст. 2 Русской Правды в ее Краткой редакции по Академическому (Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. С. 47), ст. ст. 61, 67 Судебника 1497 г., ст. ст. 86, 99 Судебника 1550 г. (Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. С. 61–62, 117–118, 120), ст. ст. 211, 216, 224, 272–274 и др. гл. X «О Суде» Соборного уложения 1649 г. (Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3. С. 138–140, 148–149). Наконец, в рассматриваемых актах содержалась масса *положений о торговле, купцах* и т. п.: ст. ст. 32, 34, 37, 48, 54, 55, 117 Пространной редакции Русской Правды (Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. С. 66, 67, 72, 68, 100); преамбула, ст. ст. 17, 18, 36, 38 Новгородской Судной грамоты (Там же. С. 304, 306–308); ст. ст. 27, 38, 45, 46, 47, 56, 101, 118 Псковской Судной грамоты (Там же. С. 334, 335, 336, 337, 341, 342–343); ст. 46, 47, 55 Судебника 1497 г. (Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. С. 60, 61); ст. ст. 26, 73, 85, 90, 91, 93, 95 Судебника 1550 г. (Там же. С. 114, 119, 158, 169); ст. ст. 26, 206, 269, 276 и др. гл. X «О Суде» Соборного уложения 1649 г. (Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3. С. 106, 136,148–149). Были и специальные акты, посвященные регламентации торговых отношений, например, Новгородский устав великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых (см.: ст. ст. 4, 15 устава // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. С. 249, 250–251, 252, 255–256). Подробнее см.: *Виниченко Ю.В.* Гражданский оборот: опыт системного исследования. С. 262–266.

[663] То же можно сказать и о советском периоде. Категорические возражения вызывают суждения типа «в Советском Союзе гражданского оборота не было», подкрепляемые указанием на отсутствие в нашем государстве того периода права частной собственности. Чем тогда обусловлены терминология и положения ст. ст. 16, 20–23, 54, 181 ГК РСФСР 1922 г., п. 3 постановления Совмина СССР от 13.08.1958 г. № 914?

уровне материально-вещественного отграничения «своего», полученного в результате собственного завладения, и «чужого» как уже занятого кем-то другим[664]. Поэтому такие отношения не следует именовать правом собственности; по существу, это – отношения владения. На такую характеристику не повлияло и закрепление в законе права собственности, в подтверждение чего вновь приведем замечание С.В. Пахмана, сделанное им в 1877 г.: понятие права собственности «и поныне не установилось даже в законодательстве, так что самыя выражения “собственность” и “владение” употребляются большею частию как синонимы»[665].

Еще одним исторически первым началом системы оборота следует считать *общественное разделение труда,* непосредственным образом детерминировавшее необходимость удовлетворения субъектами своих потребностей за счет «чужих» объектов. Можно утверждать, что по мере экономического развития общества отмеченное разделение только нарастает. Степень и масштабы производственной специализации[666], наблюдаемой сегодня во всех сферах и на всех уровнях экономики (от микро- до мезо-, макро- и мега-)[667], очевидны любому обывателю и дают основание для вывода: общественное разделение труда не только обусловило появление оборота, но в форме специализации продолжает и в настоящее время влиять на функционирование оборота и, как следствие, на регулирующую его систему права. Это влияние заключается, в частности, в необходимости выработки системой права юридических основ новых видов экономической (хозяйственной) дея-

---

[664] Об очевидности и бесспорности данного положения свидетельствует суждение С.В. Пахмана, который предварил свой тезис о том, что свойственное человеку стремление к исключительному и независимому обладанию определенными ценностями «первоначально проявляется в одном физическом господстве над вещами, основанном на индивидуальной силе, и всякое обладание носит характер чисто-физический», словами «как известно» (*Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 1. Собственность, обязательства и средства судебного охранения. СПб., 1877. С. 1).

[665] Там же. С. 2.

[666] В экономической теории этим термином обозначают: «1) сосредоточение деятельности на относительно узких, специальных направлениях, отдельных технологических операциях или видах выпускаемой продукции; 2) приобретение специальных знаний и навыков в определенной области; 3) разделение труда по его отдельным видам» (*Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. М.: Инфра-М, 2011 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»). Выделяют такие виды специализации, как предметная (выпуск конечного продукта), подетальная (выпуск отдельных деталей для производства готовой продукции), технологическая (специализация отдельных стадий технологического процесса) (Там же; *Гацалов М.М.* Современный экономический словарь-справочник. Ухта: УГТУ, 2002. С. 306).

[667] В микроэкономике за основу анализа берется наименьшая хозяйственная единица – «домохозяйство» (отдельная фирма); мезоэкономика изучает законы и поведение определенных подсистем национальной экономики (агропромышленный комплекс, региональная экономика и т. п.); макроэкономика исследует экономику страны в целом; мегаэкономика изучает законы и поведение мировой экономики в целом (*Маховикова Г.А., Гукасьян Г.М., Амосова В.В.* Указ. соч. С. 19).

тельности[668]. Являясь по существу направлением естественного развития системы оборота, специализация обеспечивает и реализацию такого функционального процесса последней, как самовоспроизводство – спонтанное, самопроизвольно протекающее поведение системы, направленное на ее воспроизводство за счет внутренних ресурсов и резервов[669].

Внутренним ресурсом и резервом, обеспечивающим самовоспроизводство системы гражданского оборота, наверное, еще в большей мере является непрерывно увеличивающий свои темпы *уровень материального, технического и технологического общественного развития*. Именно данный фактор обусловил в свое время переход общества от доиндустриальной экономики к индустриальной, а последней – к постиндустриальной. Очевидно, что при сохранении сущности системы оборота (перераспределения и смены обладателей имущественных благ) состав оборота, сложность его структуры и интенсивность в отмеченные периоды были различными. Материальное, техническое и технологическое развитие общества ведет к расширению и модификации экономических связей, порождая «виртуализацию» пространства гражданского оборота, отражающую новую эпоху в развитии человечества, характеризующуюся стиранием границ между физическими и цифровыми технологиями и обозначенную четвертой промышленной революцией. Данный фактор детерминирует такое свойство системы оборота, как ее динамический характер[670], предполагающий постоянное развитие данной системы, т. е. уже отмеченное выше количественное и качественное изменение видов ее объектов, разновидностей субъектов, форм связей между ними[671]. Это не только диктует необходимость периодического изменения и дополнения существующих правовых норм, но и ставит вопрос о появлении в юридической науке и зако-

---

[668] Например, семейного предпринимательства, на необходимость специального законодательного регулирования в России которого указывается в отечественной юридической литературе (*Баркова Л.А.* Совершенствование российской правовой модели семейного предпринимательства с учетом зарубежного опыта правоприменения // Семейное и жилищное право. 2014. № 5. С. 6–9; *Левушкин А.Н.* Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 25–30).

[669] *Резник Ю.М*. Указ. соч. С. 385–386.

[670] О динамических и статических системах см.: *Резник Ю.М.* Указ. соч. С. 390; *Прангишвили И.В.* Указ. соч. С. 53; *Юдин Э.Г.* Указ. соч. С. 179; *Ракитов А.И.* Указ. соч. С. 74–75.

[671] Об основных изменениях «в отношениях (экономическом базисе)», вызванных развитием цифровой экономики, см.: *Габов А.В.* Изменения в праве как следствие развития цифровой экономики // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 42–43.

нодательстве принципиально новых разделов (например, цифрового права, «робототехнического права»[672], «права социальных сетей»[673]), побуждает правоведов к теоретическому решению новых, порожденных актуальной практикой, задач[674]. Как справедливо отмечает В.В. Богдан, «появление новых, ранее не известных видов деятельности обусловливают необходимость выработки не только норм права, способных должным образом регулировать новые отношения, но и подходов, классификаций, дефиниций и иных инструментов, совокупность которых может привести к возникновению нового института или даже отрасли права»[675].

В числе фактических социальных обстоятельств функционирования гражданского оборота следует указать также на *ограниченность и редкость ресурсов,* необходимых для производства объектов. В экономической теории естественная ограниченность ресурсов (природных, инвестиционных, трудовых) интерпретируется как их конечность; редкость ресурсов заключается в том, что «все имеющиеся в распоряжении любого общества ресурсы всегда недостаточны для полного удовлетворения всех потребностей людей»[676]. Иногда такое разграничение не проводят, просто отмечая, что ресурсы «недостаточны, т. е. ограничены. Если бы ресурсов хватало, то не было бы надобности в экономической теории, поиске путей повышения уровня благосостояния общества»[677]. С любой из указанных позиций об ограниченности ресурсов можно говорить как в масштабах общества в целом, так и применительно к конкретному субъекту. Прежде всего, при этом имеется в виду получающая все большее признание и развитие социо-экономическая модель, основанная на идее совместного потребления[678] – коллективного исполь-

---

[672] *Аристов Е.В., Кузнецова О.А.* К вопросу о формировании и развитии права роботов (правового регулирования робототехники) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательское право; право и управление. 2018. № 8 (99). С. 58–62. См. также: *Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А.* Указ. соч.

[673] *Богдан В.В.* Трансформация частного права: ведение бизнеса в социальной сети // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 44 и след.; *Ее же.* Право социальных сетей (частноправовой аспект) // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 133–147; *Богдан В.В., Лаксми Л.* Субъекты права социальных сетей: к вопросу об определении правового статуса пользователей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 28–38.

[674] О направлениях гражданско-правовых исследований в современных условиях см.: *Серова О.А.* Указ. соч. С. 78–89.

[675] *Богдан В.В.* Проблемы формирования нетипичных форм гражданских правоотношений: детский моделинг // Вестник Чеченского государственного университета. 2020. №2 (38). С. 143.

[676] *Маховикова Г.А., Гукасьян Г.М., Амосова В.В.* Указ. соч. С. 30.

[677] *Сидоров В.А., Кузнецова Е.Л., Болик А.В.* Общая экономическая теория: учебник для студентов высших учебных заведений [Электронный ресурс]. Майкоп: ЭлИТ, 2017. URL: http://201824.selcdn.ru/elit-050/index.html. С. 18.

[678] Англ. collaborative consumption, также ше́ринг – англ. sharing.

зования товаров и услуг, которое позволяет максимизировать эффективность использования ресурсов и является формой общественной кооперации (среди наиболее распространенных отношений в этой сфере выделяют: каршеринг, райдшеринг, своп-отношения, коворкинг, коливинг, краудшипинг, фудшеринг и др.[679]). Кроме этого, в условиях ограниченности ресурсов перед отдельными субъектами – участниками оборота стоит также задача выбора: какими из своих потребностей они могут пренебречь и от каких благ, необходимых для удовлетворения этих потребностей, они готовы отказаться. Все перечисленное, безусловно, не может не сказываться на общей системе отношений, образующих гражданский оборот, на избираемых субъектами моделях своего поведения и, следовательно, на соответствующих формах правового опосредования (например, заключение с целью получения имущества договоров не купли-продажи, а мены, аренды, найма и т. п.), определяя в том числе необходимость законодательной регламентации новых видов и форм взаимодействия субъектов оборота.

В числе онтологических факторов, влияющих на систему оборота, нельзя не выделить и *географический* фактор. Его значимость отмечают, в частности, экономисты[680], по мнению которых главными условиями, или средами, в которых осуществляется деятельность людей, являются две: социальная (общественная) и естественная (географическая); к социальной среде жизни людей относят отношения собственности и социальное устройство общества, к естественной среде – разного рода ресурсы и иные условия жизни[681]. Географический фактор, на наш взгляд, влияет на ряд моментов. Прежде всего, этим определяется объем и скорость оборота. В качестве пояснения приведем слова В.И. Курдиновского, который, рассматривая в свое время право соседства, писал: «Размеры Русского государства необъятны. Население многих местностей незначительно… Границы отдельных владений кое-где не определены и поныне. Понятное дело, что при таких

---

[679] О видах отношений коллективного использования товаров и услуг см.: *Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А*. Указ. соч. С. 59; *Аюшеева И.З., Подузова Е.Б., Сойфер Т.В.* Концептуальные основы правового регулирования отношений по коллективному использованию товаров и услуг (sharing economy) в условиях развития цифровых технологий: монография. М.: Юстицинформ, 2021. Разд. 2.1.

[680] Курс лекций по основам экономики; микроэкономике; макроэкономике / под ред. В.П. Горева. С. 478, 493, 497 и др.

[681] *Маховикова Г.А., Гукасьян Г.М., Амосова В.В.* Указ. соч. С. 29–30.

условиях редки были столкновения между соседями…»[682], в том числе, – дополним мы – в связи с оборотом имеющихся у них благ. Представляется бесспорным, что процесс гражданского оборота, скажем, в районах Крайнего Севера протекает значительно медленнее, чем в любом из российских мегаполисов; в последних система оборота функционирует более интенсивно. Соответственно, разнится и объем товарооборота. Природно-климатические (суть, также географические) условия объективно определяют, кроме этого, потребности субъектов и, следовательно, преобладающие объекты оборота (их «набор») в границах той или иной территории, климатической зоны: очевидно, что, например, в Иркутской области в отличие от Краснодарского края потребность в так называемой «зимней резине» для автомобильного транспорта и удельный вес последней в общем количестве оборачиваемых объектов несравнимо больше. С точки зрения функционирования системы гражданского оборота под воздействием географического фактора проявляются, в частности, такие свойства данной системы, как реактивность, характеризующая поведение системы, однозначно обусловленное воздействием среды, а также адаптивность, характеризующая степень приспособленности системы к новым условиям развития[683] и соответствующий ей функциональный процесс приспособления системы к изменяющимся условиям жизнедеятельности – адаптацию.

В отдельную группу онтологических начал функционирования гражданского оборота можно выделить факторы, связанные с элементами системы гражданского оборота – ее объектами и субъектами.

Относительно объектов оборота укажем на *форму,* т. е. внешнее выражение существования последних, непосредственно определяющую, как было показано, форму функционирования гражданского оборота.

Что касается факторов, связанных с участниками гражданского оборота и влияющих на функционирование оборота как системы, то к ним, прежде всего, следует отнести безграничность потребностей субъектов в смысле их неутолимости. «Человек представляет собой испытывающее нужду животное и редко дости-

---

[682] *Курдиновский В.И.* К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России. Одесса: «Экон.» тип., 1899. С. 229–230.
[683] *Резник Ю.М.* Указ. соч. С. 384.

гает состояния полного удовлетворения, разве что на короткое время. Как только удовлетворяется одно желание, тут же его место занимает другое. Когда и оно удовлетворено, на передний план выступает третье и т. д. Отличительной чертой человека на протяжении всей его жизни является то, что он беспрерывно чего-то желает», – писал А. Маслоу[684], как известно, расположивший все потребности человека в виде определенной иерархии, получившей название «пирамида Маслоу». Эмпирический опыт убеждает в справедливости данного суждения: удовлетворив «низшие» потребности, человек продолжает подниматься по пирамиде потребностей все выше и выше. Именно благодаря неиссякаемости человеческих потребностей люди, несмотря на внутренние колебания или внешние потрясения, будут изыскивать возможности и средства удовлетворения своих потребностей, вновь и вновь порождая интегративные связи, образующие существо гражданского оборота, и тем самым делая последний бесконечно функционирующей системой.

Еще одним онтологическим началом функционирования гражданского оборота является разумность как природная познавательная способность физических лиц, непосредственно участвующих в гражданском обороте, адекватно воспринимать окружающую действительность, понимать связь вещей и явлений и действовать целесообразно этой связи[685], которая не только обусловливает определенное – целесообразное – поведение участников оборота, в том числе следование ими существующим правилам и нормам, но и выступает началом, буквально – источником самоорганизации и саморегуляции данной системы, т. е. деятельности по выработке внутренних правил или моделей действия оборота (обыкновений, договорных конструкций и т. п.), а также реакции на то или иное воздействие на систему оборота со стороны позитивного права. По своей природе отмеченные «внутренние» правила оборота являются социальными нормами[686], которые так же, как и правовые нормы являются, по выражению А.М. Даниеляна «продуктом

[684] *Маслоу А.Х.* Указ. соч. С. 37–38.
[685] См. § 1 гл. 2 диссертации.
[686] Относительно которых в общетеоретической юридической литературе отмечается, что «социальные нормы создаются *разумными существами*, которые чаще всего могут предвидеть последствия, связанные с ее действием», и неоднократно указывается, что в определенный исторический период знания людей и их сознание, интеллектуальные способности, уровень абстрактного мышления были еще слишком несовершенны или, напротив, достаточно высокими для появления тех или иных фактов правовой действительности (*Кашанина Т.В.* Происхождение государства и права: учеб. пособие. М.: Высш. образование, 2009. С. 200–201, 217–218, 219, 225, 228, 241, 243 и др.).

человеческой головы»[687]: именно благодаря разумности как познавательной способности физических лиц «постоянным комбинациям конкретных отношений сосуществования»[688] придается значимость и складывается их регламентация; причем в виде норм получают оформление наиболее целесообразные (разумные, рациональные), а потому необходимые с позиций данного конкретно-исторического общества, модели поведения. Как писал В.М. Хвостов, «разум, отличающий человека от животного, дает возможность сознательно относиться и к социальной жизни… Многое в истории человеческих обществ является продуктом условий, не зависящих от человеческого рассудка и не входящих в людские расчеты… Но тем не менее целевая деятельность людей, освещаемая данными познания, составляет могущественный фактор социального развития. Она приводит к тому, что и формы человеческого общежития не остаются одними и теми же, но постоянно развиваются и разнообразятся»[689].

Особое место в ряду онтологических факторов функционирования гражданского оборота занимают персональные ценностные качества субъектов, представляющие из себя сформированные у субъектов под влиянием социума их этические, морально-нравственные личностные свойства (в частности, справедливость[690], добросовестность[691]). В этой связи сделаем оговорку терминологического толка – об использовании терминов и соответствующих им понятий «этика» («этиче-

---

[687] *Даниелян А.М.* Содержание и форма социалистического права: дис. ... д-ра юрид. наук. Ереван, 1971.

[688] Выражение Д.Д. Гримма (*Гримм Д.* Соотношение между юридическими институтами и конкретными отношениями. М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1914. С. 6).

[689] *Хвостов В.М.* Общая теория права. Элементарный очерк. М.: Университет. тип., 1905. С. 9–10.

[690] В отечественной цивилистике этический характер (принципа) справедливости признают, например, А.Г. Карапетов, А.И. Савельев, Д.Е. Богданов, С.А. Иванова (*Карапетов А.Г., Савельев А.И.* Свобода договора и ее пределы. М.: Статут, 2012; *Богданов Д.Е.* Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве: монография. М.: Проспект, 2013. С. 19 и след.; *Иванова С.А.* Указ. соч. С. 16).

[691] Тезис о нравственном характере добросовестности в российской гражданско-правовой доктрине является широко признанным (*Белов В.А.* К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики. М: Волтерс Клувер, 2006 // СПС «КонсультантПлюс»; *Богданова Е.Е.* Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 11, 24–25; *Василенко Е.В*. Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 8; *Попова А.В.* Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: Законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран-членов Европейского Союза: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 11–12; *Татарников А.В*. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 25). Об отдельных аспектах добросовестности в гражданском праве см. также: *Булаевский Б.А.* Презумпция добросовестности в вещных правоотношениях // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6 (92). С. 121–125; *Ширвиндт А.М.* Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // Aequum ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева. М.: Статут, 2014. С. 203–242 и др.

ский»), «мораль» («моральный») и «нравственность» («нравственный»). Предприняв попытку их разграничения, и убедившись, что интерпретация данных терминов неоднозначна[692], а их исходные значения близки до уровня смешения[693], мы пришли к выводу, что подобное разграничение не приблизит нас к сути основного вопроса – о влиянии соответствующих факторов на функционирование гражданского оборота. Поэтому мы обобщенно обозначили эти факторы как «ценностные» (т. е. отражающие дихотомии «добро и зло», «добродетель и порок», «правильное и неправильное» и др.), безотносительно к их характеристике в качестве этических, моральных, нравственных, морально-нравственных, морально-этических и т. п.

Относительно причисления персональных ценностных качеств субъектов к онтологическим началам функционирования гражданского оборота[694] укажем на принадлежность их субъектам как участникам данной системы общественных отношений. Иными словами, персональные ценностные качества субъектов выступают факторами, онтологически обусловливающими функционирование гражданского оборота, поскольку являются не «голой» идеей, абстрактными представлениями о справедливости или добросовестности, а качествами, реально воплощенными в конкретных лицах, и, таким образом, существующими в системе оборота

---

[692] Так, в Современном философском словаре указано: «Первоначально понятия “этика”, “мораль” и “нравственность” совпадали и означали науку о человеческих нравах. Позже, по мере развития общественного сознания и самой науки, за ними стали закреплять различные смыслы. Под этикой стали понимать теоретическую науку, область философии, которая изучает мораль (нравственность). Под моралью – само реальное общественное явление (форма отношений людей в обществе и совокупность норм (правил), регулирующих эти отношения). Вместе с тем, “мораль – не просто то, что есть; она, скорее, есть то, что должно быть” (А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян). В общекультурной лексике “нравственность” считается русским аналогом латинского слова “мораль”» (Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. М.: Академический Проект, 2004. С. 408).

[693] Например, в одном из энциклопедических изданий указано: «Нравственность – термин, употребляемый, как правило, синонимично термину “*мораль*”, реже – “*этика*”» (Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 587). Другой словарь содержит следующее, близкое, пояснение: «Нравственность – один из самых важных и существенных факторов общественной жизни, общественного развития и исторического прогресса; *мораль*» (Философский энциклопедический словарь. С. 309). Исходя из этого, можно сделать вывод об отождествлении слов «нравственность» и «мораль». В то же время примечательно, что, в частности, в последнем из указанных изданий слову «мораль» посвящена отдельная словарная статья, из содержания которой следует, что связь этого термина с лексемой «нравственность» состоит лишь в том, что «мораль» происходит «от лат. moralis – нравственный» (Там же. С. 275–276). Ожидаемые в случае синонимичности терминов «перекрестные» отсылки между указанными словарными статьями отсутствуют.

[694] В цивилистической доктрине онтологический характер справедливости обосновала А.Ю. Аракелян (*Аракелян А.Ю.* Справедливость в российском гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 25, 58, 68, 117, 119), а добросовестность к онтологическим (историческим) началам права относит Т.В. Новикова (*Новикова Т.В.* Понятие добросовестности в российском гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар. 2008. С. 153).

как некая объективная данность, непосредственно детерминирующая действия субъектов, а, значит, и функционирование системы гражданского оборота.

В силу своей объективной природы, т. е. существования вне и независимо от человеческого сознания, онтологические начала имеют характер сущностно неизменных данностей, т. е. закономерностей. Все они, за исключением географического фактора, по характеру происхождения и влияния на гражданский оборот являются внутрисистемными, следовательно, эндогенными факторами. При этом такие факторы, как персонификация имущества, общественное разделение труда, уровень материального, технического и технологического общественного развития, ограниченность и редкость ресурсов можно объединить в группу экономических начал, эндогенный характер которых по отношению к системе гражданского оборота вытекает из того, что последняя относится к экономической сфере общества. Что касается таких факторов, как форма объектов, безграничность потребностей субъектов оборота, разумность и персональные ценностные качества последних, то они отнесены нами к числу эндогенных как определяющих действие системы оборота «изнутри».

Таким образом, онтологическими началами функционирования гражданского оборота являются: 1) *экономические факторы*, включающие персонификацию имущества, общественное разделение труда, уровень материального, технического и технологического общественного развития, ограниченность и редкость ресурсов; 2) *географический фактор*; 3) *форма существования объектов оборота*; 4) *факторы, характеризующие субъектов* – участников гражданского оборота (безграничность потребностей субъектов, разумность как познавательная способность физических лиц, персональные ценностные качества субъектов).

Объективный характер существования онтологических начал функционирования гражданского оборота, а также их принадлежность к числу эндогенных факторов, которые, как было отмечено, детерминируют внутреннее естественное развитие системы оборота, с одной стороны, свидетельствуют о самодостаточности данной системы, о ее высоком самоорганизационном потенциале, а с другой, юридически значимой, – позволяют, при условии знания таких факторов, относи-

тельно точно определять тенденции развития гражданского оборота и на этом основании – направления соответствующего правового воздействия на него[695]. В частности, прогнозируемым является появление в гражданском обороте новых видов хозяйственной деятельности (что объективно обусловлено постоянным развитием производственной специализации), новых видов объектов (что детерминировано технологическим и материально-техническим прогрессом), повышение общего уровня потребностей субъектов (что диктуется уровнем материального развития современного общества, а также безграничностью потребностей субъектов) и т. д. Безусловно, для конкретики и точности соответствующих прогнозов нужны дополнительные «вводные» данные, например: информация о том, в каких направлениях ведутся перспективные научно-технические исследования и экспериментальные технологические разработки – для выявления объектов, которые могут потребовать оформления их специального правового режима; статистические данные о количестве и составе потребляемых субъектами благ, степени удовлетворенности участников гражданского оборота актуальной ситуацией, их ожиданиях и т. п. – для определения организационно-правовых форм деятельности, договорных и иных конструкций, востребованных у субъектов гражданского оборота, достаточности этих форм и конструкций, готовности субъектов на пути удовлетворения своих потребностей безоговорочно следовать нормативно-правовым предписаниям.

В этой связи следует отметить, что уровень социального сознания, отраженного в персональных ценностных свойствах субъектов, равно как и уровень развития познавательных способностей, потребностей, у всех субъектов различен. Более того, поведение каждого из субъектов в сфере оборота с позиций морально-нравственной оценки, целесообразности принимаемых решений, не является ста-

---

[695] В данной связи сошлемся на позицию М.Н. Семякина, который анализируя основные тенденции развития российского гражданского законодательства, выделяет в их числе усиление дифференциации (детализации и конкретизации) гражданско-правового регулирования общественных отношений и отмечает: «В частности, необходимо уяснить, каковы онтологические основания, а также эпистемологические (познавательные) пределы подобного “уплотнения” гражданского законодательства» (*Семякин М.Н.* Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации. С. 68). По справедливому замечанию ученого, изменение действующего законодательства должно быть обусловлено «причинами и обстоятельствами, носящими системный характер, отражающими те или иные явления, закономерности (их отдельные аспекты), тенденции социального, экономического и иного подобного порядка» (Там же).

бильным (постоянным), наверняка предсказуемым. Указанные обстоятельства позволяют заключить, что именно рассматриваемые начала – факторы, характеризующие субъектов – участников оборота, – определяют отнесение системы гражданского оборота к числу вероятностных, специфической особенностью которых, согласно системологическим представлениям, является, повторим, «отсутствие регулярности в поведении элементов: их характеристики изменяют свои значения независимым образом»[696]. Это обстоятельство следует учитывать при принятии тех или иных правовых норм либо иных государственно-управленческих решений, направленных на урегулирование гражданского оборота, изначально допуская наличие в прогнозах реакции последнего на определенное воздействие со стороны права доли погрешности.

Что касается **гносеологических начал** функционирования гражданского оборота, то они, как уже было отмечено, представляют собой основополагающие идеи, влияющие на действие гражданского оборота. Основываясь на том, что эти начала являются теоретико-познавательными, мировоззренческими, а система гражданского оборота – одной из подсистем общества, следует признать, что идеальные, концептуальные основания системы гражданского оборота образуют представления, взгляды и воззрения, составляющие идеологическую матрицу общества в целом. Развивая данную мысль, мы приходим к выводу, что основными гносеологическими началами системы гражданского оборота являются, прежде всего, функционально призванные решению задач социального «смыслообразования», ценностно-нормативной ориентации социума духовные и политико-правовые начала общества, т. е. в том числе политические установки государства, объективированные в правовых нормах. Исходя из этого, характеристику гносеологических начал функционирования гражданского оборота целесообразно дать в контексте исследования вопросов правового регулирования гражданского оборота, которое будет предпринято далее (в частности, в § 1 гл. 4 диссертации).

Здесь же, замыкая в целом часть работы, посвященную системному описанию гражданского оборота, и переходя к вопросам собственно его гражданско-

---

[696] *Блауберг И.В.* Целостность и система. С. 10.

правового регулирования, сделаем еще одно важное замечание. *Система права*, оказывающая регулирующее воздействие на отношения гражданского оборота, является *другой самостоятельной, внешней по отношению к системе гражданского оборота подсистемой* общества. Данное заключение не только вытекает из положений общей теории систем, но и признается в правоведении – социальной подсистемой именовал право, в частности, С.С. Алексеев, отмечая, что позитивное право – «крупный элемент, блок (подсистема) общества»[697]. При этом наличие либо отсутствие соответствующих правовых норм, равно как и их содержание, детерминантами существования и сущности («субстанционального ядра»[698]) оборота и его системы не являются. Об этом свидетельствует как принципиальная идентичность феномена оборота в разные временны́е периоды и в границах различных человеческих общностей, так и тот факт, что само появление имущественного оборота исторически предшествует формированию права как социального регулятора. «В основе появления правовых норм, – отмечал А.М. Яковлев, – лежало эпохальное событие в общественном развитии – появление экономических систем, в рамках которых оказалось возможным не только производить продукты, необходимые для обеспечения проживания, но и их излишки, что вызвало к жизни необходимость обмена товарами. Появилась потребность в регулировании процесса обмена, выявлении доброй воли участников сделки…»[699]. Данное обстоятельство не исключает взаимодействия и взаимного влияния системы права и системы гражданского оборота, однако в любом случае *позитивное гражданское право изначально относится к гносеологическим (мировоззренческим) началам функционирования гражданского оборота*.

В завершение настоящего параграфа изложим основные выводы, полученные в процессе исследования.

Разделяя научную позицию об отсутствии тождества между понятиями «начало» и «принцип» и связанного с этим тезиса, согласно которому категория «начало» может пониматься в онтологическом и гносеологическом смыслах, по-

---

[697] *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия … С. 314, 313.
[698] Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: Инфра-М, 2002. С. 444.
[699] *Яковлев А.М.* Указ. соч. С. 134.

лагаем необходимым признать наличие двух видов факторов (начал), влияющих на функционирование системы гражданского оборота: 1) *онтологических (бытийственных) факторов (начал)* – фактических обстоятельств жизни общества, обусловивших появление гражданского оборота и *объективно* определяющих его существование и развитие; 2) *гносеологических (мировоззренческих) факторов (начал)* – основополагающих идей (принципов, взглядов, представлений), *субъективно* влияющих на реализацию системой оборота выполняемых ею функций. Их разграничение осуществляется по субстанциональному признаку.

Наряду с делением факторов (начал) функционирования системы гражданского оборота на онтологические и гносеологические, с юридико-прагматической точки зрения имеет значение также их дифференциация на *эндогенные* и *экзогенные* факторы (начала), отличающиеся характером происхождения и воздействия на систему гражданского оборота: экзогенные факторы формируются вне системы гражданского оборота и являются внешним воздействием на нее, эндогенные – формируются внутри данной системы и определяют ее внутреннее эволюционное (естественное, закономерное) развитие. Разграничение данных видов факторов позволяет выявить *оптимальные (лучшие при существующих условиях) направления правового воздействия на гражданский оборот*.

Целесообразность использования обеих предлагаемых классификаций начал (факторов) функционирования системы гражданского оборота (их деления на две группы факторов: 1) онтологические и гносеологические и 2) эндогенные и экзогенные) обусловлена тем, что они являются взаимодополняющими.

Позитивное гражданское право относится к гносеологическим (мировоззренческим) началам функционирования гражданского оборота.

ГЛАВА 4. ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ ФОРМАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

То, что гражданский оборот подвержен правовому регулированию, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнений, невзирая на сохраняющееся в отечественной цивилистике преобладание восприятия его как юридической формы экономического оборота. В то же время по причине отмеченного формального подхода вопросы правового регулирования гражданского оборота, включая осмысление характера такого воздействия, определение источниковой базы, уяснение его механизма и соответствующих правовых средств до настоящего времени не получили должной разработки в юридической литературе. Скорее исключением, нежели правилом, являются работы, авторы которых обращаются к анализу метода правового регулирования гражданского оборота[700] или пишут о правовом регулировании гражданского оборота, например, движимых культурных ценностей[701], лесных участков[702], иностранной валюты в РФ[703]. Между тем, являясь одной из ключевых, стратегически важных сфер общественной жизни, гражданский оборот, бесспорно, нуждается в правовой регламентации, которая в свою очередь должна основываться на предварительном теоретическом осмыслении подобного воздействия. Исследованию отмеченных аспектов и посвящена настоящая глава диссертации.

§ 1. Политико-правовые начала регулирования гражданского оборота

Приступая к исследованию вопросов гражданско-правового регулирования гражданского оборота, еще раз отметим, что позитивное право согласно предлагаемой нами теории следует относить к числу гносеологических (мировоззренческих) начал функционирования гражданского оборота, объединяющих идеи (принципы, взгляды, представления), в том числе получающие нормативное

---

[700] *Рыженков А.Я.* Метод правового регулирования: ответ на критику и возможные направления дискуссии // Современное право. 2022. № 5. С. 34; *Инжиева Б.Б.* О методе правового регулирования гражданского оборота. С. 17–21.
[701] *Мазеин Д.В.* Некоторые проблемы правового регулирования гражданского оборота движимых культурных ценностей // Журнал российского права. 2004. № 9 (93). С. 43–55.
[702] *Филимонов Н.С.* Указ. соч.
[703] *Степанченко А.В.* Указ. работы.

оформление. Подобной постановки вопрос о началах функционирования гражданского оборота в отечественной доктрине не получал. Вместе с тем отдельные аспекты данной проблемы становились предметом научного анализа.

Так, И.А. Полуяхтов рассматривая вопрос об основных принципах гражданского оборота, отмечает, что их выявление «определяет возможность дальнейшей систематизации норм, регулирующих порядок передачи субъективного права», и усматривает их значение с позиций выделения в ГК РФ самостоятельной главы о передаче субъективных прав. При этом под принципами права он понимает «прямо или опосредованно выраженные в законе объективные закономерности развития определенных отношений, в соответствии с которыми строится их нормативное регулирование» и полагает, что гражданский оборот подчиняется общим принципам гражданского права, изложенным в ст. 1 ГК РФ, а также принципам, «на которых строится передача субъективных прав»: огласки, стабильности перехода прав, добросовестности приобретения прав, причинности[704].

Принцип огласки формулируется И.А. Полуяхтовым следующим образом: «Передача субъективного права производится с обязательным уведомлением обязанной стороны правоотношения о факте передачи. Способ уведомления зависит от вида субъективного права и определяется законом, а в установленных им случаях – договором»[705]. Принцип (начало) стабильности перехода прав, в котором, по мнению И.А. Полуяхтова, «реализуется главное условие жизнеспособности экономических отношений – стабильность и прогнозируемость результатов» и который «охватывает собой и защиту добросовестного владельца и приобретение права собственности от неуправомоченного отчуждателя», «предполагает установление в законодательстве исчерпывающего перечня случаев, при которых допускается лишение правопреемника приобретенного права» и одновременное установление гарантии «быстрой и эффективной компенсации утраченного права за счет недобросовестной стороны»[706]. Начало добросовестности приобретения прав трактуется автором как частный случай действия общего начала добросо-

[704] *Полуяхтов И.А*. Указ. соч. С. 39–40.
[705] Там же. С. 43.
[706] Там же. С. 43–44.

вестности, понимаемого в субъективном смысле, т. е. как незнание субъекта о существовании какого-либо факта или события, препятствующего приобретению права. Выделение данного начала ученый объясняет тем, что «оно весьма активно используется в правовом регулировании отношений, возникающих при передаче субъективных прав», и ссылается на «давно идущий спор» о возможности приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя[707]. Относительно начала причинности И.А. Полуяхтов поясняет: «Правопреемство (передача субъективного права) всегда имеет определенное основание, выраженное в предлежащем юридическом факте (договоре, открытии наследства, решении о реорганизации и т. п.). Отсутствие последнего влечет признание перехода субъективного права несостоявшимся»; выделение данного начала аргументируется теоретическим тезисом, согласно которому «цель передачи субъективного права определяет характер последствий и получает выражение в основном договоре»[708].

Анализируя приведенные суждения, следует заметить, что с позиций системного подхода к пониманию гражданского оборота не все выделенные И.А. Полуяхтовым принципы можно признать таковыми.

Во-первых, начало стабильности, которое ученый справедливо связывает с жизнеспособностью экономических отношений, является не принципом действия (у автора – «объективной закономерностью развития») системы гражданского оборота, а ее свойством, подверженным в свою очередь воздействию различных факторов, под влиянием которых оно может менять свои показатели и, таким образом, не является объективно закономерным.

Во-вторых, выделяемое И.А. Полуяхтовым и связываемое им с правопреемством начало причинности не вписывается в системную характеристику гражданского оборота исходя из того, что последний, как было показано, не ограничивается случаями перехода субъективных прав.

И, наконец, не может быть признана принципом гражданского оборота субъективная добросовестность, так как эталоном социального поведения при право-

---

[707] *Полуяхтов И.А*. Указ. соч. С. 45–46.
[708] Там же. С. 47.

вом регулировании общественных отношений должна выступать только добросовестность в объективном смысле, но никак не извинительное незнание лица об определенных фактах и обстоятельствах.

Особо следует выделить научные работы, в которых рассматриваются условия гражданского оборота. К исследованию данного вопроса с позиций выявления структуры гражданского оборота обращался, в частности, В.А. Петрушкин. Определение понятия «условия оборота» правовед не дает, однако можно заключить, что он понимает под ними «систему правовых принципов, характеризующих оборот в целом и его отдельные участки», поскольку через указанную систему «по существу, определяются те или иные условия гражданского оборота»[709]. К числу таких условий-принципов В.А. Петрушкин, аналогично И.А. Полуяхтову, относит, прежде всего, общие принципы гражданского права, закрепленные в ст. 1 ГК РФ «Основные начала гражданского законодательства» (равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты). Эти принципы автор называет правостимулирующими условиям, помимо которых выделяет также группу правоограничивающих условий, объединяющую специальные правовые принципы, «действующие на тех или других участках гражданского оборота» (в частности, принципы оборота земель сельскохозяйственного назначения), а также правовые ограничения «более частного порядка» (ограничения оборота объектов инфраструктуры морского порта, акций единого хозяйствующего субъекта и т. д.)[710]. При этом, по его мнению, собственные условия гражданского оборота являются его самостоятельным элементом, наряду с субъектами и объектами гражданского оборота[711]. Кроме этого, В.А. Петрушкин именует условия-принципы предпосылками существования и развития гражданского оборота[712].

В данной связи необходимо отметить следующее.

---

[709] *Петрушкин В.А*. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости… С. 32.
[710] Там же. С. 32–35.
[711] Там же. С. 9, 26.
[712] Там же. С. 32.

Во-первых, не отрицая наличия в гражданском обороте собственных условий и их безусловной значимости для функционирования и регулирования оборота, вместе с тем полагаем, что с системологических позиций принципы права, равно как и законодательно установленные ограничения, не могут считаться «собственными» условиями гражданского оборота, так как они относятся к другой подсистеме общества – системе права. Во-вторых, на наш взгляд, условия гражданского оборота не следует ограничивать принципами гражданского оборота. Исходя из понимания условия как обстоятельства, от которого что-нибудь зависит, как обстановки, в которой происходит, осуществляется что-нибудь[713], можно заключить, что в выражении «условия гражданского оборота» имеются в виду определенные факторы[714], от которых зависит функционирование гражданского оборота, а также в целом «обстановка» или, используя терминологию системного подхода, среда функционирования гражданского оборота. В свою очередь эти факторы, как было отмечено, могут быть не только гносеологическими (т. е. принципами), но и онтологическими. Таким образом, условия гражданского оборота включают в себя как гносеологические (мировоззренческие), так и онтологические (исторические) факторы (начала). Кстати, и сам В.А. Петрушкин, делая вывод, что условия гражданского оборота могут быть подразделены на правовые[715] и не правовые, в числе последних указывает на экономические условия[716], которые очевидно являются фактическими обстоятельствами социальной жизни, а не некими принципами (идеями или представлениями). И, наконец, представляется, что с позиций общей теории систем отсутствуют основания для отнесения условий гражданского оборота к элементам этой системы, поскольку согласно отмеченным уже системологическим постулатам все элементы системы должны быть связаны по меньшей мере с одним другим элементом данной системы, а условия оборота в интегративных

---

[713] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 839 (статья «условие»).

[714] В данной связи укажем на семантическую близость терминов «обстоятельство» и «фактор»: последний трактуется как «момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении» (Там же. С. 847).

[715] Среди них ученый выделяет частноправовые и публично-правовые условия оборота, «в совокупности направленные на обеспечение его стабильности», и относит к ним: установление правил о сроках давности, информационную обеспеченность оборота (право на информацию и механизм его реализации), специальные правовые требования к участникам оборота, указанные выше условия процедурного характера, установление публично-правовых стимулов и ограничений оборота (через антимонопольное законодательство и пр.) (*Петрушкин В.А.* Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости… С. 54).

[716] Там же. С. 9, 45, 54.

внутрисистемных связях с другими элементами системы гражданского оборота (субъектами и объектами) не состоят.

Кроме приведенных классификаций (деления условий гражданского оборота на правостимулирующие и правоограничивающие, правовые и неправовые) В.А. Петрушкин разграничивает «обычные (традиционные, часто встречающиеся) и иные: частные, “не обычные”, выходящие из числа обычных» условия[717], не поясняя, однако, какие именно условия следует считать «не обычными». В данной связи обратимся к такому устойчивому в цивилистической литературе терминологическому обороту, получившему и законодательное закрепление, как «обычные условия гражданского оборота». Это выражение используется в ГК РФ в нормах абз. 1 п. 2 ст. 15 (в определении упущенной выгоды как неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено) и абз. 2 п. 1 ст. 53.1, устанавливающей ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, в том числе если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску.

Преимущественно с позиций приведенных нормативных положений осуществляется и толкование указанной формулировки. Причем столь же устоявшейся, как и само выражение «обычные условия гражданского оборота», можно считать следующую его интерпретацию, данную Н.И. Клейн и буквально воспроизводимую как в современной юридической литературе[718], так и в правоприменительной практике[719]: «Под обычными условиями оборота следует понимать типичные для него условия функционирования рынка, на которые не воздействуют непредвиденные обстоятельства либо обстоятельства, трактуемые в качестве

---

[717] *Петрушкин В.А*. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости… С. 9, 49, 54.

[718] *Алтухова С.М.* «Обычные условия гражданского оборота» и «обычный предпринимательский риск» как критерии оценки поведения лиц, входящих в состав органа юридического лица // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3(26). С. 39; *Богданов А.В., Клячин А.А.* Условия и основания гражданско-правовой ответственности лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа акционерного общества // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 65; *Лукьяненко М.Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. С. 267.

[719] См. постановления: ФАС Волго-Вятского округа от 07.10.2008 г. по делу № А29-702/2008, ФАС Волго-Вятского округа от 12.10.2011 г. по делу № А79-9077/2010, ФАС Московского округа от 05.04.2012 г. по делу № А41-14337/11.

непреодолимой силы»[720]. Вместе с тем, несмотря на весьма широкое признание указанного пояснения (даже именуемого отдельными авторами «стандартным определением»[721]), некоторые вопросы, касающиеся толкования данного выражения, в науке гражданского права являются дискуссионными.

Одним из них является вопрос о том, следует ли говорить об «обычности» условий гражданского оборота для всех его участников либо применительно к конкретным субъектам. К сторонникам первого из указанных подходов можно отнести А.В. Богданова и А.А. Клячина, которые, проводя параллель между обычными условиями гражданского оборота и обычными условиями делового оборота, заключают, что последние необходимо понимать как «условия осуществления предпринимательской деятельности в той или иной сфере, которые являются для нее повсеместными и распространенными, типичными, общими для всех участников (например, степень риска, заложенная в каждой предпринимательской операции)»[722]. Напротив, И.М. Липень, предлагая отказаться от критерия обычных условий гражданского оборота в пользу выбора другого критерия определения размера упущенной выгоды – мер и приготовлений к извлечению выгоды, отмечает, что «рынок предполагает инициативного предпринимателя, который стремится к получению не обычной, постоянно неизменной (т. е. средней), а максимально возможной прибыли» и что «ограничивая предпринимателя рамками “обычных условий гражданского оборота”, закон тем самым сдерживает инициативу предпринимателя и лишает его стимула работать лучше других. В результате мы имеем в законе ситуацию, когда принцип полного возмещения убытков не обеспечивается в должной мере»[723]. В отличие от этого приоритет предлагаемого автором критерия является, по его мнению, реальным показателем возможности получения прибыли; «упущенная выгода рассчитывается в данном случае достаточно *конкретно, а не вообще применительно ко всем участникам ком-*

---

[720] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / рук. авт. кол. и отв. ред. О.Н. Садиков. С. 68 (автор комментария – Н.И. Клейн).
[721] *Лукьяненко М.Ф.* Указ. соч. С. 267.
[722] *Богданов А.В., Клячин А.А.* Указ. соч. С. 65.
[723] *Липень И.М.* Взыскание упущенной выгоды как реализация принципа полного возмещения убытков: актуальные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Право Беларуси. 2005. № 4. URL: http://www.kaznachey.com/doc/75OHW2RCNdy/ (дата обращения: 03.09.2015).

мерческого оборота»[724]. Аналогичную позицию занимает О.И. Долгополов, делая вывод, что под обычными условиями гражданского оборота следует понимать, в частности «ход событий: присущий *конкретному хозяйствующему субъекту* в условиях, которые определяются в момент причинения ему вреда, на которые не воздействуют непредвиденные обстоятельства либо обстоятельства, трактуемые в качестве непреодолимой силы»[725]. Принимая во внимание норму п. 4 ст. 393 ГК РФ, согласно которой «при определении упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления»[726] (т. е. меры и приготовления конкретного кредитора), вторая из приведенных точек зрения представляется более убедительной.

Другим неоднозначно решаемым в доктрине является вопрос о корреляции между обычными условиями гражданского оборота и нормами права. Так, М.Ф. Лукьяненко указывает на п. 2 ст. 15 ГК РФ, содержащий рассматриваемое понятие, «говоря об обычных правилах»[727], которые в свою очередь равнозначны, по ее мнению, понятию «обычно предъявляемые требования» и следование которым «по существу означает выбор субъектом того или другого стереотипного образа действий в однородных случаях при наступлении однородных условий»[728]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что, по мнению М.Ф. Лукьяненко, обычные условия гражданского оборота: 1) относятся к обычным правилам (требованиям) и 2) представляют собой некий стереотипный образ действий в однородных случаях при наступлении однородных условий.

Подобное понимание обычных условий гражданского оборота представляется неверным, прежде всего потому, что сопровождается смешением собственно условий оборота со «стереотипным образом действий» субъектов, который, как следует из вышеприведенной цитаты, сам детерминирован наступлением «однородных условий». Кроме этого, отмеченная позиция вызывает сомнения, учиты-

---

[724] *Липень И.М.* Указ. соч.
[725] *Долгополов О.И.* Возмещение убытков, причиненных налоговыми органами // Налоговый вестник. 2010. № 2.
[726] Хотя согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25, разъясняющему, что «упущенной выгодой является неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было», положение п. 4 ст. 393 ГК РФ не означает, что в состав подлежащих возмещению убытков могут входить только расходы на осуществление таких мер и приготовлений.
[727] *Лукьяненко М.Ф.* Указ. соч. С. 267.
[728] Там же. С. 270.

вая тот смысл, который в русском языке может иметь термин «условие». Из ряда существующих значений данного слова М.Ф. Лукьяненко избрала термины «требование» и «правила». Однако помимо них выделяют уже отмеченные нами значения: «обстоятельство, от которого что-нибудь зависит» и «обстановка, в которой происходит, осуществляется что-нибудь», которые, полагаем, в большей мере соответствуют как общему смыслу выражения «обычные условия гражданского оборота», так и тому контексту, в котором оно используется. На наш взгляд, в данном словосочетании в том числе имеется в виду среда, в которой действует система оборота, и эта среда («обстановка») правилами и требованиями, о которых пишет М.Ф. Лукьяненко, не ограничивается. Наконец, понимание обычных условий гражданского оборота как просто «стереотипного образа действий» либо «типичных ситуаций и типичных вариантов реагирования на эти обстоятельства»[729] или традиционных, часто встречающихся условий оборота[730], «обычного хода вещей»[731] вызывает возражения, поскольку допускает рассмотрение в этом качестве любых постоянных, привычных моделей поведения субъектов, следовательно, в том числе тех, которые не соответствуют правовым либо моральным (нравственным) нормам. С сожалением приходится признать, что в настоящее время в России указанные стереотипные действия участников оборота нередко таковы, что образуют состав правонарушения либо могут быть квалифицированы как обход закона (это и коррупционные схемы, включая так называемые «откаты», и «серые» схемы обналичивания денег и ухода от налогов, и др.[732]). Подобные социальные связи также входят в систему гражданского оборота, однако очевидно, что при определении размера упущенной выгоды, равно как и при оценке действий субъектов, дан-

---

[729] *Алтухова С.М.* Указ. соч. С. 39.

[730] *Петрушкин В.А.* Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости… С. 9, 49, 54.

[731] В.С. Белых, отмечая, что термин «упущенная выгода» применяется и при нарушении должником договорных обязательств, и в случае возникновения обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения, полагает, что критерий «при обычных условиях оборота» является некорректным, поскольку последний «“блокируется” спецификой внедоговорного обязательства», в связи с чем усматривает два варианта выхода из создавшейся ситуации. Ученый предлагает либо использовать в определении упущенной выгоды вместо словосочетания “при обычных условиях оборота” «нейтральное понятие “при обычном ходе вещей”» (и, соответственно, определять упущенную выгоду как «неполученные доходы, которые кредитор (потерпевшее лицо) получило бы при обычном ходе вещей, если бы его право не было нарушено»), либо, при отсутствии легального определения понятия «гражданский оборот», присоединиться к мнению о том, что гражданский оборот непосредственным образом связан с процессом правопреемства (*Белых В.С.* Указ. соч. § 5 гл. 6).

[732] *Спирихин А.* 14 типовых схем по уходу от налогов «для служебного пользования ФНС» // Сайт Alinga Consulting Group, 05.07.2010 г. URL: http://www.acg.ru/14_ tipovyh_shem_po_uhodu_ot_nalogov (дата обращения: 25.03.2019).

ные связи и ситуации, сколь бы типичны они ни были, в качестве ориентира и критерия оценки ввиду их социальной деструктивности выступать не должны.

Учитывая отмеченное, с позиций нормативного воздействия на систему гражданского оборота, представляется необходимым трактовать «обычные условия гражданского оборота» как постоянные, привычные (типичные) факторы функционирования не любого, а только нормального гражданского оборота, т. е. такого, который соответствует правовым и иным социальным нормам. При этом отмечаемое в литературе разграничение обычных условий гражданского оборота на общепринятые условия, «обусловленные в решающей степени статутными нормами (нормами собственно законодательства)» и условия гражданского (коммерческого или торгового) оборота, определяемые нормами обычного права[733], на наш взгляд, существенного значения не имеет.

Обобщая изложенное, следует констатировать, что к числу факторов, влияющих на гражданский оборот, на поведение его участников, и в таком смысле оказывающих на него *регулятивное воздействие*, в цивилистической доктрине относят: принципы гражданского права и условия (правила) гражданского оборота. По своей природе они могут быть отнесены к числу *социальных норм*. Последние определяют как «все нормы, возникшие в обществе в результате взаимодействия объективных и субъективных факторов и устанавливающие правила должного поведения людей»[734]. При этом отмечается, что система социальных норм – это не только система регулирования, но и «(еще более) система социальной ориентации», «важная часть духовного мира, конструкция образа жизни общества»[735]. Образно пишет о социальных нормах Г.В. Мальцев: сравнивая их с нотными знаками, «посредством которых записываются многообразные партитуры человеческого поведения», ученый отмечает, что в зависимости от правильного или неправильного использования этих знаков, от их удачного или неудачного сочетания «получается гармоничный либо дисгармоничный эффект, симфония либо какофония, консонанс либо диссонанс»[736]. С учетом этого полагаем, что к числу факторов, влияющих на гражданский оборот, наряду с принципами

[733] *Алимжан К.А*. Указ. соч.
[734] *Рассолов М.М.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт; Высш. образование, 2010. С. 312.
[735] *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2002. С. 154.
[736] *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М.: Норма: Инфра-М, 2011. С. 514.

гражданского права и обычными условиями (правилами) гражданского оборота, необходимо причислить также духовные ценностные установки общества.

Таким образом, по нашему мнению, в числе мировоззренческих (гносеологичских) начал как социальных регуляторов гражданского оборота следует выделять: 1) духовные (нравственные) принципы (ценностные установки) общества; 2) обычные (обыденные, «житейские») представления субъектов и те правила, которые складываются внутри оборота; 3) политико-правовые начала регулирования гражданского оборота.

Отвечая за идеологию, духовные и политико-правовые начала задают обществу систему координат, незримо, но безоговорочно детерминирующую характер и направления деятельности каждого его члена. Рождаясь в обществе и проживая в нем, каждый человек на протяжении всей своей сознательной жизни является носителем социального сознания о какой бы сфере или стороне его жизни не шла речь. В полной мере это относится и к сфере жизнеобеспечения – экономической, т. е. сфере гражданского оборота: представления о справедливости, честности, добропорядочности, разумности, осмотрительности, щедрости, рачительности либо, напротив, несправедливости, бесчестности, подлости, недобропорядочности, нерациональности, неосторожности, меркантильности, расчетливости, расточительности, а также о желательном, возможном, необходимом и должном выступают непреложными условиями формирования у субъектов оборота тех или иных оценок, принятия ими тех или иных решений, совершения ими тех или других действий. В свою очередь обычные представления субъектов и те правила, которые складываются внутри оборота, также определяющие поведение отдельных его участников, можно соотнести с факторами, относительно которых, рассматривая вопрос об ответственности за фактические недостатки вещи, В.И. Синайский писал, что при решении вопроса, какие недостатки вещи и насколько уменьшают ее ценность, «судье приходится руководствоваться общими воззрениями оборота»[737].

Все выделенные группы мировоззренческих начал функционирования и регулирования системы гражданского оборота – духовные, политико-правовые и

[737] *Синайский В.И.* Указ. соч. С. 344.

собственные правила и модели действия оборота – являясь идеями (представлениями), субъективны по своей природе и, в отличие от объективно существующих онтологических начал, производны от человеческого сознания, порождаются им. Вместе с тем способ, характер их формирования различен. Так, духовные начала (принципы) общества, равно как и собственные правила оборота, складываются постепенно, естественным образом, в то время как политико-правовые установки, будучи связанными с изменениями социально-экономического и политического государственного строя, со сменой власти, обычно отличаются «революционным» характером как своего происхождения, так и содержания. С учетом этого можно заключить, что из числа гносеологических начал функционирования системы оборота именно последние являются наиболее изменчивыми, произвольными.

Многообразные идеи (принципы, взгляды, представления), оказывающие воздействие на отношения гражданского оборота, отличаются друг от друга также характером происхождения и воздействия относительно системы оборота. В зависимости от этого гносеологические начала функционирования гражданского оборота могут быть либо эндогенными, либо экзогенными. Гносеологические начала эндогенного происхождения складываются внутри этой системы, вследствие чего их влияние на функционирование гражданского оборота воспринимается как естественное, а потому является наиболее действенным, объективно закономерным и оптимальным (т. е. наилучшим в данных условиях). В отличие от этого гносеологические начала экзогенного происхождения носят внешний по отношению к системе гражданского оборота характер, в связи с чем реакция на них этой системы и ее участников может быть различной: как нечто внешнее, экзогенные принципы могут быть либо восприняты системой оборота (в этом случае можно говорить об адаптации системы к изменяющейся среде ее существования), либо не восприняты ею (что может повлечь отторжение системой «инородного» элемента – в частности, установленной «сверху» нормы, в качестве иллюстрации чего можно привести действия субъектов гражданского оборота, совершаемые в обход закона).

Полагаем, что духовные начала общества и собственные правила и модели действия оборота имеют эндогенный характер. В данной связи, однако, необходимо

сделать оговорку относительно духовных начал (морально-нравственных, этических и иных ценностных социальных установок), которые, на первый взгляд, должны признаваться внешними для системы гражданского оборота, поскольку относятся к такой самостоятельной подсистеме общества, как духовная сфера. Вместе с тем отмеченные ценностные (аксиологические) начала, являясь не только ключевыми, базовыми идеями, но и исторически первыми социальными нормами, определявшими взаимодействие отдельных членов социума и их групп во всех сферах жизнедеятельности, со временем настолько прочно вкрапились в сознание субъектов гражданского оборота и настолько тесно переплелись с их обыденными представлениями и правилами самого оборота, что в значительной степени стали для оборота его внутренними, собственными условиями. Разграничение духовных начал общества и собственных правил оборота, обыденных представлений его участников является достаточно условным и определяется теоретико-познавательными задачами; в реальной жизни данные начала тесно взаимосвязаны. Особенно отчетливо это видно на примере обычного права, предваряя очерк о котором, С.В. Пахман писал: «Каковы бы ни были мнения о решениях наших волостных судов, но при ближайшем ознакомлении с ними нельзя не убедиться, что в них отражаются большею частию чисто-народныя юридическия воззрения»[738]; при этом сами крестьяне как носители этих воззрений, по замечанию ученого, на вопрос о том, есть ли у них какие-либо обычаи, как правило, заявляли, что «дела решаются “по справедливости”, ”по убеждению совести”, ”по человеку”, ”по обстоятельствам” и т. п.»[739].

Что касается политико-правовых установок государства как ключевого для нас вида гносеологических начал функционирования гражданского оборота, то характеристику их в качестве эндогенных либо экзогенных необходимо предварить общим замечанием о соотношении системы гражданского оборота и системы права. Выше мы акцентировали внимание на том, что они являются самостоятельными подсистемами (сферами) системы общества. Однако данное обстоятельство не исключает взаимодействия и взаимного влияния указанных подси-

[738] *Пахман С.В.* Указ. соч. С. XII.
[739] Там же. С. 390–391.

стем. Влияние системы оборота на систему позитивного, в том числе позитивного гражданского права заключается как в общей социальной обусловленности правовых норм[740], так и в «отклике» последних на процессы, происходящие в системе оборота. Отмеченное влияние усматривается в апелляции современных отечественных правоведов к потребностям гражданского оборота в ходе реформирования гражданского законодательства. Отстаивая идею тесной связи между «системой частноправных институтов и ходом хозяйственной жизни народов», Д.Д. Гримм указывал в том числе на «коренные перемены в строе обязательственных отношений, совершающиеся в связи с развитием общегражданского и торгового оборота»[741]. Уместно привести и замечание К.И. Скловского о том, что «такие характерные, казалось бы, качества, как рациональность, ответственность, универсальность – это не собственные черты права. Скорее, это свойства товарного обмена»[742]. В свою очередь влияние системы позитивного права на систему оборота заключается в том, что в терминологии системного подхода она относится к внешней среде существования и развития системы оборота, к условиям которой, таким образом, участники оборота, как и данная система в целом вынуждены приспосабливаться. Учитывая изложенное, следует еще раз отметить, что связь системы права с системой гражданского оборота не является детерминистической; их взаимодействие осуществляется по типу обратной связи[743]. Цивилистика как отрасль национальной юридической системы, как писал С.С. Алексеев, «на самом деле складывается и развивается на основе требований рынка, точнее – имущественных отношений, формирующихся в условиях товарно-рыночной экономики, отношений собственности, гражданского оборота. Именно “рынок”, его требования обусловливают необходимость … сферы, где вопросы решаются по воле и в соответствии с интересами участников рыночных отношений, занимаю-

---

[740] Как пишет В.Д. Перевалов, «парадоксально, но влияние социума на формирование правовых норм осуществляется через общественные отношения, которые регулируются этими нормами. Содержание и структура фактических общественных отношений зачастую диктуют структурные параметры самих норм» (*Перевалов В.Д.* Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5 (101). С. 13).

[741] *Гримм Д.Д.* К вопросу о соотношении институтов гражданского права с хозяйственным бытом народа.

[742] *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. М.: Дело, 1999. С. 19.

[743] Идею которой в правоведении последовательно развивает О.Н. Горбунова (*Горбунова О.Н.* Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М.: Профобразование, 2003. С. 13–19; *Ее же.* Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М.: Элит, 2012. С. 21–26).

щих юридически равные позиции»[744]; однако «частное право – не продукт рынка. А гражданское право – не только продукт рынка, а прежде всего – отрасль-обитель “чистых” частноправовых начал, в наибольшей мере отвечающая требованиям и условиям рыночных отношений и потому вмещающая нормативные положения рыночного характера не только без отторжения и сопротивления, но и в юридических формах и конструкциях, оптимальных для рыночной экономики»[745].

В дополнение и развитие ранее выдвинутого тезиса[746], согласно которому позитивное гражданское право изначально относится к гносеологическим началам функционирования гражданского оборота, укажем, что по характеру происхождения и воздействия на систему гражданского оборота *политико-правовые установки государства могут быть как эндогенными, так и экзогенными*.

В первом случае нормативно-правовую фиксацию получают идеи, уже наличествующие («созревшие»[747]) в обороте. Таковы, например, нормы, закрепляющие требования (принципы) добросовестности, разумности и справедливости. Законодательное установление соответствующих гражданско-правовых правил, продиктованное стремлением законодателя повысить стабильность и защищенность гражданского оборота[748], следует оценивать как оптимальное и не столько

---

[744] *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия … С. 597.
[745] Там же. С. 598.
[746] § 3 гл. 3 диссертации.
[747] *Кузнецова О.А.* Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 61.
[748] Об этом свидетельствует ряд положений Пояснительной записки к законопроекту о внесении изменений в ГК РФ. Так, при пояснении ст. 1 в документе отмечалось, что «эффективное развитие рынка невозможно без укрепления начал автономии воли и свободы договора участников оборота. Однако неограниченная свобода в достижении экономических интересов таит в себе возможность дестабилизации оборота. Правила о добросовестности являются естественным противовесом правилам, утверждающим свободу договора и автономию воли сторон». Относительно положений ст. 53.1 и 53.4 ГК РФ в редакции законопроекта пояснялось, что лица, уполномоченные выступать от имени юридического лица, «должны возмещать убытки, причиненные ими юридическому лицу, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей они действовали недобросовестно или неразумно, в том числе если их действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску». В пояснении нормы ст. 178 ГК РФ о том, что обязанность заблуждавшейся стороны по возмещению реального ущерба, возникшего у другой стороны, наступает не во всех случаях, а только тогда, когда другая сторона не знала о наличии заблуждения и не должна была знать об этом, указывалось, что «подобное регулирование в большей степени отвечает требованиям добросовестности поведения сторон в гражданском обороте». О «требованиях справедливого оборота» говорилось в Пояснительной записке при разъяснении новеллы ГК РФ об умолчании как возможном способе обмана (п. 2 ст. 179). Изменения в положениях ГК о представительстве призваны были «повысить защищенность и стабильность гражданского оборота, снизить риск лиц, вступающих в отношения с лицом, предъявившим доверенность, а также возложить риск недобросовестных действий представителя на представляемого при условии, что контрагент является добросовестным». Взаимосвязь начал добросовестности, справедливости и гражданского оборота признается и в судебной практике. Так, в п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 06.06.2000 г. № 9-П отмечено, что «ограничения права собственности, имущественных прав, а также свободы договора в гражданско-правовом обороте должны отвечать требованиям справедливости» (Собрание законодательства РФ. 2000. № 24. Ст. 2658). В п. 2 мо-

потому, что ценностные по сути и оценочные по степени определенности содержания понятия «добросовестность», «разумность» и «справедливость» позволяют учитывать нюансы каждого конкретного случая[749], сколько потому, что на всем протяжении существования общества соответствующие идеи отражали, как было отмечено, «чисто-народные юридические воззрения». Так, и в Преамбуле к Конституции России говорится о памяти предков, «передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». В этой связи в числе эндогенных политико-правовых начал следует указать и на иные установления Конституции РФ, в целом касающиеся свободы действий участников гражданского оборота (это, в частности, нормы п. 1 ст. 8, ст. 34, п. п. 2–4 ст. 35, п. 2 ст. 36). Значимость нравственно-этических ценностей, необходимость сближения их с системой позитивного права в литературе связывается в том числе и с развитием новых биотехнологий, в частности, с вопросами оборота биологического материала и биотехнологической продукции. В таких условиях, по справедливому замечанию О.А. Серовой, «право не должно замыкаться на формировании только определенных правил поведения участников тех или иных отношений. Задачей права становятся определение перспектив развития человечества, формирование новой системы ценностей», что требует формирования «этических ограничений, в том числе ориентированных на возможность причинения вреда, перспективы неудачного эксперимента и пр.»[750].

Эндогенными по характеру происхождения можно считать также те положения, которые в результате модернизации отечественного гражданского законодательства по существу легально закрепили следующие обычные (обыденные) представления субъектов – участников гражданского оборота: идею, согласно которой

тивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 г. № 6-П указано, что «в силу статей 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации и исходя из общеправового принципа справедливости защита права собственности и иных вещных прав, а также прав и обязанностей сторон в договоре должна осуществляться на основе соразмерности и пропорциональности, с тем чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота – собственников, сторон в договоре, третьих лиц» (Рос. газета. 2003. 26 апр.).

[749] Как отмечал И.А. Покровский, «пусть я чудак, но я все же человек, и если право желает докончить свою задачу, оно должно признать и *право чудака на существование*» (*Покровский И.А.* Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 4. С. 41).

[750] *Серова О.А.* Новая парадигма юридической и этической ответственности в условиях доминирования биотехнологий // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. Вып. 4. С. 64–65.

гарантировать исполнение обязательства могут не только банки или иные кредитные организации, но и другие коммерческие организации (оправданное восприятие которой повлекло корректировку норм § 6 гл. 23 ГК РФ, ныне посвященного не банковской, а независимой гарантии); тезис о том, что в случае предъявления иска по ничтожной сделке лицом, не являющимся стороной сделки, начало течения срока исковой давности должно начинаться не с момента, когда началось исполнение сделки, а со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения (п. 1 ст. 181 ГК РФ); принцип, согласно которому при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию (п. 3 ст. 307 ГК РФ).

Кардинально иными являются гносеологические начала экзогенного происхождения – они исходят от государства, которое при этом не просто осуществляет нормативно-правовую фиксацию определенных воззрений (идей), объективно сложившихся в гражданском обороте и выявленных посредством соответствующих научных исследований либо обобщения судебной практики, но выступает именно «автором» (либо транслятором – в случае рецепции) их содержания. В действующем отечественном гражданском законодательстве примерами таких экзогенных положений могут служить нормы, воплотившие, в частности, идеи: о том, что адвокатские и нотариальные палаты, общины коренных малочисленных народов РФ являются особыми организационно-правовыми формами некоммерческих юридических лиц (ст. 50 ГК РФ); что хозяином вещи может считаться только ее собственник (п. 1 ст. 225 ГК РФ), а не фактический владелец; что размер процентов за неправомерное пользование чужими денежными средствами с 1 января 2019 г. следует определять ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды, а не средними ставками банковского процента по вкладам физических лиц (как это было установлено федеральным законом о внесении изменений в ГК РФ от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ), либо не ставкой рефинансирования Банка России (первоначальная редакция ст. 395 ГК РФ).

Последние примеры иллюстрируют произвольный характер гносеологических начал экзогенного характера, не позволяющий однозначно указать на причину того или иного законодательного решения. Воплощение части из них, как можно полагать, продиктовано соображениями не сугубо правовыми, а в большей мере политическими, т. е. теми, которые соответствуют выполняемым государством функциям, возложенным на него в сфере регулирования экономических отношений[751] (распределения и перераспределения ресурсов и национального дохода, контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов, поддержания конкуренции и защиты прав потребителей и др.). Однако «эффективность» подобного воздействия на систему гражданского оборота не всегда бесспорна и очевидна. В этой связи как нельзя более уместны слова С.С. Алексеева, в контексте вопроса о соотношении рынка и гражданского права указавшего на известные истории права случаи, когда «правовые формы, рожденные частным правом, не воспринимают и более того – сопротивляются навязыванию им “предмета”, отторгают его», и заключившего: «В этом и состоит истинная драма советского гражданского права… Это право находилось в непреодолимом противоречии (настойчиво сглаживаемом советскими цивилистами) с “планом”, “приоритетом государственной собственности” и другими управленческими, административными юридическими реалиями советского времени, упорно вводимыми официальной догмой в содержание гражданского права как отрасли социалистической правовой системы»[752].

Экзогенный характер нередко имеют и положения, «продвигаемые» в качестве «передового» опыта «цивилизованных правопорядков». Как справедливо отмечает Б.М. Гонгало, «необходимость обогащения российской науки гражданского права за счет концепций, сформулированных на базе иных правовых систем, не вызывает сомнения. Однако восприятие соответствующих концепций и адаптация их к условиям гражданского оборота в России не должны приводить к утрате уже накопленного»[753] и приводит в качестве примера институт доверительной собственности

---

[751] По справедливому замечанию В.Д. Перевалова, «необходимо четко различать участие государства в экономике и государственно-правовое регулирование экономических отношений» (*Перевалов В.Д.* Проблемы формирования социально-правового государства в России. С. 18).

[752] *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия … С. 598.

[753] *Гонгало Б.М.* Учение об обеспечении обязательств. С. 32–33.

(траст). Замечание относительно института траста делает также М.Н. Семякин, полагая, что «попытка механически “пересадить”» данный институт, характерный для англо-саксонской правовой семьи, на отечественную цивилистическую «почву» «закономерно потерпела неудачу», поскольку данная концепция, «является чужеродным элементом, противоречащим основополагающим концептам теории “вещного права”, цивилистическим ментальным представлениям, сложившимся в науке и на практике на протяжении всей истории существования цивилистического правоведения в России»[754]. То, что «любой зарубежный опыт очень важен, но должен анализироваться критически, а суждения *de lege ferenda* должны опираться на детальный анализ всех “за” и “против” с учетом российской специфики, разбор не только компаративных, но и догматических, исторических и политико-правовых аргументов», отмечают также В.В. Зайцев и А.Г. Демиева[755].

Законодательное «продвижение» определенных концепций и конструкций заслуживает особой оговорки. По меткому замечанию Б.М. Гонгало, «обычно логика развития чего-либо позволяет предполагать определенные решения. И очень часто принимаются вовсе не те решения, которые следовало ожидать»[756]. Наглядной иллюстрацией сказанного является общий ход реформирования российского гражданского законодательства.

Как известно, на основе Концепции развития гражданского законодательства РФ был подготовлен проект федерального закона[757] о внесении изменений в ГК РФ № 47538-6, 27 апреля 2012 г. принятый Государственной Думой РФ в первом чтении. Однако далее Государственной Думой РФ было принято решение о последующем принятии данного законопроекта в виде отдельных законов о внесении изменений в различные разделы кодекса. Оценивая подобный порядок внесения изменений и дополнений в ГК РФ, В.В. Витрянский, непосредственно работавший над созданием Концепции развития гражданского законодательства РФ, отмечает,

---

[754] *Семякин М.Н.* К вопросу о концепции цивилистической науки. С. 124.

[755] *Зайцев В.В., Демиева А.Г.* О некоторых проблемах научной новизны в цивилистических исследованиях (на примере диссертационных работ) // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 76.

[756] *Гонгало Б.М.* Гражданское право. Жилищное право. Семейное право: Избранное. М.: Статут, 2011. С. 127.

[757] О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект федерального закона № 47538-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012 г.). URL: http://base.consultant.ru/cons/ cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=94778.

что принятие изначально единого законопроекта «по кускам» повлекло немало отрицательных последствий, а именно несогласованность между собой отдельных новых положений, вносимых в разные части кодекса, а также утрату юридической общественностью контроля над данной работой, и подчеркивает: «Негативный результат не заставил себя ждать: правоведы, участвовавшие в подготовке Концепции и разработке законопроекта, с удивлением обнаружили в окончательном тексте законоположений, внесенных в Гражданский кодекс РФ, немало “новелл”, которые не предусматривались Концепцией и ни с кем из разработчиков не обсуждались. И напротив, на пути подготовки и принятия отдельных “кусков” законопроекта некоторые весьма важные новые законоположения были “потеряны”»[758]. На то, что «ко второму чтению в тексте неожиданно появился целый ряд неприятных сюрпризов, возникших почти из ниоткуда» указал, комментируя основные положения реформы ГК РФ в части норм договорного права, и А.Г. Карапетов[759]. В качестве примера можно привести ст. 157 ГК РФ «Сделки, совершенные под условием», в которую законопроектом № 47538-6 был введен п. 3 следующего содержания: «Сделка не может быть совершена под условием, наступление которого исключительно или преимущественно зависит от воли одной из сторон сделки, если иное не установлено законом или не вытекает из существа сделки. Совершение сделки под условием не допускается, если это противоречит существу сделки (заявление о зачете, доверенность и т.п.)»; федеральным законом РФ от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ, которым были внесены изменения в раздел ГК РФ о сделках, данный пункт в положениях ст. 157 ГК РФ учтен не был. Другой пример – уже упомянутая норма ст. 395 ГК РФ, ко второму чтению законопроекта воплотившая правило об определении размера процентов за неправомерное пользование чужими денежными средствами не по учетной ставке банковского процента (ставке рефинансирования), как было первоначально в законопроекте № 47538-6, а по среднему уровню процентов по вкладам физических лиц; комментируя ее, А.Г. Карапетов восклицает: «Вот это сюр-

---

[758] *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. С. 5–6.

[759] *Карапетов А.Г.* Реформа ГК РФ в части норм договорного права после второго чтения: комментарий к основным положениям [Электронный ресурс] // Закон.ру. 23.02.2015. URL: https://zakon.ru/blog/2015/2/23/ reforma_gk_rf_v_chasti_norm_dogovornogo_prava_posle_vtorogo_chteniya_kommentarij_k_osnovnym_polozhen.

приз так сюрприз! По сравнению с ним остальное меркнет… Откуда взялась эта норма, не вполне понятно… Просто слов нет, честно говоря»[760]. Представляется бесспорным, что подобные нормы-«сюрпризы» (или «сюрпризы в виде “теневых” поправок»[761]) также имеют экзогенный характер.

Безусловно, устанавливая «сверху» те или иные правовые нормы, государство отталкивается от того «фактического материала», с которым имеет дело. Как отмечает А.Г. Карапетов, «трудно отрицать, что право в значительной степени функционирует по модели “вызов – ответ”»[762]. Например, закрепление в ст. 10 ГК РФ такой формы злоупотребления правом, как обход закона[763], следует воспринимать как реакцию отечественного законодателя на количественное увеличение подобных случаев в современном гражданском обороте. В то же время гражданский оборот остро нуждается не просто в рефлексии на определенные ситуации или их паллиативе со стороны государства, а в принятии последним «опережающих», «рабочих» и, главное, сбалансированных, оптимальных управленческих решений. Ключевое значение при этом имеет не столько вопрос о соотношении частных (на которых покоятся образующие гражданский оборот связи) и публичных начал – публичное всегда возьмет верх над частным, поскольку «всегда побеждает тот, на чьей стороне сила»[764], сколько то, чтобы государство, на принудительной силе которого зиждутся исходящие от него или санкционируемые им правовые нормы и их применение, использовало эту силу во благо оборота, реально, а не номинально способствуя его нормальному функционированию.

В свою очередь для того, чтобы государство, оправданно называемое отдельными авторами гарантом гражданского оборота[765], действительно выступало в этом качестве, недостаточно закрепить те или иные правовые нормы. Необходим механизм, фактически создающий благоприятные условия для реализации системой граждан-

---

[760] *Карапетов А.Г.* Реформа ГК РФ в части норм договорного права после второго чтения: комментарий к основным положениям.

[761] *Витрянский В.В.* Указ. соч. С. 329.

[762] *Карапетов А.Г.* Экономический анализ права. С. 16.

[763] Указанные изменения были внесены ФЗ РФ от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 ч. 1 ГК РФ» (URL: http://www.pravo.gov.ru) и вступили в действие 1 марта 2013 г.

[764] *Асланян Н.П.* Основные начала российского частного права: монография. С. 202.

[765] *Куприянов А.А.* Фактическое владение как основной аргумент в спорах о недвижимости // Недвижимость, строительство, право. Издательский дом «Арбитражная практика». 2009. № 1 [Электронный ресурс]. URL: https://pravorub.ru/articles/1467.html.

ского оборота тех функций, которые возложены на нее обществом, причем механизм межотраслевой. Если же этот механизм отсутствует либо не является «прозрачным», то не просто растет социальная напряженность и утрачивается доверие к государству, но происходят изменения в функционировании самой системы оборота, проявляющиеся в уходе части образующих ее связей «в тень». Оценивая причины таких ситуаций, следует признать, что во многом факт их появления вызван не вполне продуманной, «однобокой» политикой государства, которое, с одной стороны, провозглашает идею необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота, а, с другой стороны, на практике зачастую самоустраняется от решения этой задачи.

В данной связи обратим внимание на те случаи, когда некие факты и обстоятельства, реально существующие в обороте, объявляются или допускаются находящимися вне правового поля. При этом находящимся вне правового поля признают либо нечто незаконное, либо нечто, не получившее прямой нормативной регламентации. О распространенности подобных представлений, увы, свидетельствуют не только публицистические очерки и специальная литература[766], в том числе учебная[767], но и судебные решения[768], а также акты исполнительных органов власти[769]. Полагаем, что последнее обстоятельство недопустимо – ни государ-

---

[766] *Антонов Я.В.* Политико-правовые проблемы развития механизмов электронной демократии в Российской Федерации // Российская юстиция. 2017. № 7 (СПС «КонсультантПлюс»); *Быкова Е.Г., Казаков А.А.* О правовой оценке противоправного безвозмездного изъятия криптовалюты // Уголовное право. 2018. № 2. С. 16–19; *Бычков А.* Транзакции с криптоактивами и их правовая защита // Новая бухгалтерия. 2018. № 4. С. 100–127; *Васильева Н.В.* К вопросу об определении понятия и видов бюджетных доходов // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4. С. 26; *Капитонова Е.* Борьба с контрафактом в сфере народных промыслов: теория и практика // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 8 (СПС «КонсультантПлюс»); *Мамонтова Э.А.* Незаконная миграция в России и вопросы обеспечения национальной безопасности // Миграционное право. 2018. № 4 (СПС «КонсультантПлюс»); *Рабец А.М.* Алиментные обязательства и отношения по опеке и попечительству: проблемы сосуществования // Современное право. 2018. № 2 (СПС «КонсультантПлюс»); *Хоменко Е.Г.* О возможности использования криптовалюты при оказании платежных услуг // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 79–83.

[767] Международное частное право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. С.Н. Лебедева, Е.В. Кабатовой. М.: Статут, 2011; Финансовый мониторинг: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю.А. Чиханчина, А.Г. Братко. М.: Юстицинформ, 2018. Т. 1 (СПС «КонсультантПлюс»).

[768] См. постановления: Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.09.2018 г. № Ф08-6836/2018 по делу № А15-3601/2016, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.03.2017 г. № Ф04-20/2015 по делу № А46-6493/2015, Арбитражного суда Московского округа от 07.09.2015 г. № Ф05-9207/2015 по делу № А40-59299/2014, Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.05.2015 г. № Ф02-2043/2015 по делу № А19-10162/2013, ФАС Московского округа от 04.08.2014 г. № Ф05-7943/2014 по делу № А40-133728/13-41-1231, ФАС Волго-Вятского округа от 29.03.2012 г. по делу № А17-2962/2011. постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.10.2018 г. № Ф06-38270/2018 по делу № А57-21957/2017, апелляционное определение Ульяновского областного суда от 31.07.2018 г. по делу № 33-3142/2018; определение Арбитражного суда г. Москвы от 05.03.2018 г. по делу № А40-124668/17-71-160Ф; решения Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 05.09.2017 г. по делу № 2-8532/2017, Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга от 07.08.2017 г. по делу № 2-3141/2017.

[769] Так, в Стратегии развития янтарной отрасли Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 15.09.2017 г. № 1966-р (Официальный интернет-портал правовой информации

ство, принявшее на себя миссию гаранта стабильности гражданского оборота, ни выносящие свои решения именем Российской Федерации судебные органы не должны «прикрываться» неурегулированностью определенных жизненных ситуаций или их незаконностью. Действительно находящимися вне правового поля можно признать либо юридически безразличные явления (например, отношения любви, дружбы, увлечение спортом и проч.), либо явления, которые объективно не поддаются нормативной регламентации (например, творческий процесс создания интеллектуальной собственности[770]). Реализация же системой права возложенных на нее функций в сфере частноправового регулирования не может быть поставлена в зависимость от наличия или отсутствия определенных нормативно-правовых установлений и любая социально-значимая ситуация, в том числе конфликтная, безусловно подлежит разрешению имеющимися правовыми средствами. В числе таких средств следует назвать диспозитивный метод гражданско-правового регулирования, а также наличие в ГК РФ ст. 1, закрепляющей основные принципы гражданского законодательств. Можно указать и на ст. 6 ГК РФ, устанавливающую правила об аналогии закона и аналогии права, согласно которым права и обязанности субъектов в любом случае могут быть определены, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости.

В качестве еще одной иллюстрации самоустранения государства от решения поставленной им же задачи обеспечения стабильности гражданского оборота можно привести случаи, связанные с отказом государства в лице налоговых орга-

---

http://www.pravo.gov.ru, 18.09.2017) незаконный оборот янтарного сырья и янтарных изделий противопоставляется деятельности предприятий по добыче и переработке янтаря, действующих в рамках правового поля. Аналогичным образом в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 02.06.2016 г. № 1083-р (Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 10.06.2016) установлен такой принцип реализации Стратегии, как «работать легально выгодно», с последующим указанием: «Важно продемонстрировать все плюсы ведения предпринимательской деятельности в правовом поле». Распоряжение Совета Министров Республики Крым от 11.06.2014 г. № 521-р называется «О создании рабочих групп по выявлению и пресечению деятельности автомобильных перевозчиков, работающих вне правового поля на территории Республики Крым» (СПС «Гарант». Текст распоряжения официально опубликован не был). См. также: Об утверждении Концепции оптимизации механизмов проектирования и реализации межведомственного информационного взаимодействия, оптимизации порядка разработки и утверждения административных регламентов в целях создания системы управления изменениями: распоряжение Правительства РФ от 20.08.2015 г. № 1616-р (ред. от 18.10.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

[770] *Гаврилов Э.П., Еременко В.И.* Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Экзамен, 2009. С. 282.

нов в возмещении налогоплательщикам налога на добавленную стоимость (далее – НДС) на том основании, что их контрагенты «обладают признаками “проблемного” контрагента»[771]: отсутствуют по их юридическим адресам, представляют «нулевую отчетность», не платят налоги, транзитный характер имеют движения денежных средств по расчетным счетам и т. п.[772]. Таким образом, усматривая в поведении заявителей непроявление должной осмотрительности и осторожности при выборе контрагента, налоговые, а вслед за ними – и судебные органы до недавнего времени фактически перекладывали бремя неблагоприятных последствий неисчисления и неуплаты налогов одними участниками гражданского оборота на других. Иной, правильный вектор в решении данной проблемы задали высшие судебные инстанции. Так, Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал в своих решениях[773], что исполнение обязанности по уплате налогов не предполагает возложения на налогоплательщика ответственности за действия всех организаций, участвующих в многостадийном процессе уплаты и перечисления налогов в бюджет. Аналогичным образом Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении № 307-ЭС19-27597 от 14 мая 2020 г. по делу № А42-7695/2917[774], отменив предыдущие судебные решения по данному делу, подробно описала основания для отказа в вычете НДС из-за ошибок контрагента, подчеркнув, что сам факт неуплаты контрагентом НДС в бюджет не может являться основанием для отказа в вычете. Следует заметить, что данная позиция, получив воплощение в последующих решениях нижестоящих судебных инстанций[775], имела место в правоприменительной практике и ранее – в частности, в 2016 году Арбитражный суд Республики Коми указал на то, что «исполнение функции налогового контроля за деятельностью контрагентов, не может быть

---

[771] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2016 г. № 17АП-498/2016-АК (URL: http://ras.arbitr.ru/).

[772] См.: постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 16.09.2009 г. № А19-993/09; решение Арбитражного суда Мурманской области от 23.01.2019 г. по делу № А42-7695/2017.

[773] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 г. № 41-П (Собрание законодательства РФ. 2019. № 52 (ч. II). Ст. 8138), определения Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 г. № 2561-О, от 26.11.2018 г. № 3054-О (СПС «Гарант») и др.

[774] URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1885136//

[775] См. решение Арбитражного суда Самарской области от 15.10.2021 г. по делу № А55-22978/2021 (URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/SlgRwGxFy4dK/), в котором суд в числе прочего указал, что «нарушение контрагентом заявителя своих налоговых обязанностей не может вменяться в вину заявителя».

возложено на налогоплательщика, а является прямой обязанностью налоговых органов. Возложение указанной обязанности на налогоплательщика противоречит общим принципам функционирования гражданского оборота, участниками которого являются налогоплательщики при совершении хозяйственных операций»[776].

Принимая во внимание имеющийся у государства административный ресурс, возможным (т. е. принципиально допустимым) является любое его воздействие на систему гражданского оборота. Однако для того, чтобы это влияние было действенным и оптимальным, по-настоящему обеспечивающим удовлетворение потребностей и интересов как отдельных членов социума, так и общества в целом, оно должно иметь *системный характер*. Это означает, что такое воздействие, прежде всего, должно быть лишено случайных, конъюнктурных моментов. В вопросах влияния государства на гражданский оборот важна, по терминологии экономистов, долгосрочная перспектива, предполагающая *концептуальное решение* базовых вопросов, касающихся оборота имущественных благ – в частности: о круге субъектов оборота; о признаках и перечне объектов оборота, их правовом режиме; о видах связей (отношений), подлежащих включению в гражданских оборот; и др. Иными словами, государственно-правовое воздействие на систему гражданского оборота должно являться не отрывочным (суть, «точечной», «заплатной» корректировкой отдельных нормативных положений), а «сквозным».

Кроме этого, системный характер воздействия на гражданский оборот означает необходимость решения вопросов его регламентации *не средствами какой-то одной отдельно взятой отрасли права, в частности гражданского, а с позиций системы права в целом*. Унификация понятийно-терминологического аппарата различных отраслей права, нормы которых так или иначе касаются оборота имущественных благ либо содержат идентичные формулировки, является при этом лишь «верхушкой айсберга». Правовое регулирование гражданского оборота должно осуществляться в контексте общей правовой политики государства, предполагающей согласованность отдельных направлений государственно-правового

---

[776] Решение Арбитражного суда Республики Коми от 14.03.2016 г. по делу № А29-10570/2015 (URL: http://ras.arbitr.ru/).

воздействия, в частности, баланс между гражданско-правовым регулированием данной сферы и налоговой политикой.

Наконец, системное воздействие на гражданский оборот со стороны государства посредством принятия и реализации соответствующих нормативных правовых установлений предполагает *восприятие и гражданского оборота, и системы права в качестве элементов общей для них надсистемы – системы общества*, с позиций интересов и потребностей которой, таким образом, и должно осуществляться их взаимодействие. Именно подобное – *социо-телеологическое* – воздействие позитивного права на систему оборота может считаться *необходимым*. Речь идет о том действительно важном, неоспоримо нужном вмешательстве государства (и мере такого вмешательства) в процесс функционирования гражданского оборота, которое связано с ограничением и блокированием антисоциальных, суть, нарушающих права и интересы других участников оборота как членов социума, связей системы гражданского оборота.

С учетом изложенного, можно сделать вывод, что только принципами гражданского права политико-правовые начала, суть, принципы правового регулирования гражданского оборота не ограничиваются. Наряду с ними следует выделять также *принцип системности*, который непосредственно касается нормативно-правовой регламентации гражданского оборота и означает, что такое воздействие, во-первых, должно являться концептуальным, т. е. не отрывочным, а «сквозным», во-вторых, должно осуществляться с позиций системы права в целом, путем «синхронизации» базовых установлений отдельных его отраслей, и, наконец, должно являться социо-телеологическим, т. е. действительно необходимым – важным, неоспоримо нужным вмешательством государства в процесс функционирования гражданского оборота с позиций интересов и потребностей общества.

Кроме этого, в числе политико-правовых начал регулирования рассматриваемой сферы, на наш взгляд, необходимо выделять также *принцип самоорганизации* гражданского оборота, вытекающий из диспозитивного характера регулирования частноправовых отношений и признания регулятивным началом гражданского оборота его «собственных» правил. В общем виде данный принцип

означает санкционированную государством выработку правил организации и функционирования соответствующих социальных связей самой системой оборота или ее участниками. В отличие от принципа системности, связанного с нормативно-правовой регламентацией, принцип самоорганизации гражданского оборота касается преимущественно индивидуального правового регулирования, в контексте которого он и будет детализирован далее.

В завершение настоящего параграфа изложим основные выводы, полученные в процессе исследования.

В числе мировоззренческих (гносеологических) начал как социальных регуляторов гражданского оборота следует выделять: 1) духовные (нравственные) принципы (ценностные установки) общества; 2) обычные (обыденные, «житейские») представления субъектов и те правила (модели действия), которые складываются внутри оборота; 3) политико-правовые начала регулирования гражданского оборота.

По характеру происхождения и воздействия на систему гражданского оборота духовные начала общества и собственные правила и модели действия оборота имеют эндогенный («внутренний»), а потому оптимальный характер; политико-правовые установки государства, объективируемые в нормах позитивного права, могут быть как экзогенными («внешними»), так и эндогенными – в случае восприятия законодателем социально-полезных правил и конструкций, естественным образом складывающихся в фактически существующем гражданском обороте.

Политико-правовые начала, суть, принципы правового регулирования гражданского оборота не ограничиваются принципами гражданского права. Наряду с ними следует выделять также принцип системности и принцип самоорганизации.

§ 2. Общая характеристика средств и тип правового регулирования гражданского оборота

Вопрос о механизме правового регулирования является центральным в рамках теории правового регулирования, поскольку в его инструментальном, специально-юридическом аспекте, по замечанию С.С. Алексеева, «раскрываются ис-

ходные юридические начала и “пружины” правового регулирования, а главное, юридический инструментарий непосредственно связывается через функции права с объективно обусловленными требованиями экономического базиса данного общества»[777]. По данной теме имеется немалое число исследований как в общей теории права, так и в отраслевых науках[778], но утверждать, что ее исследование завершено, нельзя.

Не преследуя цели дать исчерпывающий обзор имеющихся в отечественной доктрине подходов к решению вопроса о механизме правового регулирования, заметим, что с момента введения данного понятия в научный оборот Н.Г. Александровым[779] и его фундаментальной разработки С.С. Алексеевым[780] трактовка механизма правового регулирования не отличалась единообразием. Так, С.С. Алексеев предложил понимать под механизмом правового регулирования «взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения»[781]. Иного взгляда придерживался Ф.Н. Фаткуллин, по мнению которого, «будучи разновидностью государственной деятельности, правовое регулирование в действительности … способно аккумулировать только властные, управленческие акты регулирующей подсистемы»[782]. Как отмечал ученый, эта деятельность состоит из двух «эшелонов» – общего правового регулирования, которое «олицетворяет правотворчество» и имеет свой «собственный, автономный и целостный механизм», и индивидуального правового регулирования, механизм которого «подчинен инте-

---

[777] *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. С. 270.

[778] См.: *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве; *Веремеенко И.И.* Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка: Элементы и формы реализации права в механизме административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. Ч. 2. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982; *Емельянов А.С.* Функции финансового права и механизм финансово-правового регулирования // Реформы и право. 2009. № 4; *Клеандров И.М.* Механизм правового регулирования и повышение его эффективности // Современные проблемы юридической науки: сб. науч. ст. Вып. 3. Новосибирск: Изд. Центр «Новосибирск», 2003; *Кропачев Н.М.* Механизм уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000; *Лукашук И.И.* Механизм международно-правового регулирования: учеб. пособие. Киев: Вища школа, 1980; *Нургалиева Е.Н.* Механизм правового регулирования трудовых отношений в условиях многоукладной экономики. По материалам России и Казахстана: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1993; *Осипов М.Ю.* Механизм правового регулирования и его типы // Право и государство: теория и практика. 2006. № 3.

[779] *Александров Н.Г.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961.

[780] *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве.

[781] Там же. С. 30.

[782] *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. С. 160.

ресам правореализации»[783]; на этом основании он полагал оправданным не использование понятия «механизм правового регулирования», а «конструирование понятий “механизм общего правового регулирования” и “механизм правореализации”»[784]. С точки зрения В.М. Сырых, механизм правового регулирования представляет собой систему, которая состоит из: правовых средств; субъектов, осуществляющих правовое регулирование или правовую деятельность; юридически значимых результатов их деятельности, и подразделяется на три компонента: механизм правотворчества, механизм реализации права и механизм принуждения[785].

Однако, невзирая на различия в определениях механизма правового регулирования, в общей теории права превалирует трактовка его как совокупности или системы правовых средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений[786]. Именно из такого восприятия механизма правового регулирования, полагая данный подход наиболее приемлемым с цивилистических (т. е. отраслевых, суть, прикладных, абстрагированных от вопросов правотворчества) позиций, мы будем исходить в дальнейшем изложении, в предельно общем виде понимая, таким образом, *механизм правового регулирования гражданского оборота* как *систему юридических (правовых) средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование (упорядочение) социальных связей (отношений), образующих гражданский оборот как сферу общества*.

В то же время и в рамках избранного понимания среди правоведов отсутствует единство взглядов, в частности, на компоненты механизма правового регулирования. Так, С.С. Алексеев выделял три основных элемента механизм правового регулирования: юридические нормы, правовые отношения и акты реализации субъективных прав и обязанностей[787]. Факультативной стадией, которая может либо предшествовать возникновению правоотношений, либо обеспечивать их реализа-

---

[783] *Фаткуллин Ф.Н.* Указ. соч. С. 160.
[784] Там же.
[785] *Сырых В.М.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юстицинформ, 2005. С. 166–167.
[786] *Александров Н.Г.* Указ. соч. С. 105–107; *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С 30; *Перевалов В.Д.* Теория государства и права. С 156; *Пьянов Н.А.* Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 192.
[787] *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. С. 281–282.

цию, ученый считал индивидуальные предписания применения права[788]. С.А. Комаров, также отмечая стадии, которые включает правовое регулирование, выделяет в соответствии с ними четыре основных элемента механизма правового регулирования: нормы права; правоотношение; акты реализации прав и обязанностей; акты применения права[789]. М.М. Рассолов, с одной стороны, пишет, что «можно выделять и рассматривать три элемента (звена) механизма правового регулирования», но, с другой стороны, отмечает, что «это трехзвенное построение механизма правового регулирования не носит универсальный характер» и не высказывая своего мнения по данному вопросу, констатирует, что отдельные ученые выделяют и исследуют еще один элемент – акты применения права[790]. Как нетрудно заметить, ученые не сходятся в вопросе о необходимости включения в механизм правового регулирования актов применения права, точнее – о характеристике их как основного или факультативного элемента. Нам близка позиция ученых, которые, исходя из того, что процесс правового регулирования проходит стадию применения права не всегда[791], считают стадию применения права и, следовательно, ключевое правовое средство данной стадии – акты применения права – факультативным (или дополнительным) элементом механизма правового регулирования[792].

С учетом изложенного, к юридическим средствам, входящим в механизм правового регулирования гражданского оборота, следует причислить: нормы права, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей и (факультативно) акты применения права. В преломлении к вопросу о правовом регулировании гражданского оборота эти общие положения нуждаются в дополнении и уточнении.

Прежде всего, говоря о нормах права как исходной базе для правового регулирования гражданского оборота, необходимо еще раз подчеркнуть, что последний не потому именуется «гражданским», что составляет предмет гражданско-правового регулирования (предметно-отраслевой критерий). Утверждать, что гражданский

---

[788] *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. С. 282.
[789] Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 3 / отв. ред. М.Н. Марченко. С. 94.
[790] *Рассолов М.М.* Указ. соч. С. 561–562.
[791] А только в случаях, когда субъективные права и обязанности не могут возникнуть без правоприменительной деятельности либо когда необходимо обеспечить их реализацию при помощи мер государственного принуждения.
[792] *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. С. 282; *Пьянов Н.А.* Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений. С. 213–214.

оборот равнозначен предмету отрасли гражданского права и, соответственно, признавать, что регламентирующие поведение участников гражданского оборота положения могут устанавливаться только посредством гражданско-правовых норм, на наш взгляд, ошибочно.

Необходимо заметить, что при выявлении соотношения гражданского оборота с предметом гражданского права, методологически важными являются вопросы о том, что именно мы соотносим – понятия либо феномены, отражаемые в этих понятиях (очевидно, что допустимо сопоставлять только однопорядковые величины, т. е. либо понятия, либо явления), и то, по каким критериям предпринимается данное сопоставление.

Как было отмечено, любое понятие, являясь формой мышления, представляет собой отражение предметной действительности. При сопоставлении понятий либо предметов, отражаемых в этих понятиях, ученые используют различные критерии сопоставления. Так, в случае выявления соотношения между понятиями ключевыми критериями будут такие характеристики, как содержание (мыслимые в понятии общие и существенные признаки предметов) и объем (охватываемые понятием предметы мысли)[793]. В случае же сопоставления определенных феноменов оно может предприниматься по *любым* критериям, относительно произвольно избираемым исследователем в соответствии с его целями и задачами, например, по пространственному, временному, структурному, субъектному, объектному, функциональному, субстанциональному и др. критериям.

Приступая с учетом отмеченного к сопоставлению гражданского оборота и предмета гражданского права (т. е. предмета правового регулирования соответствующей отрасли права – регулируемой ее нормами сферы общественных отношений), выявляя их сущностное соотношение, представляется верным исходить из восприятия их как явлений, отображаемых вместе с тем в соответствующих понятиях. И понятия эти могут считаться сравнимыми[794] (а соответствующие фе-

---

[793] *Иванов Е.А.* Логика: учебник. М.: БЕК, 1996. С. 49–51.

[794] В логике деление отношений между понятиями (в котором находят свое отражение объективные отношения между самими предметами) на сравнимые и несравнимые предпринимается в зависимости от содержания понятий: *сравнимыми* считаются понятия, «так или иначе имеющие в своем содержании общие существенные признаки (по которым они и

номены – однотипными, а потому и допустимо сравнимыми) лишь при условии понимания гражданского оборота именно как системы общественных отношений. Что касается критериев соотношения, то применительно к понятиям «гражданский оборот» и «предмет (отрасли) гражданского права» таковыми следует признать содержание и объем; относительно соотнесения феноменов, отражаемых в этих понятиях, наряду с кругом образующих их отношений принципиальным представляется субстанциональный критерий.

Исходя из вышеуказанного условия соотношения гражданского оборота и предмета гражданского права (т. е. понимания гражданского оборота как системы социальных связей), понятия «предмет гражданского права» и «гражданский оборот» по содержанию являются сравнимыми, поскольку содержат общий признак – «общественные отношения». Относительно признака, выражаемого в сравниваемых понятиях термином «гражданский», необходимо еще раз акцентировать внимание на доктринально-методологических причинах подобного словоупотребления применительно к понятию «гражданский оборот» – таким образом цивилисты очерчивают свою предметную область; ни субъектный, ни предметно-отраслевой критерии в данном вопросе понятийно-терминологически (т. е. как отражаемый в определении понятия признак явления) не применимы.

Если же обратиться к анализу самих общественных отношений, образующих гражданский оборот, то в первом приближении они кажутся идентичными предмету гражданского права. Так, совпадает круг субъектов (это – физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, юридические лица и публично-правовые образования), а также объекты соответствующих общественных отношений (возможные объекты оборота так или иначе поименованы в ст. 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав»). Сходство гражданского оборота и отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования, заключается и в том, что предмет гражданского права составляют, прежде всего, имущественные отношения, характеризуемые имущественной обособленностью, самостоятельно-

---

сравниваются – отсюда название их отношений)»; соответственно, *несравнимыми* признаются понятия, «не имеющие сколько-нибудь существенных в том или ином отношении общих признаков» (*Иванов Е.А.* Указ. соч. С. 65).

стью и равенством субъектов – участников этих отношений. Аналогичным образом гражданский оборот как экономическая по природе сфера общества, призванная опосредовать удовлетворение потребностей субъектов за счет «чужих» благ, представляет собой систему социальных связей, базирующихся на автономности, независимости и равенстве участников оборота. Именно по указанному критерию гражданский оборот противопоставляют планово-административному или хозяйственному обороту. Так, В.А. Белов пишет: «*Гражданский оборот – это юридическая форма экономического оборота, основанного на гражданском* (*частном*) *организующем начале* (*начале автономной или самоорганизации*)… *планово-административный* или иначе *хозяйственный оборот* – правовая форма экономического оборота, который основан на публичном (государственном или корпоративном) организующем начале (начале регулирования его извне, “сверху”)»[795].

Несмотря на отмеченные сходства, принципиальным различием гражданского оборота и предмета отрасли гражданского права как феноменов является характер их формирования и существования: гражданский оборот представляет собой естественную самоорганизующуюся систему, появившуюся и существующую объективно. В отличие от этого предмет гражданского права – результат исключительно мыслительной деятельности людей, в частности отечественных ученых. Как справедливо отмечает А.Я. Рыженков, «предмет правового регулирования – не просто какая-то фактически существующая сфера общественных отношений, но лишь ее мысленная модель, полученная под влиянием соответствующих принципов права»[796]. В этой связи укажем и на отсутствие деления правовых норм на отрасли в ряде иных правопорядков. Если признать тождество гражданского оборота и предмета гражданского права, то следуя законам логики, придется признать, что в этих правопорядках гражданского оборота нет, что явно не соответствует действительности.

Еще одним различием является то, что гражданский оборот и предмет гражданского права не совпадают по объему. И вопрос не в том, что гражданским оборотом традиционно признают лишь отношения «динамики», т. е. такие, которые

---

[795] *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. II. С. 283.

[796] *Рыженков А.Я.* О соотношении методов и принципов правового регулирования (на примере гражданского и предпринимательского права) // Современное право. 2022. № 2. С. 14.

связаны с переходом объектов и (или) прав на них; как было доказано выше, так называемые отношения «статики» (т. е. принадлежности объектов) также входят в число отношений, образующих систему гражданского оборота. По сравнению с гражданским оборотом *предмет гражданского права как отрасли шире, поскольку включает в себя отношения из принадлежности необоротоспособных по своей природе объектов* (например: личных неимущественных прав авторов; нематериальных благ, указанных в ст. 150 ГК РФ) – отношения, в структуру гражданского оборота не входящие что называется по определению, исходя из того, что конститутивным признаком объектов оборота является их оборотоспособность.

Ключевое правовое воздействие на гражданский оборот как сферу отношений равных и независимых субъектов, действительно, оказывают нормы гражданского права, наряду с которыми действуют нормы, в частности, семейного, земельного, лесного, водного, административного, уголовного права, определяющие модели поведения участников гражданского оборота. Нормами семейного права, регламентирующими гражданский оборот, являются, например, закрепленные в Семейном кодексе РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ[797] правила о владении, пользовании и распоряжении общим имуществом супругов (ст. 35), о разделе общего имущества и о договорном режиме имущества супругов (ст. ст. 38, 39 и гл. 8, соответственно), об ответственности супругов по обязательствам (гл. 9), об алиментных обязательствах членов семьи (разд. V.). В нормах публичного права установлены особые правила оборота отдельных видов объектов (земельных участков, водных и лесных объектов, оружия, наркотических средств, алкогольной и спиртосодержащей продукции и др.) и правовые последствия их нарушения. Так, меры ответственности за нарушение имеющихся правил оборота, включая введение в гражданский оборот, и незаконный оборот отдельных видов объектов, содержатся в: ст. 25 ФЗ РФ от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алко-

[797] Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

гольной продукции»[798]; ст. ст. 138.1, 171.3, 187, 191, 228, 228.2, 228.3, 234, 234.1, 238.1, 242, 242.1, 258.1, 327 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ[799]; ст. 27 ФЗ РФ от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»[800]; ст. ст. 47, 51, 52 ФЗ РФ от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»[801]; ст. 24 ФЗ РФ от 02 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»[802]; ст. ст. 6.8, 6.15, 6.16, 6.16.1, 6.20, 6.27, 6.33, 7.5, 7.10, 7.11, 7.12, 7.15.1, 7.18, 7.19, 7.20, 7.24, 7.27, 7.30, 7.31.1, 7.32, 7.32.1, 7.32.3, 7.33, 8.20, 8.26, 8.28, 8.28.1, 14.2, 14.4, 14.4.2, 14.5, 14.7, 14.10, 14.11, 14.12, 14.13, 14.15, 14.16, 14.17, 14.24 и др. Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ; п. 6 ст. 47, ст. 59, подп. 1) п. 1 ст. 69 ФЗ РФ от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»[803].

При этом с позиций правового регулирования в структуре гражданского оборота условно можно выделить две группы отношений:

1) отношения, регулируемые исключительно нормами гражданского права (к ним следует причислить, в частности, отношения, складывающиеся по поводу принадлежности и отчуждения движимого имущества, права на которое не подлежат государственной регистрации или иному учету);

2) отношения, одновременно регулируемые нормами нескольких различных отраслей права (например, отношения, складывающиеся между супругами в связи с владением, пользованием и распоряжением их общим имуществом, разделом последнего и др., регламентируемые нормами не только гражданского, но и семейного права). Отметим, что наличие отношений, одновременно регулируемых различными отраслями права, признается и в юридической литературе. Так, в контексте вопроса о соотношении норм гражданского права, содержащихся в ГК РФ и в иных законах, относительно соотношения, в частности, Жилищного и Гражданского кодексов РФ, Е.А. Суханов отмечает, что рассматривать Жилищный кодекс в качестве специального по отношению к ГК нет оснований, посколь-

[798] Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.
[799] Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
[800] Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.
[801] Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.
[802] Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 150.
[803] Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

ку ЖК был принят не «в соответствии с ГК», имеет собственный предмет и принципы, в связи с чем «Жилищный кодекс имеет приоритет в применении перед другими законами, содержащими нормы жилищного законодательства (п. 8 ст. 5 ЖК), но должен уступать ГК в сфере регулирования жилищных отношений, являющихся одновременно гражданско-правовыми»[804]. Эту позицию поддерживает и П.В. Крашенинников[805].

Тот факт, что образующие гражданский оборот отношения не являются предметом правового регулирования какой-либо одной отрасли права, актуализирует проблему межотраслевого взаимодействия. Как отмечал М.Ю. Челышев, «экономическая сфера представляет собой область межотраслевого правового регулирования»[806]. Именно это обстоятельство – то, что гражданский оборот как сферу общества образуют отношения, подвергаемые регулированию со стороны различных (каждой – в «своем срезе») отраслей права – является его ключевой особенностью с позиций правового регулирования. В конечном счете регулирование гражданского оборота разными группами норм и взаимосвязь последних детерминированы системным характером самого гражданского оборота, фактической целостностью той социальной сферы, в которой действуют субъекты лишь умозрительно разнородных (с позиций отраслевого деления права либо иной градации), а в реальности *разносторонних отношений*: и субъекты гражданско-правовых отношений, и налогоплательщики, и даже участники так называемого теневого оборота являются участниками социально общей (единой) для них сферы имущественного обращения, как правило, совмещая в себе различные ипостаси – так, любой выгодоприобретатель по гражданско-правовой сделке обычно является и налогоплательщиком. Определенную сложность при этом вызывают ситуации, когда действия участников гражданского оборота, одновременно регулируемые нормами различных отраслей права, образуют состав как гражданско-правового, так и публично-правового нарушения. Для иллюстрации приведем сделку, совершаемую в

---

[804] Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2008. С. 91–92 (автор раздела – Е.А. Суханов).

[805] Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б.М. Гонгало. С. 73.

[806] *Челышев М.Ю.* Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспечения публичных интересов в экономической сфере // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 136.

обход закона, с одной стороны, подлежащую квалификации как злоупотребление субъективным гражданским правом (ст. 10 ГК РФ), но, с другой стороны, зачастую представляющую собой действие, нарушающее нормы иной отрасли права, в частности, налогового[807]. Другой пример – сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности: нередко такая сделка, ничтожность которой установлена нормой ст. 169 ГК РФ, а примерный перечень которых ныне содержится в п. 85 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, по терминологии положенного в основу данного постановления разъяснения Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 апреля 2008 г. № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации»[808] (см. п. 5), «сама по себе образует состав публичного правонарушения». В подобных ситуациях, детерминированных разносторонним характером связей, образующих гражданский оборот, при одновременном наличии отмеченной необходимости субъектов гражданского оборота соотносить свое поведение с нормативными установлениями различных отраслей права, вопрос о юридической квалификации соответствующего деяния не может решаться с узкоотраслевых позиций и с учетом прочих обстоятельств[809] актуализирует необходимость разработки общего (межотраслевого) учения о механизме правового регулирования гражданского оборота, одним из ключевых в рамках которого видится вопрос о *типе правового регулирования гражданского оборота*, т. е. об общей направленности воздействия права на общественные отношения, зависящей от того, что лежит в основе регулирования – общее дозволение или общий запрет[810].

---

[807] Не вызывает сомнений, что налоговая политика и вопросы налогообложения зачастую непосредственным образом обусловливают поведение участников гражданских правоотношений, влияя, например, на выбор ими организационно-правовых форм активной экономической деятельности, вида заключаемого договора и проч.

[808] Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2008. № 5.

[809] В частности, в связи со сходством используемой терминологии – закреплением и в гражданско-правовых нормах, и в нормах отраслей публичного права таких терминологических единиц, как «оборот», «объекты, изъятые из оборота», «объекты, ограниченные в обороте», «незаконный оборот».

[810] *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. С 219; *Кузьмина Е.М.* Типы правового регулирования: современное измерение // Вестник Поволжского института управления. 2013. № 6 (39). С. 44; Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 3 / отв. ред. М.Н. Марченко. С. 95–96. Существует и иная точка зрения на вопрос о понятии типа правового регулирования. В частности, Е.К. Шевырин предлагает следующую дефиницию: «Тип правового регулирования – это теоретическая конструкция, отображающая научные представления о существенных чертах, свойствах и строении процесса воздействия на общественные отношения определенных правил, обеспеченных правовыми санкциями, способных оказывать преобразующее воздействие на поведение людей путем

Как отмечал С.С. Алексеев, «определение “общее” применительно к запретам и дозволениям понимается в том смысле, что соответствующее нормативное положение является исходным и направляющим правовым началом на данном участке общественных отношений» и «главная юридическая функция рассматриваемых правовых явлений как общих регулирующих начал состоит в том, чтобы быть направляющими механизмами в правовом регулировании, его организующими стержнями»[811]. Отечественная доктрина традиционно различает два типа правового регулирования – общедозволительный и разрешительный[812]. Первый из них основан на общем дозволении и характеризуется формулой «дозволено все, кроме запрещенного законом»; второй – на общем запрете и характерном для него принципе «запрещено все, кроме дозволенного законом» (либо «дозволено только то, что разрешено законом»).

Вопрос о типе правового регулирования гражданского оборота в юридической литературе не ставился, однако отдельные его аспекты анализировались в отечественной цивилистике. В частности, М.Ю. Челышев, рассматривая межотраслевое правовое регулирование с позиций обеспечения публичных интересов в экономической сфере, полагал, что оно может проявляться исключительно в правовых комплексах как совокупности правовых норм, системно, комплексно регулирующих определенную жизненную ситуацию, и сочетающих два типа правового регулирования – публично-правовой и частноправовой[813].

Оставляя за рамками настоящей работы проблему «комплексности»[814], позволим себе не согласиться с приведенной позицией главным образом в силу того, что, по мнению ее автора, определенный межотраслевой правовой комплекс регламен-

---

установления субъективных прав и возложения юридических обязанностей» (*Шевырин Е.К.* Тип правового регулирования: теоретические и практические проблемы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2008. С. 9).

[811] *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия … С. 359, 360–361.

[812] Там же. С. 380–382; *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. С 219–220; Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 3 / отв. ред. М.Н. Марченко. С. 95–96; *Пьянов Н.А.* Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений. С. 173–175; *Кузьмина Е.М.* Указ. соч. С. 44.

[813] *Челышев М.Ю.* Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспечения публичных интересов в экономической сфере. С. 137–138.

[814] В данном вопросе нам близка позиция Н.П. Асланян (*Асланян Н.П.* «Комплексная отрасль права» как терминологическое недоразумение // Современное право. 2024. № 1. С. 12–22).

тирует «*какую-то одну* (курсив наш. – *Ю.В.*) жизненную ситуацию»[815]. Будучи допустимым и, возможно, эффективным с точки зрения анализа определенной, относительно «узкой» сферы правового регулирования (предпринимательской деятельности, отношений с участием потребителей, акционерных и иных корпоративных отношений и т. д.), данный тезис представляется неприемлемым в вопросе правовой регламентации системы гражданского оборота (складывающейся из бесконечной вариативности «межотраслевых» жизненных ситуаций) *в целом*, поскольку в этом случае система правовых средств, регламентирующих гражданский оборот, предстает в виде обширного «комплекса правовых комплексов». Подлежащий при этом применению системный подход предполагает исчерпывающее выявление всех компонентов (элементов) данного комплекса (*всех* как публично-, так и частноправовых норм) и, соответственно, всех элементов входящих в него «подкомплексов», что с правоприменительных позиций представляется излишним.

Полагаем, что при юридической квалификации определенной ситуации, имеющей место в гражданском обороте, достаточно необходимым является выявление императивных запретов и ограничений; все иные, кроме подпадающих под действие соответствующих правовых норм, поведенческие акты субъектов – участников системы гражданского оборота согласовываются ими самостоятельно на паритетных началах. Иными словами, представляется, что правовое регулирование гражданского оборота осуществляется *не посредством сочетания двух типов* правового регулирования, – а *по одному – общедозволительному типу*, при котором, как было указано выше, дозволено все, что не запрещено законом.

Выдвигая этот тезис, мы исходим из того, что «общедозволительность», свойственную данному типу правового регулирования, обеспечивают не только диспозитивные регулятивные гражданско-правовые нормы, наделяющие субъектов юридическими возможностями и составляющие в числе всех правовых регуляторов гражданского оборота если и не большинство, то весьма значительный массив. Указанный тип правового регулирования не исключает, но, напротив,

---

[815] *Челышев М.Ю.* Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспечения публичных интересов в экономической сфере. С. 138.

предполагает некие рамки-запреты, в пределах которых поведение субъектов является дозволенным. Публично-правовые нормы, наряду с общими частноправовыми ограничениями (например, недопустимостью злоупотребления правом), и выступают в качестве тех запретов, которые формируют, задавая границы, правовое поле «общедозволительности» поведения субъектов гражданского оборота либо, в случае нарушения установленных запретов, выполняют охранительную функцию. Подобное мнение высказывал и В.Ф. Яковлев, признававший функциональный, «обслуживающий» характер связи гражданского права с отраслями публичного права и в качестве примера указывавший на уголовное право, которое «присущими ему юридическими средствами охраняет отношения собственности», регулируемые гражданским правом[816]. Последовательно отстаивая идею о системном действии норм различных отраслей права, ученый отмечал, что «системность правоприменения, конечно, должна быть заложена в самом праве, то есть в нем должны существовать все элементы и частного, и публичного права»[817], что «отрасли права по-прежнему следует разграничивать по предмету и методу, но в современных условиях налицо их взаимозависимость и взаимодействие в регулировании экономических отношений. В целом регулирование экономики является комплексным»[818], что «опосредуемые гражданским правом отношения собственности и товарно-денежного оборота находятся под воздействием и других отраслей права. Они охраняются уголовным правом, испытывают на себе влияние норм административного, семейного права. Вообще право эффективно лишь постольку, поскольку оно действует как единое целое во взаимодействии всех или нескольких его отраслей. Поэтому эффективность гражданско-правового регулирования возрастает при должном его взаимодействии с другими отраслями права»[819].

Если говорить о взаимосвязи гражданского и уголовного права, то помимо уже отмеченных ситуаций, когда определенное поведение субъекта нуждается в одновременной квалификации с позиций обеих указанных отраслей, она проявля-

---

[816] *Яковлев В.Ф.* Указ. соч. С. 236.
[817] *Яковлев В.Ф.* О системном применении права // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 3. С. 5–6.
[818] *Яковлев В.Ф., Талапина Э.В.* Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2 (182). С. 13.
[819] *Яковлев В.Ф.* Проблемы частного права в современных условиях // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 9.

ется в установлении нормами уголовного права мер ответственности за незаконный оборот отдельных видов объектов, являющихся одновременно объектами гражданских прав, а также за совершение иных деяний, непосредственно касающихся функционирования гражданского оборота. Например, ст. 170 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за регистрацию заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом, умышленное искажение сведений государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а равно занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом с использованием своего служебного положения. Особые составы преступлений образуют также, в частности: незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ); воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ); незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ); фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ст. 170.1 УК РФ); внесение кадастровым инженером заведомо ложных сведений в межевую и техническую документацию или подлог соответствующих документов, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству (ст. 170.2 УК РФ); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества (ст. 174 УК РФ); манипулирование рынком (ст. 185.3 УК РФ); преднамеренное и фиктивное банкротство (ст. ст. 196, 197 УК РФ); и др.

Феноменологически являясь по существу сферой, обеспечивающей пополнение бюджетов всех уровней, гражданский оборот «небезразличен» также для финансового и налогового права, «ведь получать налоги и иные бюджетные доходы, – по точному замечанию Е.А. Суханова, – возможно лишь постольку, поскольку существуют юридические и физические лица, имеющие соответствующее имущество. А оно приобретается и используется ими в рамках гражданского (имущественного) оборота»[820].

[820] *Суханов Е.А.* Государство и гражданский оборот.

Возвращаясь к вопросу о нормах права как одном из элементов состава механизма правового регулирования гражданского оборота, нельзя не повторить, что позитивное право содержит не только регулятивные, но и охранительные нормы, касающиеся сферы гражданского оборота. В ГК РФ помимо общих правил о виндикации, реституции, возмещении вреда и т. д., к числу последних относятся также и специальные нормы об изъятии из оборота и уничтожении без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, незаконно полученную информацию о его частной жизни либо его неправомерно полученное или используемое изображение (п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2 ГК РФ), равно как контрафактных материальных носителей, т. е. таких, изготовление, распространение или иное использование, а также импорт, перевозка или хранение которых приводят к нарушению исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (п. 4 ст. 1252 ГК РФ).

Охранительным по своему характеру является также положение ст. 1253 ГК РФ «Ликвидация юридического лица и прекращение деятельности индивидуального предпринимателя в связи с нарушением исключительных прав», по существу закрепляющее основание лишения отдельных субъектов права участия в гражданском обороте.

Наряду с регулятивными и охранительными нормами немаловажное значение в механизме правового регулирования гражданского оборота имеют также нормы-презумпции и нормы-фикции, выполняющие в правовом регулировании вспомогательную функцию. Такую характеристику правовым презумпциям и фикциям дает О.А. Кузнецова, отмечая, что «термин “вспомогательные” нельзя рассматривать с точки зрения второстепенности» и что характеристика норм как вспомогательных указывает лишь на выполняемую ими функцию и на то, что эти нормы «не образуют самостоятельной основы для возникновения правоотношения»[821].

[821] *Кузнецова О.А.* Презумпции в гражданском праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 51–52.

В числе норм-презумпций[822], включенных в механизм правового регулирования социальных связей (отношений), образующих гражданский оборот, в первую очередь следует указать на презумпции, установленные нормами гражданского законодательства: презумпции добросовестности и разумности действий участников гражданских правоотношений (п. 5 ст. 10 ГК РФ), презумпцию вины (п. 2 ст. 401 ГК РФ), презумпцию согласия (п. 2 ст. 253, п. 2 ст. 184, ст. 841 ГК РФ), презумпцию равенства долей участников долевой собственности (п. 1 ст. 245 ГК РФ). К ним можно добавить презумпции, установленные нормами публичного права, например: презумпцию добросовестности налогоплательщиков (выводимую специалистами[823] из правила п. 7 ст. 3 Налогового кодекса РФ[824]), презумпцию достоверности государственных реестров – единого государственного реестра юридических лиц, единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей (п. 4 ст. 5 закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ), единого государственного реестра недвижимости (следующей из норм п. 2 ст. 1 закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ, абз. 3 п. 6 ст. 8.1 ГК РФ). Классическими примерами норм-фикций[825] могут являться нормы, устанавливающие начало исчисления срока для признания

---

[822] Современный подход к определению которых, начиная с советского периода (а именно тогда было написано большинство работ по указанной тематике), принципиально не изменился: характеристика правовых презумпций по-прежнему выводится из их логической природы (См.: *Каминская В.И.* Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М.-Л., 1948. С. 3; *Левенталь Я.Б.* К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1949. № 6. С. 62; *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 14; *Сериков Ю.А.* Презумпции в гражданском судопроизводстве / науч. ред. В.В. Ярков. М., 2006. С. 15 и сл.; *Пронина М.П.* Презумпции в современном российском праве: монография / под ред. А.П. Кузнецова. М., 2011. С. 31), а сами они понимаются как «предположения о фактах» (*Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия … С. 121), как «*закрепленное в правовой норме вероятностное опровержимое предположение о существовании юридического факта, основанное на статистически закономерной взаимосвязи между имеющимся фактом и предполагаемым*» (*Пронина М.П.* Указ соч. С. 34, 43).

[823] *Крусс В.И.* Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2017, п. 1 § 3 гл. 1.

[824] Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

[825] Д.И. Мейер именовал фикции «вымыслами» и определял их как «вымышленное существование факта, о котором известно, что он вовсе не существует, или существует в другом виде» (*Мейер Д.И.* О юридических вымыслах и предположения, о скрытых и притворных действиях // Мейер Д.И. Избранные труды: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. П.В. Крашенинников, Д.Х. Валеев. М.: Статут, 2022. С. 57). По замечанию другого правоведа, который внес значительный вклад в изучение и современное понимание юридических фикций, – Г.Ф. Дормидонтова, «фикция вообще есть известный прием мышления, состоящий в допущении существующим известного несуществующего обстоятельства или, наоборот, несуществующим существующего, в решении задачи при помощи ложного положения; а юридическая фикция в тесном смысле – тот же прием, но допускаемый и даже предписываемый в известном случае объективным правом» (*Дормидонтов Г.Ф.* Указ. соч. С. 14).

лица безвестно отсутствующим (абз. 2 ст. 42 ГК РФ), день смерти гражданина, объявленного умершим (п. 3 ст. 45 ГК РФ)[826]. Можно утверждать, что правовые презумпции и фикции являются юридическими средствами упрощения (облегчения) функционирования гражданского оборота, а правовые презумпции – наряду с этим еще и средствами, способствующими стабильности последнего. Так, нормы о безвестном отсутствии и объявлении умершим снимают правовую неопределенность в отношении имущества, принадлежащего гражданину, о месте пребывания которого в течение длительного времени нет сведений в месте его жительства. С признанием такого гражданина безвестно отсутствующим или объявлением его умершим соответствующее имущество не «выпадает» из гражданского оборота (за счет него погашается задолженность по обязательствам – ст. 43 ГК РФ, оно может перейти в порядке наследования в собственность других участников оборота и т. д.). В отсутствие данных юридических фикций произошло бы исключение этого имущества (являющегося благом, имеющим потребительную и меновую стоимость, суть, экономическую ценность и востребованность со стороны членов общества) из оборота на неопределенный период времени. Юридическими фикциями, бесспорно и очевидно упрощающими гражданский оборот, являются и конструкция сложной вещи (норма ст. 134 ГК РФ диспозитивно устанавливает, что действие сделки, совершенной по поводу сложной вещи, распространяется на все входящие в нее вещи), и признание единым недвижимым объектом гражданских прав предприятия как имущественного комплекса (ст. 132 ГК РФ). Благоприятствует функционированию гражданского оборота и презумпция достоверности государственных реестров, освобождающая участников оборота от необходимости нести временные и финансовые затраты, связанные с получением правдивой информации о своем контрагенте или предмете сделки. Немаловажно, что интересы лица, чье согласие презюмируется, либо которое полагалось на данные государственного реестра, при этом защищаются возможностью оспаривания соответствующей сделки, зарегистрированного права (п. 3 ст. 253, п. 6 ст. 8.1 ГК РФ, п. 5 ст. 1 закона «О государственной регистрации недвижимости»).

---

[826] *Бабаев В.К.* Указ. соч. С. 28.

Презумпция согласия[827] (участников совместной собственности – на распоряжение общим имуществом, вкладчика по договору банковского вклада – на получение на счет по вкладу денежных средств от третьих лиц), исключая необходимость получения такого согласия, ускоряет, как следствие, процедуру отчуждения/приобретения имущества: если допустить, что такое согласие, его оформление, являлось бы непременным условием отчуждения/приобретения имущества, это, представляется, в значительной степени «тормозило» бы гражданский оборот. При общем объеме подобных сделок презумпция согласия, напротив, несомненно, делает в целом систему гражданского оборота более динамичной.

Непосредственно презумпция согласия закреплена в п. 2 ст. 184, п. 2 ст. 253 и ст. 841 ГК РФ. Вместе с тем полагаем, что сфера действия данного предположения является более широкой и не ограничивается тремя названными случаями. В частности, о презумпции согласия, на наш взгляд, следует говорить во всех случаях, когда согласие (как предварительное, так и последующее) является условием действительности сделок (в частности, ст. ст. 175, 176, п. 2 ст. 562 ГК РФ, ст. 22 ФЗ РФ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ). Неоспаривание лицами, управомоченными давать согласие, тех сделок, которые были совершены в нарушение данного требования, может рассматриваться как предположение об их согласии. Наличие данного предположения делает юридический состав, необходимый для наступления правовых последствий, полным, т. е. права и обязанности по сделке с третьими лицами возникают, изменяются или прекращаются, хотя этот правовой результат и носит нестабильный характер ввиду возможности доказательства отсутствия факта согласия как одного из необходимых элементов юридического состава. Заявляя иск о признании сделки недействительной, такие лица (законный представитель, попечитель, кредитор при продаже предприятия, собственник имущества), подтверждают свой правовой статус (представителя, собственника и т. п.) и доказы-

[827] Которую в самом общем виде можно определить как непосредственно закрепленное в законе или выведенное на основе анализа правовых норм правовое предположение, в соответствии с которым лицо, управомоченное давать требуемое законом согласие на сделку (путем предварительного разрешения на ее совершение или последующего заявления о ее сохранении), считается давшим свое согласие, пока в процессе оспаривания такой сделки не доказано обратное (подробнее см.: *Виниченко Ю.В.* Презумпция согласия в гражданском праве. С. 193–214).

вают свое несогласие с оспариваемой сделкой, т. е. опровергают косвенную правовую презумпцию[828] согласия – предположение, которое хоть непосредственно и не закреплено в законодательстве применительно к таким случаям, но может быть выведено из анализа правовых норм.

Аналогичным образом следует толковать норму ст. 986 ГК РФ, в силу которой обязанности по сделке, заключенной в чужом интересе, переходят к лицу, в интересах которого она совершена, при условии, что другая сторона *не возражает* против такого перехода либо при заключении сделки знала или должна была знать о том, что сделка заключена в чужом интересе. Выражение «не возражает» в приведенной норме семантически тождественно согласию, которое может быть выражено как прямо, так и косвенно – путем бездействия (молчания). В последнем случае об отсутствии возражений кредитора можно только предполагать, но при наличии одобрения сделки, заключенной в чужом интересе, лицом, в интересах которого она была совершена, этого предположения достаточно для перемены должника; согласие кредитора вплоть до оспаривания им сделки перевода долга как основания перехода обязанности считается существующим.

Презумпция согласия, думается, лежит также в основе установления пп. 3 п. 2 ст. 28 ГК РФ, в соответствии с которым несовершеннолетние вправе самостоятельно совершать сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения. Как следует из буквального толкования данной нормы, если средства предоставлены третьим лицом с согласия законного представителя, то несовершеннолетний вправе самостоятельно совершать сделки по распоряжению такими средствами (именно потому, что давая разрешение на предоставление средств, законный представитель тем самым дал согласие и на распоряжение ими); соответственно, если согласия на предоставление средств не было, то право на самостоятельное распоряжение ими у несовершеннолетнего отсутствует, и таким образом за малолетнего соответствующие сделки должны от их имени совершать родители, усыновители или опекуны, а несовер-

[828] О соотношении прямых и косвенных правовых презумпций см.: *Сериков Ю.А.* Указ. соч. С. 30–35.

шеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет требуется согласие законных представителей[829]. При оспаривании таких сделок доказыванию так же подлежит отсутствие согласия (наличие несогласия).

Особого внимания заслуживает презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений, которая с момента вступления в действие Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.[830] (п. 3 ст. 6 Основ) в отечественном гражданском праве является легальной и ныне, с 1 марта 2013 г.[831], зафиксирована в п. 5 ст. 10 ГК РФ следующим образом: «Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются». Характеризуя ее с позиций механизма правового регулирования гражданского оборота, акцентируем внимание на ряде моментов.

Прежде всего, следует подчеркнуть *отсутствие тождества между презумпцией добросовестности и одноименным принципом гражданского права*, с 1 марта 2013 г. получившим свое закрепление в ст. 1 ГК РФ в числе основных начал гражданского законодательства. В доктрине к решению этого вопроса существуют разные подходы. В частности, достаточно широкое признание получила точка зрения, согласно которой добросовестность следует относить к принципам-презумпциям (либо презумпциям-принципам)[832]. Подобному восприятию, полагаем, обоснованно противостоит позиция, согласно которой правило о добросовестности лиц, закрепленное в ст. 10 ГК РФ, не является принципом гражданского права[833], что принцип и презумпция добросовестности – корреспондирующие друг другу, но «абсолютно разные понятия»[834]. Добросовестность не может одно-

---

[829] Нельзя не обратить внимания, что в этой норме термин «законный представитель» используется в единственном числе (по сравнению с формой множественного числа терминов «родители», «усыновители», используемой в ст. 26 ГК РФ). Означает ли это, что в данном случае необходимо согласие лишь одного из законных представителей? Представляется, что данный вопрос должен решаться единообразно.

[830] Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утв. ВС СССР 31.05.1991 г. № 2211-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

[831] Дата вступления в действие федерального закона от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ, внесшего изменения в числе прочих в ст. 10 ГК РФ.

[832] Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 328–329; *Кузнецова О.А.* Презумпции в российском гражданском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 3, 11; *Татарников А.В.* Указ. соч. С. 9, 18–19.

[833] *Волков А.В.* Теория концепции «Злоупотребление гражданскими правами». Волгоград: Станица-2, 2007. С. 277. См. также: *Дерюгина Т.В.* Пределы осуществления гражданских прав: монография. М.: Зерцало-М, 2010. С. 242.

[834] *Мосин С.А.* Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2007. С. 12, 18–20.

временно рассматриваться и как принцип права, и как правовая презумпция. В качестве аргумента при этом справедливо указывают на опровержимый характер презумпций[835] – свойство, которое принципам права как наиболее общим руководящим положениям, основным началам гражданско-правового регулирования общественных отношений, действительно, присуще быть не может. В противном случае придется признать, что определенный принцип права, в частности принцип добросовестности, может быть опровергнут или подвергнут сомнению, что не только не способствует решению проблем, возникающих при его реализации, но и подрывает, как представляется, всю систему «концептуальных оснований» (выражение Н.П. Асланян[836]) права и таким образом правопорядок в целом.

К числу доводов в пользу необходимости разграничения презумпции добросовестности и принципа добросовестности можно добавить указание на их различное функциональное назначение. В прикладном аспекте принципам права отводится важная роль непосредственного регулирования общественных отношений, включая оценку правомерности последних и разрешение возможных конфликтов между их участниками[837], в то время как основное функциональное назначение правовых презумпций как вероятностных опровержимых предположений о фактах, основанных на статистически закономерной взаимосвязи между имеющимся фактом и предполагаемым, следует согласиться, является несколько иным – имеет, прежде всего, процессуальное значение[838], состоит в облегчении процесса доказывания[839], а также в отмеченном упрощении (облегчении) гражданского оборота как сферы удовлетворения индивидуальных потребностей членов общества. Впрочем, в юридической науке имеются также сторонники точки зрения, согласно которой правовые презумпции выполняют и регулятивную функцию. Так, М.Л. Давыдова отмечает, что законодатель с помощью правовой презумпции «устанавливает общее правило регулирования, а правоприменитель

---

[835] *Дерюгина Т.В.* Указ. соч. С. 217, 243; *Мосин С.А.* Указ. соч. С. 12.
[836] *Асланян Н.П.* Основные начала российского частного права: монография. С. 33.
[837] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 74 (автор раздела – Е.А. Суханов); Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. Ю.К. Толстого. С. 27 (автор раздела – Н.Д. Егоров).
[838] *Мурзин Д.В.* Виндикационная модель защиты абсолютных имущественных прав в российском гражданском праве: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 186.
[839] *Чечина Н.А.* Норма права и судебное решение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 62–63.

определяет развитие конкретного правоотношения», завершая рассмотрение вопроса о соотношении правовых презумпций с принципами права выводом, что «*каждая презумпция является по природе своей принципом* – принципом разрешения конкретной ситуации неопределенности»[840]. М.П. Пронина также полагает, что презумпции могут быть принципами права, и в этом случае они реализуют регулятивную функцию[841].

Бесспорно, получая законодательное закрепление, определенная презумпция, в том числе презумпция добросовестности вовлекается в механизм правового регулирования. Вместе с тем нормативным правовым предписанием, содержательно определяющим модель поведения участников правоотношений, т. е. собственно правовой нормой, она тем не менее, полагаем, не является, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что участниками правоотношений – адресатами устанавливаемых материально-правовых норм – презумпции *a priori* нарушены быть не могут. Отмеченную регулятивную функцию в праве выполняет принцип добросовестности, предписывающий субъектам обязанность добросовестного (честного, добропорядочного) поведения, нарушение которой, в свою очередь, сопряжено с негативными правовыми последствиями.

Презумпция добросовестности и принцип добросовестности не тождественны по содержанию. Как известно, в цивилистической доктрине выделяют добросовестность в объективном и в субъективном смыслах: добросовестность в объективном смысле (объективная добросовестность) трактуется как «внешнее мерило», масштаб, стандарт оценивания поведения субъектов[842]; добросовестность в субъективном смысле (субъективная добросовестность) – как осведомленность (знание или незнание) конкретного лица о каких-либо фактических обстоятель-

---

[840] *Давыдова М.Л.* Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции, теория, практика, техника». Н. Новгород, 2010. № 4. С. 162, 165.

[841] *Пронина М.П.* Презумпции в современном российском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 21.

[842] В этом значении добросовестность выступает как принцип гражданского права, системное толкование которого «позволяет включать в его содержание обязанность субъекта правореализации обнаруживать соответствующую заботливость о правах и интересах других участников гражданского оборота» (*Кузнецова О.А.* Системное толкование принципов гражданского права // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 101 (07). С. 1453–1462. URL: http://ej.kubagro.ru/2014/07/pdf/94.pdf).

ствах, как извинительное незнание о фактах или правах других лиц[843]. Представляется не вызывающим сомнений, что в ст. 1 ГК РФ закрепляется объективная добросовестность (абсурдным был бы вывод о том, что в соответствии с принципом добросовестности участники гражданских правоотношений должны извинительно не знать об определенных фактах или правах других лиц). Что касается презумпции добросовестности (п. 5 ст. 10 ГК РФ), то она покоится на понимании добросовестности в субъективном смысле.

Еще одним моментом, связанным с презумпцией добросовестности, является вопрос о сфере ее действия (пределах ее применения к отношениям участников гражданского оборота). На первый взгляд, данная презумпция имеет «общий» характер, т. е. подлежит применению ко всем гражданским правоотношениям. Такой вывод следует из абз. 3 п. 1 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, в котором Верховный Суд РФ указал, что «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации», и далее, назвав норму п. 5 ст. 10 ГК РФ «общим правилом», отметил, что по этому общему правилу «добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное». Между тем констатация столь широкой сферы действия данной презумпции вызывает некоторые сомнения.

А именно следует обратить внимание на то место, которое отведено правилу, устанавливающему предположение добросовестности участников гражданских правоотношений, в общей системе гражданско-правовых норм: будучи закреп-

---

[843] *Новицкий И.Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестн. гражданского права. 1916. № 6. С. 56; *Белов В.А.* К вопросу о недобросовестности налогоплательщика… § 2 Ч. I; *Богданов Е.* Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9; *Дроздова Т.Ю.* Добросовестность в российском гражданском праве. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. С. 13; *Богданова Е.Е.* Указ. соч. С. 24–25; *Жгулев А.А.* Добросовестность при исполнении обязательства. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 3; *Мазур О.В.* Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. С. 7; *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 210 и след.; *Сулейменов М.К.* Добросовестность в гражданском праве: проблемы теории и практики // Добросовестность в гражданском праве: материалы междунар. науч.-практ. конф. в рамках ежегод. цивилистических чтений, посвящ. 20-летию Гражданского кодекса Республики Казахстан (Алматы, 22–23 мая 2014 г.) / отв. ред. М.К. Сулейменов. Алматы, 2014. С. 21–24; *Демкина А.В.* Добросовестность лица и достоверность данных реестра юридических лиц // Гражданское право. 2017. № 4; Принципы гражданского права и их реализация: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Г.С. Демидовой. М.: Проспект, 2017. С. 111–112.

ленной в ст. 10 ГК РФ «Пределы осуществления гражданских прав», данная презумпция, как представляется, должна распространяться только на случаи осуществления субъективных гражданских прав (и, по аналогии, исполнения юридических обязанностей) и не касаться иных стадий динамики субъективных прав и обязанностей – их возникновения (установления) и прекращения, а также реализации охраняемых законом интересов. Желая распространить действие презумпции добросовестности на случаи установления и прекращения прав и обязанностей, реализацию и защиту охраняемых законом интересов, законодателю следовало закрепить ее не в ст. 10, а (как вариант) в ст. 1 ГК РФ, непосредственно после норм п. 3 и п. 4 данной статьи, устанавливающих принцип добросовестности, содержательно, повторим, сводящийся к обязанности субъектов действовать добросовестно (честно, добропорядочно).

Главным образом по отмеченной – юридико-технической – причине безосновательным представляется распространение презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений и на случаи виндикации. Как известно, значение правовых презумпций состоит в том числе в распределении бремени доказывания, в освобождении лица, в пользу которого презумпция установлена, от необходимости доказывать презюмируемое обстоятельство. Применение презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений к случаям истребования собственником или иным титульным владельцем (ст. ст. 301, 305 ГК РФ) своего имущества из чужого незаконного владения должно означать предположение добросовестности возмездного приобретателя (незаконного владельца) вещи и, соответственно, возложение бремени опровержения данного обстоятельства на собственника (титульного владельца), изначально находящегося в положении «пострадавшей» стороны как лишившейся владения собственной вещью помимо своей воли. Кроме того, что такой подход не является бесспорным с точки зрения общеправового принципа справедливости, он уязвим и формально-юридически. Так, анализируя ранее действовавшую редакцию нормы о презумпции добросовестности (закрепленной в п. 3 ст. 10 ГК РФ и устанавливающей, напомним, что добросовестность участников гражданских правоотношений пред-

полагается «в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно»), А.А. Новосёлова усомнилась в правильности применения к незаконному владельцу презумпции добросовестности, обратив внимание на то, что, исходя из буквального смысла п. 3 ст. 10 ГК РФ, «следует, что презумпция доброй совести существует лишь постольку, поскольку защищается право», в то время как ответчик в рамках виндикационного иска защищает свой интерес, а не субъективное право[844].

Полагаем, что, несмотря на текстуальное изменение редакции правила, закрепляющего в ГК РФ презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений (исключение «привязки», в качестве условия, применения последней к прямо предусмотренным законом случаям защиты гражданских прав), изложенные выше сомнения и выводы сохраняют свою принципиальную актуальность и на настоящий момент, поскольку, как и прежде, противостоящий собственнику (титульному владельцу) возмездный приобретатель вещи в любом случае является незаконным владельцем и, следовательно, лицом, субъективных гражданских прав в данном правоотношении не имеющим[845], исходя из чего все так же отсутствуют основания применения к нему как в общем правил ст. 10 ГК РФ, устанавливающих пределы осуществления, очевидно, имеющихся у лица гражданских прав, так и (частной) нормы, помещенной законодателем в данную статью – правила п. 5, закрепляющего предположение добросовестности участников гражданских правоотношений.

То, что презумпция добросовестности, зафиксированная в ст. 10 ГК РФ, не распространяется на добросовестного приобретателя и владельца, упоминаемых ст. ст. 302–303 ГК РФ, не раз отмечалось и иными правоведами[846]. В пользу этого

---

[844] *Новосёлова А.А., Подшивалов Т.П.* Вещные иски: проблемы теории и практики: монография. М.: Инфра-М, 2014. С. 106 (автор раздела – А.А. Новосёлова).

[845] Мы разделяем позицию тех ученых, которые включают в содержание виндикационного правоотношения только право требования виндиканта и юридическую обязанность фактического владельца вернуть имущество; что касается обязанности собственника возместить необходимые затраты (соответственно, прав владельца требовать от собственника возмещения произведенных им необходимых затрат на имущество и затрат на неотделимые улучшения), то они входят в содержание самостоятельного деликтного обязательства (см.: *Лоренц Д.В.* Виндикация: юридическая природа и проблемы реализации: монография. М.: Инфра-М, 2011. С. 43).

[846] Обзор полемики по данному вопросу см., например: *Мурзин Д.В.* К вопросу о презумпции недобросовестности ответчика по виндикационному иску // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 4. С. 50–62 [Электронный ресурс]. URL: http://geum.ru/lav/index-17734.php.

ранее свидетельствовала позиция высших судебных инстанций РФ, а именно сформулированная в абз. 1 п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»[847], в котором указывалось, что «приобретатель признается добросовестным, *если докажет* (курсив наш. – *Ю.В.*), что при совершении сделки он не знал и не должен был знать о неправомерности отчуждения имущества продавцом, в частности принял все разумные меры для выяснения правомочий продавца на отчуждение имущества». Однако с принятием постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 (см. п. 133) абз. 1 п. 38 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 был признан не подлежащим применению[848]. Тем самым Верховный Суд РФ подтвердил распространение презумпции добросовестности и на виндикационные отношения. В данной связи безусловно убедительны будут возражения, что в каждом отдельном случае суд может перераспределить бремя доказывания[849], однако более удачным представляется обоснованная в литературе необходимость установления фактически существующей презумпции недобросовестности приобретателя иму-

[847] Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2010. № 6.

[848] По мнению Д.В. Мурзина, «отказ от прямого декларирования презумпции недобросовестности приобретателя произошел, скорее всего, из-за стремления выработать единообразную категорию объективной и субъективной добросовестности» (*Мурзин Д.В.* Виндикационная модель защиты абсолютных имущественных прав в российском гражданском праве. С. 198).

[849] Современная судебная практика знает немало таких примеров; наиболее «громкие» либо «показательные» из них неоднократно приводились и в юридической литературе. Например, дело «Кировского завода», в рамках рассмотрения которого Президиум ВАС РФ расценил нераскрытие генеральным директором акционерам информации об условиях взаимосвязанных сделок как сокрытие информации, указав, что данные обстоятельства «не позволяют применить к ответчику презумпцию добросовестности и переносят на него бремя доказывания» (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.03.2012 г. № 12505/11 по делу № А56-1486/2010 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 6). В обоснование тезиса об особенностях возложения бремени доказывания в корпоративной сфере данное дело в качестве иллюстрации приводит, в частности, И.С. Шиткина (*Шиткина И.* Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: классическая доктрина и современные тенденции правоприменения // Хозяйство и право. 2013. № 3. С. 3–18). Другой пример – постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.03.2013 г. № 14828/12 по делу № А40-82045/11-64-444 (СПС «КонсультантПлюс»), в котором сформулирована правовая позиция относительно ситуаций, емко обобщенных Е.А. Сухановым, а именно таких, как «учреждение самостоятельных юридических лиц (в том числе офшорных компаний) исключительно с целью создания видимости добросовестного приобретения ими имущества, например недвижимости. В этих случаях бремя доказывания своей добросовестности (т. е. знания или незнания об отсутствии у отчуждателя вещи необходимых правомочий) возлагается на такое юридическое лицо – приобретателя, в том числе путем обязания его раскрыть информацию о своем конечном выгодоприобретателе (который может быть аффилированным или даже совпадать с неуправомоченным отчуждателем), поскольку такая ситуация может свидетельствовать о злоупотреблении правом, влекущим отказ в его защите» (*Суханов Е.А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. § 2 гл. 8 разд. IV).

щества от неуправомоченного отчуждателя, опровержение которой осуществляется через раскрытие приобретателем имущества своего титула[850].

Говоря о презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений, нельзя не обратить внимание на усматривающуюся системную связь ее с вытекающей из п. 7 ст. 3 Налогового кодекса РФ презумпцией добросовестности налогоплательщиков. В частности, согласно п. 7 ст. 3 НК РФ, «все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика страховых взносов, налогового агента)». В литературе по налоговому праву при анализе данной нормы, со ссылкой на разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации[851], отмечается, что в сфере налоговых отношений действует презумпция добросовестности налогоплательщиков[852]. Безусловно, гражданско-правовой данная презумпция названа быть не может. Однако учитывая, что в подавляющем большинстве случаев один и тот же субъект одновременно является участником и гражданского, и налогового правоотношения (как правило, сопряженного с гражданским, вытекающего из него)[853], логично предположить, что добросовестный участник гражданско-правовых отношений является и добросовестным налогоплательщиком. В конечном счете отмеченная связь, повторим, детерминирована фактическим единством той социальной сферы, в которой действуют субъекты

---

[850] *Мурзин Д.В.* Виндикационная модель защиты абсолютных имущественных прав в российском гражданском праве. С. 12, 198, 201–210.

[851] Определения Конституционного Суда РФ от 25.07.2001 г. № 138-О «По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 года по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации”» (Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 2), от 16.10.2003 г. № 329-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Экспорт-Сервис” на нарушение конституционных прав и свобод положениями абзаца первого пункта 4 статьи 176 Налогового кодекса Российской Федерации», от 04.12.2003 г. № 441-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Нива-7” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 20, пунктами 2 и 3 статьи 40 Налогового кодекса Российской Федерации» (Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3).

[852] *Голева Е.В.* Налоговая ответственность при сделках с «проблемными» контрагентами: противоречия судебной практики // Налоги. 2016. № 5. С. 11–15; *Долгополов О.И.* Проблемы толкования налогового законодательства [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»; *Крусс В.И.* Указ. соч.; *Орлова Е.* Необоснованная налоговая выгода – 11 лет спустя // Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения. 2017. № 9. С. 33–50.

[853] В этой связи уместно привести замечание М.Ю. Челышева, который правовой предпосылкой взаимодействия гражданского и налогового права считал то, что, «сосуществуя в рамках единой системы права», они «вызывают необходимость для одних и тех же субъектов строить свое поведение руководствуясь нормами обоих правовых образований и регулируют, хотя и различными приемами, отношения собственности» (*Челышев М.Ю.* Взаимодействие гражданского и налогового права в регулировании отношений с участием предпринимателей. М.: Статут, 2014. С. 13).

соответствующих отношений: и субъекты гражданско-правовых отношений, и налогоплательщики являются участниками сферы имущественного обращения, подвергаемой правовому регулированию со стороны не только гражданского права, но и норм иных отраслей, в том числе налогового. Единство этой сферы можно считать признанным. Так, еще в 2006 г. Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ указал, что «судебная практика разрешения налоговых споров исходит из презумпции добросовестности налогоплательщиков и иных участников правоотношений в сфере экономики»[854]. Это положение воспроизводится и в судебных решениях[855], в том числе в одном логическом ряду (в одном абзаце) со ссылкой на презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений[856]. Учитывая изложенное, считаем необходимым рассматривать презумпцию добросовестности с более широких – межотраслевых – позиций, именуя ее при таком подходе презумпцией добросовестности субъектов гражданского оборота.

Относительно правоотношений как еще одного средства правового регулирования гражданского оборота, индивидуализирующего на основе юридических норм при наличии предусмотренных обстоятельств меры поведения субъектов[857], определяющего «кто и как будет выполнять требования нормы права»[858], повторим, что это могут быть как регулятивные, так и охранительные правоотношения, в разграничении которых мы разделяем позицию представителей ярославской цивилистической школы, которые усматривают особенность охранительного субъективного права (как элемента юридического содержания соответствующего правоотношения) в том, что оно обладает способностью принудительного осуществления – свойством, которого не имеет регулятивное субъективное право.

Следует подчеркнуть, что конкретное правоотношение между участниками гражданского оборота возникает даже в случае отсутствия нормы права, прямо

---

[854] См.: п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 12.

[855] См.: определение Верховного Суда РФ от 10.10.2016 г. № 309-КГ16-10785; постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2018 г. по делу № А24-3334/2017; решение Арбитражного суда Рязанской области от 01.12.2017 г. по делу №А54-4588/2017.

[856] См., например: решение Арбитражного суда Иркутской области от 03.08.2017 г. по делу № А19-3929/17.

[857] *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. С. 281.

[858] Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 3 / отв. ред. М.Н. Марченко. С. 94.

касающейся определенной фактической ситуации, поскольку в подобных случаях нормативное правовое регулирование гражданского оборота осуществляется на основе принципов права, а субъективные права и обязанности сторон определяются либо посредством использования аналогии закона, либо исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости (ст. 1, ст. 6 ГК РФ). Происходит это путем принятия решения суда, определяющего права и обязанности сторон, и является одним из тех вариантов, когда в механизм правового регулирования гражданского оборота вовлекается такое факультативное правовое средство, как акт применения права.

Завершают действие механизма правового регулирования акты реализации субъективных прав и обязанностей (акты реализации юридических возможностей и долженствований, заложенных в правовых нормах). В механизме правового регулирования гражданского оборота данные средства в целом имеют те же характеристики, что и вообще в механизме правового регулирования: они так же представляют собой фактическое поведение субъектов – участников конкретных правоотношений[859] и, обеспечивая «запрограммированный в позитивном праве результат»[860], «тот результат, на который была направлена воля законодателя»[861], выражаются только в правомерном поведении субъектов[862] в формах соблюдения, исполнения и использования[863]. Спецификой актов реализации прав и обязанностей в гражданском обороте является необходимость для субъектов моделировать свое поведение с учетом всего массива нормативных правовых предписаний, безотносительно к их отраслевой принадлежности, например, выбирая для себя определенную организационно-правовую форму предпринимательства, принимать во внимание положения налогового права.

Если же фактическое поведение субъектов гражданского оборота неправомерно, то в механизм правового регулирования включается иное юридическое

---

[859] *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. С. 283; Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 3 / отв. ред. М.Н. Марченко. С. 94.
[860] *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия … С. 365.
[861] Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 3 / отв. ред. М.Н. Марченко. С. 94.
[862] *Пьянов Н.А.* Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений. С. 213.
[863] *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия … С. 115; *Пьянов Н.А.* Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений. С. 213.

средство – акты применения права, в данном случае выполняющие правообеспечительную функцию (проведение в жизнь требований норм права) и выражающие индивидуальное поднормативное регулирование общественных отношений[864].

Все правовые средства регулирования гражданского оборота можно соотнести с такими видами правового регулирования, как нормативное и индивидуальное правовое регулирование, которые будут рассмотрены далее.

В завершение настоящего параграфа изложим основные выводы, полученные в процессе исследования.

Опираясь на превалирующую в теории права трактовку механизма правового регулирования, под механизмом правового регулирования гражданского оборота следует понимать систему юридических (правовых) средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование (упорядочение) социальных связей (отношений), образующих гражданский оборот как сферу общества.

Элементами механизма правового регулирования гражданского оборота выступают такие юридические средства, как: 1) нормы позитивного права; 2) (конкретные) правовые отношения субъектов гражданского оборота; 3) акты реализации участниками гражданского оборота юридических возможностей и долженствований, заложенных в правовых нормах, и 4) (факультативно) акты применения права.

Тождество между гражданским оборотом и предметом отрасли гражданского права отсутствует ввиду несовпадения: 1) характера их формирования и существования – гражданский оборот является естественной самоорганизующейся социальной системой, появившейся и существующей объективно, в то время как предмет гражданского права как отрасли права представляет собой результат мыслительной деятельности людей – набор общественных отношений, выделенный учеными; 2) круга общественных отношений, образующих сравниваемые феномены: а) предмет гражданского права включает отношения по принадлежности необоротоспособных по своей природе объектов (в частности, личных неимущественных интеллектуальных прав, нематериальных благ), в то время как объектами оборота могут быть только оборотоспособные объекты; б) в структуру гражданского оборота, наряду с

[864] *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия … С. 365.

отношениями, регулируемыми исключительно нормами гражданского права, входят отношения, одновременно регулируемые нормами различных отраслей права.

В контексте межотраслевого взаимодействия, правовое регулирование гражданского оборота осуществляется не посредством сочетания двух типов правового регулирования (публично-правового и частноправового), как это отмечается в цивилистической литературе, а по одному – общедозволительному типу.

§ 3. Виды гражданско-правового регулирования гражданского оборота

В общей теории права разделение правового регулирования на нормативное и индивидуальное можно считать в целом признанным[865]. Для нормативного правового регулирования характерно его осуществление при помощи правовых норм, как известно, представляющих собой общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неоднократное применение и адресованные неопределенному кругу лиц[866]. Для индивидуального правового регулирования – его осуществление при помощи различных индивидуальных правовых средств (гражданско-правовых договоров, актов применения права и др.)[867]. Таким образом, нормативное и индивидуальное правовое регулирование правоведы, как правило, разграничивают по критерию используемых правовых средств. Впрочем, в доктрине встречаются и иные взгляды и суждения, касающиеся преимущественно индивидуального пра-

---

[865] См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Указ. соч. С. 137–139; *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт-М, 2002. С. 345–347; *Минникес И.А.* Понятие правовой персонификации (к проблеме индивидуального правового регулирования) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 6. С. 42; *Пьянов Н.А.* Государственное регулирование общественных отношений … С. 70–71.

[866] Отмеченное доктринальное понимание правовой нормы нашло отражение в ряде правовых актов (см., в частности: Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 11.11.1996 г. № 781-II ГД // Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5506; Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: приказ Минюста России от 23.04.2020 г. № 105: зарегистрировано в Минюсте России 27.04.2020 г. № 58222 // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 27.04.2020), а также в руководящих разъяснениях судебных органов (см.: По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»: постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 г. № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 15. Ст. 2301; О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 г. № 50 // Рос. газета. 2019. № 6, 15 янв.).

[867] См.: *Пьянов Н.А.* Государственное регулирование общественных отношений … С. 74; *Минникес И.А.* Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 9, 14, 20.

вового регулирования. В частности, среди правоведов имеются противники отнесения индивидуального регулирования к правовому регулированию общественных отношений. Дискуссионный характер имеет и вопрос о нормативном правовом регулировании гражданского оборота: а именно, связывая гражданский оборот преимущественно со сферой цивилистики, следует ли ограничивать круг регулирующих оборот позитивных правил только гражданско-правовыми нормами и принципами, причем принимаемыми исключительно на федеральном уровне. Указанные и иные вопросы составят предмет анализа данной главы.

Нормативное гражданско-правовое регулирование гражданского оборота. Как вид правового регулирования нормативное правовое регулирование гражданского оборота характеризуется тем, что осуществляется посредством правовых норм. В этой связи уместно отметить, что вплоть до принятия ГК РСФСР 1922 г. понятие «гражданский оборот» (либо просто «оборот») в нормах отечественного права не использовалось.

В ГК РСФСР 1922 г. рассматриваемое понятие обнаруживается в двух статьях – ст. 20 и ст. 181. В частности, ст. 181 кодекса касалась купли-продажи и устанавливала, что ее предметом «может быть всякое имущество, не изъятое из гражданского оборота»; особые правила действовали в отношении права покупки золотой и серебряной монеты и иностранной валюты. Норма ст. 20 имела общий характер, устанавливая, что имущество, изъятое из гражданского оборота, могло быть объектом гражданского права «лишь в тех пределах, в каких это положительно указано законом». Часть из таких пределов, по сути, устанавливалась в непосредственно следующих за ст. 20 иных статьях кодекса, однако, заметим, при этом использовался термин не «гражданский», а «частный оборот». Так, норма ст. 21 ГК РСФСР гласила: «Земля является достоянием государства и не может быть предметом частного оборота. Владение землею допускается только на правах пользования». Изъятыми из частного оборота являлись также национализированные и муниципализированные предприятия, их оборудование, железные дороги и их подвижной состав, национализированные суда, а равно национализированные и муниципализированные строения; в то же время устанавливалось, что

они «не могут быть отчуждаемы и закладываемы теми органами, в ведении коих они состоят, а также обращаемы на удовлетворение кредиторов», однако «в установленном законом порядке» национализированные и муниципализированные предприятия, строения и суда могли сдаваться в аренду (ст. 22). В соответствии с положением ст. 23 изъятыми из частного оборота признавались: оружие (кроме охотничьего оружия и огнеприпасов, приобретение которых регулировалась особыми правилами), взрывчатые вещества, воинское снаряжение, летательные аппараты, телеграфное и радиотелеграфное имущество, аннулированные ценные бумаги, спиртные напитки свыше установленной законом крепости и сильнодействующие яды. Выражение «частный оборот» содержалось и в норме ст. 54 кодекса, согласно которой предметом частной собственности могли быть: «немуниципализированные строения, предприятия торговые, предприятия промышленные, имеющие наемных рабочих в количестве, не превышающем предусмотренного особыми законами; орудия и средства производства, деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотая и серебряная монета и иностранная валюта, предметы домашнего обихода, хозяйства и личного потребления, товары, продажа коих не воспрещается законом, и всякое имущество, не изъятое из частного оборота». Термин «гражданский оборот» использовался также в норме ст. 16 кодекса, устанавливающей, что «юридические лица участвуют в гражданском обороте и вступают в сделки через посредство своих органов или через своих представителей». Кроме этого, в отдельных правилах ГК РСФСР 1922 г. содержались такие понятия, как «оборот» (ст. 19, 87, 338), «обычные условия оборота» (ст. 117), «внешний торговый оборот» (ст. 17).

В следующем кодифицированном акте – Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г.[868] понятие гражданского оборота не использовалось. Ни гражданский оборот, ни просто оборот не упоминались и в ГК РСФСР 1964 г. (ср., в частности: ст. 16 ГК РСФСР 1922 г. и ст. 24 ГК РСФСР 1964 г.). Вместе с тем выражение «гражданский оборот» имелось на

[868] Утверждены Законом СССР от 08.12.1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50 (1085). Ст. 525. С. 1272–1306.

уровне подзаконных актов, например, в п. 3 постановления Совмина СССР от 13 августа 1958 г. № 914 «Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР»[869], устанавливающем, что «документальные материалы, включенные в состав Государственного архивного фонда Союза ССР, изъяты из гражданского оборота и не могут являться объектом купли-продажи и других сделок со стороны учреждений, организаций, предприятий, а также отдельных граждан».

Понятие оборота вновь появляется в тексте гражданско-правового закона с принятием Основ гражданского законодательства и союза ССР от 31 мая 1991 г. № 2211-I[870]: в норме абз. 2 п. 2 ст. 6 оно использовалось в выражении «обычные условия оборота» при определении упущенной выгоды, а также в формулировке «обычаи делового оборота» в п. 2 ст. 59 «Толкование договора», п. п. 2 и 3 ст. 63 «Срок исполнения обязательства», абз. 1 ст. 64 «Место исполнения обязательства», п. 2 ст. 75 «Уплата цены».

В нормах современного гражданского законодательства понятие «гражданский оборот» и его производные («участники гражданского оборота», «условия гражданского оборота» и др.) используются весьма активно.

По поводу источников нормативного правового регулирования гражданского оборота на основании ранее сделанных выводов можно заключить, что таковыми являются, прежде всего, источники гражданско-правовых норм, указанные в ст. 3 ГК РФ, а также нормативные правовые акты, выступающие формой выражения правовых норм, хотя и относящихся к иным отраслям права, но касающихся оборота отдельных видов объектов.

Одним из аспектов рассматриваемой проблемы является вопрос о допустимом уровне правового регулирования гражданского оборота, а именно о том, следует ли ограничивать нормативно-правовую регламентацию соответствующих отношений только федеральным уровнем.

---

[869] Собрание постановлений Правительства СССР. 1958. № 14. Ст. 112. Документ утратил силу в связи с изданием постановления Совмина СССР от 04.04.1980 г. № 274.

[870] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733. С. 1020–1084.

Ф.Н. Фаткуллин полагал, что нормативное (в терминологии ученого – «общее») правовое регулирование может быть рассмотрено в разных срезах (или плоскостях) и выделял: 1) в срезе, «отражающем характер и степень общности тех общественных отношений, на которые оказывается властное юридическое воздействие» – базовый, средний (развивающий) и детализирующий уровни регулирования[871]; 2) в плоскости, отражающей пространственные пределы действия создаваемых нормативных актов – общесоюзный, республиканский, местный и локальный уровни регулирования общественных отношений; 3) в зависимости от юридической силы принимаемых нормативных актов – регулирование общественных отношений на конституционном уровне, на уровне обычного закона и на уровне подзаконных актов; 4) через призму уровней социального управления – регулирование на уровне политического руководства и на уровне непосредственного управления (осуществляемые, соответственно, посредством нормативных актов директивного порядка и актов ведомственного, местного и локального правотворчества)[872]. Все указанные плоскости, по замечанию правоведа, часто пересекаются между собой, вследствие чего расположенные в них уровни нередко полностью или частично совмещаются, оставаясь, однако, относительно самостоятельными[873]. Соглашаясь в целом с таким подходом, сразу по нескольким, пересекающимся между собой, критериям – территориальному, по юридической силе и др. – в рамках нормативного правового регулирования оборота можно выделить международный, федеральный, региональный и местный уровни.

Средствами нормативного правового регулирования гражданского оборота на международном уровне выступают именуемые в литературе «международны-

---

[871] Базовый уровень, по мнению ученого, касается исходных, наиболее крупномасштабных общественных отношений, «составляющих остов жизнедеятельности людей во всех основных ее сферах» (к таковым он относил отношения, упорядочиваемые конституционными нормами, нормами Основ трудового, гражданского, жилищного, земельного, водного, лесного, уголовного, процессуального и т. д. законодательства); средний (развивающий) уровень затрагивает общественные отношения, которые, являясь наиболее характерными проявлениями отдельных сторон базовых отношений, могут моделироваться в нормативно-правовых предписаниях так, что эти предписания либо вообще не нуждаются в дальнейшей конкретизации, либо прямо отсылают или предполагают издание дополнительных нормативных актов (здесь регулирование осуществляется нормами, объективируемыми в кодексах, отдельных законах и подзаконных актах высших органов государства); на детализирующем уровне, который характерен преимущественно ведомственными инструкциями и другими нормативно-правовыми актами местного и локального значения, подробно упорядочиваются все юридически значимые отношения, возможные в ходе реализации правовых норм, установленных на предыдущих уровнях регуляции (*Фаткуллин Ф.Н.* Указ. соч. С. 164–165).

[872] Там же. С. 167–168.

[873] Там же. С. 168–169.

ми правовыми стандартами» общепризнанные принципы и нормы международного права и положения международных договоров[874], которые в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции России, п. 1 ст. 7 ГК РФ являются составной частью правовой системы Российской Федерации.

Понятие «международный договор Российской Федерации» определено в п. «а» ст. 2 федерального закона РФ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»[875] – таковым признается «международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры (далее – иное образование), в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования». Как следует из п. 2 ст. 1 данного федерального закона, международные договоры Российской Федерации могут быть межгосударственными, межправительственными, договорами межведомственного характера и именоваться собственно договором либо соглашением, конвенцией, протоколом, обменом письмами или нотами или иметь иные виды и наименования.

В отличие от этого дефиниции понятий «общепризнанные принципы международного права» и «общепризнанные нормы международного права» законодательно не установлены. Разъяснение их содержания дано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5[876], в п. 1 которого указано, что «под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо»; «под общепризнанной нормой

---

[874] *Переплеснина Е.М.* Механизм реализации конституционных предписаний о включении в правовую систему России общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации // Международное публичное и частное право. 2019. № 3. С. 38–42 (СПС «КонсультантПлюс»).

[875] Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 08.12.2020.

[876] О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12.

международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного». Однако, как заметила М.А. Амирова, это разъяснение вряд ли делает понятие общепризнанных принципов и норм ясным для потенциально применяющих их судов, «поскольку не сказано, что есть отклонение от принципа или от нормы», и разница между общепризнанным принципом и общепризнанной нормой в толковании, данном Верховным Судом РФ, заключается в том, что «от принципа отклонение недопустимо, в то время как от нормы, очевидно, отклонение допускается»[877]. Не ясно и то, что означает «общепризнанность»: по терминологии обозначенного Пленума ВС РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права являются нормы (правила поведения), «принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом», однако должны ли это быть все государства мира[878] или их большинство («убедительное»[879] либо «преобладающее»[880]) – вопрос дискуссионный[881]. По небезосновательному мнению ряда авторов, главным является то, что норма воспринимается Российской Федерацией в качестве общепризнанного принципа или общепризнанной нормы[882]. Н.В. Самсонов обращает внимание на форму, в которой закрепляются и существуют общепризнанные принципы и нормы международного права, и отмечает, что указанные правовые феномены могут как закрепляться в тексте международных договоров и конвенций, так и существовать в форме международных обычаев. При этом он считает правильным рассматривать как источник права не сами принципы и нормы международного права, а те внешние формы, в которых

---

[877] *Амирова М.А.* Понятие «Общепризнанные принципы и нормы международного права» в целях применения для защиты прав человека в Российской Федерации // Международное публичное и частное право. 2006. № 4.

[878] *Лапина О.Е.* Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 16.

[879] *Марочкин С.Ю.* Применение судами норм международного права при разрешении гражданских и арбитражных дел // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2005. № 4. С. 495.

[880] *Лукашук И.И.* Нормы международного права в правовой системе России: учеб.-практич. пособие. М., 1997.

[881] *Талалаев А.Н.* Соотношение международного и внутригосударственного права в Конституции Российской Федерации // Журнал международного права. 1994. № 4. С. 5; *Толстик В.А*. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 67–77; *Воронцова И.В.* Место и значение норм международного права в системе источников гражданского процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 84–116.

[882] *Самсонов Н.В.* Общепризнанные принципы и нормы международного права в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 6. С. 7–11 (СПС «КонсультантПлюс»).

они воплощаются и посредством которых они включаются в систему российского гражданского права – международные договоры, международные обычаи, акты международных организаций и международных судов[883]. Анализ источников, содержащих принципы и нормы международного права, оказывающих регулирующее воздействие на систему гражданского оборота, убеждает в справедливости данного замечания: правила, регламентирующие поведение участников гражданского оборота, содержатся не только в нормативных правовых актах, но и в источниках обычного права.

Примерами актов нормативного характера, касающихся правового регулирования гражданского оборота, являются, в частности: Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г.[884]; Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г.[885]; Соглашение стран Содружества Независимых Государств от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности»[886]; Конвенция государств – членов Содружества Независимых Государств о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.[887]; договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 декабря 1992 г.[888]; договор между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 25 августа 1998 г.[889] и др. Так, в Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ помимо прочего содержатся определения таких важных с точки зрения регламентации гражданского оборота понятий, как «незаконный оборот» (в п. m ст. 1 конвенции устанавливается, что он означает правонарушения, указанные в

---

[883] *Самсонов Н.В.* Указ. соч.
[884] Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994. С. 133–157.
[885] Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1994. № 1.
[886] Закон. 1993. № 1.
[887] СПС «КонсультантПлюс».
[888] Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1598.
[889] Собрание законодательства РФ. 2012. № 42. Ст. 5682.

пунктах 1 и 2 ст. 3 настоящей Конвенции), «собственность» (интерпретируемая в п. q ст. 1 данной конвенции как активы любого рода, материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, осязаемые или неосязаемые, а также юридические документы или акты, удостоверяющие право на такие активы или участие в них). В Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. установлено, что договор может доказываться любыми средствами, включая свидетельские показания (ст. 11), при отсутствии договоренности об ином считается, что стороны подразумевали применение к их договору или его заключению обычая, о котором они знали или должны были знать и который в международной торговле широко известен и постоянно соблюдается сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли (ст. 9 (2)), а в ст. 7 (1) в качестве общего правила упоминается принцип добросовестности: «При толковании настоящей Конвенции надлежит учитывать ее международный характер и необходимость содействовать достижению единообразия в ее применении и соблюдению добросовестности в международной торговле». В преамбуле Соглашения стран СНГ 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» закреплен принцип равенства возможностей хозяйствующих субъектов в вопросах защиты своих прав и законных интересов, а именно указано, что Правительства договаривающихся государств заключили данное соглашение «исходя из необходимости обеспечения всем хозяйствующим субъектам равных возможностей для защиты своих прав и законных интересов».

Примером источника обычного права, выражающего правила взаимодействия участников гражданского оборота, является такой свод обычного права, как Принципы УНИДРУА. Как указано в п. п. 322, 333 Правового руководства ООН по единообразным документам в области международных коммерческих договоров, принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА являются необязывающим сводом норм и принципов договорного права, предназначенных для международной торговли, и «которые будут применяться только к конкретному договору, если стороны или лицо, выносящее решение, сделали этот выбор или если этот выбор признается или подтверждается в рамках соответствующей

правовой базы»[890]. Другой пример ненормативного акта, «обслуживающего высокоразвитую рыночную экономику»[891] – Модельные правила европейского частного права[892], в предисловии к которому отмечено, что «прилагательное “модельные” указывает на то, что они предложены не как некие общеобязательные образцы, а как правила **soft-law**, наподобие Принципов европейского договорного права и аналогичных публикаций»[893].

Если говорить о принципах и нормах, закрепленных в международных нормативных правовых актах, их реализация, бесспорно, осуществляется в рамках нормативного правового регулирования, т. е. они в равной мере применимы ко всем ситуациям, подпадающим под гипотезу соответствующего правила поведения (при условии применимости данной нормы к соответствующим отношениям[894]). Что касается правовых обычаев, то, с одной стороны, ввиду их рассчитанности на неоднократное применение и адресованность неопределенному кругу лиц, они также должны быть отнесены к источникам нормативного (общего) характера. На юридическую нормативность как свойство правового обычая справедливо указывает, в частности, В.В. Ровный[895]. С другой стороны (и в этом состоит их специфика), составляющие их содержание правила воздействуют на гражданский оборот в рамках индивидуального правового регулирования, так как определенный правовой обычай сначала – до его применения к отношениям субъектов – либо 1) в порядке самоорганизации согласовывается участниками конкретного отношения в качестве применимого, либо (при отсутствии такого соглашения) 2) подлежит установлению (как на предмет собственно его наличия, так и на предмет его содержания), что достигается в рамках правоприменения. Таким образом, регулирующие гражданский оборот на международном уровне

---

[890] См.: ЮНСИТРАЛ, НССН и УНИДРУА. Правовое руководство по единообразным документам в области международных коммерческих договоров с уделением особого внимания купле-продаже. Вена: ООН, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/20-04609_ebook-russian.pdf.

[891] Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. С. 15 (автор раздела – С.А. Комаров).

[892] Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of reference – DCFR.

[893] Модельные правила европейского частного права. С. 27 (авторы раздела – К. фон Бар, Э. Клив, П. Варул).

[894] В данной части следует принимать во внимание указания, данные Пленумом ВС РФ в постановлении от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10, окт.), в котором детально разъясняется порядок определения применимого права при разрешении частноправовых споров, осложненных иностранным элементом.

[895] *Ровный В.В.* Обычай в частном праве: науч. изд. Иркутск: Иркут. ун-т, 2004. С. 10, 64.

общепризнанные принципы и нормы международного права неоднородны: одна их часть относится к нормативному правовому регулированию, в то время как другая часть – к индивидуальному правовому регулированию. Это зависит от формы (источника) той или иной нормы или принципа, обусловливающей механизм их реализации и применения.

Полагаем, что внутригосударственное нормативное правовое регулирование отношений гражданского оборота может быть федеральным, региональным и местным.

На уровне Российской Федерации такое регулирование осуществляется посредством в первую очередь гражданско-правовым норм, установленных в источниках, перечисленных в ст. 3 ГК РФ и включающих наряду с гражданским законодательством подзаконные нормативные правовые акты Президента РФ[896], Правительства РФ[897], федеральных министерств и ведомств[898]. Кроме этого, нормы, регламентирующие гражданский оборот на федеральном уровне, содержатся также в иных правовых актах, детализирующих, в частности, правовой режим, пра-

---

[896] См.: О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (вместе с положением «О Государственном антинаркотическом комитете», положением «Об антинаркотической комиссии в субъекте Российской Федерации»): указ Президента РФ от 18.10.2007 г. № 1374 (ред. от 31.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс»; О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту промышленной продукции (вместе с положением «О государственной комиссии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции», положением «О комиссии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в субъекте Российской Федерации»): указ Президента РФ от 23.01.2015 г. № 31 (ред. от 12.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

[897] См.: О первоочередных мерах по правовой защите интересов государства в процессе экономического и гражданско-правового оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения: постановление Правительства РФ от 29.09.1998 г. № 1132 (ред. от 28.08.2017) // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении Положения об уничтожении изъятых у граждан и должностных лиц документов, имеющих признаки подделки, а также вещей, изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных, находящихся у них без специального разрешения: постановление Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 1424 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 21; О порядке ввода в гражданский оборот лекарственных препаратов для медицинского применения (вместе с «Правилами представления документов и сведений о лекарственных препаратах для медицинского применения, вводимых в гражданский оборот», «Правилами выдачи протокола испытаний о соответствии первых трех серий или партий лекарственного препарата для медицинского применения (за исключением иммунобиологического лекарственного препарата), впервые произведенного в Российской Федерации или впервые ввозимого в Российскую Федерацию, показателям качества, предусмотренным нормативной документацией», «Правилами выдачи разрешения на ввод в гражданский оборот серии или партии иммунобиологического лекарственного препарата, выдачи заключения о соответствии серии или партии иммунобиологического лекарственного препарата требованиям, установленным при его государственной регистрации», «Правилами принятия решения о прекращении гражданского оборота серии или партии лекарственного препарата для медицинского применения»): постановление Правительства РФ от 26.11.2019 г. № 1510 (ред. от 15.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

[898] См.: Об утверждении Формы отчета об обороте имущества, обращенного в собственность государства: приказ Минэкономразвития России от 29.11.2007 г. № 414 (ред. от 31.03.2016) (зарегистрировано в Минюсте России 29.12.2007 г. № 10856) // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении требований к обезличиванию информации, содержащейся в государственной информационной системе мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, и методов обезличивания такой информации : приказ Минпромторга России от 27.06.2019 г. № 2296 (зарегистрировано в Минюсте России 13.08.2019 г. № 55581) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 14.08.2019.

вила оборота отдельных видов объектов и меры ответственности за их нарушение (это приведенные выше положения Семейного, Уголовного кодексов РФ, кодекса РФ об административных правонарушениях, федеральных законов «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», «Об оружии», «О наркотических средствах и психотропных веществах», «О качестве и безопасности пищевых продуктов», «Об обращении лекарственных средств» и др.).

Возможность нормативного правового регулирования оборота на нижестоящих по отношению к федеральному уровнях требует пояснения.

Суть вопроса заключается в том, на каком уровне(-ях) могут приниматься правовые акты, содержащие гражданско-правовые нормы. Буквальное толкование положений п. «о» ст. 71 Конституции РФ (относящего гражданское законодательство к ведению Российской Федерации) и ст. 3 ГК РФ способно повлечь вывод о том, что это возможно исключительно на федеральном уровне. По замечанию В.А. Рахмиловича, отнесение гражданского законодательства к ведению Федерации является следствием и необходимым средством реализации конституционного принципа, гарантирующего в РФ единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, что может быть обеспечено «только единством правил, регулирующих соответствующие хозяйственные операции на всем протяжении единого рыночного пространства»[899]. Аналогичную позицию занимал А.Л. Маковский, отмечая, что гарантии стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота «превратились бы в ничто, если бы возможность законодательствовать в сфере гражданского права» была предоставлена каждому субъекту РФ[900].

В то же время в литературе справедливо указывается на возможность делегирования (передачи для осуществления) Российской Федерацией своих полномочий (в том числе и нормотворческих) по предметам ведения РФ органам государ-

---

[899] *Рахмилович В.А.* Гражданское право как предмет законодательной компетенции Российской Федерации и ее субъектов // Рахмилович В.А. Избранное. М.: Юстицинформ, 2005. С. 7.

[900] *Маковский А.Л.* Гражданское законодательство как предмет ведения Федерации в прошлом и настоящем нашего Отечества // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 102.

ственной власти субъектов РФ[901]. Ныне это установлено в ст. 45 федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[902], в соответствии с нормой п. 1 которой полномочия могут передаваться федеральными законами. Например, на региональном уровне устанавливаются дополнительные ограничения времени, условий и мест розничной продажи алкогольной продукции, а также розничной продажи алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания в таких объектах, в том числе полный запрет розничной продажи алкогольной продукции[903]. Таким правом субъекты РФ наделены нормами абз. 3 п. 4.1, абз. 2 п. 9 ст. 16 федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». При этом в соответствии с п. 12 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июля 2014 г. № 47[904] соответствующие акты могут приниматься только законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, «поскольку ими вводятся ограничения гражданских прав в сфере экономического оборота»[905]. В отношении дополнительных ограничений розничной продажи алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания ныне прямо указано, что субъекты РФ имеют право устанавливать их законом субъекта Российской Федерации[906].

---

[901] *Рябов Е.В., Сокол П.В.* К вопросу о возможности принятия субъектами Российской Федерации нормативных правовых актов гражданско-правового характера // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 38, 45.

[902] Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

[903] Иллюстрацией таких актов являются, например, законы: Республики Адыгея от 01.08.2013 г. № 228 (ред. от 02.06.2020) «О регулировании отдельных вопросов в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Собрание законодательства Республики Адыгея. 2013. № 8; города Севастополя от 26.12.2014 г. № 93-ЗС (ред. от 04.03.2022) «О регулировании отдельных отношений в области розничной продажи алкогольной продукции в городе Севастополе» // Севастопольские известия. 2014. 27 дек.; Ульяновской области от 30.11.2011 г. № 220-ЗО (ред. от 22.11.2021) «О регулировании некоторых вопросов, связанных с осуществлением розничной продажи алкогольной продукции на территории Ульяновской области» // Ульяновская правда. 2011. 7 дек.

[904] О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.07.2014 г. № 47 // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9, сент.

[905] Нельзя не заметить, что, например, в Иркутской области подобные ограничения до сих пор закреплены в акте исполнительного органа власти – постановлении Правительства Иркутской области от 14.10.2011 г. № 313-пп (ред. от 11.02.2025) «Об установлении требований и ограничений в сфере розничной продажи алкогольной продукции на территории Иркутской области» // Областная. 2011. 21 окт.

[906] Закрепляющий это положение п. 4.1. был введен федеральным законом от 24.04.2020 г. № 145-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной

Аргументируя допустимость установления гражданско-правовых норм субъектами РФ, специалисты в области конституционного права обращают внимание также на то, что к ведению РФ, согласно Конституции РФ, «относится гражданское законодательство (т. е. система соответствующих федеральных законов), а не регулирование гражданских правоотношений»[907], в соответствии с чем «в ведении Российской Федерации находится только принятие кодифицированных гражданских законов, что не должно исключать права субъектов Федерации включать в свои законы, регулирующие экономические отношения, отдельные гражданско-правовые нормы, не противоречащие федеральным гражданско-правовым нормам»[908].

В литературе указывается и на то, что сама Конституция РФ допускает принципиальную возможность издания норм гражданского законодательства по определенному кругу вопросов на уровне субъектов РФ[909]. При этом в числе прочего (в частности, признания ч. 2 ст. 8 Конституции РФ права собственности субъектов РФ и муниципальных образований, «что само по себе предполагает возможность установления ими самоограничивающих правил относительно порядка и условий осуществления данного права»[910]) указывается на правовое регулирование вопросов владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами, жилищем, а также на такие «близкие» к гражданскому законодательству[911], «смежные» по отношению к нему[912] отрасли законодательства, как семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды, отнесенные ст. 72 Конституции РФ (п. «в», п. «к» ч. 1) к совместному ведению РФ и субъектов РФ[913]. Акцентируется,

---

продукции”» (Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 24.04.2020), вступившим в действие 5 мая 2020 г.

[907] *Петров А.А.* К вопросу о системе источников гражданского права в свете Концепции развития гражданского законодательства // Концепция развития гражданского законодательства: проблемы реализации: материалы всерос. науч.-практ. конф. «Сибирские юридические чтения – 2010». Иркутск, 19 нояб. 2010 г. / под ред. И.А. Минникеса, А.А. Петрова. Иркутск: Сибирская академия права, экономики и управления; Иркутский институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2010. С. 12.

[908] *Гаджиев Г.А., Пепеляев С.Г.* Предприниматель – налогоплательщик – государство. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: учеб. пособие. М.: Изд. дом ФБК-ПРЕСС, 1998. С. 91.

[909] *Рахмилович В.А.* Указ. соч. С. 9; *Петров А.А.* Указ. соч. С. 12.

[910] *Петров А.А.* Указ. соч. С. 11.

[911] *Лачуев К.Г.* Законодательство субъектов Российской Федерации как источник гражданского права России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 3.

[912] *Рябов Е.В., Сокол П.В.* Указ. соч. С. 41.

[913] *Рахмилович В.А.* Указ. соч. С. 7–9; *Лачуев К.Г.* Указ. соч. С. 3.

что такие отрасли законодательства формируются не по методу регулирования общественных отношений, а по видам объектов, по поводу которых складываются общественные отношения, и что образование таких отраслей законодательства «вызвано не только и даже не столько необходимостью введения специальных норм, регулирующих властно-управленческие отношения и административную деятельность по поводу соответствующих объектов, сколько спецификой их участия в рыночном обороте, степенью их вовлеченности в рыночный оборот и вызванной этим необходимостью специальных норм, детализирующих и уточняющих общие правила гражданского права применительно к соответствующим специальным объектам»[914].

Нельзя не отметить, что возможность принятия по вопросам совместного ведения нормативных правовых актов, содержащих гражданско-правовые нормы, субъектами РФ признается не всеми учеными[915]. Однако даже правоведами, отвергающими такую возможность, не отрицается существование общественных отношений, одновременно регулируемых различными отраслями права. В частности, А.Л. Маковский в контексте вопроса о разграничении предметов ведения РФ и субъектов РФ писал о проблеме конкуренции «отраслевой» и «предметной» законодательной компетенции. По замечанию правоведа, в числе «предметов ведения», распределяемых Конституцией между федерацией и ее субъектами, «имеются, с одной стороны, *отрасли законодательства, представляющие собой выражение в форме закона основного содержания соответствующих отраслей права* (так называемых самостоятельных отраслей права), а с другой – *отношения, определяемые лишь их содержанием, только их привязкой к определенному предмету регулирования*, будь то определенный вид деятельности, определенный вид имущества, статус определенных субъектов и т. д.»[916]. Проблема конкуренции «отраслевой» и «предметной» законодательной компетенции возникает тогда, когда «предмет ведения, определяемый через отношения определенной отрасли права, и предмет ведения, определяемый только содержанием регулируемых от-

[914] *Рахмилович В.А.* Указ. соч. С. 8.
[915] Об имеющихся подходах см.: *Рябов Е.В., Сокол П.В.* Указ. соч. С. 41–42.
[916] *Маковский А.Л.* Гражданское законодательство как предмет ведения Федерации в прошлом и настоящем нашего Отечества. С. 104.

ношений, оказываются по разные стороны линии, разграничивающей компетенцию федерации и ее субъектов»[917]. В вопросе отмеченной конкуренции «отраслевой» и «предметной» законодательной компетенции безоговорочный приоритет А.Л. Маковский признавал за «отраслевой» законодательной компетенцией, но в то же время он не исключал наличия отношений, для регулирования которых «*могут в принципе использоваться разные методы правового регулирования и, следовательно разные "самостоятельные" отрасли законодательства*»[918]. Полагаем, что гражданский оборот представляет собой пример как раз таких отношений. Исходя из нетождественности гражданского оборота и предмета отрасли гражданского права, в связи с наличием в гражданском обороте отношений, одновременно регулируемых нормами различных отраслей права и законодательства (в том числе отнесенных ст. 72 Конституции РФ к совместному ведению РФ и субъектов РФ), следует признать, что *правовое регулирование системы гражданского оборота не относится к исключительному ведению Российской Федерации, вследствие чего может предприниматься не только на федеральном уровне*.

В качестве примера возможности в ограниченных случаях регулирования отдельных отношений, составляющих предмет гражданского права, субъектами РФ отдельные ученые приводят также законодательство экстраординарного характера, принятое для целей регулирования отношений, возникших в связи с образованием в составе РФ новых субъектов. Так, А.В. Габов, приводя пример экстраординарного регулирования статуса и отношений юридических лиц в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым, указывает на необходимость учитывать при оценке такого регулирования правовую позицию Конституционного Суда РФ, в соответствии с которой принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов квалифицировано как «особый случай, требующий специальных мер, в том числе направленных на обеспечение реализации имущественных прав участников граж-

[917] *Маковский А.Л.* Гражданское законодательство как предмет ведения Федерации в прошлом и настоящем нашего Отечества. С. 104.
[918] Там же.

данских правоотношений, сложившихся в Республике Крым до ее принятия в Российскую Федерацию»[919].

Еще одним примером нормативного правового регулирования системы гражданского оборота на уровне субъектов РФ могут служить постановления региональных властей, утверждающих перечень товаров, подлежащих завозу в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности в ограниченные сроки. Подобные акты, как представляется, по существу, определяют тем самым виды объектов гражданского оборота в рамках отдельно взятой территории, в связи с чем и подлежат причислению к источникам правовых норм, регулирующих систему гражданского оборота[920]. Бесспорно, вне рамок северного завоза в таких местностях на рынке может присутствовать все многообразие товаров. Но в любом случае именно во исполнение указанных нормативных актов на основании тендеров (суть, на частноправовых началах независимости и равенства) определяются лица, с которыми заключаются гражданско-правовые договоры поставки[921], исходя из чего отмеченные нормативные правовые акты и содержащиеся в них положения подлежат, на наш взгляд, включению в механизм нормативного правового регулирования системы гражданского оборота.

На местном уровне правовое регулирование гражданского оборота осуществляется посредством норм, принимаемых органами местного самоуправления. Прежде всего, это нормы, касающиеся владения, пользования и распоряжения муниципальными образованиями имуществом, находящимся в их собственности[922]. Другим примером может служить принятие муниципалитетами норма-

---

[919] *Габов А.В.* Кодификация отечественного гражданского законодательства: отдельные страницы истории // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47, № 2. С. 284.

[920] Так, согласно постановлению Правительства Иркутской области от 11.02.2020 г. № 77-пп «Об установлении перечня продовольственных товаров, доставляемых в поселения Иркутской области, расположенные в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции) и (или) на территории островов» (URL: https://irkobl.ru/sites/potreb/news/постановление%20№77-пп.pdf), жителям соответствующих местностей на территории Иркутской области был «не положен», ввиду отсутствия в соответствующем перечне, такой объект, как сыр. С 01.01.2024 г. отмеченное постановление, на основании п. 2 постановления Правительства Иркутской области от 13.12.2022 г. № 987-пп (URL: https://docs.cntd.ru/document/406408412?marker=64U0IK), утратило силу.

[921] См., например: https://etpgpb.ru/procedure/tender/price_request/164535-postavka-remkomplektov-kip-po-programme-severnyy-zavoz-kr-2021/.

[922] См.: Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги «Заключение соглашения об установлении сервитута в отношении земельных участков, находящихся в собственности Шелеховского района и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, расположенных на территориях

тивных правовых актов, касающихся порядка выявления, учета и использования бесхозяйного имущества, расположенного на территории соответствующего муниципального образования. Издание таких актов связано с реализацией муниципалитетами функций, отнесенных федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения, а именно: осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев, обитающими на территории городского, сельского поселения (п. 14 ст. 14.1); организации в границах городского округа электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом в пределах полномочий, установленных законодательством Российской Федерации (п. 4 ч. 1 ст. 16); участия в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах городского округа (п. 8 ч. 1 ст. 16); охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения, расположенных на территории городского округа (п. 18 ч. 1 ст. 16). Необходимость предварительного учета бесхозяйных недвижимых вещей органами местного самоуправления, на территории которого они находятся, вытекает в том числе из п. 3 ст. 225 ГК РФ, предусматривающего прием бесхозяйной недвижимости на учет Росреестром именно по заявлению органа местного самоуправления. Подобные акты[923] подробно регламентируют порядок, включая сроки выявления и регистрации имущества в качестве бесхозяйного, способы и сроки выявления возможных собственников таких объектов, порядок оформления права муниципальной собственности на такое имущество.

В качестве примера норм, принимаемых органами местного самоуправления, сошлемся и на правила присвоения, изменения и аннулирования адресов объектам

сельских поселений Шелеховского района»: постановление администрации Шелеховского муниципального района Иркутской области от 09.06.2020 г. № 337-ПА (ред. от 15.10.2020) // Шелеховский вестник. 2020. 19 июня; Об утверждении Положения о порядке предоставления муниципального имущества, находящегося в собственности Ольхонского районного муниципального образования, в аренду и безвозмездное пользование: решение Ольхонской районной Думы Иркутской области от 28.10.2015 г. № 53 // СПС «Гарант» (Текст решения официально опубликован не был); Об утверждении Положения о порядке сдачи в аренду, безвозмездное пользование муниципального имущества (движимого и недвижимого) городского округа Лосино-Петровский: решение Совета депутатов городского округа Лосино-Петровский Московской области от 01.11.2012 г. № 46/11 (ред. от 08.06.2022) // Городские вести. 2012. 30 нояб., 7 дек.

[923] См.: Об утверждении Порядка регистрации и использования бесхозяйного имущества, находящегося на территории городского округа муниципального образования город Иркутск: решение Думы города Иркутска от 29.10.2021 г. № 007-20-031366/1 (ред. от 29.11.2024) // Иркутск официальный. 2021. 12 нояб.

адресации. Их значимость состоит в том, что адрес, его присвоение, касается индивидуализации таких необходимых элементов системы гражданского оборота, как объекты и субъекты (участники) гражданского оборота: так, вновь создаваемая недвижимая вещь может стать объектом оборота не ранее присвоения ей адреса, т. е. определения местонахождения данного объекта[924]; понятна, полагаем, и связь присвоения адреса с местом жительства граждан, равно как и с местом нахождения юридических лиц как индивидуализирующих признаков указанных видов субъектов гражданского оборота[925]. В соответствии с п. 27 ст. 16 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» подобные вопросы также отнесены к вопросам местного значения муниципального, городского округа. Правила присвоения, изменения и аннулирования адресов, включая требования к структуре адреса, утверждены на федеральном уровне (постановлением Правительства РФ от 19 ноября 2014 г. № 1221[926]), однако муниципалитетам предоставлено право присваивать, изменять и аннулировать адреса, в рамках реализации которого муниципалитеты принимают имеющие нормативный характер административные регламенты, направленные на установление соответствующей процедуры – сроков рассмотрения заявлений о присвоении, изменении и аннулировании адресов, круг управомоченных на обращение с такими заявлениями субъектов и т. п. Так, в г. Перми срок предоставления муниципальной услуги по присвоению адреса объекту адресации в случае подачи заявления с представленными документами на бумажном носителе составляет 6 рабочих дней со дня регистрации в Департаменте градостроительства и архитектуры Администрации города Перми заявления о предоставлении муниципальной услуги с приложением всех необходимых документов и 5 рабочих дней со дня такой регистрации в случае подачи за-

[924] Из пояснений на сайте Росреестра: «Следует отметить, в случае образования нового объекта недвижимости, адрес присваивается одновременно с его образованием, то есть постановка на государственный кадастровый учет и (или) регистрация права осуществляется уже в отношении объекта недвижимости с присвоенным адресом» (Присвоение адреса объекту недвижимости // Официальный сайт Росреестра, 09.04.2019. URL: https://rosreestr.gov.ru/site/press/news/prisvoenie-adresa-obektu-nedvizhimosti/).

[925] Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б.М. Гонгало. С. 107–109, 133–134; Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 131–132, 188.

[926] Официальный интернет-портал правовой информации, URL: http://www.pravo.gov.ru, 24.11.2014, 10.09.2020.

явления с представленными документами в форме электронного документа[927]; 6 рабочих дней со дня регистрации в Управлении градостроительных разрешений Администрации г. Челябинска заявления о предоставлении муниципальной услуги с приложением всех необходимых документов теперь составляет срок предоставления этой муниципальной услуги в г. Челябинске (до февраля 2023 г. этот срок определялся в 8 календарных дней)[928]; в г. Иркутске этот срок составляет 21 рабочий день со дня регистрации заявления в Комитете по градостроительной политике администрации г. Иркутска (в случае направления результата предоставления муниципальной услуги почтовым отправлением либо посредством Единого окна), 11 рабочих дней со дня регистрации заявления в Комитете (в случае направления результата предоставления муниципальной услуги посредством единого портала, портала адресной системы либо через МФЦ) и 5 рабочих дней со дня регистрации заявления в Комитете (в случае направления результата предоставления муниципальной услуги посредством единого портала, портала адресной системы)[929].

Выделенные уровни нормативного правового регулирования гражданского оборота иерархичны. При этом *установление видов субъектов* (в частности, организационно-правовых форм юридических лиц) *и видов объектов гражданского оборота допустимо только на федеральном уровне*. На нижестоящих по отношению к федеральному уровнях нормативного правового регулирования лишь конкретизируются, детализируются ограничения либо процедура гражданского оборота отдельных видов объектов.

Индивидуальное правовое регулирование гражданского оборота. Вопрос о признании индивидуального правового регулирования (далее – ИПР) видом правового регулирования общественных отношений является дискуссионным. В литературе по теории права высказано предложение о выделении правового и индиви-

---

[927] См. п. 2.4. разд. II Административного регламента предоставления департаментом градостроительства и архитектуры администрации города Перми муниципальной услуги «Присвоение адреса объекту адресации, изменение и аннулирование такого адреса»: утв. постановлением Администрации города Перми от 18.07.2012 г. № 60-П (ред. от 05.06.2024). URL: https://docs.cntd.ru/document/428691057.

[928] См. п. 8. разд. II Административного регламента предоставления муниципальной услуги «Присвоение адреса объекту адресации, изменение и аннулирование такого адреса»: утв. постановлением Администрации города Челябинска от 15.03.2021 г. № 75-п (ред. от 27.02.2023). URL: https://docs.cntd.ru/document/574678914.

[929] См. п. 27 гл. 9. Административного регламента предоставления муниципальной услуги «Присвоение и аннулирование адресов на территории города Иркутска»: утв. постановлением Администрации города Иркутска от 13.05.2021 г. № 031-06-339/21 (ред. от 05.06.2024, 19.02.2025). URL: https://docs.cntd.ru/document/574733671.

дуального регулирования в качестве самостоятельных и различных по своей сущности видов регулирования общественных отношений[930].

Что касается цивилистической доктрины, то в академической учебной литературе, являющейся индикатором превалирующих воззрений, характеристика индивидуальных актов как средств правового регулирования неоднозначна: с одной стороны, в механизме гражданско-правового регулирования таким актам отводится роль юридических фактов, однако, с другой стороны, отмечается, что «с их помощью участники гражданских правоотношений могут самостоятельно организовывать и *регулировать* (курсив наш. – *Ю.В.*) свои конкретные взаимосвязи»[931], что «гражданско-правовые средства, в отличие от иных правовых инструментов, в подавляющем большинстве наполняются содержанием самими участниками гражданского оборота»[932], что одни правила поведения могут быть «установленными государством, а другие – сторонами договора, решением собрания или обычаем»[933]. Так или иначе предпринятый мониторинг обнаруживает немало исследований, сопряженных с проблематикой индивидуального правового регулирования. К ним можно причислить работы, направленные на теоретическую разработку договорного[934] и «локального»[935] правового регулирования, а также вопросов, связанных с саморегулированием[936]. На монографическом уровне обосновывается также регулятивная функция иных правовых актов, в частности сделок – а именно выполнение ими «роли индивидуальных регуляторов поведения субъектов права», характеристика их как средств индивидуального регулирования[937]. Индиви-

---

[930] *Ершов В.В.* Индивидуальное правовое регулирование? Саморегулирование? // Российское правосудие. 2013. № 10 (90). С. 11.

[931] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 86–87.

[932] *Морозов С.Ю.* Методология исследования гражданско-правовых механизмов. С. 254.

[933] Там же. С. 259.

[934] *Корецкий А.Д.* Теория договорного регулирования гражданско-правовых отношений: дис. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2007; *Формакидов Д.А.* Договорное регулирование жилищных отношений в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. Пермь, 2022.

[935] *Шиткина И.С.* Правовое регулирование деятельности акционерных обществ внутренними локальными документами: дис... канд. юрид. наук. М., 1997.

[936] *Максимович О.Н.* Указ. соч.; *Журина И.Г.* Гражданско-правовой статус саморегулируемых организаций в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; *Лескова Ю.Г.* Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.

[937] *Егоров Ю.П.* Правовой режим сделок как средство индивидуального гражданско-правового регулирования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 4, 6, 14 и др. См. также: *Багрова Н.В.* Индивидуальное правовое регулирование имущественных отношений супругов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2019. С. 12.

дуальная регламентация субъектами имущественных отношений посредством сделок рассматривалась в цивилистике и в советский период: «Отличительная черта сделки и ее юридическая ценность, – писала Т.И. Илларионова, – состоят в присущей ей регулирующей функции»[938].

Представляется, что индивидуальное регулирование все же надлежит признать видом *правового* регулирования, поскольку оно заключается в установлении субъективных прав и обязанностей участников конкретных общественных отношений, объективируемых в тех или иных правовых актах (доверенностях, договорах, свидетельствах о государственной регистрации, лицензиях, судебных решениях и др.), в силу чего не может быть лишено правового характера. «Правовое» связано с установлением правил поведения, но не всегда значит «нормативное» (общеобязательное). Примечательно в данной связи пояснение авторов перевода на русский язык Модельных правил европейского частного права (Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of reference – DCFR) относительно термина «rules»: «Мы переводили его как “правила”, избегая слова “нормы”, поскольку DCFR – не нормативный акт»[939].

В литературе отмечается, что индивидуальное правовое регулирование дополняет нормативное правовое регулирование[940], осуществляется в его рамках и, как правило, следует за ним (исключение составляют ситуации, когда конкретный случай, входящий в сферу правового регулирования, не урегулирован нормами позитивного права; этот случай может быть урегулирован средством индивидуального правового регулирования, т. е. актом применения права – решением суда, определяющим права и обязанности сторон данного конкретного отношения). В этой связи, как представляется, индивидуальное правовое регулирование оправданно именуется поднормативным[941]. Исходя из этого, отдельные авторы рас-

---

[938] *Илларионова Т.И.* Поднормативное регулирование имущественных отношений в гражданском праве // Проблемы обязательственного права. Межвузовский сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1989. С. 6.

[939] Модельные правила европейского частного права. С. 11 (автор раздела – Н.Ю. Рассказова).

[940] *Черданцев А.Ф.* Указ. соч. С. 346; *Кашанина Т.В.* Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Государство и право. 1992. № 1. С. 122–130.

[941] *Алексеев С.С.* Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 56; *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 173; *Илларионова Т.И.* Указ. соч.; *Кашанина Т.В.* Индивидуальное регулирование в правовой сфере; *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. С. 320.

сматривают нормативное и индивидуальное правовое регулирование в качестве уровней, этапов правового регулирования. Так, первоначальным этапом регулирования признавал нормативное правовое регулирование А.Ф. Черданцев[942]. Уровнями правового регулирования полагал нормативное и индивидуальное правовое регулирование А.Н. Пьянов[943]. Ю.Г. Ткаченко вместо уровней выделяла в механизме правового регулирования два слоя: первый слой – нормативная основа (к которой она относила нормы, содержащиеся в нормативных актах и акты разъяснения, толкования права); второй – индивидуальная основа (включающая правоотношения и акты применения права)[944]. Н.А. Пьянов, считавший точку зрения Ю.Г. Ткаченко наиболее заслуживающей внимания, отмечал, что хотя она говорит о ступенях (слоях) правового регулирования, «речь, по сути дела, идет об уровнях правового регулирования»[945].

В доктрине индивидуальное правовое регулирование определяется как «деятельность субъектов по разрешению вопросов, относящихся к сфере правового регулирования, на основе свободного усмотрения, но в пределах, очерченных законом»[946], как «правовое воздействие на общественные отношения, связанное с установлением, изменением или прекращением юридических прав и обязанностей их участников в индивидуальном порядке, направленное на урегулирование конкретных ситуаций, требующих юридического разрешения, и осуществляемое путем совершения односторонних правомерных юридически значимых действий, заключения договоров и соглашений, либо властной правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов, результатом которого являются индивидуальные правовые акты»[947]. Говоря о месте индивидуального правового регулирования в механизме правового регулирования системы оборота и признавая его поднормативный характер, следует акцентировать внимание на том, что «индивидуальное регулирование поднормативно в том плане, что его юридическая сила

---

[942] *Черданцев А.Ф.* Указ. соч. С. 345.
[943] *Пьянов Н.А.* Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений. С. 216.
[944] *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношений. М.: Юрид. лит., 1980. С. 123.
[945] *Пьянов Н.А.* Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений. С. 216.
[946] *Кашанина Т.В.* Индивидуальное регулирование в правовой сфере.
[947] *Минникес И.А.* Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 9.

признается нормативно»[948] или, иначе – как писал С.С. Алексеев, индивидуальное правовое регулирование во всех случаях предполагает наряду с простором для «самостоятельного решения субъектами того или иного вопроса в соответствии с особенностями данной ситуации… наличие полномочий у лиц на такое решение»[949]. В связи с этим нуждается в освещении вопрос о возможных нормативных основаниях индивидуального правового регулирования гражданского оборота.

Нельзя согласиться с Н.В. Багровой, подразделяющей индивидуальное правовое регулирование в зависимости от основания на договорное и внедоговорное[950], поскольку в этом случае нормы позитивного права, санкционирующие ИПР отношений гражданского оборота, придется признать «внедоговорным» основанием их правового регулирования, что является некорректным. На наш взгляд, в числе *оснований индивидуального правового регулирования гражданского оборота*, в целом (т. е. безотносительно к видам ИПР, о которых будет сказано далее[951]) следует выделять:

1) нормы права, которые предусматривают конкретизацию установленных в них правил – *относительно определенные нормы права*, определяемые как «нормы, которые не содержат достаточно полных, исчерпывающих указаний об условиях действия, правах и обязанностях сторон или содержания юридических санкций и предоставляют право государственным и иным правоприменительным органам решить дело с учетом конкретных обстоятельств»[952] (это все те нормы, которые содержат так называемые оценочные понятия – «разумность», «добросовестность», «справедливость», «существенное» и т. п., например: п. п. 3, 4 ст. 1, п. 5 ст. 10, ст. 178, ст. 181.4, п. 1 ст. 220, ст. 234, ст. 285, ст. 302, п. 8 ст. 349 и многие другие нормы ГК РФ);

---

[948] *Илларионова Т.И.* Указ. соч. С. 4.
[949] *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. С. 320.
[950] *Багрова Н.В.* Указ. соч. С. 10.
[951] Эта оговорка обусловлена тем, что С.С. Алексеев, разграничивая индивидуальное правовое регулирование, осуществляемое компетентными правоприменительными органами, и индивидуальное правовое регулирование, осуществляемое самими участниками отношений, первый вид ИПР соотносил с юридическими нормами, в которых на первый план выступает степень определенности ее содержания, связывая, таким образом, этот вид индивидуального регулирования с абсолютно определенными и относительно определенными нормами, а второй – с нормами, в которых ключевым является момент дозволенности, подразделяя нормы в этой области ИПР на императивные и диспозитивные (см.: *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. С. 321).
[952] Там же.

2) *диспозитивные нормы права*, допускающие иное, отличающееся от нормативно установленного регулирование отношений самими субъектами гражданского оборота («маркерами» таких норм являются формулировки типа «при отсутствии иного соглашения», «если иное не установлено договором», ввиду многочисленности которых в гражданском законодательстве приведение их примеров видится излишним). По замечанию С.С. Алексеева, диспозитивные нормы однотипны с относительно определенными нормами, поскольку и те, и другие предусматривают возможность регламентации общественных отношений в индивидуальном порядке. Их отличие правовед видел в двух моментах: относительно определенная норма «в тех или иных пределах непосредственно определяет поведение субъектов» в то время как в диспозитивной норме «правило о конкретном поведении тех или иных лиц предусматривается в норме только на тот случай, если субъекты данный вопрос автономно не урегулируют»; относительно определенные нормы функционируют в сочетании с индивидуальными предписаниями, а диспозитивные нормы действуют и при отсутствии индивидуальных волеизъявлений – соглашений между субъектами по данному вопросу[953].

3) *императивные нормы права*, прямо предписывающие или обусловливающие возникновение у субъектов гражданского оборота определенных юридически значимых возможностей принятием индивидуального правового акта (например, регистрации лица в качестве индивидуального предпринимателя – п. 1 ст. 2 ГК РФ, при наследовании – специального разрешения на принадлежавшие наследодателю оружие, сильнодействующие и ядовитые вещества, наркотические и психотропные средства и другие ограниченно оборотоспособные вещи – п. 2 ст. 1180 ГК РФ);

4) *пробелы в позитивном праве*, предполагающие «восполнительное» судебное правотворчество, при котором не урегулированный нормами позитивного права случай может быть урегулирован средством индивидуального правового регулирования – решением суда, определяющим права и обязанности сторон данного конкретного отношения.

---

[953] *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. С. 323.

По существу, указанные нормативные основания индивидуального правового регулирования являются *средствами санкционирования государством* деятельности по выработке правил организации и функционирования отношений гражданского оборота самой этой системой или ее участниками и, следовательно, могут рассматриваться в качестве средств реализации такого выделенного нами политико-правового начала регулирования гражданского оборота, как принцип самоорганизации.

В контексте данного вопроса следует оговориться относительно нормативных правовых актов международного уровня, нормы которых могут санкционировать индивидуальное правовое регулирование гражданского оборота. Важно, предусматривает ли определенный правовой акт имплементацию международно-правовых норм в национальные законы и подзаконные акты. Если из международного нормативного акта следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта (актов), то индивидуальное правовое регулирование гражданского оборота может быть санкционировано только нормами национального позитивного права; если принятия национального правового акта не требуется, то индивидуальное правовое регулирование оборота может быть санкционировано непосредственно в международном нормативном правовом акте. В качестве примера нормативного акта прямого действия можно привести Конвенцию ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., норма ст. 6 которой устанавливает, что стороны международного договора купли-продажи могут исключить применение этой конвенции либо отступить от любого из ее положений или изменить его действие и, таким образом, предполагает возможность субъектов оборота урегулировать свои отношения в индивидуальном порядке.

Рассматривая индивидуальное правовое регулирование и характерные для него правовые средства, следует отметить, что оно не однородно и может быть классифицировано на виды. В литературе, однако, этот вопрос решается различно. Так, А.Ф. Черданцев выделял индивидуальное правовое регулирование, осуществляемое третьими субъектами, не являющимися участниками регулируемых отношений (государственными органами), и саморегулирование – индивидуальное правовое регулирование, осуществляемое самими субъектами – участниками

отношений посредством договоров и других актов[954], предпринимая, таким образом, градацию индивидуального правового регулирования по субъектному критерию. Аналогичным образом С.С. Алексеев указывал на то, что «следует различать индивидуальное регулирование, осуществляемое компетентными правоприменительными органами на основе предоставленных им государственно-властных полномочий, и “автономное” регулирование, осуществляемое самими участниками отношений на основе предоставленной им свободы распоряжения своими правами (диспозитивности)»[955]. Т.В. Кашанина разграничивает автономное, координационное (договорное) и субординационное регулирование[956]. Н.В. Багрова развивает подобную классификацию индивидуального правового регулирования применительно к имущественным отношениям супругов, дополняя ее критерием «основания индивидуального правового регулирования», по которому, повторим, выделяет договорное и внедоговорное индивидуальное правовое регулирование с последующим разделением внедоговорного индивидуального правового регулирования в зависимости от способа правовых связей субъектов на автономное и субординационное, а договорное относя к координационному регулированию[957]. Автономное, договорное (координационное) и субординационное (правоприменительное) индивидуальное правовое регулирование выделяет также И.А. Минникес, первые два из указанных видов причисляя к основанному на равенстве или автономности субъектов децентрализованному индивидуальному правовому регулированию, а последнее (субординационное) – к виду централизованного индивидуального правового регулирования (основанного на отношениях власти и подчинения)[958].

Анализируя приведенные позиции, несложно заметить единство взглядов ученых относительно необходимости выделения автономного, координационного/договорного и субординационного индивидуального правового регулирования, равно как и сущностно тождественный критерий такого деления – способ взаимо-

---

[954] *Черданцев А.Ф.* Указ. соч. С. 346–347.
[955] *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. С. 321.
[956] *Кашанина Т.В.* Индивидуальное регулирование в правовой сфере.
[957] *Багрова Н.В.* Указ. соч. С. 10.
[958] *Минникес И.А.* Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 9.

связи (правовых связей) между субъектами (равенство/автономность или власть–подчинение, полагаем, также указывают на начала/характер связи субъектов). Однако вопрос *о способе взаимосвязи субъектов* определенных отношений, как представляется, можно ставить не ранее решения вопроса *о самом круге субъектов* таких отношений, исходя из чего в качестве первоначального, базового деления индивидуального правового регулирования на виды следует признать его классификацию по субъектному критерию, взяв за основу деление индивидуального правового регулирования, предпринятое, в частности, С.С. Алексеевым и А.Ф. Черданцевым. Данные общие замечания в полной мере относятся и к индивидуальному правовому регулированию отношений участников гражданского оборота.

При этом такой выделенный учеными вид ИПР, как индивидуальное правовое регулирование, осуществляемое компетентными правоприменительными органами (субъектами, не являющимися участниками регулируемых отношений – государственными органами), можно обозначить как «*правоприменение*». Такое обозначение согласуется с отмеченным поднормативным характером индивидуального правового регулирования и с вытекающим из этого тезисом о корреляции индивидуального правового регулирования с реализацией правовых норм. На связь ИПР с реализацией права неоднократно указывалось и в доктрине. Так, Ф.Н. Фаткуллин нормативное правовое регулирование соотносил с властными, управленческими актами, с правотворчеством и противопоставлял его индивидуальному правовому регулированию – правореализации[959]. По мнению Т.В. Кашаниной, «индивидуальное регулирование – это форма слияния стадии правотворчества и стадии реализации права»[960]. Ю.С. Решетов, полагая, что индивидуальное правовое регулирование входит в механизм реализации права, писал: «Нормы права, являясь средством юридического воздействия на людей, сами реализуются через внешние и внутренние формы регулирования и саморегулирования поведения людей... При этом формы регулирования и саморегулирования поведения есть различные составляющие процессов реализации права <…> Действия участников реализации

[959] *Фаткуллин Ф.Н.* Указ. соч. С. 160.
[960] *Кашанина Т.В.* Индивидуальное регулирование в правовой сфере.

права, которые завершаются изданием индивидуальных правовых актов, входят в правовое регулирование»[961]. Из специалистов в области частного права к сторонникам такого подхода можно причислить Ю.Г. Лескову, которая относительно саморегулирования предпринимательских отношений утверждает, что его необходимо рассматривать не только как деятельность по правовому регулированию предпринимательских отношений, но и как правореализующую деятельность[962].

Что касается индивидуального правового регулирования, осуществляемого самими субъектами – участниками системы гражданского оборота, то его более удачно именовать *самоорганизацией*, а не саморегулированием (как это принятого в юридической литературе, касающейся вопросов индивидуального правового регулирования). В обоснование этого приведем следующие аргументы.

В первом приближении «самоорганизация» и «саморегуляция» представляются если и не равнозначными, то весьма близкими понятиями: соответствующие им термины образуются способом сложения слова «сам»[963] и, соответственно, терминов «организация», «регуляция», в числе возможных смысловых компонентов каждого из которых в свою очередь выделяют «упорядочение», означающее приведение в порядок[964]. Однако термин «самоорганизация» является предпочтительным по сравнению с термином «саморегулирование», прежде всего, в силу того, что он не связывает рассматриваемый вид индивидуального правового регулирования гражданского оборота исключительно с санкционированной и контролируемой государством деятельностью саморегулируемых организаций (а именно с деятельностью СРО в доктрине зачастую ассоциируют «саморегулирование»). Нормативно допустимый потенциал самоупорядочения участниками гражданского оборота своих отношений более вариативен и *не должен сводиться к комплексному правовому институту, связанному с деятельностью саморегулируемых организаций*. Как «ком-

---

[961] *Решетов Ю.С.* Нормативное и индивидуальное правовое регулирование // Вестник пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 2(20). С. 18, 19.

[962] *Лескова Ю.Г.* Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений… С. 16.

[963] При этом «само…» как первая часть сложных слов в русском языке имеет несколько значений, наиболее подходящими по смыслу к глагольным существительным «организация», «регуляция» из которых являются следующие: «направленности чего-нибудь на себя, исхождения от себя или осуществления для себя, напр. *самовосхваление, самозащита, самоснабжение, самоконтроль*…»; «совершения чего-нибудь без посторонней помощи; без постороннего участия, напр. *самодеятельность, самолечение*…» (*Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 693).

[964] Там же. С. 458–459, 672, 836.

плексный правовой институт, под которым предлагается понимать совокупность правовых норм, регулирующих отношения по разработке и установлению стандартов и правил предпринимательской или профессиональной деятельности, а также по осуществлению контроля за соблюдением требований указанных стандартов и правил», определяет саморегулирование, в частности, И.Г. Журина[965]. Предлагая концепцию саморегулирования как правового способа организации предпринимательских отношений, Ю.Г. Лескова также указывает на то, что «саморегулирование не составляет монополии какой-либо одной отрасли права, а является межотраслевым понятием и представляет собой комплексный правовой институт»[966].

Не исключая возможности и такого понимания саморегулирования, подчеркнем, что в контексте вопроса об индивидуальном правовом регулировании гражданского оборота оно неприемлемо, поскольку не может считаться *само*упорядочением участниками оборота своих отношений. Впрочем, это не отрицает причастность системы права к процессу самоупорядочения системы гражданского оборота; более того, сам механизм частноправового регулирования, характеризуемый диспозитивностью и правовой инициативой[967], предполагает такую самоорганизацию в виде индивидуального правового регулирования. Однако в этом случае речь должна идти либо о санкционировании государством правовой регламентации отношений участников гражданского оборота в индивидуальном порядке, либо о создании внешних условий для реализации системой гражданского оборота ее функций, в том числе функции самоупорядочения, а не о совокупности правовых норм, регламентирующих самоорганизационный механизм гражданского оборота. Кроме этого, понятие самоорганизации как вида индивидуального правового регулирования в большей (по сравнению с понятием саморегулирования) степени отражает суть соответствующей деятельности при восприятии гражданского оборота как системы общественных отношений: как было отмечено (§ 1 гл. 3 диссертации), саморегуляция как одна из функций системы гражданского

---

[965] *Журина И.Г.* Гражданско-правовой статус саморегулируемых организаций в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 10.

[966] *Лескова Ю.Г.* Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений… С. 13.

[967] В.Ф. Яковлев относил их к основным чертам гражданско-правового метода (*Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. С. 113–131).

оборота имеет охранительное значение, в то время как самоорганизация направлена на повышение упорядоченности системы, которая в целом функционирует «нормально» (иными словами, с регулятивным механизмом упорядочения оборота изначально связана именно самоорганизация).

Таким образом, основными видами индивидуального правового регулирования гражданского оборота мы предлагаем считать самоорганизацию и правоприменение.

Самоорганизация означает упорядочение самими участниками оборота своих отношений, которое в свою очередь может осуществляться субъектами как посредством совершения односторонних сделок (например, выдачи доверенности, установления завещательного отказа)[968], так и посредством договоров и иных правовых актов, предполагающих согласованное волеизъявление нескольких лиц. В связи с этим следует отметить, что характеристика корпоративных актов (уставов, положений и иных актов организаций) в доктрине является неоднозначной. По мнению одних авторов, корпоративные акты и содержащиеся в них правила относятся к локальному нормативному правовому регулированию[969]; по мнению других, корпоративные нормы и локальные нормы права не тождественны[970]; по мнению третьих, нормативные акты организаций (локальные нормативные акты) «есть пограничная зона между нормативно-правовым воздействием и саморегулированием организаций»[971]. Так или иначе, обозначение соответствующих указанным правовым средствам подвидов самоорганизации, разграничиваемых в литературе по способу взаимосвязи между субъектами, автономным (т. е. не зависящим от волеизъявления других лиц и осуществляемым посредством односторонних индивидуальных правовых актов[972]) и координационным (т. е. осуществляемым путем согласования волеизъявлений нескольких лиц посредством согла-

---

[968] В контексте настоящего исследования примечательно замечание С.С. Алексеева о том, что «проблема односторонних сделок в гражданском праве затрагивает в основном область гражданского оборота» (*Алексеев С.С.* Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования. С. 59).

[969] *Шиткина И.С.* Правовое регулирование деятельности акционерных обществ внутренними (локальными) документами …; *Потапов В.А.* Корпоративные нормативные акты как вид локальных актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Самигуллин В.К.* Локальное нормативное правовое регулирование: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2016. № 4.

[970] *Пьянов Н.А.* Теория государства и права: в 2 ч. Ч. 2. С. 126.

[971] Предпринимательское право: учебник / отв. ред. В.Г. Голубцов; Пермский гос. нац. исслед. ун-т, юрид. фак. М.: Статут, 2021. С. 65.

[972] *Минникес И.А.* Автономное регулирование как вид индивидуального правового регулирования // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 1 (75). С. 153.

шений и т. п. актов) индивидуальным правовым регулированием представляется удачным и приемлемым в рамках нашей теории.

Правоприменение представляет собой деятельность компетентных органов власти, состоящую в рассмотрении конкретных юридических вопросов, дел и вынесении властного, обязательного для субъектов оборота индивидуального решения. В силу наличия в соответствующих отношениях связи «власть–подчинение» правоприменение подлежит характеристике в качестве субординационного индивидуального правового регулирования[973]. По функциональной направленности субординационное правовое регулирование может быть как регулятивным, так и охранительным. В первом случае средствами индивидуального правового регулирования гражданского оборота являются индивидуальные административные акты, в частности, разного рода лицензии и разрешения: лицензия (разрешение) на занятие юридическим лицом отдельными видами деятельности; выданное юридическому лицу саморегулируемой организацией свидетельство о допуске к определенному виду работ (абз. 3 п. 1 ст. 49 ГК РФ); разрешение на принадлежность либо на совершение сделок с отдельными видами объектов гражданских права (п. 2 ст. 129 ГК РФ); и др. Если же между участниками оборота имеет место конфликт интересов, детерминированный в том числе пробельностью существующего нормативного регулирования соответствующих отношений, то правоприменение, имеющее в подобных случаях охранительную направленность, осуществляется посредством такого индивидуального правового акта, как судебное решение.

В завершение настоящего параграфа изложим основные выводы, полученные в процессе исследования.

К источникам нормативного правового регулирования гражданского оборота следует относить: 1) источники гражданско-правовых норм, причем регулирующие оборот нормы гражданского права, несмотря на положения ст. 71 Конституции РФ и ст. 3 ГК РФ, относящие гражданское законодательство к исключительному ведению РФ, могут приниматься также субъектами РФ и муниципальными

---

[973] *Минникес И.А.* Индивидуальные правовые акты (к проблеме индивидуального правового регулирования) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 5 (50). С. 62.

образованиями; 2) источники норм иных отраслей права, детализирующие правовой режим, правила оборота отдельных видов объектов и меры ответственности за их нарушение.

Нормативное гражданско-правовое регулирование гражданского оборота может осуществляться на образующих иерархию международном, федеральном, региональном и местном уровнях. Установление видов субъектов и видов объектов гражданского оборота допустимо только на федеральном уровне; на региональном и местном уровнях лишь детализируются ограничения либо процедура гражданского оборота отдельных видов объектов.

Индивидуальное регулирование гражданского оборота сопряжено с установлением правил поведения участников гражданского оборота, исходя из чего его надлежит признавать видом правового регулирования.

Индивидуальное правовое регулирование дополняет нормативное правовое регулирование, осуществляется в его рамках и за исключением случаев пробелов в позитивном праве следует за ним, имея, таким образом, поднормативный характер.

Нормативными основаниями (суть, средствами санкционирования государством) правовой регламентации отношений участников гражданского оборота в индивидуальном порядке могут быть: относительно определенные нормы права, предусматривающие конкретизацию установленных в них правил правоприменительным органом в рамках конкретного дела; диспозитивные нормы права, допускающие иное, отличающееся от нормативно установленного регулирование отношений самими субъектами; императивные нормы права, обусловливающие возникновение у субъектов определенных юридически значимых возможностей принятием индивидуального правового акта (регистрации, разрешения, лицензии и т. п.); пробелы в позитивном праве, предполагающие определение прав и обязанностей сторон конкретного отношения в случае не урегулированности этой ситуации нормами позитивного права средством индивидуального правового регулирования – решением суда.

Основными видами индивидуального правового регулирования гражданского оборота следует признать *самоорганизацию* (понимая ее как упорядочение от-

ношений субъектов самими участниками оборота, а не как комплексный правовой институт, связанный с деятельностью саморегулируемых организаций) и *правоприменение* (т. е. деятельность компетентных органов власти по принятию регламентирующих поведение субъектов оборота индивидуальных правовых актов регулятивного либо охранительного характера). Подвидами самоорганизации, отличающимися способом взаимосвязи между субъектами, в свою очередь являются автономное и координационное индивидуальное правовое регулирование; правоприменение по указанному критерию носит субординационный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного диссертационного исследования можно сделать следующие выводы.

Понятие «гражданский оборот» является одной из базовых цивилистических категорий, через призму которой формируются исходные представления об участниках и объектах гражданско-правовых отношений, о предмете и даже целях и задачах гражданско-правового регулирования. Исходя из этого, следует признать, что категория «гражданский оборот» относится к дисциплинарной матрице цивилистики, а система знаний о гражданском обороте, фиксируемая в содержании соответствующей категории, является одним из ключевых опорных компонентов понятийной сетки права (причем не только гражданского), выступая теорией, исходной концептуальной моделью, от восприятия которой зависит содержание идей и концепций, сущностно базирующихся на данной категории.

В то же время актуальную познавательную ситуацию в области исследования гражданского оборота следует признать проблемной: современная система знаний о гражданском обороте характеризуется разрозненностью, терминологической непоследовательностью, вариативностью как имеющихся дефиниций гражданского оборота, так и трактовки самих подходов к его пониманию; сложившееся в советский период и преобладающее ныне в отечественной цивилистике восприятие гражданского оборота как правовой формы экономического оборота требует пересмотра в связи с тем, что на фоне познавательной инертности и общего нормативистского характера исследований гражданского оборота оно не только не обеспечивает необходимый прирост знаний о последнем как явлении реальной действительности, но и детерминирует порочный вывод о непризнании гражданского оборота предметом правового регулирования, исключающий регулирующее воздействие на него норм позитивного права.

Исправить сложившуюся познавательную ситуацию возможно только посредством изменения общего ракурса видения гражданского оборота. Для этого, прежде всего, устраняя допущенную в свое время категориальную ошибку, состо-

ящую в лишении гражданского оборота онтологического статуса, причислении его к категориям гносеологии, следует отказаться от понимания гражданского оборота как юридического отражения экономического оборота и признать его явлением онтологического порядка, избрав взамен для его познания такой методологический инструментарий, который позволит объединить имеющиеся многочисленные разрозненные и разноаспектные теоретические наработки и выйти на качественно иной, сущностный уровень познания гражданского оборота.

Именно тезис о феноменологическом статусе гражданского оборота является ключевой идеей предложенной частной цивилистической теории гражданского оборота, концептуальное основание которой составили теория гражданско-правового регулирования и общая теория систем.

В частности, исследование гражданского оборота, предпринятое с позиций теории правового регулирования, обусловило решение вопросов о характеристике образующих гражданский оборот отношений как предмета правового регулирования (субъектах, объектах, содержании, видах и формах таких отношений), о соотношении гражданского оборота с предметом отрасли гражданского права, об источниках нормативного правового регулирования гражданского оборота, о правовых средствах, при помощи которых осуществляется упорядочение отношений, составляющих гражданский оборот, о видах правового регулирования последних.

В свою очередь применение системного подхода позволило сформировать целостное, непротиворечивое и адекватное представление о феномене, отражаемом в категории «гражданский оборот», раскрыть его сущность, понять, как он организован, функционирует, а на этом основании –определить такие направления правового воздействия на него, которые будут отвечать актуальным потребностям и интересам российского общества, способствовать благополучию и прогрессу последнего. А именно системный подход позволил научно обосновать, что так называемые отношения «статики» являются не просто предпосылкой или результатом гражданского оборота, а неотъемлемым звеном в общей цепочке составляющих оборот связей; в отсутствие этого звена функционирование гражданского оборота невозможно. На этом основании в решении вопросов правового ре-

гулирования гражданского оборота не следует ограничиваться рамками обязательственного права. Не меньшее, если не большее регулятивное влияние на функционирование гражданского оборота оказывают нормы вещного права. Системологическая характеристика гражданского оборота позволила также раскрыть общую взаимосвязь и взаимодействие гражданского оборота и системы позитивного права, обосновать их взаимное влияние друг на друга по типу обратной связи. При этом вкупе с анализом форм (внешнего выражения) существования объектов современного гражданского оборота проведенное исследование показало, что юридическая форма является лишь одной из возможных форм функционирования оборота как системы, наряду с которой имеет место и фактический гражданский оборот, функционирующий как в овеществленной, так и в неовеществленной, в том числе цифровой формах. Предпринятый системный анализ убедил и в том, что положения позитивного права не являются единственным фактором (началом), определяющим действие гражданского оборота. Кроме прочего, системный подход позволил научно аргументировать самоорганизующийся характер гражданского оборота, обусловив необходимость выделения наряду с нормативным правовым регулированием отношений гражданского оборота, их индивидуальное правовое регулирование.

В работе представлен комплексный анализ гражданского оборота как предмета правового регулирования. Показано, что он не составляет предмет правового регулирования какой-то одной отрасли права, что в конечном итоге детерминировано системным характером самого гражданского оборота, фактической целостностью той социальной сферы, в которой действуют субъекты лишь умозрительно разнородных (с позиций отраслевого деления права либо иной градации), а в реальности разносторонних отношений. В связи с этим указано на необходимость системного нормативно-правового воздействия на сферу гражданского оборота, означающего, что такое воздействие: должно являться концептуальным, т. е. не отрывочным (суть, «точечной», «заплатной» корректировкой отдельных нормативных положений), а «сквозным»; должно осуществляться с позиций системы права в целом, путем «синхронизации» базовых установлений отдельных его от-

раслей; должно являться социо-телеологическим, т. е. осуществляться с позиций интересов и потребностей системы общества (частью которой гражданский оборот является), прав и интересов всех участников оборота как членов социума. В развитие тезиса об отсутствии тождества между гражданским оборотом и предметом отрасли гражданского права, о межотраслевом значении гражданского оборота обоснована нормотворческая компетенция по вопросам его правового регулирования органов субъектов РФ и органов местного самоуправления.

Сформулировав авторское определение гражданского оборота как объективно существующей самоорганизующейся системы общественных отношений, опосредующей удовлетворение индивидуальных потребностей частных субъектов за счет «чужих» благ путем фактической и/или юридической смены обладателей материальных (в т. ч. цифровых и виртуальных) объектов и субъективных гражданских прав и обязанностей, и выступающей в силу своей социальной значимости предметом правового, в том числе гражданско-правового регулирования, мы в то же время не ратуем за его легальное закрепление, равно как и не настаиваем на иных кардинальных изменениях и дополнениях действующего законодательства (хотя соответствующие соображения и изложены по тексту работы). Перед современными юристами сейчас стоит гораздо более серьезная и важная задача – сменить парадигму гражданского оборота, перейти от «надстроечного» к «базисному» его восприятию. Без этого научные изыскания на пути его познания являются оторванными от жизни, а потому – тупиковыми.

Развивая, насколько нам это удалось, по ходу исследования идею об ошибочности представлений о гражданском обороте исключительно как о правовой форме экономического оборота, мы при этом отнюдь не отвергаем значимости исследования вопроса о правовых формах самого гражданского оборота, что, напротив, предполагает наличие в обороте нематериальных объектов, смена обладателей которых невозможна без юридического опосредования. В свою очередь это обусловливает острую необходимость развития научной теории правовых форм, включая в том числе и научную разработку с позиций правового оформления и юридической квалификации фактически существующих цифровых (элек-

тронных) форм как отдельных объектов гражданского оборота и гражданских прав, так и соответствующих социальных связей.

В числе иных перспективных направлений изучения гражданского оборота укажем также на вопросы, выходящие за пределы целей и задач нашего исследования, и потому получившие в нем лишь общее, концептуальное решение: о структуре гражданского оборота (в частности, о типах и видах связей, образующих систему оборота, об уровневой организации данной системы), о механизме, формах и началах функционирования гражданского оборота, о самоорганизации и саморегуляции гражданского оборота, о межотраслевых связях в правовом регулировании гражданского оборота.

В завершение подчеркнем, что предложенная в настоящей работе частная цивилистическая теория гражданского оборота оценивается нами не как «точка» в вопросе понимания гражданского оборота в отечественной цивилистике, а, напротив, как теоретическая основа для дальнейшей научной разработки этого сложного юридически значимого явления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 30.04.2025).

2. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики: федер. конституц. закон от 04.10.2022 г. № 5-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru, 05.10.2022 (дата обращения: 30.04.2025).

3. О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики: федер. конституц. закон от 04.10.2022 г. № 6-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru, 05.10.2022 (дата обращения: 30.04.2025).

4. О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области: федер. конституц. закон от 04.10.2022 г. № 7-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru, 05.10.2022 (дата обращения: 30.04.2025).

5. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: федер. конституц. закон от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru, 21.03.2014, 01.07.2021 (дата обращения: 30.04.2025).

6. О Верховном Суде Российской Федерации: федер. конституц. закон от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 6. – Ст. 550.

7. Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа: федер. конституц. закон от 21.07.2007 г. № 5-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 30. – Ст. 3745.

8. Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа: федер. конституц. закон от 30.12.2006 г. № 6-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 1 (1 ч.). – Ст. 1.

9. Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа: федер. конституц. закон от 25.03.2004 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 13. – Ст. 1110.

10. О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации: федер. конституц. закон от 17.12.2001 г. № 6-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (1 ч.). – Ст. 4916.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

12. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: федер. закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 6254.

13. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: федер. закон от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

14. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: федер. закон от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

15. Лесной кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 50. – Ст. 5278.

16. Водный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 03.06.2006 г. № 74-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.

17. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

18. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

19. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

20. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

21. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

22. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

23. Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2022 г. № 572-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 1 (ч. I). – Ст. 19.

24. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 52 (ч. I). – Ст. 8973.

25. О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы: федер. закон от 20.07.2020 г. № 211-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 30. – Ст. 4737.

26. О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»: федер. закон от 24.04.2020 г. № 145-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 24.04.2020 (дата обращения: 30.04.2025).

27. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 31. – Ст. 4418.

28. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 12. – Ст. 1224.

29. О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29.07.2017 г. № 217-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31 (Ч. I). – Ст. 4766.

30. О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4344.

31. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений за-

конодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 19. – Ст. 23.

32. О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 27. – Ст. 3434.

33. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: федер. закон от 28.06.2013 г. № 134-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 30.06.2013 (дата обращения: 30.04.2025).

34. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 ч. 1 ГК РФ: федер. закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.04.2025).

35. О национальной платежной системе: федер. закон от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 13.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.

36. Об обращении лекарственных средств: федер. закон 12.04.2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 16. – Ст. 1815.

37. Об исполнительном производстве: федер. закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

38. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.

39. О коммерческой тайне: федер. закон от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 32. – Ст. 3283.

40. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

41. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: федер. закон от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 48. – Ст. 4746.

42. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

43. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3431.

44. О приватизации государственного и муниципального имущества: федер. закон от 21.12.2001 г. № 178-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 4. – Ст. 251.

45. О качестве и безопасности пищевых продуктов: федер. закон от 02.01.2000 г. № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 2. – Ст. 150.

46. Об ипотеке (залоге недвижимости): федер. закон от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 29. – Ст. 3400.

47. О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 2. – Ст. 219.

48. Об актах гражданского состояния: федер. закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 47. – Ст. 5340.

49. Об оружии: федер. закон от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 51. – Ст. 5681.

50. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федер. закон от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ

(ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 48. – Ст. 4553.

51. О международных договорах Российской Федерации: федер. закон от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.

52. О животном мире: федер. закон от 24.04.1995 г. № 52-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 17. – Ст. 1462.

53. О недрах: Закон РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 10. – Ст. 823.

54. О защите прав потребителей: федер. закон от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

55. О регулировании отдельных отношений в области розничной продажи алкогольной продукции в городе Севастополе: закон города Севастополя от 26.12.2014 г. № 93-ЗС (ред. от 04.03.2022) // Севастопольские известия. – 2014. – 27 дек.

56. О регулировании отдельных вопросов в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: закон Республики Адыгея от 01.08.2013 г. № 228 (ред. от 02.06.2020) // Собрание законодательства Республики Адыгея. – 2013. – № 8.

57. О регулировании некоторых вопросов, связанных с осуществлением розничной продажи алкогольной продукции на территории Ульяновской области: закон Ульяновской области от 30.11.2011 г. № 220-ЗО (ред. от 22.11.2021) // Ульяновская правда. – 2011. – 7 дек.

58. Устав Иркутской области от 17.04.2009 г. № 1 (ред. от 28.11.2024) // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. – 2009. – № 9.

59. О Правительстве Иркутской области: закон Иркутской области от 18.11.2009 г. № 82/48-оз (ред. от 02.04.2025): принят постановлением Законода-

тельного Собрания Иркутской области от 28.10.2009 г. № 15/13-ЗС // Ведомости ЗС Иркутской области. – 2009. – № 15, 26 нояб.

60. О внесении изменений в статью 78 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.03.2013 г. 1963-6 ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 13. – Ст. 1490.

61. О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30.01.2002 г. № 33-СФ (ред. от 17.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 7. – Ст. 635.

62. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.01.1998 г. № 2134-II ГД (ред. от 24.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 801.

63. Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 11.11.1996 г. № 781-II ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 49. – Ст. 5506.

64. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 30. – Ст. 4884.

65. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21.12.2016 г. № 699 (ред. от 02.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 52 (ч. V). – Ст. 7614.

66. О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту промышленной продукции (вместе с положением «О государственной комиссии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции», положением «О комиссии по противодействию незаконному обороту промышленной

продукции в субъекте Российской Федерации»): указ Президента Российской Федерации от 23.01.2015 г. № 31 (ред. от 12.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

67. О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (вместе с положением «О Государственном антинаркотическом комитете», положением «Об антинаркотической комиссии в субъекте Российской Федерации»): указ Президента Российской Федерации от 18.10.2007 г. № 1374 (ред. от 31.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

68. Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1313 (ред. от 22.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 42. – Ст. 4108.

69. Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11.08.2003 г. № 960 (ред. от 24.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 33. – Ст. 3254.

70. О порядке ввода в гражданский оборот лекарственных препаратов для медицинского применения (вместе с «Правилами представления документов и сведений о лекарственных препаратах для медицинского применения, вводимых в гражданский оборот», «Правилами выдачи протокола испытаний о соответствии первых трех серий или партий лекарственного препарата для медицинского применения (за исключением иммунобиологического лекарственного препарата), впервые произведенного в Российской Федерации или впервые ввозимого в Российскую Федерацию, показателям качества, предусмотренным нормативной документацией», «Правилами выдачи разрешения на ввод в гражданский оборот серии или партии иммунобиологического лекарственного препарата, выдачи заключения о соответствии серии или партии иммунобиологического лекарственного препарата требованиям, установленным при его государственной регистрации», «Правилами принятия решения о прекращении гражданского оборота серии или партии лекарственного препарата для медицинского применения»): постановление Правительства Российской Федерации от 26.11.2019 г. № 1510 (ред. от 15.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

71. Об утверждении Правил присвоения, изменения и аннулирования адресов: постановление Правительства Российской Федерации от 19.11.2014 г. № 1221 (ред. от 08.04.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 24.11.2014, 08.04.2025 (дата обращения: 30.04.2025).

72. Об утверждении Положения об уничтожении изъятых у граждан и должностных лиц документов, имеющих признаки подделки, а также вещей, изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных, находящихся у них без специального разрешения: постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 г. № 1424 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 1. – Ст. 21.

73. О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций): постановление Правительства Российской Федерации от 24.10.2011 г. № 861 (ред. от 07.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

74. Об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения: постановление Правительства Российской Федерации от 08.04.2009 г. № 312 (ред. от 15.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 15. – Ст. 1841.

75. Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе: постановление Правительства Российской Федерации от 30.09.2004 г. № 506 (ред. от 09.11.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 40. – Ст. 3961.

76. О министерстве финансов Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2004 г. № 329 (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3258.

77. О первоочередных мерах по правовой защите интересов государства в процессе экономического и гражданско-правового оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения: постановление Правительства Российской

Федерации от 29.09.1998 г. № 1132 (ред. от 28.08.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

78. Об утверждении Стратегии развития янтарной отрасли Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.09.2017 г. № 1966-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 18.09.2017 (дата обращения: 30.04.2025).

79. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.06.2016 г. № 1083-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 10.06.2016 (дата обращения: 30.04.2025).

80. Об утверждении Концепции оптимизации механизмов проектирования и реализации межведомственного информационного взаимодействия, оптимизации порядка разработки и утверждения административных регламентов в целях создания системы управления изменениями: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.08.2015 г. № 1616-р (ред. от 18.10.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

81. Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, формы специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, состава сведений, включаемых в специальную регистрационную надпись на документе, выражающем содержание сделки, и требований к ее заполнению, а также требований к формату специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, в электронной форме, порядка изменения в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположении границ земельного участка при исправлении реестровой ошибки: приказ Росреестра от 01.06.2021 г. № П/0241 // СПС «КонсультантПлюс».

82. ГОСТ Р 70262.1-2022 «Национальный стандарт Российской Федерации. Защита информации. Идентификация и аутентификация. Уровни доверия идентификации»: утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 05.08.2022 г. № 740-ст. – М.: ФГБУ «РСТ», 2022.

83. Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: приказ Минюста России от 23.04.2020 г. № 105 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 27.04.2020 (дата обращения: 30.04.2025).

84. Об утверждении требований к обезличиванию информации, содержащейся в государственной информационной системе мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, и методов обезличивания такой информации: приказ Минпромторга России от 27.06.2019 г. № 2296 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 14.08.2019 (дата обращения: 30.04.2025).

85. ГОСТ Р 58833-2020 «Национальный стандарт Российской Федерации. Защита информации. Идентификация и аутентификация. Общие положения»: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 10.04.2020 г. № 159-ст. – М.: Стандартинформ, 2020.

86. ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015) «Межгосударственный стандарт. Информационные технологии. Словарь»: введен в действие приказом Росстандарта от 22.09.2016 г. № 1189-ст. – М.: Стандартинформ, 2016.

87. ГОСТ Р 50922-2006 «Защита информации. Основные термины и определения»: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 27.12.2006 г. № 373-ст. – М.: Стандартинформ, 2008.

88. Об утверждении Формы отчета об обороте имущества, обращенного в собственность государства: приказ Минэкономразвития России от 29.11.2007 г. № 414 (ред. от 31.03.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

89. О внесении изменения в Порядок предоставления и распределения субсидий, предоставляемых из областного бюджета местным бюджетам в целях софинансирования расходных обязательств по созданию условий для обеспечения поселений Иркутской области, входящих в состав муниципального района Иркутской области, услугами торговли, и признании утратившим силу постановления Правительства Иркутской области от 11 февраля 2020 года № 77-пп: постановле-

ние Правительства Иркутской области от 13.12.2022 г. № 987-пп. – URL: https://docs.cntd.ru/document/406408412?marker=64U0IK (дата обращения: 30.04.2025).

90. О министерстве цифрового развития и связи Иркутской области: постановление Правительства Иркутской области от 27.05.2021 г. № 368-пп (ред. от 25.04.2025) // Областная. – 2021. – № 62, 11 июня.

91. О министерстве транспорта и дорожного хозяйства Иркутской области: постановление Правительства Иркутской области от 01.03.2021 г. № 122-пп (ред. от 10.04.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации Иркутской области. – URL: http://www.ogirk.ru, 09.03.2021 (дата обращения: 30.04.2025).

92. Об Аппарате Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области: постановление Правительства Иркутской области от 10.03.2016 г. № 124-пп (ред. от 25.04.2025) // Областная. – 2016. – № 25, 14 марта.

93. О создании рабочих групп по выявлению и пресечению деятельности автомобильных перевозчиков, работающих вне правового поля на территории Республики Крым: распоряжение Совета Министров Республики Крым от 11.06.2014 г. № 521-р // СПС «Гарант». Текст распоряжения официально опубликован не был.

94. Об установлении требований и ограничений в сфере розничной продажи алкогольной продукции на территории Иркутской области: постановление Правительства Иркутской области от 14.10.2011 г. № 313-пп (ред. от 11.02.2025) // Областная. – 2011. – 21 окт.

95. О министерстве здравоохранения Иркутской области: постановление Правительства Иркутской области от 16.07.2010 г. № 174-пп (ред. от 10.03.2025) // Областная. – 2010. – № 91, 11 авг.

96. О министерстве имущественных отношений Иркутской области: постановление Правительства Иркутской области от 30.09.2009 г. № 264/43-пп (ред. от 04.04.2025) // Областная. – 2009. – № 121, 23 окт.

97. Об утверждении Порядка регистрации и использования бесхозяйного имущества, находящегося на территории городского округа муниципального об-

разования город Иркутск: решение Думы города Иркутска от 29.10.2021 г. № 007-20-031366/1 (ред. от 29.11.2024) // Иркутск официальный. – 2021. – 12 нояб.

98. Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги «Присвоение и аннулирование адресов на территории города Иркутска»: постановление Администрации города Иркутска от 13.05.2021 г. № 031-06-339/21 (ред. от 05.06.2024, 19.02.2025). – URL: https://docs.cntd.ru/document/574733671 (дата обращения: 30.04.2025).

99. Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги «Присвоение адреса объекту адресации, изменение и аннулирование такого адреса»: постановление Администрации города Челябинска от 15.03.2021 г. № 75-п (ред. от 27.02.2023). – URL: https://docs.cntd.ru/document/574678914 (дата обращения: 30.04.2025).

100. Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги «Заключение соглашения об установлении сервитута в отношении земельных участков, находящихся в собственности Шелеховского района и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, расположенных на территориях сельских поселений Шелеховского района»: постановление Администрации Шелеховского муниципального района Иркутской области от 09.06.2020 г. № 337-ПА (ред. от 15.10.2020) // Шелеховский вестник. – 2020. – 19 июня.

101. Об утверждении Положения о порядке предоставления муниципального имущества, находящегося в собственности Ольхонского районного муниципального образования, в аренду и безвозмездное пользование: решение Ольхонской районной Думы Иркутской области от 28.10.2015 г. № 53 // СПС «Гарант». Текст решения официально опубликован не был.

102. Об утверждении Положения о порядке сдачи в аренду, безвозмездное пользование муниципального имущества (движимого и недвижимого) городского округа Лосино-Петровский: решение Совета депутатов городского округа Лосино-Петровский Московской области от 01.11.2012 г. № 46/11 (ред. от 08.06.2022) // Городские вести. – 2012. – 30 нояб., 7 дек.

103. Об утверждении административного регламента предоставления департаментом градостроительства и архитектуры администрации города Перми муниципальной услуги «Присвоение адреса объекту адресации, изменение и аннулирование такого адреса»: постановление Администрации города Перми от 18.07.2012 г. № 60-П (ред. от 05.06.2024). – URL: https://docs.cntd.ru/document/428691057 (дата обращения: 30.04.2025).

104. Устав Иркутского районного муниципального образования: утв. решением Районной Думы Иркутского района от 31.03.1999 г. № 20-96/рд // Ангарские огни. – 1999. – № 24.

105. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект федерального закона № 47538-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012 г.). – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=94778 (дата обращения: 30.04.2025).

106. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.: введен в действие постановлением ВЦИК от 11.11.1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1922. – № 71. – Ст. 904 (утратил силу).

107. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г.: утв. Законом СССР от 08.12.1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1961. – № 50 (1085). – Ст. 525. – С. 1272–1306 (утратил силу).

108. Гражданский кодекс РСФСР 1964 г.: утв. законом РСФСР от 11.06.1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 406 (утратил силу).

109. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утв. ВС СССР 31.05.1991 г. № 2211-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733. – С. 1020–1084 (утратил силу).

110. О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан: федер. закон от 15.04.1998 г. № 66-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 16. – Ст. 1801 (утратил силу).

111. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: федер. закон от 21.07.1997 г. № 122-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 30. – Ст. 3594 (утратил силу).

112. Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР: постановление Совмина СССР от 13.08.1958 г. № 914 // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1958. – № 14. – Ст. 112 (утратил силу).

113. Об утверждении видов, порядка и условий применения стимулирующих выплат, обеспечивающих повышение результативности деятельности научных работников и руководителей научных учреждений и научных работников научных центров Российской академии наук: приказ Минобрнауки, Минздравсоцразвития России и Российской академии наук от 03.11.2006 г. № 273/745/68 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 2 (утратил силу).

114. Об установлении перечня продовольственных товаров, доставляемых в поселения Иркутской области, расположенные в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции) и (или) на территории островов, и признании утратившим силу постановления Правительства Иркутской области от 04 февраля 2019 года № 67-пп: постановление Правительства Иркутской области от 11.02.2020 г. № 77-пп. – URL: https://irkobl.ru/sites/potreb/news/постановление%20№77-пп.pdf (дата обращения: 30.04.2025) (утратило силу).

Международные и зарубежные нормативные акты

115. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20.12.1988 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. – Вып. XLVII. – М., 1994. – С. 133–157.

116. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров от 11.04.1980 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 1.

117. Конвенция государств – членов Содружества Независимых Государств о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 17.

118. Соглашение стран Содружества Независимых Государств от 20.03.1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» // Закон. – 1993. – № 1.

119. Пояснения к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств (ТН ВЭД СНГ): утв. решением Совета руководителей таможенных служб государств – участников Содружества Независимых Государств от 14.06.2017 г. № 10/65 (Т. 2, разд. VI–VIII, группы 29–43) // СПС «КонсультантПлюс».

120. Договор от 18.03.2014 г. между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 14. – Ст. 1570.

121. Договор между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 25.08.1998 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 42. – Ст. 5682.

122. Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.12.1992 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 18. – Ст. 1598.

123. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): принят Верховным Советом Республики Казахстан 27.12.1994 г. [Электронный ресурс]. До-

ступ из информ. системы «Параграф». – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061 (дата обращения: 30.04.2025).

124. Гражданский кодекс Азербайджанской Республики: утв. Законом Азербайджанской Республики от 28.12.1999 г. № 779-IQ [Электронный ресурс]. Доступ из информ. системы «Параграф». – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420111 (дата обращения: 30.04.2025).

125. Гражданский кодекс Грузии: по сост. на 1 марта 2010 г.: текст переведен, отредактирован отделом переводов Парламента Грузии. – Тбилиси: Раиз.

Материалы судебной практики

126. По делу о проверке конституционности подпункта 15 пункта 2 статьи 146 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Центрального округа: постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 г. № 41-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 52 (ч. II). – Ст. 8138.

127. По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»: постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 г. № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 15. – Ст. 2301.

128. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 ГК РФ в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева: постановления Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 г. № 6-П // Рос. газета. – 2003. – 26 апр.

129. По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Тверская прядильная фабри-

ка»: постановления Конституционного Суда РФ от 06.06.2000 г. № 9-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 24. – Ст. 2658.

130. По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» в связи с запросами Волгоградской областной Думы, Дмитровского районного суда Московской области и жалобой гражданина В.А. Мостипанова: постановление Конституционного Суда РФ от 03.11.1998 г. № 25-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 45. – Ст. 5603.

131. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Группа “Илим”» на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 1 и 2 статьи 171 и пунктом 1 статьи 172 Налогового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 г. № 3054-О // СПС «КонсультантПлюс».

132. По запросу Арбитражного суда Алтайского края о проверке конституционности пункта 4.1 статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 г. № 2561-О // СПС «КонсультантПлюс».

133. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Нива-7» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 20, пунктами 2 и 3 статьи 40 Налогового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 г. № 441-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 3.

134. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Экспорт-Сервис» на нарушение конституционных прав и свобод положениями абзаца первого пункта 4 статьи 176 Налогового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2003 г. № 329-О // СПС «КонсультантПлюс».

135. По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 года по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11

Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 25.07.2001 г. № 138-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2002. – № 2.

136. О применении норм международного частного права судами Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 г. № 24 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 10, окт.

137. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 50 // Рос. газета. – 2019. – № 6, 15 янв.

138. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 // Рос. газета. – 2015. – № 140, 30 июня.

139. О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.07.2014 г. № 47 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2014. – № 9, сент.

140. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 г. № 10/22 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 6.

141. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 г. № 53 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 12.

142. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федера-

ции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 12.

143. Определение коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.05.2020 г. № 307-ЭС19-27597 по делу № А42-7695/2017. – URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1885136 (дата обращения: 30.04.2025).

144. Определение Верховного Суда РФ от 10.10.2016 г. № 309-КГ16-10785 // СПС «КонсультантПлюс».

145. Определение Верховного Суда РФ от 21.03.2016 г. № 303-ЭС16-917 по делу № А73-17377/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

146. Определение Верховного Суда РФ от 22.07.2015 г. № 305-ЭС15-513 по делу № А40-141381/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

147. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.03.2013 г. № 14828/12 по делу № А40-82045/11-64-444 // СПС «КонсультантПлюс».

148. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.03.2012 г. № 12505/11 по делу № А56-1486/2010 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 6.

149. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.09.2007 г. № 3039/07 по делу № А40-70770/05-85-579 // СПС «КонсультантПлюс».

150. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.10.2011 г. № ВАС-13314/11 // СПС «КонсультантПлюс».

151. Постановление ФАС Поволжского округа от 18.10.2018 г. № Ф06-38270/2018 по делу № А57-21957/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

152. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.09.2018 г. № Ф08-6836/2018 по делу № А15-3601/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

153. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.03.2017 г. № Ф04-20/2015 по делу № А46-6493/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

154. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.02.2016 г. № Ф04-349/2016 по делу № А45-3144/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

155. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.11.2017 г. № Ф06-26651/2017 по делу № А49-3957/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

156. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.02.2017 г. № Ф03-6323/2016 по делу № А73-6802/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

157. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.02.2017 г. № Ф01-6213/2016 по делу № А43-7490/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

158. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.10.2016 г. № Ф04-4715/2016 по делу № А75-14533/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

159. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.01.2016 г. № Ф09-10599/15 по делу № А50-5612/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

160. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.09.2015 г. № Ф05-9207/2015 по делу № А40-59299/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

161. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.05.2015 г. № Ф02-2043/2015 по делу № А19-10162/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

162. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.08.2014 г. № Ф05-7943/2014 по делу № А40-133728/13-41-1231 // СПС «КонсультантПлюс».

163. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.04.2012 г. по делу № А41-14337/11 // СПС «КонсультантПлюс».

164. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29.03.2012 г. по делу № А17-2962/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

165. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.10.2011 г. по делу № А79-9077/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

166. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.11.2014 г. № Ф04-11012/2014 по делу № А67-7212/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

167. Постановление Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 31.10.2014 г. № А33-4087/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

168. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06.03.2014 г. по делу № А33-4465/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

169. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.03.2010 г. по делу № А05-3758/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

170. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.09.2009 г. № А19-993/09 // СПС «КонсультантПлюс».

171. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.12.2008 г. № Ф03-5540/2008 по делу № А51-19431/20047-365/23 // СПС «КонсультантПлюс».

172. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.11.2008 г. по делу № А56-10184/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

173. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.10.2008 г. по делу № А29-702/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

174. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.10.2005 г. № А58-3881/04-Ф02-5278/05-С2 // СПС «КонсультантПлюс».

175. Кассационное определение Магаданского областного суда от 13.12.2011 г. № 33-1362/11 по делу № 2-1810/11. – URL: https://sudrf.cntd.ru/document/471001255 (дата обращения: 30.04.2025).

176. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 31.07.2018 г. по делу № 33-3142/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

177. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2018 г. по делу № А24-3334/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

178. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2016 г. 15АП-1085/2016 по делу № А32-3757/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

179. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2016 г. № 17АП-498/2016-АК // СПС «КонсультантПлюс».

180. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.06.2015 г. по делу № А36-852/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

181. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.05.2015 г. по делу № А08-4047/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

182. Постановление Одиннадцатого Арбитражного апелляционного суда от 27.11.2014 г. по делу № А55-10231/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

183. Решение Арбитражного суда Самарской области от 15.10.2021 г. по делу № А55-22978/2021. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/SlgRwGxFy4dK/ (дата обращения: 30.04.2025).

184. Решение Арбитражного суда Мурманской области от 23.01.2019 г. по делу № А42-7695/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

185. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 05.03.2018 г. по делу № А40-124668/17-71-160Ф // СПС «КонсультантПлюс».

186. Решение Арбитражного суда Рязанской области от 01.12.2017 г. по делу №А54-4588/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

187. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 03.08.2017 г. по делу № А19-3929/17 // СПС «КонсультантПлюс».

188. Решение Арбитражного суда Республики Коми от 14.03.2016 г. по делу № А29-10570/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

189. Решение Арбитражного суда Республики Северная Осетия – Алания от 28.07.2015 г. по делу № А61-1176/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

190. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 30.04.2015 г. по делу № А47-1369/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

191. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 19.12.2014 г. по делу № А19-19197/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

192. Решение Арбитражного суда Новгородской области от 11.12.2014 г. по делу № А 44-7208/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

193. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 17.11.2014 г. по делу № А57-14093/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

194. Решение Арбитражного суда Забайкальского края от 30.10.2014 г. по делу № А78-9878/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

195. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 12.11.2013 г. по делу № А40-52753/2012. – URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/18df04e9-51e1-470a-9d4f-788727442790/A40-52753-2012__20131112.pdf?download=true (дата обращения: 30.04.2025).

196. Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 08.02.2013 г. по делу № А27-11489/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

197. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 02.12.2010 г. по делу № А53-1583/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

198. Решение Арбитражного суда Астраханской области от 12.04.2010 г. по делу № А06-6822/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

199. Решении Пятигорского городского суда Ставропольского края от 29.04.2011 г. по делу № 2–794/11. – URL: https://rospravosudie.com/court-pyatigorskij-gorodskoj-sud-stavropolskij-kraj-s/act-100483671/ (дата обращения: 30.04.2025).

200. Решение Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 05.09.2017 г. по делу № 2-8532/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

201. Решение Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга от 07.08.2017 г. по делу № 2-3141/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

202. Решение Центрального районного суда г. Волгограда от 17.05.2011 г. по делу № 2-2733/11 // СПС «КонсультантПлюс».

203. О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10.04.2008 г. № 22 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 5 (не применяется).

Монографии и учебные издания

204. Акофф, Р. О целеустремленных системах / Р. Акофф, Ф. Эмери. – М.: Советское радио, 1974. – 272 с.

205. Александров, Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н.Г. Александров. – М.: Госюриздат, 1961. – 270 с.

206. Алексеев, В.П. История первобытного общества: учебник / В.П. Алексеев, А.И. Першиц. – М.: Высш. шк., 1990. – 351 с.

207. Алексеев, П.В. Теория познания и диалектика: учеб. пособие / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – М.: Высшая школа, 1991. – 383 с.

208. Алексеев, П.В. Философия: учебник / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – М.: Теис, 1996. – 504 с.

209. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1966. – 188 с.

210. Алексеев, С.С. Общая теория права: учебник / С.С. Алексеев. – М.: Проспект, 2009. – 576 с.

211. Алексеев, С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.

212. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М.: БЕК, 1993. – 224 с.

213. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 338 с.

214. Анисимов, А.П. Земельное право России: краткий курс лекций / А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков, С.А. Чаркин; под ред. А.П. Анисимова. – М.: Юрайт, 2014. – 238 с.

215. Асланян, Н.П. Основные начала российского частного права: монография / Н.П. Асланян. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. – 270 с.

216. Асосков, А.В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте / А.В. Асосков. – М.: Статут, 2003. – 349 с.

217. Афанасьев, В.Г. Системность и общество / В.Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1980. – 368 с.

218. Аюшеева, И.З. Концептуальные основы правового регулирования отношений по коллективному использованию товаров и услуг (sharing economy) в условиях развития цифровых технологий: монография / И.З. Аюшеева, Е.Б. Подузова, Т.В. Сойфер. – М.: Юстицинформ, 2021. – 276 с.

219. Бабаев, В.К. Презумпции в советском праве: учеб. пособие / В.К. Бабаев. – Горький, 1974. – 124 с.

220. Байбак, В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота / В.В. Байбак. – М.: Статут, 2005. – 222 с.

221. Баринов, Н.А. Имущественные потребности и гражданское право / Н.А. Баринов; под ред. Ю.Х. Калмыкова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 192 с.

222. Белкин, Р.С. Курс криминалистики. Т. 1 / Р.С. Белкин. – М.: Юристъ, 1997. – 444 с.

223. Белов, В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учебник / В.А. Белов. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. – 960 с.

224. Белов, В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право: учебник / В.А. Белов. – М.: Юрайт, 2011. – 521 с.

225. Белов, В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты: учебник / В.А. Белов. – М.: Юрайт, 2011. –1093 с.

226. Белов, В.А. Гражданское право. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник / В.А. Белов. – М.: Юрайт, 2013. – 1085 с.

227. Белов, В.А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики / В.А. Белов. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 96 с.

228. Белых, В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России / В.С. Белых. – М.: Проспект, 2009. – 432 с.

229. Бережной, Н.М. Человек и его потребности / Н.М. Бережной. – М.: Форум, 2000. – 159 с.

230. Блауберг, И.В. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности / И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин. – М.: Знание, 1969. – 48 с.

231. Блауберг, И.В. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1973. – 274 с.

232. Богданов, Д.Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве: монография / Д.Е. Богданов. – М.: Проспект, 2013. – 232 с.

233. Большая экономическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2007. – 815 с.

234. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Правовая культура, 1994. – 525 с.

235. Большой юридический словарь / автор и сост. А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2012. – 847 с.

236. Борисенко, И.И. Современный русско-английский юридический словарь / И.И. Борисенко, В.В. Саенко. – М.: ABBYY Press, 2009. – 489 с.

237. Братусь, С.Н. Предмет и система советского гражданского права / С.Н. Братусь. – М.: Госюриздат, 1963. – 197 с.

238. Бритвин, С.Н. Арендные права в гражданском обороте: проблемы теории и практики: монография / С.Н. Бритвин, А.Н. Садков, С.А. Чаркин; под общ. ред., с предисл.: А.Я. Рыженков. – Волгоград: Альянс, 2006. – 160 с.

239. Василевская, Л.Ю. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. I / Л.Ю. Василевская, Е.Б. Подузова, Ф.А. Тасалов; под ред. Л.Ю. Василевской. – М.: Проспект, 2021. – 287 с.

240. Васильев, А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. – М.: Юрид. лит., 1976. – 264 с.

241. Васьковский, Е.В. Учебник гражданского права / Е.В. Васьковский. – М.: Статут, 2003. – 380, [1] с.

242. Венедиктов, А.В. Государственная социалистическая собственность / А.В. Венедиктов. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. – 839 с.

243. Вердников, В.Г. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений / В.Г. Вердников, А.Ю. Кабалкин. – М.: Юрид. лит., 1970. – 224 с.

244. Веремеенко, И.И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка: Элементы и формы реализации права в механизме административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. Ч. 2 / И.И. Веремеенко. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. – 112 с.

245. Вершинин, А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательства в суде / А.П. Вершинин. – М.: Городец, 2000. – 248 с.

246. Виниченко, Ю.В. Гражданский оборот: методологические основания цивилистического исследования / Ю.В. Виниченко. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – 165 с.

247. Виниченко, Ю.В. Гражданский оборот: опыт системного исследования / Ю.В. Виниченко. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2019. – 374 с.

248. Виниченко, Ю.В. Исторические начала соседского права в России: монография / Ю.В. Виниченко. – Иркутск: Институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2012. – 84 с.

249. Виниченко, Ю.В. Соседское право в России: исторические начала и подходы к пониманию / Ю.В. Виниченко, Н.П. Асланян, О.А. Поротикова. – М.: Юриспруденция, 2014. – 152 с.

250. Витрянский, В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2016. – 431 с.

251. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – М.: Территория будущего, 2005. – 800 с.

252. Власов, В.И. Сравнительное правоведение: учеб. пособие / В.И. Власов, Г.Б. Власова, С.В. Денисенко. – М.: КНОРУС, 2014. – 248 с.

253. Волков, А.В. Теория концепции «Злоупотребление гражданскими правами» / А.В. Волков. – Волгоград: Станица-2, 2007. – 343 с.

254. Вятчин, В.А. Значение неустойки в современном гражданском обороте: монография / В.А. Вятчин. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 184 с.

255. Вятчин, В.А. Роль и значение аренды в гражданском обороте: монография / В.А. Вятчин, Т.А. Еремкина. – М.: Спутник+, 2010. – 175 с.

256. Гаврилов, Э.П. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / Э.П. Гаврилов, В.И. Еременко. – М.: Экзамен, 2009. – 978 с.

257. Гаджиев, Г.А. Предприниматель – налогоплательщик – государство. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: учеб. пособие / Г.А. Гаджиев, С.Г. Пепеляев. – М.: Изд. дом ФБК-ПРЕСС, 1998. – 592 с.

258. Гайдес, М.А. Общая теория систем (системы и системный анализ) / М.А. Гайдес. – Глобус-Пресс, 2005. – 201 с.

259. Гамбаров, Ю.С. Курс гражданского права: Часть общая. Т. 1 / Ю.С. Гамбаров. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. – 793 с.

260. Гацалов, М.М. Современный экономический словарь-справочник / М.М. Гацалов. – Ухта: УГТУ, 2002. – 371 с.

261. Голубцов, В.Г. Российская Федерация как субъект гражданского права / В.Г. Голубцов. – М.: Статут, 2021. –314 с.

262. Гонгало, Б.М. Гражданское право. Жилищное право. Семейное право: Избранное / Б.М. Гонгало. – М.: Статут, 2011. – 256 с.

263. Гонгало, Б.М. Избранное: в 5 т. Т. 5: Семейное право. Наследственное право. Международное частное право / Б.М. Гонгало. – М.: Статут, 2021. – 310 с.

264. Гонгало, Б.М. Учение об обеспечении обязательств / Б.М. Гонгало. – М.: Статут, 2004. – 222 с.

265. Гончарова, А.В. Недвижимость в гражданском обороте: монография / А.В. Гончарова. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ин-та экон., социол. и права, 2011. – 160 с.

266. Горбунова, О.Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России / О.Н. Горбунова. – М.: Профобразование, 2003. – 158 с.

267. Горбунова, О.Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России / О.Н. Горбунова. – М.: Элит, 2012. – 296 с.

268. Горшенев, В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В.М. Горшенев. – М.: Юрид. лит., 1972. – 256 с.

269. Горшенев, В.М. Контроль как правовая форма деятельности / В.М. Горшенев, И.Б. Шахов. – М.: Юрид. лит., 1987. – 176 с.

270. Гражданское право: учебник. Т. 1 / под ред. Е.А. Суханова. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 720 с.

271. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: БЕК, 1998. – 785 с.

272. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б.М. Гонгало. – М.: Статут, 2018. – 528 с.

273. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под ред. Б.М. Гонгало. – М.: Статут, 2018. – 560 с.

274. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. С.А. Степанова. – М.: Проспект, Екатеринбург: Ин-т частного права, 2010. – 632 с.

275. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2013. – 784 с.

276. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть / под ред. Е.А. Суханова. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 736 с.

277. Григорьева, М.А. Гражданский правопорядок (опыт системного исследования) / М.А. Григорьева. – Красноярск, 2010. – 235 с.

278. Гримм, Д. Соотношение между юридическими институтами и конкретными отношениями / Д. Гримм. – М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1914. – 18 с.

279. Гримм, Д.Д. К вопросу о соотношении институтов гражданского права с хозяйственным бытом народа / Д.Д. Гримм. – СПб.: Сенатская тип., 1907. – 28 с.

280. Гримм, Д.Д. Лекции по догме римского права / Д.Д. Гримм. – М.: Зерцало, 2003. – 496 с.

281. Гуляев, А.М. Об отношении русского гражданского права к римскому (Вступительная лекция, читанная 16 сент. 1894 г.) / А.М. Гуляев. – Киев, 1894. – 16 с.

282. Дерюгина, Т.В. Пределы осуществления гражданских прав: монография / Т.В. Дерюгина. – М.: Зерцало-М, 2010. – 244 с.

283. Диалектика процесса познания / под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 367 с.

284. Диалектическая логика / под ред. З.М. Оруджева, А.П. Шептулина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 298 с.

285. Дигесты Юстиниана: пер. с лат. Т. III. / отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М.: Статут, 2003. – 780 с.

286. Дигесты Юстиниана: пер. с лат. Т. V, полутом 1 / отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М.: Статут, 2004. – 614 с.

287. Дигесты Юстиниана: пер. с лат. Т. IV. / отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М.: Статут, 2004. – 780 с.

288. Дормидонтов, Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций: Юридические фикции и презумпции. Ч. 1 / Г.Ф. Дормидонтов. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1895. – 185 с.

289. Дроздова, Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве / Т.Ю. Дроздова. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. – 151 с.

290. Дювернуа, Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 2: Учение о вещах. Учение о юридической сделке / Н.Л. Дювернуа; под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 320 с.

291. Егоров, Н.Д. Гражданско-правовое регулирование экономических отношений: учеб. пособие / Н.Д. Егоров. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 213 с.

292. Единообразный торговый кодекс США: пер. с англ. / Сер.: Современное зарубежное и международное частное право. – М.: Междунар. центр фин.-эконом. развития, 1996. – 427 с.

293. Ершов, О.Г. Внедоговорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма: монография / О.Г. Ершов. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – 194 с.

294. Ершов, О.Г. Договорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма: монография / О.Г. Ершов. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. – 432 с.

295. Жгулев, А.А. Добросовестность при исполнении обязательства / А.А. Жгулев. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 112 с.

296. Жданова, И.Ф. Русско-английский экономический словарь / И.Ф. Жданова. – М.: Рус. яз.–Медиа; Дрофа, 2008. – 879 с.

297. Здравомыслов, А.Г. Потребности, интересы, ценности / А.Г. Здравомыслов. – М.: Политиздат, 1986. – 223 с.

298. Земельное право / В.Х. Улюкаев [и др.]. – М.: Частное право, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

299. Зенин, И.А. Гражданское право: учебник / И.А. Зенин. – М.: Юрайт, 2010. – 616 с.

300. Иванов, Е.А. Логика: учебник / Е.А. Иванов. – М.: БЕК, 1996. – 309 с.

301. Ивашковский, С.Н. Макроэкономика: учебник / С.Н. Ивашковский. – М.: Дело, 2002. – 472 с.

302. Ивин, А.А. Философское исследование науки / А.А. Ивин. – М.: Проспект, 2016. – 544 с.

303. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М.: Госюриздат, 1961. – 381 с.

304. Иоффе, О.С. Избранные труды: в 4 т. Т. II. Советское гражданское право / О.С. Иоффе. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 511 с.

305. Каган, М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа) / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.

306. Каминская, В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / В.И. Каминская. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 132 с.

307. Канаев, Ю.Н. Муниципальные образования как субъекты гражданского права: монография / Ю.Н. Канаев. – М.: Юстицинформ, 2020. – 191 с.

308. Карапетов, А.Г. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 1. Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений / А.Г. Карапетов, А.И. Савельев. – М.: Статут, 2012. – 452 с.

309. Карапетов, А.Г. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 2. Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве / А.Г. Карапетов, А.И. Савельев. – М.: Статут, 2012. – 453 с.

310. Карапетов, А.Г. Экономический анализ права / А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2016. – 528 с.

311. Кархалев, Д.Н. Охранительное гражданское правоотношение / Д.Н. Кархалев. – М.: Статут, 2009. – 332 с.

312. Кашанина, Т.В. Происхождение государства и права: учеб. пособие / Т.В. Кашанина. – М.: Высшее образование, 2009. – 358 с.

313. Керимов, Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 521 с.

314. Кириллов, В.И. Логика: учебник / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. – М.: Юристъ, 2004. – 253 с.

315. Кирсанова, Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: монография / Е.Е. Кирсанова. – М.: Юстицинформ, 2022. – 228 с.

316. Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. – М.: Статут, 2008. – 336 с.

317. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / рук. авт. кол. и отв. ред. О.Н. Садиков. – М.: Контракт; Инфра-М, 2003. – 940 с.

318. Копнин, П.В. Диалектика как логика и теория познания: опыт логико-гносеологического исследования / П.В. Копнин. – М.: Наука, 1973. – 323 с.

319. Крашенинников, Е.А. К теории права на иск / Е.А. Крашенинников. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1995. – 76 с.

320. Крусс, В.И. Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации: монография / В.И. Крусс. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. – 304 с.

321. Кузнецов, В.Г. Философия: учебник / В.Г. Кузнецов, И.Д. Кузнецова, В.В. Миронов, К.Х. Момджян. – М.: Инфра-М, 2004. – 519 с.

322. Кузнецова, О.А. Нормы-принципы российского гражданского права / О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2006. – 269 с.

323. Кузнецова, О.А. Презумпции в гражданском праве / О.А. Кузнецова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 347 с.

324. Кузьмин, В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса / В.П. Кузьмин. – М.: Политиздат, 1986. – 399 с.

325. Кун, Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.

326. Курдиновский, В.И. К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России / В.И. Курдиновский. – Одесса: «Экон.» тип., 1899. – 396 с.

327. Курс лекций по основам экономики; микроэкономике; макроэкономике / под ред. В.П. Горева. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. – 541 с.

328. Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / В.А. Лапач. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 544 с.

329. Лейст, О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О.Э. Лейст. – М.: Зерцало-М, 2002. – 288 с.

330. Лобанов, С.А. Публичная собственность в гражданском обороте: проблемы правового регулирования / С.А. Лобанов. – М.: Ин-т бизнеса и политики, 2008. – 168 с.

331. Логика научного исследования / отв. ред. П.В. Копнин, М.В. Попович. – М.: Наука, 1965. – 360 с.

332. Лоренц, Д.В. Виндикация: юридическая природа и проблемы реализации: монография / Д.В. Лоренц. – М.: Инфра-М, 2011. – 164 с.

333. Лукашук, И.И. Механизм международно-правового регулирования: учеб. пособие / И.И. Лукашук. – Киев: Вища школа, 1980. – 165 с.

334. Лукашук, И.И. Нормы международного права в правовой системе России: учеб.-практич. Пособие / И.И. Лукашук. – М.: Спарк, 1997. – 90 с.

335. Лукьяненко, М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность / М.Ф. Лукьяненко. – М.: Статут, 2010. – 423 с.

336. Майданов, А.С. Методология научного творчества / А.С. Майданов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 508 с.

337. Майданов, А.С. Процесс научного творчества. Философско-методологический анализ / А.С. Майданов. – М.: Наука, 1983. – 204 с.

338. Майданов, А.С. Интеллект решает неординарные проблемы / А.С. Майданов. – М.: ИФРАН, 1998. – 320 с.

339. Маковский, А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006) / А.Л. Маковский. – М.: Статут, 2010. – 736 с.

340. Макроэкономика: учебник / под ред. С.Ф. Серегиной. – М.: Юрайт, 2018. – 527 с.

341. Малахов, В.П. Формальная логика: учебник / В.П. Малахов. – М.: Акад. проект, 2001. – 378, [1] с.

342. Малахов, В.П. Философия права: учеб. пособие / В.П. Малахов. – М.: Юнити-Дана, 2007. – 336 с.

343. Мальцев, Г.В. Социальная справедливость и право / Г.В. Мальцев. – М.: Мысль, 1977. – 255 с.

344. Мальцев, Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 800 с.

345. Маркс, К. Сочинения. Т. 19 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. – 670 с.

346. Марченко, М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник / М.Н. Марченко. – М.: ТК Велби : Проспект, 2008. – 768 с.

347. Маслоу, А.Х. Мотивация и личность / А.Х. Маслоу. – М.: Питер, 2014. – 351 с.

348. Матвеева, Т.Ю. Макроэкономика: учебник: в 2 ч. Ч. 1 / Т.Ю. Матвеева, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. – 438 с.

349. Маховикова. Г.А. Экономическая теория: учебник и практикум / Г.А. Маховикова, Г.М. Гукасьян, В.В. Амосова. – М.: Юрайт, 2019. – 443 с.

350. Мачковский, Г.И. Русско-французский юридический словарь / Г.И. Мачковский. – М.: ABBYYPress, 2009. – 408 с.

351. Мачковский, Г.И. Французско-русский юридический словарь / Г.И. Мачковский. – М.: ABBYYPress, 2009. – 554 с.

352. Международное частное право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. С.Н. Лебедева, Е.В. Кабатовой. – М.: Статут, 2011. – 400 с.

353. Мейер, Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер. – М.: Статут, 2000. – 831 с.

354. Менгер, К. Основания политической экономии / К. Менгер; пер. Г. Тикчина и И. Абезгуза; под. ред. Р.М. Орженцкого. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. – 495 с.

355. Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н.Ю. Рассказова. – М.: Статут, 2013. – 987, [1] с.

356. Мотовиловкер, Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права / Е.Я. Мотовиловкер. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 136 с.

357. Муромцев, С.А. Гражданское право Древнего Рима / С.А. Муромцев. – М.: Статут, 2003. – 685 с.

358. Назаров, С.Н. Надзорная деятельность: этапы развития, сферы реализации, правовая форма / С.Н. Назаров; под ред. Д.Ю. Шапсугов. – Ростов н/Д.: Изд-во АПСН СКНЦ ВШ, 2005. – 180 с.

359. Немецко-русский юридический словарь/ под ред. П.И. Гришаева, М. Беньямина. – М.: АБИ Пресс, 2010. – 616 с.

360. Новосёлова, А.А. Вещные иски: проблемы теории и практики: монография / А.А. Новосёлова, Т.П. Подшивалов. – М.: Инфра-М, 2014. – 279 с.

361. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 3 / отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало-М, 2002. – 518 с.

362. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

363. Орлов, С.В. Человек и его потребности: учеб. пособие / С.В. Орлов. – СПб.: Питер, 2006. – 160 с.

364. Параскевова, С.А. Понятие и социальная сущность гражданского правонарушения: теоретические проблемы / С.А. Параскевова. – М.: УМиИЦ «Учебная литература», 2009. – 330 с.

365. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; пер с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

366. Пахман, С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 1. Собственность, обязательства и средства судебного охранения / С.В. Пахман. – СПб., 1877. – 447 с.

367. Перевалов, В.Д. Теория государства и права: учебник / В.Д. Перевалов. – М.: Высш. образование, 2008. – 379 с.

368. Петрушкин, В.А. Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости: монография / В.А. Петрушкин. – М.: Статут, 2014. – 285 с.

369. Петюкова, О.Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах: монография / О.Н. Петюкова. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2012. – 351 с.

370. Пиляева, В.В. Гражданское право. Части общая и особенная: учебник / В.В. Пиляева. – М.: КноРус, 2011. – 998 с.

371. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П.В. Крашенинникова. – М., 2011. – 1326 с.

372. Прангишвили, И.В. Системный подход и общесистемные закономерности / И.В. Прангишвили. – М.: Синтег, 2000. – 521 с.

373. Предпринимательское право России: учебник / В.С. Белых, Г.Э. Берсункаев, С.И. Виниченко [и др.]; отв. ред. В.С. Белых. – М.: Проспект, 2009. – 656 с.

374. Предпринимательское право: учебник / отв. ред. В.Г. Голубцов; Пермский гос. нац. исслед. ун-т, юрид. фак. – М.: Статут, 2021. – 444 с.

375. Принципы гражданского права и их реализация: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Г.С. Демидовой. – М.: Проспект, 2017. – 352 с.

376. Проблемы методологии и методики правоведения / ред. Д.А. Керимов [и др.]. – М.: Мысль, 1974. – 205 с.

377. Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – 823 с.

378. Пронина, М.П. Презумпции в современном российском праве: монография / М.П. Пронина; под ред. А.П. Кузнецова. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 148 с.

379. Протасов, В.Н. Правоотношение как система / В.Н. Протасов. – М.: Юрид. лит., 1991. – 143 с.

380. Пугинский, Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б.И. Пугинский. – М.: Юрид. лит, 1984. – 224 с.

381. Пугинский, Б.И. Коммерческое право России: учебник / Б.И. Пугинский. – М.: Зерцало-М, 2005. – 328 с.

382. Пьянов, Н.А. Государственное регулирование общественных отношений: вопросы теории: монография / Н.А. Пьянов. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – 221 с.

383. Пьянов, Н.А. Теория государства и права: в 2 ч. Ч. 2. Теория права: учеб. пособие / Н.А. Пьянов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. – 391 с.

384. Пьянов, Н. А. Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений: монография / Н.А. Пьянов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – 249 с.

385. Ражков, Р.А. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей: монография / Р.А. Ражков, Е.П. Чорновол. – Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2007. – 152 с.

386. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – М.: Инфра-М, 2011. – 512 с.

387. Райл, Г. Понятие сознания / Г. Райл; пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 408 с.

388. Ракитов, А.И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход / А.И. Ракитов. – М.: Политиздат, 1982. – 303 с.

389. Рассолов, М.М. Теория государства и права: учебник для вузов / М.М. Рассолов. – М.: Юрайт; Высш. образование, 2010. – 635 с.

390. Рахмилович, В.А. Гражданское право как предмет законодательной компетенции Российской Федерации и ее субъектов / В.А. Рахмилович // Рахмилович В.А. Избранное. – М.: Юстицинформ, 2005. – С. 7–18.

391. Резник, Ю.М. Введение в социальную теорию: Социальная системология / Ю.М. Резник. – М.: Наука, 2003. – 525 с.

392. Ровный, В.В. Обычай в частном праве: науч. изд. / В.В. Ровный. – Иркутск: Иркут. ун-т, 2004. – 76 с.

393. Ровный, В.В. Теоретические вопросы передачи вещи: монография / В.В. Ровный. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. – 195 с.

394. Рожкова, М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения / М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2009. – 332 с.

395. Розова, С.С. Классификационная проблема в современной науке / С.С. Розова. – Новосибирск: Наука, 1986. – 224 с.

396. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2016. – 958 с.

397. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные прав / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – 958 с.

398. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. II. Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2015. – 1208 с.

399. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.

400. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юрид. лит., 1985. – 520 с.

401. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. – М.: Юрид. лит., 1985. – 512 с.

402. Рузавин, Г.И. Методология научного исследования: учеб. пособие / Г.И. Рузавин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 316, [1] с.

403. Рузавин, Г.И. Логика и аргументация: учеб. пособие / Г.И. Рузавин. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. – 351 с.

404. Рузавин, Г.И. Методология научного познания / Г.И. Рузавин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 287 с.

405. Румянцева, Е.Е. Новая экономическая энциклопедия / Е.Е. Румянцева. – М.: Инфра-М, 2013. – 882 с.

406. Руткевич, М.Н. Структура как философская категория / М.Н. Руткевич // Категория структуры в системе философских категории. – Свердловск, 1973. – С. 3–13.

407. Саати, Т. Аналитическое планирование. Организация систем / Т. Саати, К. Кернс; пер. с англ. Р.Г. Вачнадзе, под ред. И.А. Ушакова. – М.: Радио и связь, 1991. – 224 с.

408. Сагатовский, В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий / В.Н. Сагатовский. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – 432 с.

409. Седова, Ж.И. Унифицированная правовая форма международного юридического лица. Тенденции развития международных экономических отношений: монография / Ж.И. Седова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. – 244 с.

410. Селевко, Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. Т. 2 / Г.К. Селевко. – М.: НИИ школьных технологий, 2006. – 816 с.

411. Сериков, Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / Ю.А. Сериков; науч. ред. В.В. Ярков. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 184 с.

412. Сетров, М.И. Основы функциональной теории организации: филос. Очерк / М.И. Сетров. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – 164 с.

413. Сидоров, В.А. Общая экономическая теория: учебник для студентов высших учебных заведений / В.А. Сидоров, Е.Л. Кузнецова, А.В. Болик [Электронный ресурс]. – Майкоп: ЭлИТ, 2017. – Режим доступа: http://201824.selcdn.ru/elit-050/index.html (дата обращения: 30.04.2025).

414. Синайский, В.И. Русское гражданское право / В.И. Синайский. – М.: Статут, 2002. – 638 с.

415. Скловский, К.И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. – М.: Дело, 1999. – 512 с.

416. Словарь-справочник терминов и определений понятий модельного законодательства государств – участников СНГ / под ред. М.А. Вуса и В.В. Бондуровского. – СПб.: Юридический Центр-Пресс, 2012. – 360 с.

417. Современный словарь иностранных слов. – СПб.: Дуэт, 1994. – 752 с.

418. Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. – М.: Академический Проект, 2004. – 864 с.

419. Соколов, В.А. Мирный договор – основная правовая форма восстановления послевоенных отношений между государствами / В.А. Соколов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1965. – 192 с.

420. Социология. Основы общей теории: учеб. пособие / под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 461 с.

421. Степанченко, А.В. Правовое регулирование гражданского оборота иностранной валюты в Российской Федерации: монография / А.В. Степанченко. – М.: Проспект, 2019. – 160 с.

422. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М.: Прогресс–Традиция, 2003. – 744 с.

423. Суворов, Н.С. Об юридических лицах по римскому праву / Н.С. Суворов. – М.: Статут, 2000. – 298 с.

424. Суслова, С.И. Жилищные отношения и их правовые формы / С.И. Суслова. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 376 с.

425. Суханов, Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2017. – 560 с.

426. Сырых, В.М. Материалистическая философия частного права: монография / В.М. Сырых. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 552 с.

427. Сырых, В.М. Метод правовой науки (Основные элементы, структура) / В.М. Сырых. – М.: Юрид. лит., 1980. – 176 с.

428. Сырых, В.М. Теория государства и права: учебник для вузов / В.М. Сырых. – М.: Юстицинформ, 2005. – 704 с.

429. Тарасенко, Ф.Н. Прикладной системный анализ: учеб. пособие / Ф.Н. Тарасенко. – М.: КНОРУС, 2010. – 224 с.

430. Теория государства и права: учебник / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М.: Инфра-М–Нома, 1997. – 570 с.

431. Теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 1996. – 472 с.

432. Ткаченко, Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений / Ю.Г. Ткаченко. – М.: Юрид. лит., 1980. – 176 с.

433. Тонков, Е.Е. Трансформация юридических форм государственной деятельности в период экономического кризиса / Е.Е. Тонков. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 336 с.

434. Трубецкой, Е.Н. Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой. – СПб.: Лань, 1999. – 224 с.

435. Тугаринов, В.П. Философия сознания (современные вопросы) / В.П. Тугаринов. – М.: Мысль, 1971. – 199 с.

436. Уемов, А.И. Вещи, свойства и отношения / А.И. Уемов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 184 с.

437. Уемов, А. Общая теория систем для гуманитариев: учеб. пособие / А. Уемов, И. Сараева, А. Цофнас; под общ. ред. А.И. Уемова. – Бм., 2000. – 338 с.

438. Уемов, А.И. Системный подход и общая теория систем / А.И. Уемов. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.

439. Ушаков, Е.В. Введение в философию и методологию науки: учебник / Е.В. Ушаков. – М.: Экзамен, 2005. – 528 с.

440. Фаткуллин, Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 336 с.

441. Филиппова, С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права / С.Ю. Филиппова. – М.: Статут, 2013. – 350 с.

442. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

443. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М.: Инфра-М, 2002. – 576 с.

444. Финансовый мониторинг: учеб. пособие / под ред. Ю.А. Чиханчина, А.Г. Братко. – М.: Юстицинформ, 2018. Т. 1. – 695 с.

445. Халфина, Р.О. Право как средство социального управления / Р.О. Халфина. – М.: Наука, 1988. – 256 с.

446. Хвостов, В.М. Общая теория права. Элементарный очерк / В.М. Хвостов. – М.: Университет. тип., 1905. – 212 с.

447. Цвайгерт, К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. I. Основы / К. Цвайгерт, Х. Кётц; пер. с нем. – М.: Междунар. отношения, 2000. – 480 с.

448. Чеговадзе, Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения / Л.А. Чеговадзе. – М.: Статут, 2004. – 542 с.

449. Челышев, М.Ю. Взаимодействие гражданского и налогового права в регулировании отношений с участием предпринимателей / М.Ю. Челышев. – М.: Статут, 2014. – 160 с.

450. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрайт-М, 2002. – 432 с.

451. Чечина, Н.А. Норма права и судебное решение / Н.А. Чечина. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. – 78 с.

452. Чиркин, В.Е. Юридическое лицо публичного права / В.Е. Чиркин. – М.: НОРМА, 2007. – 351 с.

453. Чубаров, В.В. Проблемы правового регулирования недвижимости / В.В. Чубаров. – М.: Статут, 2006. – 336 с.

454. Шептулин, А.П. Диалектический метод познания / А.П. Шептулин. – М.: Политиздат, 1983. – 320 с.

455. Шершеневич, Г.Ф. Задачи и методы гражданского правоведения / Г.Ф. Шершеневич. – Казань: Типо-литогр. Императ. ун-та, 1898. – 46 с.

456. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права. Т. 1: Введение. Торговые деятели / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Статут, 2003. – 480 с.

457. Юдин, Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки / Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1978. – 391 с.

458. ЮНСИТРАЛ, НССН и УНИДРУА. Правовое руководство по единообразным документам в области международных коммерческих договоров с уделением особого внимания купле-продаже. Вена: ООН, 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/20-04609_ebook-russian.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

459. Яковлев, А.М. Социальная структура общества: учебник / А.М. Яковлев. – М.: Экзамен, 2002. – 384 с.

460. Яковлев, В.Н. Древнеримское частное право и современное российское гражданское право: учебник / В.Н. Яковлев. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 960 с.

461. Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев. – М.: Статут, 2006. – 240 с.

462. Kettler, St. H. Wörterbuch der Rechts- und Wirtschaftssprache=Словарь юридических и экономических терминов. Band I. Rrussisch-deutsch / St. H. Kettler, Yu. Kiseleva. – München: Verlag C. H. Beck, 2006. – 419 s.

463. Kettler, St. H. Wörterbuch der Rechts- und Wirtschaftssprache=Словарь юридических и экономических терминов. Band II. Deutsch-russisch / St. H. Kettler, Yu. Kiseleva. – München: Verlag C. H. Beck, 2006. – 442 s.

464. Regelsberger, F. Pandekten. Band 1 / F. Regelsberger. – Leipzig, 1893. – XVIII, 717 s. [Электронный ресурс] // Digital library; Max-Planck-Institut für europäische Rechtsgeschichte. – Режим доступа: http://dlib-pr.mpier.mpg.de.

465. Voirin, P. Droit civil. T. 1. Personnes – Famille – Personnes protégées – Bien – Obligations – Sûretés / P. Voirin, G. Goubeaux. – 32e édition. – Paris. L.G.D.J – Lextenso édition, 2009. – 790 p.

Диссертации

466. Агапеева, Е.В. Ценные бумаги как объекты гражданского оборота по законодательству России и США (сравнительно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.В. Агапеева. – М., 2006. – 176 с.

467. Апаликов, Н.С. Форвардный договор в гражданском обороте и практике правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.С. Апаликов. – М., 2009. – 217 с.

468. Аракелян, А.Ю. Справедливость в российском гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.Ю. Аракелян. – Краснодар, 2008. – 225 с.

469. Асланян, Н.П. Основные начала российского частного права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Н.П. Асланян. – М., 2001. – 365 с.

470. Астахова, М.А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.А. Астахова. – Тюмень, 2007. – 182 с.

471. Бабайцева, Е.А. Коммерческая организация как юридическая форма осуществления права на занятие предпринимательской деятельностью: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.А. Бабайцева. – Волгоград, 2004. – 204 с.

472. Байбак, В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.В. Байбак. – СПб., 2004. – 201 с.

473. Бакшинскас, В.Ю. Акционерное общество как правовая форма объединения капиталов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.Ю. Бакшинскас. – М., 1997. – 221 с.

474. Баранов, В.М. Гражданско-правовое регулирование оборота природных ресурсов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.М. Баранов. – М., 2006. – 163 с.

475. Баранова, Е.А. Оборот недвижимости в российском и германском праве: сравнительное исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.А. Баранова. – М., 2005. – 234 с.

476. Батурина, Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ю.Б. Батурина. – М., 2001. – 149 с.

477. Беликова, К.М. Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03 / К.М. Беликова. – М., 2012. – 438 с.

478. Белова, Т.В. Правовое регулирование защиты информации и прав на нее в гражданском обороте: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Т.В. Белова. – М., 2006. – 181 с.

479. Беляев, В.П. Надзор как правовая форма государственной деятельности: общетеоретические проблемы: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.П. Беляев. – Белгород, 2000. – 183 с.

480. Бикетова, Т.А. Патентные права как объект гражданских прав и монополия в гражданском обороте РФ: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Т.А. Бикетова. – М., 2005. –157 с.

481. Блауберг, И.В. Философско-методологические проблемы системного исследования: дис. … д-ра филос. наук: 09.00.08 / И.В. Блауберг. – М., 1983. – 306 с.

482. Бритвин, С.Н. Арендные права и их гражданский оборот: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.Н. Бритвин. – Волгоград, 2006. – 182 с.

483. Бронникова, М.Н. Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.Н. Бронникова. – Самара, 2006. – 205 с.

484. Васнев, О.Г. Правовое регулирование оборота культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.Г. Васнев. – Краснодар, 2006. – 184 с.

485. Виниченко, Ю.В. Разумность в гражданском праве России: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ю.В. Виниченко. – Иркутск, 2003. – 190 с.

486. Волынкина, М.В. Гражданско-правовая форма инновационной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / М.В. Волынкина. – М., 2007. – 331 с.

487. Вятчин, В.А. Роль неустойки в условиях свободы договора: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.А. Вятчин. – Саратов, 1999. – 209 с.

488. Галеева, Р.Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р.Ф. Галеева. – М., 2011. – 182 с.

489. Головизнин, А.В. Гражданско-правовое регулирование оборота культурных ценностей: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Головизнин. – Екатеринбург, 2006. – 226 с.

490. Грекова, И.Л. Формуляр в международном гражданском и торговом обороте: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.Л. Грекова. – Саратов, 2007. – 194 с.

491. Даниелян, А.М. Содержание и форма социалистического права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А.М. Даниелян. – Ереван, 1971. – 415 с.

492. Добряков, Г.Э. Оборот исключительного права в Интернет-среде: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Г.Э. Добряков. – М., 2011. – 172 с.

493. Долгаев, С.Е. Правовое регулирование оборота ценных бумаг: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.Е. Долгаев. – Самара, 2002. – 220 с.

494. Дранников, А.В. Уголовная ответственность за контрабанду предметов, ограниченных в гражданском обороте: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Дранников. – Ростов н/Д., 2000. – 221 с.

495. Евстафьева, И.В. Правовое регулирование международного оборота имущественных авторских прав: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.В. Евстафьева. – Саратов, 2012. – 208 с.

496. Ельникова, Е.В. Гражданско-правовой оборот земельных участков под строениями в России: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.В. Ельникова. – Волгоград, 2006. – 196 с.

497. Еремкина, Т.А. Договор аренды и его роль в гражданском обороте: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Т.А. Еремкина. – М., 2008. – 169 с.

498. Ершова, И.В. Правовой режим государственного имущества в хозяйственном обороте: Теоретические основы и пути совершенствования: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03 / И.В. Ершова. – М., 2001. – 445 с.

499. Жернаков, Д.В. Правовой режим земельных участков как объектов гражданского оборота: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Д.В. Жернаков. – Екатеринбург, 2005. – 192 с.

500. Жуков, А.С. Правовое регулирование оборота эмиссионных бездокументарных именных ценных бумаг в законодательстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.С. Жуков. – Ростов н/Д., 2005. – 183 с.

501. Зинковский, М.А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере оборота драгоценных металлов в обезличенной форме: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.А. Зинковский. – Белгород, 2010. – 170 с.

502. Илюшина, М.Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03 / М.Н. Илюшина. – М., 2012. – 522 с.

503. Инжиева, Б.Б. Участие государства в современном гражданском обороте: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Б.Б. Инжиева. – Элиста, 2013. – 201 с.

504. Калентьева, Т.А. Правовые формы реализации экономической функции Российского государства в условиях перехода к рыночным отношениям: дис. ... канд. юрид. наук:12.00.01 / Т.А. Калентьева. – Самара, 2000. – 235 с.

505. Каримов, М.Р. Роль предварительного договора в формировании договорных условий участников гражданского оборота: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.Р. Каримов. – М., 2002. – 169 с.

506. Козлова, Н.В. Правосубъектность юридического лица по российскому гражданскому праву: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Н.В. Козлова. – М., 2004. – 449 с. + Прил. (с.450–735).

507. Койчуев, А.А. Гражданско-правовые средства регулирования оборота ценных бумаг: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.А. Койчуев. – Ставрополь, 2005. – 197 с.

508. Корецкий, А.Д. Теория договорного регулирования гражданско-правовых отношений: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03 / А.Д. Корецкий. – Ростов н/Д., 2007. – 492 с.

509. Королева, И.Н. Парламентский регламент как правовая форма регулирования порядка деятельности представительного органа государственной власти: российская и зарубежные модели: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / И.Н. Королева. – М., 2007. – 173 с.

510. Куликова, А.А. Казенное предприятие как правовая форма реализации государственной и муниципальной собственности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.А. Куликова. – Ростов н/Д., 2014. – 185 с.

511. Лапина, О.Е. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / О.Е. Лапина. – М., 2003. – 149 с.

512. Ласточкина, М.С. Уголовно-правовая защита средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.С. Ласточкина. – М., 2010. – 201 с.

513. Маленко, В.С. Гражданско-правовое регулирование земельного оборота с иностранным элементом: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.С. Маленко. – М, 2007. – 161 с.

514. Мамажанов, К.С. Участие в гражданском обороте лиц, осужденных к лишению свободы в Кыргызской Республике: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / К.С. Мамажанов. – СПб., 2011. – 241 с.

515. Матвеев, Д.А. Гражданско-правовое регулирование оборота складских свидетельств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Д.А. Матвеев. – М., 2011. – 216 с.

516. Морозов, А.А. Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.А. Морозов. – М., 2010. – 181 с.

517. Мохрат, П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03 / П.М. Мохрат. – М., 2018. – 420 с.

518. Мурзин, Д.В. Виндикационная модель защиты абсолютных имущественных прав в российском гражданском праве: дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.3 / Д.В. Мурзин. – Екатеринбург, 2022. – 388 с.

519. Нгуен, Куанг Тхыонг Методы и модели надежности, эффективности и безопасности сложных технических систем в конфликтных ситуациях: дис. ... д-ра техн. наук: 05.13.16 / Куанг Тхыонг Нгуен. – М., 1999. – 322 с.

520. Некрестьянов, Д.С. Гражданско-правовое регулирование оборота объектов незавершенного строительства: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Д.С. Некрестьянов. – СПб., 2005. – 225 с.

521. Новикова, Т.В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Т.В. Новикова. – Краснодар. 2008. – 192 с.

522. Олимова, Р.М. Гражданско-правовое регулирование оборота драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р.М. Олимова. – Казань, 2005. – 189 с.

523. Пантюхин, А.В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с контрабандой товаров, не ограниченных в гражданском обороте: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Пантюхин. – М., 2005. – 195 с.

524. Пасикова, Т.А. Особенности гражданского оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Т.А. Пасикова. – Краснодар, 2008. –199 с.

525. Петров, Е.Ю. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним в гражданском обороте недвижимости: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.Ю. Петров. – Екатеринбург, 2001. – 188 с.

526. Петрушкин, В.А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики: дисс. … д-ра юрид. наук: 12.00.03 / В.А. Петрушкин. – М., 2014. – 417 с.

527. Петюкова, О.Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01 / О.Н. Петюкова. – М., 2011. – 494 с.

528. Полуяхтов, И.А. Гражданский оборот имущественных прав: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.А. Полуяхтов. – Екатеринбург, 2002. – 183 с.

529. Попов, А.В. Товарищество собственников жилья как юридическая форма, опосредующая правомочия собственников помещений в многоквартирном доме: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Попов. – Волгоград, 2006. – 188 с.

530. Попов, В.К. Гражданско-правовые формы реализации материальных интересов в агропромышленном комплексе СССР: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / В.К. Попов. – Харьков, 1983. – 400 с.

531. Попова, А.В. Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: Законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран-членов Европейского Союза: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Попова. – М., 2005. – 195 с.

532. Ражков, Р.А. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р.А. Ражков. – Иркутск, 2007. – 220 с.

533. Романова, В.В. Правовое регулирование оборота земельных участков: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.06 / В.В. Романова. – М., 2005. – 232 с.

534. Рутковская, О.А. Драгоценные металлы и драгоценные камни как объекты гражданского оборота на внутреннем и международном рынках: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.А. Рутковская. – М., 2013. –189 с.

535. Рябко, А.И. Социальный контроль и его правовые формы: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.И. Рябко. – М., 1995. – 181 с.

536. Савельева, О.Ю. Недействительность сделок в гражданском обороте: теория и практика: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.Ю. Савельева. – Рязань, 2003. – 180 с.

537. Салимзянов, Б.И. Обеспечительная функция предварительного договора в сфере оборота недвижимости: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Б.И. Салимзянов. – Казань, 2013. – 159 с.

538. Смольянинов, Е.С. Уголовно-правовые средства борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием организационно-правовых форм юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.С. Смольянинов. – М., 2000. – 174 с.

539. Степанченко, А.В. Правовое регулирование гражданского оборота иностранной валюты в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Степанченко. – Екатеринбург, 2018. – 210 с.

540. Тарасов, Н.Н. Методологические проблемы современного правоведения: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Н.Н. Тарасов. – Екатеринбург, 2002. – 342 с.

541. Токарев, Е.А. Вексельные обязательства и их действие в гражданском обороте Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.А. Токарев. – Томск, 2001. – 181 с.

542. Токарева, Е.В. Товарищество собственников жилья как социально-правовая форма объединения граждан по месту жительства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.В. Токарева. – Волгоград, 2012. – 190 с.

543. Томилова, Л.Н. Правовые формы и способы участия муниципального образования в предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Л.Н. Томилова. – Саратов, 2003. – 235 с.

544. Ушницкий, Р.Р. Гражданско-правовая форма корпоративного отношения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р.Р. Ушницкий. – Якутск, 2013. – 203 с.

545. Филимонов, Н.С. Правовое регулирование гражданского оборота лесных участков (на примере аренды и сервитута): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.С. Филимонов. – М., 2010. – 182 с.

546. Формакидов, Д.А. Договорное регулирование жилищных отношений в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.3 / Д.А. Формакидов. – Пермь, 2022. – 582 с.

547. Харатян, А.Ж. Регулирование оборота валютных ценностей: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.Ж. Харатян. – М., 2000. – 207 с.

548. Цуглаева, Н.В. Гражданско-правовой оборот музейных предметов и коллекций: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.В. Цуглаева. – Волгоград, 2013. – 175 с.

549. Шаповалова, Е.В. Гражданско-правовые формы оборота информации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.В. Шаповалова. – М., 2008. – 240 с.

550. Швабауэр, А.В. Государственная регистрация прав, обременений прав и сделок в гражданском обороте недвижимого имущества: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Швабауэр. – СПб, 2011. – 227 с.

551. Шиткина, И.С. Правовое регулирование деятельности акционерных обществ внутренними локальными документами: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.С. Шиткина. – М., 1997. – 297 с.

552. Эбзеев, Б.Б. Участие акционерных обществ в гражданском обороте: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Б.Б. Эбзеев. – М., 2001. – 249 с.

Авторефераты диссертаций

553. Астахова, М.А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.А. Астахова. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.

554. Багрова, Н.В. Индивидуальное правовое регулирование имущественных отношений супругов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.В. Багрова. – Томск, 2019. – 28 с.

555. Богданова, Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Е.Е. Богданова. – М., 2010. – 63 с.

556. Бритвин, С.Н. Арендные права и их гражданский оборот: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.Н. Бритвин. – Волгоград, 2006. – 28 с.

557. Василенко, Е.В. Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.В. Василенко. – Краснодар, 2012. – 27 с.

558. Галеева, Р.Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р.Ф. Галеева. – М., 2011. – 30 с.

559. Гена, Е.И. Собственность граждан и юридические формы ее реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.И. Гена. – М., 1993. – 19 с.

560. Егоров, Ю.П. Правовой режим сделок как средство индивидуального гражданско-правового регулирования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Ю.П. Егоров. – Екатеринбург, 2004. – 50 с.

561. Журина, И.Г. Гражданско-правовой статус саморегулируемых организаций в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.Г. Журина. – М., 2009. – 25 с.

562. Зинковский, М.А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере оборота драгоценных металлов в обезличенной форме: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.А. Зинковский. – Краснодар, 2010. – 18 с.

563. Иванова, С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01, 12.00.03 / С.А. Иванова. – Владимир, 2006. – 45 с.

564. Карцхия, А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / А.А. Карцхия. – М., 2019. – 44 с.

565. Константинов, С.А. Устойчивость как атрибут социального сознания (на материалах исследования студенчества): автореф. дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.06 / С.А. Константинов. – Саратов, 1994. – 16 с.

566. Кропачев, Н.М. Механизм уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / М.Н. Кропачев. – СПб., 2000. – 59 с.

567. Кузнецова, О.А. Презумпции в российском гражданском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.А. Кузнецова. – Екатеринбург, 2002. – 23 с.

568. Лачуев, К.Г. Законодательство субъектов Российской Федерации как источник гражданского права России: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / К.Г. Лачуев. – М., 2006. – 33 с.

569. Лескова, Ю.Г. Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Ю.Г. Лескова. – М., 2013. – 60 с.

570. Лысак, И.В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека: автореф. дис. … д-ра философ. наук.: 09.00.13 / И.В. Лысак. – Ростов н/Д., 2007. – 47 с.

571. Мазур, О.В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.В. Мазур. – СПб., 2012. – 23 с.

572. Майдаровский, Д.В. Предварительный договор и заключение основного договора в российском гражданском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Д.В. Майдаровский. – Ростов н/Д., 2011. – 29 с.

573. Максимович, О.Н. Саморегулирование в сфере предпринимательской деятельности как проявление гражданско-правового метода регулирования общественных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.Н. Максимович. – Казань, 2007. – 21 с.

574. Минникес, И.А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / И.А. Минникес. – Екатеринбург, 2009. – 55 с.

575. Михайлова, Н.С. Оборотоспособность вещей в гражданском праве и роль актов органов внутренних дел Российской Федерации в ее реализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.С. Михайлова. – СПб., 2007. – 19 с.

576. Морозов, А.А. Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.А. Морозов. – М., 2010. – 24 с.

577. Мосин, С.А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис. …канд. юрид. наук: 12.00.02 / С.А. Мосин. – М., 2007. – 22 с.

578. Налетов, К.И. Лицензирование и договорно-правовые формы пользования недрами в РФ и за рубежом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / К.И. Налетов. – М., 2006. – 26 с.

579. Нургалиева, Е.Н. Механизм правового регулирования трудовых отношений в условиях многоукладной экономики. По материалам России и Казахстана: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05 / Е.Н. Нургалиева. – СПб., 1993. – 28 с.

580. Пленкин, Ю.В. Изоляция осужденных к лишению свободы – признак наказания и правовая форма государственного принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ю.В. Пленкин. – Рязань, 2005. – 26 с.

581. Потапов, В.А. Корпоративные нормативные акты как вид локальных актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.А. Потапов. – М., 2006. – 24 с.

582. Пронина, М.П. Презумпции в современном российском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.П. Пронина. – Н. Новгород, 2010. – 29 с.

583. Ражков, Р.А. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р.А. Ражков. – Иркутск, 2007. – 23 с.

584. Рутковская, О.А. Драгоценные металлы и драгоценные камни как объекты гражданского оборота на внутреннем и международном рынках: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.А. Рутковская. – М., 2013. – 29 с.

585. Самакэ, Исса. Международный договор как основная международно-правовая форма экономического сотрудничества стран Африки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Исса Самакэ. – Киев, 1971. – 17 с.

586. Семякин, М.Н. Государственные стандарты и особые условия как специфические правовые формы регулирования отношений поставки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.Н. Семякин. – Свердловск, 1978. – 22 с.

587. Сергеев, А.П. Правовой режим бесхозяйного и бесхозяйственно содержимого имущества: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.П. Сергеев. – Л., 1982. – 24 с.

588. Смагина, Е.С. Теоретико-практические проблемы участия государства в современном цивилистическом процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.3 / Е.С. Смагина. – Саратов, 2022. – 49 с.

589. Татаринцева, К.Н. Ограничения прав участников рынка ценных бумаг при обороте акций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / К.Н. Татаринцева. – М., 2013. – 25 с.

590. Татарников, А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Татарников. – М., 2010. – 30 с.

591. Челышев, М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: Цивилистическое исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03 / М.Ю. Челышев. – Казань, 2009. – 40 с.

592. Шаповалова, Е.В. Гражданско-правовые формы оборота информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.В. Шаповалова. – М., 2008. – 26 с.

593. Шаханов, В.В. Правовые парадигмы: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.В. Шаханов. – Владимир, 2005. – 26 с.

594. Шевырин, Е.К. Тип правового регулирования: теоретические и практические проблемы: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е.К. Шевырин. – Н. Новгород, 2008. – 25 с.

Научные статьи

595. Агарков, М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. II. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – С. 333–360.

596. Алгазинова, Е.Э. Правоотношение как юридическая форма осуществления расходов организаций в целях налогообложения прибыли / Е.Э. Алгазинова // Современные проблемы теории налогового права (The Modern Problems of Tax Law Theory): материалы междунар. науч. конф. (Воронеж, 4–6 сент. 2007 г.). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. – С. 390–396.

597. Алексеев, Д.Б. Финансовый контроль как самостоятельная организационно-правовая форма государственной контрольной деятельности / Д.Б. Алексеев // Бизнес в законе. – 2013. – № 6. – С. 182–187.

598. Алексеев, С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования / С.С. Алексеев // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. – М.: Статут, 2001. – С. 54–68.

599. Алексий, П.В. Администрирование гражданского оборота / П.В. Алексий, В.Н. Васин // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 6. – С. 88–90.

600. Алимжан, К.А. Обычай как источник права в правовой системе Республики Казахстан / К.А. Алимжан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.yurclub.ru/docs/civil/article73.html (дата обращения: 30.04.2025).

601. Алтухова, С.М. «Обычные условия гражданского оборота» и «обычный предпринимательский риск» как критерии оценки поведения лиц, входящих в состав органа юридического лица / С.М. Алтухова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – № 3(26). – С. 38–43.

602. Альтшулер, А.Б. Новая международно-правовая форма экономического сотрудничества / А.Б. Альтшулер // Советское государство и право. – 1964. – № 10. – С. 54–65.

603. Амирова, М.А. Понятие «Общепризнанные принципы и нормы международного права» в целях применения для защиты прав человека в Российской Федерации / М.А. Амирова // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 4. – С. 7–11.

604. Анисимов, А.П. Правовой режим земельных участков: новый межотраслевой подход к соотношению норм гражданского и земельного права / А.П. Анисимов, А.И. Мелихов // Право и экономика. – 2008. – № 12. – С. 4–8.

605. Антонов, Я.В. Политико-правовые проблемы развития механизмов электронной демократии в Российской Федерации / Я.В. Антонов // Российская юстиция. – 2017. – № 7. – С. 5–8.

606. Аполлонов, А. Водные объекты в гражданском обороте / А. Аполлонов, Э. Страунинг // Закон. – 2001. – № 5. – С. 45–47.

607. Аристаков, Ю.М. Социалистические концерны – новая организационно-правовая форма развития самостоятельности предприятия / Ю.М. Аристаков //

Экономико-правовые проблемы перестройки хозяйственного механизма. – М: Изд-во ИГиП АН СССР., 1989. – С. 63–66.

608. Аристов, Е.В. К вопросу о формировании и развитии права роботов (правового регулирования робототехники) / Е.В. Аристов, О.А. Кузнецова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательское право; право и управление. – 2018. – № 8 (99). – С. 58–62.

609. Артеменко, Н.В. Правовые формы государственного регулирования предпринимательской деятельности / Н.В. Артеменко // Финансовые и правовые проблемы РФ и пути их решения: теория и практика. Ч. 5. – Иркутск, 2009. – С. 33–35.

610. Архипов, В.В. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности / В.В. Архипов, В.Б. Наумов // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157–170.

611. Асланян, Н.П. Познавательная ситуация в науке международного частного права: критическое осмысление / Н.П. Асланян // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 3. – С. 38–47.

612. Асланян, Н.П. «Комплексная отрасль права» как терминологическое недоразумение / Н.П. Асланян // Современное право. – 2024. – № 1. – С. 12–22.

613. Асланян, Н.П. Об отношении к категориям в цивилистической литературе и роли категорий в научном познании / Н.П. Асланян // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 6-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся в рамках Байк. юрид. форума (Иркутск, 21–22 сент. 2017 г.) / под ред. Ю.В. Виниченко, А.П. Ушаковой. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. – С. 6–20.

614. Асланян, Н.П. Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы / Н.П. Асланян // Известия ИГЭА. – 2012. – № 5 (85). – С. 100–108.

615. Астахова, М.А. К вопросу о понятии гражданского оборота / М.А. Астахова // Бюллетень нотариальной практики. – 2006. – № 5. – С. 42–45.

616. Астахова, М.А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности / М.А. Астахова // Бюллетень нотариальной практики. – 2006. – № 4. – С. 2–6.

617. Ахмедова, З.А. Участие некоммерческих организаций в гражданском обороте / З.А. Ахмедова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2003. – № 3. – С. 82–89.

618. Бабаев, А.Б. Проблемы общего учения о гражданском правоотношении / А.Б. Бабаев, В.А. Белов // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 258–263.

619. Байбак, В.В. Реституционные, кондикционные и виндикационные требования в гражданском обороте / В.В. Байбак // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2007. – С. 179–196.

620. Баринов, Н.А. Категория «имущественные потребности» – инновация в гражданском праве / Н.А. Баринов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3 (2). – С. 30–33.

621. Баркова, Л.А. Совершенствование российской правовой модели семейного предпринимательства с учетом зарубежного опыта правоприменения / Л.А. Баркова // Семейное и жилищное право. – 2014. – № 5. – С. 6–9.

622. Батурина, Ю.Б. Понятие «правовая форма» / Ю.Б. Батурина // Научные труды РАЮН. Вып. 3, т. 1. – М.: Юрист, 2003. – С. 36–44.

623. Бедняков, А.А. Организационно-правовые формы вовлечения государственного имущества в гражданский оборот / А.А. Бедняков // Цивилист. Научно-практический журнал. – 2009. – № 1. – С. 27–29.

624. Белов, В.А. «Наследование» и «наследственное правопреемство»: фактическое отношение и его правовая форма / В.А. Белов // Наследственное право. – 2014. – № 1. – С. 6–16.

625. Белов, В.А. Наука гражданского права как система / В.А. Белов // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 161–196.

626. Белов, В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий / В.А. Белов // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2007. – С. 6–77.

627. Белов, В.А. Предметно-методологические проблемы цивилистической науки / В.А. Белов // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 124–160.

628. Белокрылова, О. Филиал как организационно-правовая форма объективизации внутрихозяйственного распределения фонда накопления / О. Белокрылова // Хозяйство и право. – 1994. – № 1. – С. 54–59.

629. Белых, В.С. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование / В.С. Белых, М.А. Егорова // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. – 2019. – № 2 (54). – С. 139–146.

630. Беляев, М.А. Современные парадигмы теории права / М.А. Беляев // Вопросы экономики и права. – 2009. – № 9. – С. 25–29.

631. Беляева, О.А. Чеки в современном гражданском обороте / О.А. Беляева // Журнал российского права. – 2001. – № 3. – С. 137–142.

632. Беляневич, Е.А. Стабильность гражданского оборота: вопросы теории / Е.А. Беляневич // Гражданское право: вызовы времени: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летнему юбилею д-ра юрид. наук, проф. А.Г. Диденко (Алматы, Каспийский университет, 3 о кт.2014 г.) / отв. ред. Е.В. Нестерова. – Алматы: Раритет, 2014. – С. 109–125 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.zakon.kz/4658720-stabilnost-grazhdanskogo-oborota.html.

633. Беневоленская, З.Э. Доверительное управление как правовая форма распоряжения имущества / З.Э. Беневоленская // Закон. – 2005. – № 12. – С. 85–98.

634. Бердашкевич, А. Органы государственной власти как юридические лица / А. Бердашкевич // Законность. – 2000. – № 11. – С. 30–32.

635. Блауберг, И.В. Целостность и система / И.В. Блауберг // Системные исследования. Ежегодник 1977. – М.: Наука, 1977. – С. 5–28.

636. Богдан, В.В. Трансформация частного права: ведение бизнеса в социальной сети / В.В. Богдан // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 42–52.

637. Богдан, В.В. Субъекты права социальных сетей: к вопросу об определении правового статуса пользователей / В.В. Богдан, Л. Лаксми // Известия Юго-

Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2022. – Т. 12, № 5. – С. 28–38.

638. Богдан, В.В. Право социальных сетей (частноправовой аспект) / В.В. Богдан // Пермский юридический альманах. – 2022. – № 5. – С. 133–147.

639. Богдан, В.В. Проблемы формирования нетипичных форм гражданских правоотношений: детский моделинг / В.В. Богдан // Вестник Чеченского государственного университета. – 2020. – №2 (38). – С. 143–150.

640. Богданов, Е. Категория «добросовестности» в гражданском праве / Е. Богданов // Российская юстиция. – 1999. – № 9. – С. 12–14.

641. Богданов, А.В. Условия и основания гражданско-правовой ответственности лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа акционерного общества / А.В. Богданов, А.А. Клячин // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. – 2012. – № 3(17). – С. 62–72.

642. Богданов, Е.А. Участие образовательных учреждений в гражданском обороте / Е.А. Богданов // Законодательство. – 2004. – № 9. – С. 69–75.

643. Бондаренко, Н.Л. Доверие как условие эффективного гражданского оборота / Н.Л. Бондаренко // Пятый пермский международный конгресс ученых-юристов: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 24–25 окт. 2014 г.) / отв. ред. О.А. Кузнецова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 63–65.

644. Борзых, Д.Д. Акции как объект экономического и гражданского оборота / Д.Д. Борзых // Юридический аналитический журнал. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2003. – № 4. – С. 52–57.

645. Боровиковский, А. Право и факт / А. Боровиковский // Журнал министерства юстиции. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1867. – Т. 32. – С. 243–248.

646. Борякова, С.А. Негаторно-правовая форма защиты права собственности / С.А. Борякова // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 15 дек. 2009 г.). – М.: Изд-во СГУ, 2010. – С. 81–85.

647. Братусь, С.Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве (доклад на заседании Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук) / С.Н. Братусь // Советское государство и право. – 1949. – № 11. – С. 70–71.

648. Братусь, С.Н. Хозяйственный договор как гражданско-правовая форма распределения продукции между государственными предприятиями / С.Н. Братусь // Советское государство и право. – 1953. – № 2–3. – С. 74–88.

649. Булаевский, Б.А. Презумпция добросовестности в вещных правоотношениях / Б.А. Булаевский // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 6 (92). – С. 121–125.

650. Буланов, Р.Ю. Гражданско-правовая форма экономических свойств денег / Р.Ю. Буланов // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. – 2009. – № 2. – С. 60–66.

651. Быков, С.С. Уголовно-правовая реакция на проявления теневой экономики: границы, характер и направления совершенствования / С.С. Быков, А.П. Киреенко, Е.Н. Невзорова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 3. – С. 591–607.

652. Быкова, Е.Г. О правовой оценке противоправного безвозмездного изъятия криптовалюты / Е.Г. Быкова, А.А. Казаков // Уголовное право. – 2018. – № 2. – С. 16–19.

653. Быковский, В.К. Договор аренды лесного участка как правовая форма осуществления предпринимательской деятельности по использованию лесов / В.К. Быковский // Предпринимательское право. – 2008. – № 2. – С. 36–38.

654. Бычков, А. Транзакции с криптоактивами и их правовая защита / А. Бычков // Новая бухгалтерия. – 2018. – № 4. – С. 100–127.

655. Бязров, В.Г. Институт добровольного отказа как уголовно-правовая форма предупреждения захвата заложника и некоторые вопросы его совершенствования / В.Г. Бязров, Н.Ш. Козаев // Конституция и проблемы укрепления законности: материалы VI Северо-Кавказской регион. науч.-практ. конф. – Владикавказ: Изд-во Владикавказ. ин-та управления, 2011. – С. 164–176.

656. Вайнап, В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики / В.А. Вайнап // Право и экономика. – 2017. – № 11. – С. 5–18.

657. Василевская, Д.В. Административные регламенты оказания государственных услуг и исполнения государственных функций в сфере недропользования как административно-правовая форма регулирования правоотношений / Д.В. Василевская // Бизнес в законе. – 2009. – № 2. – С. 205–208.

658. Васильева, Е.Н. Оборотоспособность в сфере интеллектуальной собственности / Е.Н. Васильева // Хозяйство, труд, право. – 2011. – № 8. – С. 26–34.

659. Васильева, Н.В. К вопросу об определении понятия и видов бюджетных доходов / Н.В. Васильева // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 4. – С. 24–30.

660. Виниченко, Ю.В. Бесхозяйность вещей: de jure vs. de facto / Ю.В. Виниченко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – Вып. 40. – С. 225–239.

661. Виниченко, Ю.В. Отдельные аспекты проблемы разумности в гражданском обороте / Ю.В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2006. – № 6. – С. 58–62.

662. Виниченко, Ю.В. Презумпция согласия в гражданском праве / Ю.В. Виниченко // Проблемы регистрации прав, фиксации и удостоверения юридических фактов гражданского права: сб. ст. Сер. «Анализ современного права» / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2013. – С. 193–214.

663. Виниченко, Ю.В. Проблемы понимания категории «право участия» в современной отечественной цивилистике / Ю.В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 4 (90). – С. 88–92.

664. Виниченко, Ю.В. Соседское право и право собственности: вопрос взаимосвязи (историко-правовое исследование) / Ю.В. Виниченко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 1. – С. 21–31.

665. Виниченко, Ю.В. О значении молчания в российском гражданском праве / Ю.В. Виниченко, Ю.Д. Никитина // Налоги (газета). – 2010. – № 12. – С. 20–24.

666. Винницкий, А.В. Организационно-правовая форма государственных компаний: недостатки регулирования и перспективы реформирования / А.В. Винницкий // Современное право. – 2010. – № 11. – С. 70–75.

667. Волова, И.В. Плебисцит как правовая форма волеизъявления народов колониальных стран / И.В. Волова // Тезисы итоговой научной конференции юридического факультета за 1966 год. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1967. – С. 18–19.

668. Воронцова, И.В. Место и значение норм международного права в системе источников гражданского процессуального права / И.В. Воронцова // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 5. – С. 84–116.

669. Габов, А.В. Изменения в праве как следствие развития цифровой экономики / А.В. Габов // Пермский юридический альманах. – 2020. – № 3. – С. 39–47.

670. Габов, А.В. Притворные сделки в отечественном праве: история и современность / А.В. Габов // Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 211–226.

671. Габов, А.В. Эволюция роботов и право XXI века / А.В. Габов, И.А. Хаванова // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 435. – С. 215–233.

672. Габов, А.В. Кодификация отечественного гражданского законодательства: отдельные страницы истории / А.В. Габов // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2022. – Т. 47, № 2. – С. 271–298.

673. Гаджиев, Г.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) / Г.А. Гаджиев, Е.А. Войниканис // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 24–48.

674. Галлов, В.В. Концессионное соглашение – правовая форма взаимодействия бизнеса и государства / В.В. Галлов, С.А. Зинченко, О.Г. Ломидзе // Закон. – 2007. – № 2. – С. 65–72.

675. Гербарт, И.Ф. Введение в философию / И.Ф. Гербарт // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1971. – С. 622–628.

676. Гимаев, И.З. Анализ подходов к понятию «эффективность» в социологии, экономике и технических науках / И.З. Гимаев // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15. – №1. – С. 145–147.

677. Голева, Е.В. Налоговая ответственность при сделках с «проблемными» контрагентами: противоречия судебной практики / Е.В. Голева // Налоги. – 2016. – № 5. – С. 11–15.

678. Головизнин, А. Некоторые вопросы участия в гражданском обороте органов государственной власти (местного самоуправления) / А. Головизнин // Хозяйство и право. – 1999. – № 6. – С. 59–66.

679. Гонгало, Б.М. Метод О.А. Красавчикова / Б.М. Гонгало // Российский юридический журнал. – 2006. – № 1. – С. 26–34.

680. Горбунов, М.П. Договор как правовая форма хозяйственной инициативы / М.П. Горбунов // Правоведение. – 1979. – № 2. – С. 76–81.

681. Горелик, А.П. Некоторые аспекты участия органов внутренних дел в гражданском обороте / А.П. Горелик // Закон и право. – 2002. – № 7. – С. 43–44.

682. Грановский, Ю.В. Об оценке эффективности научных исследований / Ю.В. Грановский // Науковедческие исследования. – 2008. – № 2008. – С. 58–71.

683. Грачева, Е.Ю. Правовая форма финансового контроля / Е.Ю. Грачева // Финансовое право. – 2003. – № 3. С. 3–6.

684. Гриценко, Е.А. Аренда как экономико-правовая форма реализации собственности / Е.А. Гриценко, О.С. Марченко // Актуальные проблемы формирования правового государства: краткие тез. докл. и науч. сообщ. республ. науч. конф., 24–26 окт. 1990 г. – Харьков: Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1990. – С. 142–143.

685. Гударенко, Р.Ф. Государственные целевые программы как конституционно-правовая форма осуществления деятельности по социальной защите инвалидов / Р.Ф. Гударенко // Права и возможности детей-инвалидов на получение образования, социальную реабилитацию и интеграцию в общество: ст. науч.-практ. конф. – Ставрополь: Мир данных, 2010. – С. 163–170.

686. Гулордава, Д. Современная конституционная монархия как демократическая и правовая форма правления / Д. Гулордава // Право и жизнь. – 2002. – № 48. – С. 338–344.

687. Давыдова, М.Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники / М.Л. Давыдова // Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские

чтения: «Правовые презумпции, теория, практика, техника». – Н. Новгород, 2010. – № 4. – С. 159–170.

688. Демидов, И.А. Правовое регулирование участия государства в международном гражданском обороте в свете вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию / И.А. Демидов // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2008. – № 4 (62). – С. 35–38.

689. Демкина, А.В. Добросовестность лица и достоверность данных реестра юридических лиц / А.В. Демкина // Гражданское право. – 2017. – № 4. – С. 9–12.

690. Денчик, Н. Иностранные инвестиции как правовая форма обновления хозяйственных связей / Н. Денчик // Хозяйство и право. – 1996. – № 6. – С. 47–56.

691. Дозорцев, А.В. Объекты права государственной социалистической собственности и их классификация / А.В. Дозорцев // Советское государство и право. – 1949. – № 1. – С. 55–63.

692. Докучаев, О.О. Контроль и запись переговоров как правовая форма взаимодействия следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность / О.О. Докучаев // Вестник криминалистики. – 2008. – Вып. 4 (28). – С. 48–51.

693. Докучаев, О.О. Следственно-оперативная группа как правовая форма взаимодействия следствия и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность / О.О. Докучаев // Вестник криминалистики. – 2008. – Вып. 3 (27). – С. 109–113.

694. Долгополов, О.И. Возмещение убытков, причиненных налоговыми органами / О.И. Долгополов // Налоговый вестник. – 2010. – № 2. – С. 89–98.

695. Долгополов, О.И. Проблемы толкования налогового законодательства / О.И. Долгополов [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» ВерсияПроф, 2017.

696. Долинская, В.В. Информационные отношения в гражданском обороте / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 4. – С. 3–14.

697. Дроздов-Тихомиров, А.А. Соглашение о применимом праве и источники неформального регулирования международных коммерческих договоров, выра-

женные в форме правовых принципов / А.А. Дроздов-Тихомиров // Закон. – 2009. – № 8. – С. 192–203.

698. Дрыга, М.А. Унитарное предприятие как правовая форма управления государственным имуществом / М.А. Дрыга // Юридический вестник РГЭУ. – 2004. – № 3. – С. 56–60.

699. Емельянов, А.С. Функции финансового права и механизм финансово-правового регулирования / А.С. Емельянов // Реформы и право. – 2009. – № 4. – С. 16–35.

700. Ермошин, Г.Л. Статус судьи как организационно-правовая форма обеспечения его независимости / Г.Л. Ермошин // Российский судья. – 2012. – № 6. – С. 10–16.

701. Ершов, В.В. Индивидуальное правовое регулирование? Саморегулирование? / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2013. – № 10 (90). – С. 5–14.

702. Журина, И.Г. Можно ли признать саморегулируемую организацию юридическим лицом публичного права? / И.Г. Журина // Адвокат. – 2009. – № 6. – С. 104–108.

703. Зайцев, В.В. Рецензия на монографию: Петрушкин В.А. Правовой оборот недвижимости: проблемы теории и судебно-арбитражной практики. Казань: ООО «ПОЛИГРАН-Т», 2011. – 72 с. / В.В. Зайцев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 1 (90). – С. 220–222.

704. Зайцев, В.В. О некоторых проблемах научной новизны в цивилистических исследованиях (на примере диссертационных работ) / В.В. Зайцев, А.Г. Демиева // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019. – № 1. – С. 64–86.

705. Зайцев, В.В. О науке гражданского права: методологические и доктринальные аспекты / В.В. Зайцев, В.А. Рыбаков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 4 (111). – С. 58–65.

706. Захаркина, А.В. «Гражданский оборот» как фундаментальная цивилистическая категория / А.В. Захаркина // Вестник Пермского университета. – 2017. – Вып. 3 (37). – С. 323–333.

707. Зеленцов, А.Б. Обращения граждан как административно-правовая форма / А.Б. Зеленцов // Вестник Российского университета дружбы народов. Юридические науки. – 2003. – № 1. – С. 5–15.

708. Землянухина, С.Г. Соотношение юридических форм и экономических отношений собственности на рабочую силу / С.Г. Землянухина, Н.С. Землянухина // Экономический анализ права: материалы междунар. науч.-практ. семинара, 3–4 июня 2003 г. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. – С. 147–154.

709. Зинченко, С. Юридическое лицо и правовой статус органов государственного и муниципального управления (вопросы соотношения) / С. Зинченко, В. Галов // Хозяйство и право. – 2006. – № 10. – С. 102–109; № 11 (358). – С. 110–117.

710. Ивлиев, М.Ф. Об участии государственных и муниципальных учреждений в гражданском обороте / М.Ф. Ивлиев, А.Е. Шерстобитов // Законодательство. – 2006. – № 12. – С. 19–22.

711. Илезов, М.Б. Регистрация по месту пребывания и месту жительства как правовая форма управления в миграционной сфере / М.Б. Илезов // История государства и права. – 2008. – № 22. – С. 11–14.

712. Илларионов, С.В. Лекции по теории познания и философии науки / С.В. Илларионов // Илларионов С.В. Теория познания и философия науки. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – С. 27–222.

713. Илларионова, Т.И. Поднормативное регулирование имущественных отношений в гражданском праве / Т.И. Илларионова // Проблемы обязательственного права. Межвузовский сб. науч. тр. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1989. – С. 4–15.

714. Илюшина, М.Н. Понятие правового режима как правовой формы коммерческих сделок / М.Н. Илюшина // Вестник Российской правовой академии. – 2007. – № 2. – С. 49–51.

715. Инжиева, Б.Б. О методе правового регулирования гражданского оборота / Б.Б. Инжиева // Современное право. – 2022. – № 4. – С. 17–21.

716. Каверин, С.Б. О психологической классификации потребностей / С.Б. Каверин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.voppsy.ru/issues/1987/875/875121.htm (дата обращения: 30.04.2025).

717. Каган, М.С. Системное рассмотрение основных способов группировки / М.С. Каган // Каган М.С. Избранные труды: в VII т. Т. I. Проблемы методологии. – СПб.: ИД «Петрополис», 2006. – С. 44–53.

718. Каган, М.С. Система и структура / М.С. Каган // Системные исследования. Ежегодник 1983. – М.: Наука, 1983. – С. 86–106.

719. Калинова, К.В. Концессия – организационно-правовая форма хозяйствования: особенности и определяющие их факторы. Статья 1. Концессия как инвестиционная база / К.В. Калинова // История государства и права. – 2014. – № 14. – С. 34–37.

720. Капитонова, Е. Борьба с контрафактом в сфере народных промыслов: теория и практика / Е. Капитонова // ИС. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 8. – С. 41–50.

721. Карапетов, А.Г. Реформа ГК РФ в части норм договорного права после второго чтения: комментарий к основным положениям / А.Г. Карапетов [Электронный ресурс] // Закон.ру. 23.02.2015. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2015/2/23/reforma_gk_rf_v_chasti_norm_dogovornogo_prava_posle_vtorogo_chteniya_kommentarij_k_osnovnym_polozhen (дата обращения: 30.04.2025).

722. Касимова, Р.Г. Наукометрические показатели как один из индикаторов качества научной деятельности / Р.Г. Касимова // Науковедение. – 2002. – № 1. – С. 132–143.

723. Каценелинбойген, А.И. Системный анализ и проблема ценностей / А.Н. Каценелинбойген // Системные исследования. Ежегодник. 1972. – М.: Наука, 1972. – С. 46–71.

724. Кашанина, Т.В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере / Т.В. Кашанина // Государство и право. – 1992. – № 1. – С. 122–130.

725. Кияшко, В. Реальные (консенсуальные) договоры в гражданском обороте / В. Кияшко // Право и экономика. 2004. – № 5. – С. 37–40.

726. Клеандров, И.М. Механизм правового регулирования и повышение его эффективности / И.М. Клеандров // Современные проблемы юридической науки: сб. науч. ст. – Вып. 3. – Новосибирск: Изд. Центр «Новосибирск», 2003. – С. 56–59.

727. Клеандров, М.И. Государственная корпорация: новая организационно-правовая форма – новые проблемы / М.И. Клеандров // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. – СПб.: Универ. издат. консорц. «Юридическая книга», 2009. – № 2. – С. 303–313.

728. Кляус, Н.В. Признание права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь по ГПК РФ / Н.В. Кляус // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 1. – С. 38–41.

729. Козлова, С.А. Являются ли органы государственной власти юридическими лицами? / С.А. Козлова // Административное право и процесс. – 2012. – № 6. – С. 46–48.

730. Колодуб, Г.В. Изучение системы категорий гражданского права через призму функций общей теории государства и права: к постановке вопроса / Г.В. Колодуб // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. ст. Ежегодник / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2017. – С. 377–386.

731. Колодуб, Г.В. Динамика гражданско-правового обязательства: категория, содержание, значение / Г.В. Колодуб // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2011. – № 3. – С. 112–116.

732. Колодуб, Г.В. К вопросу о понимании категории «динамика» гражданско-правового обязательства / Г.В. Колодуб // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2011. – № 3 (79). – С. 89–92.

733. Колодуб, Г.В. Развитие категориального аппарата гражданского права России в эпоху внедрения цифровой экономики / Г.В. Колодуб // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 5 (124). – С. 125–128.

734. Колодуб, Г.В. Система категорий гражданского права: общие положения о признаках и функциях / Г.В. Колодуб // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 1 (108). – С. 100–104.

735. Колодуб, Г.В. Теоретико-правовые причины самостоятельного статуса системы категорий гражданского права / Г.В. Колодуб // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 2(33). – С. 135–139.

736. Колодуб, Г.В. Теоретико-правовые причины системности категориального аппарата гражданского права / Г.В. Колодуб // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 1 (114). – С. 144–147.

737. Колокольцев, А.Н. Административный договор как правовая форма управления / А.Н. Колокольцев // Право и политика. – 2007. – № 9. – С. 14–19.

738. Комиссарова, Е.Г. Методологические аспекты научно-понятийного аппарата в цивилистике / Е.Г. Комиссарова // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019. – Вып. 1. – С. 197–216.

739. Комиссарова, Е.Г. Методология образовательного правопознания / Е.Г. Комиссарова // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2020. – Вып. 2. – С. 162–182.

740. Комиссарова, Е.Г. Параметры методологии юриспруденции в их функциональном значении (на примере гражданского правоведения) / Е.Г. Комиссарова // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2021. – Вып. 3. – С. 50–75.

741. Комягин, Д.Л. Вопросы участия государственной казны в гражданском обороте / Д.Л. Комягин // Право и экономика. – 1999. – № 3. – С. 29–32.

742. Конобеевская, И.М. К вопросу о юридической форме реализации прав на недвижимое имущество / И.М. Конобеевская // Политико-правовые проблемы взаимодействия власти и бизнеса в условиях кризиса: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию Саратовской областной Думы и 100-летию Саратовского гос. университета им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. – С. 159–161.

743. Концепция развития гражданского законодательства РФ (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 окт. 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 11.

744. Красавчиков, О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2005. – С. 49–241.

745. Красавчиков, О.А. Гражданская правосубъектность как правовая форма / О.А. Красавчиков // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2005. – С. 26–50.

746. Красавчиков, О.А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения / О.А. Красавчиков // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2005. – С. 7–25.

747. Красавчиков, О.А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) / О.А. Красавчиков // Ученые записки СЮИ. Т. V. Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. – С. 3–27.

748. Крашенинников, Е.А. Право на защиту / Е.А. Крашенинников // Методологические вопросы теории правоотношений: тез. IV обл. науч. практ. конф. молодых ученых и специалистов, 5–8 февр. 1986 г. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1986. – С. 6–11.

749. Криволапова, Л.В. Субъекты гражданского оборота / Л.В. Криволапова // Право и государство: теория и практика. – 2007. – № 8(32). – С. 46–51.

750. Кудашкин, В.В. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве как правовая форма, опосредующая содержание публичного порядка / В.В. Кудашкин // Законодательство и экономика. – 2004. – № 3. – С. 64–77.

751. Кудряшова, О.А. Социально-правовая форма в системе элементов обстановки совершения преступления / О.А. Кудряшова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2011. – № 6 (223), Вып. 25. – С. 54–57.

752. Кузин, А.В. Товарищество как форма юридического лица. История и современность / А.В. Кузин, О.Е. Финогентова // Актуальные проблемы гражданского права и процесса. – Вып. 1. – М., 2006. – С. 55–58.

753. Кузнецов, А. Организационные меры для повышения эффективности научных исследований в России / А. Кузнецов // Вопросы экономики. – 2013. – № 3. – С. 83–93.

754. Кузнецова, О.А. Бездействие как гражданско-правовая категория / О.А. Кузнецова // Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 18–19 окт. 2013 г.) / отв. ред. О.А. Кузнецова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2013. – С. 121–122.

755. Кузнецова, О.А. Научная проблема и названия цивилистических исследований / О.А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – Вып. 4 (22). – С. 316–324.

756. Кузнецова, О.А. Системное толкование принципов гражданского права / О.А. Кузнецова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 101(07). – С. 1453–1462.

757. Кузнецова, А.С. Гражданско-правовая форма распоряжения результатами научно-исследовательской деятельности образовательных учреждений системы МВД России / А.С. Кузнецова // Вопросы права и проблемы становления гражданского общества в России. – Хабаровск: Изд-во Дальневост. юрид. ин-та МВД России, 2009. – С. 40–42.

758. Кузнецова, О.А. Гражданско-правовая ответственность: необходимость смены методологической парадигмы / О.А. Кузнецова // Проблемы взыскания убытков в российском правопорядке: сб. ст. VI ежегодн. междунар. науч.-практ. конф. «Коршуновские чтения» / отв. ред. Ю.С. Харитонова. – М., 2016. – С. 10–24.

759. Кузьмина, Е.М. Типы правового регулирования: современное измерение / Е.М. Кузьмина // Вестник Поволжского института управления. – 2013. – № 6 (39). – С. 43–48.

760. Куликова, Т.В. Муниципальные унитарные предприятия как правовая форма управления муниципальным имуществом / Т.В. Куликова // Научные труды РАЮН. – Вып. 3, Т. 1. – М., 2003. – С. 501–507.

761. Куприянов, А.А. Фактическое владение как основной аргумент в спорах о недвижимости / А.А. Куприянов // Недвижимость, строительство, право. – Изд. дом «Арбитражная практика». – 2009. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravorub.ru/articles/1467.html (дата обращения: 30.04.2025).

762. Курбатов, А. Государственная корпорация как организационно-правовая форма юридического лица / А. Курбатов // Хозяйство и право. – 2008. – № 4. – С. 105–124.

763. Лалетина, А.С. Гражданский оборот газопроводов. Можно ли избежать оформления земельных участков под газопроводами? / А.С. Лалетина // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – М., 2009. – № 1. – С. 137–140.

764. Лановая, Г.М. Соотношение содержания и формы в юридическом праве / Г.М. Лановая // История государства и права. – 2010. – № 6. – С. 25–28.

765. Лебедев, С.А. Истинность уровней и видов научного знания / С.А. Лебедев // Вестник Московского государственного областного ун-та. Серия: Философские науки. – 2020. – № 4. – С. 87–94.

766. Лебедев, С.А. Плюрализм критериев истинности научного знания: уровневая модель / С.А. Лебедев // Studia Humanitatis Borealis. – 2019. – № 1. – С. 4–14.

767. Лебединец, О.Н. Государственно-частное партнерство как экономико-правовая форма взаимодействия публичного и частного / О.Н. Лебединец // Актуальные проблемы частного и публичного права: сб. ст. по материалам межрегион. науч.-практ. конф. (Волгоград, 12 окт. 2012 г.). – Волгоград: ВА МВД России, 2013. – № 5. – С. 68–74.

768. Левенталь, Я.Б. К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе / Я.Б. Левенталь // Советское государство и право. – 1949. – № 6. – С. 54–64.

769. Левин, И.Д. Советская федерация – государственно-правовая форма разрешения национального вопроса в СССР / И.Д. Левин // Вопросы советского государства и права, 1917–1957. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 213–268.

770. Левушкин, А.Н. Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса супругов по законодательству Российской Федерации / А.Н. Левушкин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 4. – С. 25–29.

771. Лекторский, В.А. О принципах исследования систем (В связи с «общей теорией систем» Л. Берталанфи) / В.А. Лекторский, В.Н. Садовский // Вопросы философии. – 1960. – № 8. – С. 70–79.

772. Лескова, Ю.Г. Некоторые проблемы участия учреждений в гражданском обороте / Ю.Г. Лескова // Юрист. 2003. – № 2. – С. 27–30.

773. Лехтинен, Л. Правовые формы предпринимательства на основе Гражданского кодекса России / Л. Лехтинен // Хозяйство и право. – 1995. – № 8. – С. 55–60.

774. Липень, И.М. Взыскание упущенной выгоды как реализация принципа полного возмещения убытков: актуальные вопросы теории и практики / И.М. Липень // Право Беларуси. – 2005. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kaznachey.com/doc/75OHW2RCNdy/ (дата обращения: 03.09.2015).

775. Ломакин, Д.В. Крупные сделки в гражданском обороте / Д.В. Ломакин // Законодательство. – 2001. – № 3. – С. 18–25.

776. Мазеин, Д.В. Некоторые проблемы правового регулирования гражданского оборота движимых культурных ценностей / Д.В. Мазеин // Журнал российского права. – 2004. – № 9 (93). – С. 43–55.

777. Маковский, А.Л. Гражданское законодательство как предмет ведения Федерации в прошлом и настоящем нашего Отечества / А.Л. Маковский // Журнал российского права. – 2003. – № 11. – С. 93–105.

778. Максимова, Н.Н. Некоторые аспекты применения наукометрических показателей в оценке эффективности научной деятельности / Н.Н. Максимова, А.Л. Максимов // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2009. – № 5. – С. 149–156.

779. Малинина, Л.Ю. О некоторых особенностях участия унитарного предприятия в гражданском обороте / Л.Ю. Малинина // Актуальные вопросы частного права: межвуз. сб. науч. тр. – Самара: Самарский ун-т, 2004. – С. 92–98.

780. Малиновский, А.А. Основные понятия и определения теории систем (в связи с приложением теории систем к биологии) / А.А. Малиновский // Системные исследования. Ежегодник 1979. – М.: Наука, 1980. – С. 78–90.

781. Мамонтова, Э.А. Незаконная миграция в России и вопросы обеспечения национальной безопасности / Э.А. Мамонтова // Миграционное право. – 2018. – № 4. – С. 25–27.

782. Маркелов, В.В. Правовая форма бюджетной деятельности субъектов Российской Федерации / В.В. Маркелов // Финансовое право. – 2004. – № 4. – С. 38–41.

783. Марочкин, С.Ю. Применение судами норм международного права при разрешении гражданских и арбитражных дел / С.Ю. Марочкин // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2005. – № 4. – С. 486–498.

784. Марченко, Ю.В. Правотворческая деятельность как правовая форма осуществления функций государства / Ю.В. Марченко // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2008. – № 5 (63). – С. 20–26.

785. Матвеев, С.П. Административные регламенты как правовая форма обеспечения социальной защиты государственных служащих / С.П. Матвеев // Административное право и процесс. – 2011. – № 12. – С. 9–12.

786. Матиящук, С.В. Электрическая энергия и мощность как особые объекты гражданского оборота: вопросы теории и практики / С.В. Матиящук // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 94–99.

787. Махина, С.Н. Нормативно-правовая форма децентрализации публичного администрирования: Правотворчество и правоприменение: Взаимосвязь и проблемы повышения юридического качества / С.Н. Махина // Правовая наука и реформа юридического образования: Правотворчество и правоприменение: Взаимосвязь и проблемы повышения юридического качества: сб. науч. тр. Вып. 19. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2006. – С. 98–116.

788. Машанский, С.Е. Договор поставки как правовая форма планирования качества продукции / С.Е. Машанский // Всесоюзная научно-практическая конференция по правовым проблемам стандартизации качества продукции и метрологии: тез. докл. – М.: Изд-во стандартов, 1975. – С. 133–135.

789. Мейер, Д.И. О юридических вымыслах и предположения, о скрытых и притворных действиях / Д.И. Мейер // Мейер Д.И. Избранные труды: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. П.В. Крашенинников, Д.Х. Валеев. – М.: Статут, 2022. – С. 57–137.

790. Минникес, И.А. Автономное регулирование как вид индивидуального правового регулирования / И.А. Минникес // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2011. – № 1 (75). – С. 151–155.

791. Минникес, И.А. Индивидуальные правовые акты (к проблеме индивидуального правового регулирования) / И.А. Минникес // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2006. – № 5 (50). – С. 59–62.

792. Минникес, И.А. Понятие правовой персонификации (к проблеме индивидуального правового регулирования) / И.А. Минникес // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2006. – № 6. – С. 42–45.

793. Мирская, О.А. Правовые формы и условия изменения конституционно-правового статуса и наименования субъекта Российской Федерации / О.А. Мирская // Закон и право. – 2013. – № 3. – С. 35–36.

794. Мозолин, В.П. О макро- и микроправовом регулировании комплексных имущественных отношений в сфере экономики / В.П. Мозолин // Новое в гражданском законодательстве: баланс частных и публичных интересов: материалы для VII Ежегодных научных чтениях памяти профессора С.Н. Братуся / отв. ред. Н.Г. Доронина. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юриспруденция, 2012. – С. 9–24.

795. Мозолин, В.П. Юридические прятки / В.П. Мозолин // Право и экономика. – 2010. – № 12. – С. 4–9.

796. Монкявичюс, Э.А. Договор как правовая форма межхозяйственной кооперации в Литовской ССР / Э.А. Монкявичюс // Правовые вопросы межхозяйственной кооперации. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. – С. 51–58.

797. Морозов, С.Ю. Методологические проблемы исследования предмета гражданского права / С.Ю. Морозов // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2022. – Вып. 4. – С. 29–47.

798. Морозов, С.Ю. Методология исследования гражданско-правовых механизмов / С.Ю. Морозов // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2020. – Вып. 2. – С. 250–266.

799. Москаленко, И.В. Сделки в гражданском обороте / И.В. Москаленко // Нотариус. – 2002. – № 2. – С. 23–30.

800. Мурзин, Д.В. К вопросу о презумпции недобросовестности ответчика по виндикационному иску / Д.В. Мурзин // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2007. – № 4. – С. 50–62.

801. Муртаза-Оглы, Ф.А. Советская автономия как государственно-правовая форма разрешения национального вопроса / Ф.А. Муртаза-Оглы // Вопросы теории права и государственного строительства. – Вып. 3. – Томск, 1979. – С. 69–75.

802. Назаров, С.Н. Надзорный процесс как правовая форма осуществления надзорной деятельности / С.Н. Назаров // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2006. – № 4. – С. 16–29.

803. Назарова, И.С. Избирательные системы как конституционно-правовая форма (механизм) констатуирования института народного представительства / И.С. Назарова // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 6. – С. 116–119.

804. Натарова, О.А. Гражданско-правовой договор как правовая форма оказания платных образовательных услуг / О.А. Натарова // Закон и право. – 2009. – № 12. – С. 71–74.

805. Недоспасова, В.В. Электронная цифровая подпись в гражданском обороте: проблемы применения / В.В. Недоспасова // Право: материалы науч. сессии (Волгоград, 19–25 апр. 2004 г.). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – Вып. 3. – С. 95–97.

806. Нехорошев, Ю.С. Эффективность научных исследований и производительность научного труда / Ю.С. Нехорошев // Известия Томского политехниче-

ского института. – 1974. – Т. 292: Социально-экономические формы организации и распространения научно-технических достижений. – С. 24–29.

807. Новицкий, И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И.Б. Новицкий // Вестник гражданского права. – 1916. – № 6. – С. 56–90.

808. Обзор заседаний Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук // Советское государство и право. – 1949. – № 11. – С. 70–72.

809. Ображиев, К.В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы / К.В. Ображиев // Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 1. – № 1. – С. 89–96.

810. Орлов, С.В. Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития / С.В. Орлов // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2016. – № 1(11). – С. 12–25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fikio.ru/?p=2056 (дата обращения: 30.04.2025).

811. Орлова, Е. Необоснованная налоговая выгода – 11 лет спустя / Е. Орлова // Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения. – 2017. – № 9. – С. 33–50.

812. Осипов, М.Ю. Механизм правового регулирования и его типы / М.Ю. Осипов // Право и государство: теория и практика. – 2006. – № 3. – С. 134–141.

813. Пак, А.Б. Правовая форма завещания / А.Б. Пак // Социально-экономические и правовые проблемы развития информационного общества: материалы междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2009 г. В 5 т. Т. 4. – Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2009. – С. 253–261.

814. Перевалов, В.Д. Нормы права: проблемы понимания и определения / В.Д. Перевалов // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 5(101). – С. 10–19.

815. Перевалов, В.Д. Проблемы формирования социально-правового государства в России / В.Д. Перевалов // Право и государство. – 2016. – № 2 (71). – С. 15–23.

816. Переплеснина, Е.М. Механизм реализации конституционных предписаний о включении в правовую систему России общепризнанных принципов и норм

международного права, международных договоров Российской Федерации / Е.М. Переплеснина // Международное публичное и частное право. – 2019. – № 3. – С. 38–42.

817. Перехожих, И.В. Табачная и никотиносодержащая продукция как объекты гражданского оборота / И.В. Перехожих // Цивилист. – 2024. – № 6. – С. 58–64.

818. Петров, А.А. К вопросу о системе источников гражданского права в свете Концепции развития гражданского законодательства / А.А. Петров // Концепция развития гражданского законодательства: проблемы реализации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Сибирские юридические чтения – 2010» (Иркутск, 19 нояб. 2010 г.) / под ред. И.А. Минникеса, А.А. Петрова. – Иркутск: Сибирская академия права, экономики и управления; Иркутский институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2010. – С. 9–13.

819. Петров, Д.А. Объекты электросетевого хозяйства как бесхозяйные вещи / Д.А. Петров // Арбитражные споры. – 2010. – № 4 (52). – С. 111–126.

820. Петюкова, О.Н. К вопросу о трактовке понятия «правовая форма» / О.Н. Петюкова // Векторы развития современной России: материалы пятой межвуз. науч.-практ. конф. Московского филиала ЛГУ им А. С. Пушкина (Москва, 17 февр. 2010 г.) : сб. ст. : в 2 ч. Ч. 2. – М.: МФ ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. – С. 292–296.

821. Пойминова, Я.В. Государственная регистрация прав как правовая форма реализации властных полномочий: методологические проблемы / Я.В. Пойминова // Нотариус. – 2009. – № 3. – С. 36–39.

822. Покровский, И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права / И.А. Покровский // Вестник гражданского права. – 1913. – № 4. – С. 30–50.

823. Полищук, Е.В. Риелтор – продавец информации или посредник на рынке жилой недвижимости? / Е.В. Полищук // Услуги: проблемы правового регулирования и судебной практики: сб. науч.-практ. ст. / [редкол.: Н.Ф. Качур, М.В. Кратенко (отв. ред.), С.Н. Мальтов]. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 108–119.

824. Пометихина, С.И. Банковская гарантия как правовая форма распределения обязательственного риска / С.И. Пометихина // Бизнес в законе. – 2009. – № 4. – С. 144–147.

825. Попондопуло, В.Ф. Концессионное соглашение – правовая форма государственно-частного партнерства / В.Ф. Попондопуло // Правоведение. – 2007. – № 6. – С. 255–268.

826. Попондопуло, В.Ф. Правовые формы реализации инвестиционных соглашений с участием публично-правового образования / В.Ф. Попондопуло // Правоведение. – 2013. – № 2. – С. 79–92.

827. Пратьков, Д.Ю. Инвестиционный договор как правовая форма осуществления капитальных вложений по законодательству Российской Федерации / Д.Ю. Пратьков // Правовая политика и правовая жизнь. – 2013. – № 4. – С. 136–141.

828. Рабец, А.М. Алиментные обязательства и отношения по опеке и попечительству: проблемы сосуществования / А.М. Рабец // Современное право. – 2018. – № 2. – С. 25–30.

829. Развитие социального сознания / М. Шлитц, К. Витен, Э.М. Миллер «Трансформация мировоззрения и развитие социального сознания»; пер. Е. Хрипун [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsepsihologi.ru/articles/art-special/247-socialcon.html (дата обращения: 30.04.2025).

830. Райников, А.С. Стабильность гражданского оборота: контуры судебной практики / А.С. Райников // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 3-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 19–20 сент. 2014 г.) / под ред. Н.П. Асланян, Ю.В. Виниченко. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 92–96.

831. Решетов, Ю.С. Нормативное и индивидуальное правовое регулирование / Ю.С. Решетов // Вестник пермского университета. Юридические науки. – 2013. – Вып. 2(20). – С. 17–22.

832. Рожкова, М.А. Идентификаторы / М.А. Рожкова [Электронный ресурс] // Закон.ру. – 2017. – 18 янв. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/01/18/identifikatory (дата обращения: 30.04.2025).

833. Рожкова, М.А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве / М.А. Рожкова [Электронный ресурс] // Закон.ру. – 2018. – 6 нояб.– Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informaciya_kak_obekt_grazhdanskih_prav_ili_chto_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave) (дата обращения: 30.04.2025).

834. Рожкова, М.А. Нормативное регулирование (правовое, техническое, этическое) – что это такое и каким образом его разграничивать? / М.А. Рожкова [Электронный ресурс] // Закон.ру. – 2020. – 21 апр.– Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/4/21/normativnoe_regulirovanie_pravovoe_tehnicheskoe_eticheskoe__chto_eto_takoe_i_kakim_obrazom_ego_razgr (дата обращения: 30.04.2025).

835. Рожкова, М.А. Оборотоспособность объектов гражданских прав / М.А. Рожкова // Закон. – 2009. – № 3. – С. 212–218.

836. Рожкова, М.А. Обязательство по компенсации репутационного ущерба как разновидность деликтного обязательства / М.А. Рожкова // Обязательства, возникающие не из договора: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2015. – С. 119–144.

837. Рожкова, М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым / М.А. Рожкова [Электронный ресурс] // Закон.ру. – 2018. – 13 июня. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 30.04.2025).

838. Романовская, О.В. Правовые основы наделения областного парламента правами юридического лица / О.В. Романовская, О.В. Безрукова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2015. – Т. 3, № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://esj.pnzgu.ru (дата обращения: 30.04.2025).

839. Ротко, С.В. Правовая природа векселя и его значение в гражданском обороте / С.В. Ротко // Ученые записки ДЮИ. – Ростов н/Д., 2002. – Т. 19. – С. 275–289.

840. Руденко, А.В. О понятии «гражданский оборот» / А.В. Руденко // Актуальные проблемы правоведения. – 2003. – № 3 (6). – С. 106–109.

841. Рузавин, Г.И. Развитие теоретических форм познания в процессе научного исследования / Г.И. Рузавин // Вопросы философии. – 1980. – № 3. – С. 73–84.

842. Рыбалов, А.О. Экономические блага и гражданский оборот / А.О. Рыбалов // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2007. – С. 78–94.

843. Рыженков, А.Я. Метод правового регулирования: ответ на критику и возможные направления дискуссии / А.Я. Рыженков // Современное право. – 2022. – № 5. – С. 26–36.

844. Рыженков, А.Я. О соотношении методов и принципов правового регулирования (на примере гражданского и предпринимательского права) / А.Я. Рыженков // Современное право. – 2022. – № 2. – С. 5–17.

845. Рябов, Е.В. К вопросу о возможности принятия субъектами Российской Федерации нормативных правовых актов гражданско-правового характера / Е.В. Рябов, П.В. Сокол // Журнал российского права. – 2008. – № 3. – С. 37–45.

846. Савицкая, А.Н. Стандарты предприятий как правовая форма реализации конституционных принципов управления экономикой / А.Н. Савицкая // Правовые проблемы управления качеством продукции на базе стандартизации и метрологического обеспечения: тез. всесоюз. науч.-практ. конф. (Свердловск, 18–19 окт. 1978 г.). – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1978. – С. 61–62.

847. Сагатовский, В.Н. Опыт построения категориального аппарата системного подхода / В.Н. Сагатовский // Философские науки. – 1976. – № 3. – С. 67–78.

848. Сагатовский, В.Н. Системная деятельность и ее философское осмысление / В.Н. Сагатовский // Системные исследования. Ежегодник 1980. – М.: Наука, 1981. – С. 52–68.

849. Садовский, В.Н. Общая теория систем как метатеория / В.Н. Садовский // Вопросы философии. – 1972. – № 4. – С. 78–89.

850. Садовский, В.Н. Парадоксы системного мышления / В.Н. Садовский // Системные исследования. Ежегодник 1972. – М.: Наука, 1972. – С. 133–147.

851. Самаркин, К.И. Юридические формы осуществления права на жилище / К.И. Самаркин // Российский юридический журнал. – 2008. – № 1. – С. 199–203.

852. Самигуллин, В.К. Локальное нормативное правовое регулирование: состояние и перспективы / В.К. Самигуллин // Журнал российского права. – 2016. – № 4. – С. 15–24.

853. Самсонов, Н.В. Общепризнанные принципы и нормы международного права в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права / Н.В. Самсонов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 6. – С. 7–11.

854. Сарычев, В.М. Методологические аспекты представления самовоспроизводящихся систем и целенаправленной деятельности / В.М. Сарычев // Системные исследования. Ежегодник 1981. – М.: Наука, 1981. – С. 251–267.

855. Секинаева, З.А. Международные соглашения как правовая форма регулирования гражданско-процессуальных отношений с участием иностранных лиц / З.А. Секинаева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2009. – № 3 (18). – С. 149–156.

856. Селиверстова, О.Ф. Подходы к понятиям продуктивности, результативности и эффективности в сфере научных исследований и разработок / О.Ф. Селиверстова // ФАРМАКОЭКОНОМИКА. Современная Фармакоэкономика и Фармакоэпидемиология. – 2015. – № 4. – С. 3–9.

857. Семякин, М.Н. К вопросу о концепции цивилистической науки / М.Н. Семякин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 17 (372). Право. – Вып. 43. – С. 123–130.

858. Семякин, М.Н. Основные начала гражданского законодательства – новая юридическая конструкция или синоним известной цивилистической категории? / М.Н. Семякин // Алтайский юридический вестник. – 2013. – № 4 (4). – С. 129–132.

859. Семякин, М.Н. Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации / М.Н. Семякин // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. – 2018. – Т. 3. – № 1. – С. 60–71.

860. Семякин, М.Н. Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации (часть 2) / М.Н. Семякин // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. – 2018. – Т. 3. – № 2. – С. 70–76.

861. Семякин, М.Н. Становление экономического анализа частного права России: проблемы и перспективы развития / М.Н. Семякин // Стратегии развития предпринимательства в современных условиях: сб. науч. тр. II междунар. науч.-практ. конф. 25–26 января 2018 г. / под науч. ред. Е.А. Горбашко, В.Г. Шубаевой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. – С. 33–36.

862. Сенчищев, В.И. Объект гражданского правоотношения. Общее понятие / В.И. Сенчищев // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского; Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. – М.: Статут, 1998. – С. 109–159.

863. Серова, О.А. Новая парадигма юридической и этической ответственности в условиях доминирования биотехнологий / О.А. Серова // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2022. – Вып. 4. – С. 68–68.

864. Серова, О.А. Эволюция предметных исследований в области гражданского права: связь с новой технологической реальностью / О.А. Серова // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2021. – Вып. 3. – С. 76–95.

865. Сидоренко, Н.И. Принципы и их значение для построения теории / Н.И. Сидоренко // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2016. – № 2 (86). – С. 157–166.

866. Солнцев, А.В. Участие органов местного самоуправления в гражданском обороте / А.В. Солнцев // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2005. – Вып. 11. – С. 226–228.

867. Сорокина, С.Я. Участие учреждений в гражданском обороте / С.Я. Сорокина // Государство и право на рубеже веков: материалы всерос. конф. Гражданское право. Гражданский процесс. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 2001. – С. 57–64.

868. Спирихин, А. 14 типовых схем по уходу от налогов «для служебного пользования ФНС» / А. Спирихин // Сайт Alinga Consulting Group, 05.07.2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.acg.ru/14_tipovyh_shem_po_uhodu_ot_nalogov (дата обращения: 25.03.2019).

869. Степаненко, Д.А. Эффективность противодействия экстремизму / Д.А. Степаненко, М.А. Мушинский // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 5. – С. 803–815.

870. Степин, В.С. Системность теоретических моделей и операции их построения / В.С. Степин // Философия науки. – Вып. 1: Проблемы рациональности. – М.: ИФ РАН, 1995. – С. 26–57.

871. Стоякин, С.Г. Правовая природа основных международно-правовых форм интеграции государств-участников Союза Независимых Государств / С.Г. Стоякин // Аспирант и соискатель. – 2005. – № 2. – С. 83–93.

872. Сулейменов, М.К. Добросовестность в гражданском праве: проблемы теории и практики / М.К. Сулейменов // Добросовестность в гражданском праве: материалы междунар. науч.-практ. конф. в рамках ежегод. цивилистических чтений, посвящ. 20-летию Гражданского кодекса Республики Казахстан (Алматы, 22–23 мая 2014 г.) / отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы, 2014. – С. 9–37.

873. Суханов, Е.А. Государство и гражданский оборот / Е.А. Суханов // эж-Юрист. – 2004. – № 22 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

874. Суханов, Е.А. О юридических лицах публичного права / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2011. – № 2. – С. 4–24.

875. Суханов, Е.А. Об ответственности государства по гражданско-правовым обязательствам / Е.А. Суханов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2001. – № 3. – С. 116–125.

876. Суханов, Е.А. Правовая форма экономических отношений / Е.А. Суханов // Методологические проблемы правоведения. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – С. 46–57.

877. Талалаев, А.Н. Соотношение международного и внутригосударственного права в Конституции Российской Федерации / А.Н. Талалаев // Журнал международного права. – 1994. – № 4. – С. 3–15.

878. Тарароев, Я.В. Онтологические основания физического знания и современная экономическая теория / Я.В. Тарароев, Н.А. Иваненко // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 47–56.

879. Тарасов, Н.Н. Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) / Н.Н. Тарасов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 1 (234). – С. 31–50.

880. Тимофеев, И.С. Изменения в понимании предмета историко-научных исследований / И.С. Тимофеев // Вопросы истории естествознания и техники. – 1981. – № 2. – С. 97–102.

881. Толстик, В.А. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России / В.А. Толстик // Журнал российского права. – 2000. – № 8. – С. 67–77.

882. Трунина, Е.В. Административные регламенты как правовая форма осуществления таможенными органами государственного контроля / Е.В. Трунина // Право и экономика. – 2012. – № 1. – С. 53–59.

883. Туктаров, Ю.Е. Имущественные права как объекты гражданско-правового оборота / Ю.Е. Туктаров // Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. – Вып. 6 / под ред. О.Ю. Шилохвоста. – М.: Норма, 2003. – С. 101–136.

884. Тумаков, А.В. Цифровые финансовые активы как объект цифрового гражданского оборота / А.В. Тумаков // Гражданское право. – 2024. – № 6. – С. 9–12.

885. Ульянов, И.А. Предписание как правовая форма воздействия антимонопольного органа на договорные отношения хозяйствующих субъектов / И.А. Ульянов // Законодательство. – 2011. – № 2. – С. 40–48.

886. Уруков, В. Дефектный вексель в гражданском обороте / В. Уруков // Право и экономика. – 2003. – № 2. – С. 36–42.

887. Фонталова, Н.С. Взаимосвязь карьерных ориентаций личности будущего специалиста с их социальной эффективностью / Н.С. Фонталова, В.И. Рерке // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2015. – Т. 6, № 3. – DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(3).38.

888. Фридман, В.С. Правовая форма государственной деятельности / В.С. Фридман // Северо-Западная академия государственной службы. Ежегодник 2001: сб. науч. ст. – СПб.: Изд-во СЗАГС, Образование-Культура, 2002. – С. 289–312.

889. Фролова, Е.Е. Правовые формы и содержание государственного финансового контроля в сфере наличного денежного обращения / Е.Е. Фролова // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2010. – № 5. – С. 160–164.

890. Фролычева, Е.А. Некоторые аспекты сравнительно-правового метода в экспертологии для исследования однородных институтов в странах с различными правовыми системами / Е.А. Фролычева // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2010. – Вып. 3. – С. 101–103.

891. Халфина, Р.О. О формах воздействия социалистического права на экономику / Р.О. Халфина // Советское государство и право. – 1961. – № 11. – С. 35–46.

892. Халфина, Р.О. Об объективной обусловленности правовых форм их экономическим содержанием / Р.О. Халфина // Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки. – Кишинев, 1965. – С. 31–34.

893. Халфина, Р.О. Правовое регулирование экономических отношений (вопросы теории) / Р.О. Халфина // Проблемы совершенствования советского законодательства. – Вып. 29. – М., 1984. – С. 82–95.

894. Халфина, Р.О. Роль права в экономическом развитии социалистического общества / Р.О. Халфина // СССР – Япония: право и социальный прогресс: материалы советско-японского юридического симпозиума 1980 и 1982 гг. – М., 1983. – С. 20–25.

895. Халфина, Р.О. О правовой форме экономических отношений / Р.О. Халфина // Советское государство и право. – 1965. – № 7. – С. 29–38.

896. Харитонов, А.В. Правовая форма договора факторинга в России и за рубежом / А.В. Харитонов // Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 29 апр. 2009 г.): в 3 ч. Ч. 2. Гражданско-правовые проблемы. – Уфа, 2009. – С. 184–188.

897. Хаскельберг, Б.Л. Основания и способы приобретения права собственности: общие положения / Б.Л. Хаскельберг // Цивилистические исследования: Ежегодник гражданского права. – Вып. 2-ой (2005) / под ред. Б.Л. Хаскельберга, Д.О. Тузова. – М.: Статут, 2006. – С. 335–377.

898. Хоменко, Е.Г. О возможности использования криптовалюты при оказании платежных услуг / Е.Г. Хоменко // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 3. – С. 79–83.

899. Хохлов, С.А. Понуждение заключить договор как правовая форма регулирования хозяйственных связей в капиталистических странах / С.А. Хохлов // Антология уральской цивилистики, 1925-1989: сб. ст. – М.: Статут, 2001. – С. 228–241.

900. Храмцов, К.В. Категория добросовестности и развитие гражданского оборота / К.В. Храмцов // Право и политика: история и современность: материалы междунар. науч. конф. (сент. 2005 г.). – Омск: Изд-во Ом. акад. МВД России, 2006. – С. 39–44.

901. Храмцов, К.В. Категория справедливости как нравственная основа гражданского оборота / К.В. Храмцов // Вестник Омского университета. Сер. Право. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – № 3/4 (8/9). – С. 72–82.

902. Цветков, С.Б. О сущности и понятии гражданского оборота / С.Б. Цветков // Свобода. Право. Рынок: материалы всерос. науч. конф. «40 лет Волгоградской цивилистике» (21–22 мая 2007 г.). – Вып. 5. – Волгоград: ВА МВД России, 2007. – С. 147–154.

903. Чаркин, С.А. Крестьянское (фермерское) хозяйство как правовая форма осуществления субъективных прав граждан на предпринимательскую деятель-

ность / С.А. Чаркин // Ученые записки: сб. ст. – Волгоград: Изд-во ВИЭСП, 2010. – № 10. – С. 380–386.

904. Чаркин, С.А. Правовая форма хозяйственного товарищества как способ реализации субъективных прав граждан на индивидуальную предпринимательскую деятельность / С.А. Чаркин // Конституционно-правовые основы регулирования имущественных отношений и защиты имущественных прав: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 13 дек. 2008 г. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – С. 18–19.

905. Челышев, М.Ю. Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспечения публичных интересов в экономической сфере / М.Ю. Челышев // Журнал российского права. – 2005. – № 12. – С. 136–140.

906. Чемагина, Н.А. Конституционно-правовая характеристика договора как юридической формы регулирования взаимоотношений в сложносоставном субъекте Российской Федерации / Н.А. Чемагина, Ф.Ш. Ямбушев // Научные исследования высшей школы: сб. тез. докл. и сообщений на итог. науч.-практ. конф., 10 февр. 2004 г. – Тюмень: Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД РФ, 2004. – С. 15–16.

907. Черемисинова, М.Е. Социальная интернет-сеть в качестве субъекта правоотношений / М.Е. Черемисинова // Право в сфере Интернета: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2018. – С. 375–386.

908. Черепахин, Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву / Б.Б. Черепахин // Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2001. – С. 307–442.

909. Четвериков, А.О. Гражданство Европейского Союза как правовая форма либерализации трансграничных общественных отношений между государствами-членами ЕС / А.О. Четвериков // Lex Russica. – 2010. – № 4. – С. 860–872.

910. Чиркин, В.Е. Юридическое лицо публичного права / В.Е. Чиркин // Журнал российского права. – 2005. – № 5 (101). – С. 16–26.

911. Чунаев, К.Г. Гражданство как правовая форма существования государства / К.Г. Чунаев // Юридическая теория и практика в истории и современной России: сб. науч. ст. – М.: Юрист, 2010. – С. 150–160.

912. Чупин, П.П. Научный метод и методология науки / П.П. Чупин // Научный метод и методологическое сознание: сб. науч. тр. – Свердловск, 1986. – С. 6–15.

913. Шварц, Х.Д. Перевод хозяйственных единиц из социалистических правовых форм в формы обществ частного права / Х.Д. Шварц // Основы немецкого торгового и хозяйственного права. Германский Фонд международного правового сотрудничества. – М.: БЕК, 1995. – С. 102–112.

914. Шиповалова, Л.В. Проблема эффективности научных исследований / Л.В. Шиповалова // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 2 (91). – С. 87–97.

915. Ширвиндт, А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение / А.М. Ширвиндт // Aequum ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева. – М.: Статут, 2014. – С. 203–242.

916. Шиткина, И. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: классическая доктрина и современные тенденции правоприменения / И. Шиткина // Хозяйство и право. – 2013. – № 3. – С. 3–18.

917. Шуплецов, А.Ф. Инструменты хеджирования рисков: эффективность и значимость их использования в процессе формирования стратегий развития российских нефтегазовых компаний / А.Ф. Шуплецов, А.И. Перелыгин // Известия Байкальского государственного университета. – 2020. – Т. 30, № 2. – С. 318–325.

918. Шуршалов, В.М. Международные договоры между социалистическими странами как основная правовая форма выражения социалистического интернационализма / В.М. Шуршалов // Советский Союз и международные договоры: сб. ст. Вып. 8. – М., 1980. – С. 42–55.

919. Эбзеев, Б.Б. Гражданский оборот: понятие и юридическая природа / Б.Б. Эбзеев // Государство и право. – 1999. – № 2. – С. 32–38.

920. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»: принято на заседании Совета при Президенте РФ по ко-

дификации и совершенствованию гражданского законодательства 23.04.2018 г. № 175-2/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

921. Эстулин, И.В. О понятии организационно-правовой формы юридического лица / И.В. Эстулин // Армия и общество. – 2014. – № 3 (40). – С. 14–19.

922. Яковлев, В.Ф. О системном применении права / В.Ф. Яковлев // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2007. – № 3. – С. 4–10.

923. Яковлев, В.Ф. Проблемы частного права в современных условиях / В.Ф. Яковлев // Журнал российского права. – 2016. – № 1 (229). – С. 5–9.

924. Яковлев, В.Ф. Роль публичного и частного права в регулировании экономики / В.Ф. Яковлев, Э.В. Талапина // Журнал российского права. – 2012. – № 2 (182). – С. 5–16.

925. Ямпольская, Ц.А. К методологии науки управления / Ц.А. Ямпольская // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 12–21.